28a 3/58

ТРИ ПОЛИТИЧЕСКІЯ СИСТЕМЫ:

Николай I-ый, Александръ II-ой и Александръ III-ій.

Воспоминанія

Н. ФЛЕРОВСКАГО.

1897.

Déposé. Reproduction interdite.

430129

Оглавленіе.

Часть первая: Стр.

I. **Николай I** 1

Глава первая: Годы до вступленія на службу 3

1. Мое воспитаніе 3

2. Образованіе въ университетѣ и пропаганда Петрашевскаго 5

Глава вторая: Служебная дѣятельность . 19

А. Поступленіе на службу 19

Б. Продолженіе службы 53

Часть вторая:

II. **Александръ II** 109

Глава первая: Вступленіе на престолъ Александра II 111

Глава вторая: Первое мое участіе въ политическихъ движеніяхъ 136

Глава третья: Первыя ссылки 159

Глава четвертая: Тюрьма и Сибирь . . . 177

Глава пятая: Сибирь и ссыльные поляки . 196

Глава шестая: Сибирь и пропаганда . . . 223

Глава седьмая: Этапъ. Новое дѣло . . . 241

Глава восьмая: Литературная дѣятельность 262

Стр.

Глава девятая: Старое и новое направленіе передовой молодежи 275
Глава десятая: Пропаганда въ народѣ. Идея новой религіи 291
Глава одиннадцатая: Пропаганда поглощаетъ все вниманіе общества. Александръ II и его стремленія 311
Глава двѣнадцатая: Судьба хожденія въ народъ 331
Глава тринадцатая: Терроризмъ и Александръ II 354
Глава четырнадцатая: Смерть царя. Оцѣнка положенія 376
Глава пятнадцатая: Педагогическая пропаганда 397

Часть третья:

III. **Александръ III** 415
Глава первая: Восшествіе на престолъ Александра III 417
Глава вторая: Александръ III и его правительство 422
Глава третья: Система Толстого 443
Глава четвертая: Послѣдніе годы. Голодъ Послѣ голода. Конституція 464

Заключеніе 491
Глава первая: Мое міровоззрѣніе 493
Глава вторая: Мое міровоззрѣніе (конецъ). Прибытіе въ Англію 515
Послѣднее слово: Смерть Александра III . 533

28a 3/58.
D 6954/2
8/IX 19.
28a 3/58
158

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

НИКОЛАЙ I-ый.

Глава первая.

Годы до вступленія на службу.

1.

Мое воспитаніе.

Я родился въ 1829 году въ самую мрачную эпоху Николаевскаго режима. Мой отецъ былъ профессоромъ казанскаго университета и все таки, замѣтивъ во мнѣ любознательность и способности, онъ заботился объ одномъ, чтобы я не могъ заразиться вольнодумствомъ. Заботы его не увѣнчались успѣхомъ. Всѣ двери нашего дома были по обыкновенію раскрыты, отцу и въ голову не приходило запирать свой кабинетъ и свою библіотеку; я проникалъ туда въ его отсутствіе. Тутъ я жадно набирался того вольнодумства, о существованіи котораго я ничего не долженъ былъ знать. Въ особенности меня прельщала исторія великой французской революціи. По плану я слѣдилъ за всѣми движеніями народной толпы въ это время.

Съ улицами и площадями Парижа я познакомился такъ хорошо, что пріѣхавшій изъ Парижа профессоръ Китеръ спросилъ меня: когда а былъ въ Парижѣ.

Наивный ребенокъ, заброшенный въ среду дикарей, я пріобрѣлъ страсть думать. Не было ни одного человѣка, съ которымъ бы я могъ подѣлиться своими мыслями, не было ни одного, отъ котораго я бы могъ услыхать живое слово. У меня были двѣ жизни: одна среди людей, тяжелая, мучительная, другая въ мірѣ книгъ, въ мірѣ мысли и благороднаго возвышеннаго чувства, которую я тщательно скрывалъ отъ всѣхъ.

Я читалъ и думалъ, передумывалъ и перечитывалъ до того, что окончательно изнурялъ свои силы, по цѣлымъ недѣлямъ и мѣсяцамъ я чувствовалъ такое утомленіе во всемъ тѣлѣ, что едва ходилъ. Въ особенности въ часы глубокой ночи, когда все спало, я любилъ предаваться своимъ размышленіямъ при тускломъ свѣтѣ сальной свѣчи. Однажды въ ночной часъ, когда среди общаго безмолвія раздавался торжественный звонъ къ заутрени, я пришелъ къ окончательному убѣжденію, что безсмертія души не существуетъ. Помню, что я кинулся въ кресло и горько разрыдался. Теперь между мною и прочими людьми все покончено; всѣ вѣрятъ, всѣ имѣютъ надежду и утѣшеніе, я

одинъ не могу вѣрить. Я не видалъ ни одного человѣка, который бы не вѣрилъ въ безсмертіе души и считалъ такого человѣка невозможнымъ: я не давалъ себѣ отчета въ томъ, какъ и почему я поставилъ себѣ этотъ вопросъ и мнѣ казалось, что отнынѣ я осужденъ на вѣчное одиночество. Всѣ люди съ презрѣніемъ и ненавистью отвергнутъ меня; я самъ удалюсь отъ нихъ, убѣгая отъ ихъ злыхъ ко мнѣ чувствъ. Такимъ образомъ я получилъ два воспитанія, одно давали мнѣ люди, другое я давалъ самъ себѣ.

Шестнадцати лѣтъ я поступилъ въ университетъ.

2.

Образованіе въ университетѣ и пропаганда Петрашевскаго.

До европейской революціи 1848 го года политическія и соціальныя идеи составляли для русской молодежи закрытую книгу. Студенты университетовъ, въ особенности провинціальныхъ, пьянствовали, играли въ карты и занимались удалыми похожденіями, драками съ полиціей, съ кузнецами и другимъ рабочимъ народомъ. Даже въ Петербургѣ не рѣдко мертвецки пьяные студенты валялись по улицамъ.

Императоръ Николай довелъ учащуюся молодежь до послѣдней степени униженія, закрылъ польскіе университеты, уничтожилъ въ Россіи окончательно слѣды умственнаго движенія. Въ Казани профессоръ государственнаго права читалъ свои лекціи по своду законовъ, изъ свода онъ выбиралъ тѣ статьи, которыя ему были нужны, и читалъ ихъ безъ всякаго измѣненія въ текстѣ, какъ законоучитель повторяетъ буквально слова катехизиса. Вставить свое слово ему запрещалось, онъ могъ внести ересь въ чистоту идей русскаго государственнаго права. Съ этою цѣлью профессоромъ государственнаго права сдѣланъ былъ полякъ, удаленный въ Казань по политической неблагонадежности. Распоряженіе оправдывалось его неблагонадежностью. Въ Петербургѣ государственное право европейскихъ державъ прицѣпили къ международному праву какъ совершенно излишній придатокъ. И тутъ кафедра ввѣрена была поляку, но этотъ былъ вполнѣ благонадежный; онъ осыпался чинами и милостями, изъ нѣсколькихъ мѣстъ получалъ жалованье, былъ преподавателемъ въ пажескомъ корпусѣ, гдѣ имѣлъ прекрасную казенную квартиру. Съ цинической откровенностью онъ хвалился той небрежностью, съ которой выполнялъ свои обязанности профессора. Разсказывали, что онъ появлялся на лекціи не болѣе

шести или десяти разъ въ годъ. Въ петербургской публичной библіотекѣ отдѣлъ для книгъ юридическаго и соціальнаго содержанія находился въ умышленномъ запущеніи. Для завѣдыванія имъ назначенъ былъ самый глупый человѣкъ, какого возможно было найдти. Сборники по разнымъ частямъ юридическихъ наукъ, которыя выходили выпусками, онъ такъ и переплеталъ, какъ онѣ получались. Вы берете для чтенія томъ, онъ напр. начинается съ 63й страницы съ полуслова и содержитъ въ себѣ гражданское право; на 98й страницѣ гражданское право кончается полусловомъ и слѣдуетъ 23я страница уголовнаго права, также съ полуслова и т. д. Американскій посланникъ подарилъ библіотекѣ цѣлый возъ изданій различныхъ американскихъ законодательныхъ собраній; библіотекарь не умѣлъ ихъ разставить въ порядкѣ и просилъ объ этомъ меня. Объ удовлетворительномъ пополненіи отдѣла вновь выходящими книгами послѣ этого разумѣется нечего было и думать. Цензура не только идей, намеки не пропускала. Объ оживляющей мысль литературѣ нельзя было и мечтать. Распространять въ публикѣ какія бы то ни было политическія или соціальныя идеи было окончательно невозможно. Популярные писатели Некрасовъ, Бѣлинскій, даже Герценъ должны были писать или разбирать повѣсти

и стихи. „Какое ужасное положеніе,“ говорилъ мнѣ однажды съ горечью Некрасовъ, „всякій человѣкъ, который имѣетъ что нибудь сказать обществу, долженъ непремѣнно вырабатывать изъ себя художника.“ Среди этого рабскаго униженія мысли, которое довело невѣжество политическое и соціальное до послѣднихъ предѣловъ возможнаго, вдругъ появляется человѣкъ энергическій, смѣлый, краснорѣчивый. Онъ рѣшается вырвать молодежь изъ болота загрубѣлости и апатическаго невѣжества, въ которомъ она погрязла по самую маковку, и забросить въ ея душу невѣдомый ею дотолѣ энтузіазмъ. То былъ Петрашевскій. Около него образуется небольшой кружокъ. Петрашевскій проповѣдуетъ имъ ученіе Фурье и умѣетъ одушевить ихъ такимъ восторгомъ, что они готовы за свою новую вѣру перенести всѣ муки и страданія. Человѣку, который не видѣлъ кругомъ себя того, что тогда дѣлалось, трудно дать понятіе о томъ облагораживающемъ дѣйствіи, какое это ученіе производило на тогдашнюю молодежь. Въ обществѣ царило безпредѣльное, грубѣйшее презрѣніе къ народу какъ къ низшей породѣ людей, годныхъ только на то, чтобы вынимать изъ нихъ всѣ силы и соки. Да и въ средѣ самаго общества, благодаря привычкамъ, развитымъ рабовладѣльчествомъ, нравы, вкусы и манеры были грубы до

послѣдней степени. Были такія семейства, гдѣ весь разговоръ вертѣлся около обмановъ на базарахъ, выражался въ ругани, ненависти къ своей крѣпостной прислугѣ. Чиновники вѣчно ругали народъ и хвалились грубымъ своимъ обращеніемъ съ нимъ. Я помню впечатлѣніе, которое производили сочиненія Щедрина, появившіяся при Александрѣ II, на этихъ чиновниковъ. Онъ выставлялъ типы чиновничьяго произвола и чиновничьей жестокости, но чиновникамъ они казались вовсе не сатирой, а образцами для подражанія; я помню чиновниковъ, которые очень любили говорить о пыткахъ, употребляемыхъ противузаконно при слѣдствіяхъ.

И вотъ предъ людьми, воспитанными въ такой средѣ, Петрашевскій излагалъ пламеннымъ языкомъ идеи братства, общаго труда, общей жизни, полнаго удовлетворенія всѣхъ потребностей, полнаго равенства и безоблачной любви. Люди перерождались, слушая его, у него явилась куча послѣдователей, которые искали какого нибудь хотя бы и незначительнаго дѣла. Петрашевскій при ихъ помощи организовалъ торговлю запрещенными книгами и кругомъ его плодились кружки, которые устраивали у себя библіотеки, наполненныя на половину запрещенными и на половину дозволенными книгами серьезнаго содержанія. Эти книги питали и умъ

и чувство молодыхъ людей и поддерживали ихъ энтузіазмъ. Подъ вліяніемъ энтузіазма плодились общежитія. Бѣдные и богатые студенты жили вмѣстѣ, никакихъ между ними не было счетовъ; все у нихъ было общее. Такія общежитія выходили далеко за предѣлы студенчества и пережили Петрашевскаго. Я самъ, уже будучи чиновникомъ, жилъ въ Петербургѣ въ одномъ изъ подобныхъ общежитій.

Петрашевскому удалось издать книгу, въ которой онъ осмѣивалъ тогдашніе порядки. Подъ сбивчивымъ названіемъ словаря для объясненія иностранныхъ словъ, употребляющихся въ русскомъ языкѣ, онъ излагалъ свои идеи и воззрѣнія на русскіе порядки. Чтобы мистифицировать цензора, онъ употреблялъ такой пріемъ; текстъ объясненія слова не заключалъ въ себѣ ничего, что могло бы оскорбить ухо цензора, но черезъ каждыя двѣ три строки была ссылка на другія страницы и если читать слово вмѣстѣ съ ссылками, то выходила или сатира на русскія учрежденія или что нибудь подобное. Словарь надѣлалъ шуму и былъ изъятъ изъ обращенія. Въ особенности прославились своимъ остроуміемъ объясненія такихъ словъ, какъ „анархія“, „орденъ“.

Одинъ изъ приверженцевъ Петрашевскаго студентъ Филипповъ основалъ въ петербургскомъ университетѣ общество для искорененія

грубости нравовъ между студентами. Чтобы распространить вѣжливость и деликатность въ обращеніи, общество ввело дуэли. Если студентъ оскорблялъ своего товарища словомъ или поступкомъ, то онъ долженъ былъ драться съ нимъ на дуэли. Существовалъ студенческій судъ, который разсматривалъ поступокъ и присуждалъ виновнаго къ поединку; если обиженный по слабости силъ или неумѣнію не былъ въ состояніи защищаться, то судъ назначалъ лицо, съ которымъ обидчикъ долженъ былъ драться. Для выполненія этой послѣдней обязанности учредители упражнялись въ фехтованіи и стрѣльбѣ. Самъ Филипповъ сдѣлался знаменитымъ рубакой и грозой для всѣхъ охотниковъ оскорблять слабаго. Еще большую заслугу Петрашевскаго составляло то, что онъ сумѣлъ созданные имъ кружки распространить по всѣмъ центрамъ интеллигентной жизни въ Россіи. Когда я былъ студентомъ въ казанскомъ университетѣ, къ намъ пріѣхало три человѣка изъ петербургскихъ кружковъ, основанныхъ Петрашевскимъ. Двое изъ нихъ были весьма серіозными людьми и впослѣдствіи сдѣлались извѣстными учеными. Они дѣйствовали такъ же, какъ Петрашевскій; они распространяли ученіе Фурье. И тутъ результаты были тѣ же, какъ въ Петербургѣ. Въ самомъ скоромъ времени они пріобрѣли въ университетѣ

большое вліяніе. Петербургскіе гости учили насъ самостоятельно заниматься наукой. До того времени въ казанскомъ университетѣ и понятія не имѣли о томъ, что студентъ можетъ заниматься наукой, а не заучивать лекціи. Подъ ихъ вліяніемъ и я взялся за самостоятельное изученіе науки; однажды по особымъ обстоятельствамъ я пошелъ на экзаменъ финансоваго права, не заглянувъ въ лекціи профессора; разумѣется, я отвѣчалъ совсѣмъ не то, что было написано въ тетрадяхъ. „Какую ты вралъ чушь“, сказали мнѣ товарищи, когда я возвратился на мѣсто, и очень удивились узнавши, что мнѣ поставленъ былъ лучшій балъ. Лучшій изъ профессоровъ юридическаго факультета Мейеръ воспользовался моими занятіями, чтобы сдѣлать починъ, до того неслыханный въ университетахъ: онъ предложилъ мнѣ оспаривать публично тезисы одного магистранта. Всѣ предсказывали мнѣ полное фіаско, но вышло не такъ. Послѣ диспута профессоръ могъ сказать мнѣ въ видѣ поощренія: „вы опонировали не какъ диллетантъ, а какъ человѣкъ науки“. — Однажды попечитель Молоствовъ встрѣтилъ одного изъ нашихъ Петербургскихъ гостей въ то время, когда онъ возвращался съ ботанической экскурсіи: ему показалось, что онъ недостаточно вѣжливо ему поклонился и онъ посадилъ его въ карцеръ. Выходка по-

печителя вызвала всеобщее негодованіе въ университетѣ. Молоствовъ жилъ шестнадцать лѣтъ за границею и пользовался уваженіемъ, какъ человѣкъ цивилизованный — эта выходка уронила его во мнѣніи студентовъ. Прійдя на другой день въ университетъ, я нахожу тамъ всѣхъ въ волненіи. Большая толпа окружила меня и стали посылать депутатомъ къ инспектору. Я явился требовать освобожденія арестованнаго. Къ удивленію инспекторъ согласился, онъ побоялся вызвать негодованіе профессоровъ и студентовъ, пропитанныхъ новымъ духомъ. Все это движеніе было таково, что никакихъ политическихъ послѣдствій имѣть не могло. Оно не имѣло ничего общаго съ соціальнымъ движеніемъ въ западной Европѣ; тамъ въ немъ участвовали люди изъ рабочаго класса, а здѣсь объ этомъ не было и помину. Въ кружкахъ, которые на всю Россію насчитывали какую нибудь тысячу человѣкъ, ученіе Фурье было прелестною мечтою и только; грубую, животную жизнь тогдашней молодежи оно замѣщало стремленіемъ къ идеалу братской любви и всеобщаго равенства, маломальски любознательныхъ оно побуждало къ серіозному чтенію, а людей способныхъ къ занятію наукой. Однако репрессаліи не замедлили. Онѣ начались въ Петербургѣ и въ Казани откликнулись въ первый разъ довольно забавнымъ образомъ. Въ уни-

верситетѣ происходилъ экзаменъ, вдругъ между студентами распространился слухъ, что изъ Петербурга получено приказаніе сдѣлать обыскъ у всѣхъ Благовѣщенскихъ. Какъ, у всѣхъ Благовѣщенскихъ города Казани — какая чепуха?! Недавно былъ примѣръ, что поляка студента взяли въ мундирѣ съ экзамена и прямо отправили въ ссылку. Это было въ нравахъ того времени, но чтобы возможно было сдѣлать обыскъ у всѣхъ Благовѣщенскихъ, правыхъ и виноватыхъ, которымъ въ Казани не было числа, казалось просто нелѣпостью. Однакоже оказалось, что такое приказаніе дѣйствительно послѣдовало. Во Франціи разразилась революція 1848го года и стала распространяться по Европѣ; для хладнокровнаго и здраваго человѣка не подлежало ни малѣйшему сомнѣнію, что это движеніе не можетъ произвести въ Россіи даже и тѣни какихъ нибудь безпорядковъ или волненія, развѣ гдѣ нибудь въ злополучной Польшѣ. Но императоръ Николай былъ менѣе всего хладнокровнымъ и здравымъ человѣкомъ, онъ былъ энтузіастомъ реакціи; его подозрительность доходила почти до безумія, и онъ нашелъ необходимымъ навести страхъ и ужасъ, чтобы предупредить волненія, которыя никѣмъ и ничѣмъ не подготовлялись. Сдѣлано было распоряженіе, чтобы третье отдѣленіе разыскало заговоръ или лучше сказать создало

его изъ ничего. Чтобы исполнить желаніе Императора, третье отдѣленіе превратило движеніе, вызванное Петрашевскимъ, въ опасный для государства заговоръ. Сдѣлано было множество обысковъ и арестовъ. Во время обыска у Петрашевскаго, найдены были у него письма изъ Казани, подписанныя какимъ то Благовѣщенскимъ. Письма были самаго обыденнаго содержанія и въ нихъ не находилось ни малѣйшаго указанія на существованіе какого либо заговора. Все таки, не долго думая, сдѣлано было распоряженіе обыскать всѣхъ Благовѣщенскихъ города Казани. Далѣе ареста писавшаго письма Петрашевскому впрочемъ дѣло не пошло. Въ Петербургѣ было множество арестовъ; дѣло произвело большой шумъ, одно время въ обществѣ объ немъ только и говорили. Императору Николаю планъ его удался вполнѣ. Ни въ Казани, ни въ Петербургѣ я не встрѣтилъ ни одного человѣка, который бы оказался способнымъ взглянуть на дѣло спокойными и трезвыми глазами. Общество дѣйствительно повѣрило, что существовалъ какой то страшный заговоръ, и матери благодарили небеса за то, что твердость императора и бдительность тайной полиціи спасли ихъ дѣтей отъ великаго соблазна, а страну отъ ужаснаго кровопролитія. Правительство поспѣшило этимъ воспользоваться, чтобы объявить отечество въ опасности,

ограничить число студентовъ и добивать остатки просвѣщенія и цивилизаціи. Съ другой стороны Николай, своей грубѣйшей, башибузукской расправой съ приверженцами Петрашевскаго и своими безцеремонными мѣрами противъ ни въ чемъ не повиннаго общества, породилъ въ склонныхъ къ просвѣщенію людяхъ жгучее ожесточеніе и привычку направлять всякую опозицію прямо противъ лица императора. Эта привычка тяжко отозвалась на судьбѣ Александра II-го. Въ тѣ времена, о которыхъ я говорю, такой закалъ мысли породилъ, не смотря на всѣ цензурныя преграды, „Записки доктора Крупова“ Герцена, гдѣ русскіе изображаются сумашедшими, отдающими все одному человѣку, который раздаетъ имъ полученное обратно въ видѣ милости. Къ тому же времени относится еще болѣе рѣзкая пирамида изъ головъ Салтыкова. Россія изображается въ формѣ пирамиды изъ головъ, на верху которой стоитъ императоръ Николай и давитъ одни головы другими, такъ, что нижніе слои окончательно лишаются образа человѣческаго.

Около того же времени и въ Польшѣ завелась соціальная пропаганда, но тамъ не нужно было особаго приказанія императора, чтобы воздвигнуть на нее гоненіе. Одинъ изъ вожа-

ковъ этого дѣла Рабцевичъ разсказалъ мнѣ объ ней слѣдующее. Польскіе патріоты, ксендзы и дворяне первые донесли жандармамъ о возмутительномъ дѣлѣ; жандармы съ торжествомъ преподносили эти доносы обвиняемымъ. Когда кончился судъ, имъ объявили приговоръ объ ихъ ссылкѣ въ каторжныя работы. Объявлявшій генералъ прочелъ имъ приговоръ по-русски и спросилъ, поняли ли они его. Они отвѣчали, что по-русски не знаютъ. „Вы знаете по русски,“ обратился онъ къ Рабцевичу, „объясните имъ.“ — „Мы лишаемся всѣхъ правъ состоянія“, началъ объяснять Рабцевичъ. „Что такое права состоянія“, спросили поляки. Рабцевичъ отвѣтилъ: „Представьте себѣ бутылку съ виномъ, на ней наклеенъ ярлыкъ, всякій читаетъ ярлыкъ и узнаетъ, какое въ ней содержаніе, но вотъ ярлыкъ сняли, теперь судятъ уже не по ярлыку, а по достоинству самаго вина. И на насъ былъ ярлыкъ, то наши права состоянія, насъ считали благородными и низкими, смотря по этому ярлыку. Теперь ярлыкъ съ насъ сняли, а люди остались; отнынѣ объ насъ будутъ судить не по ярлыку, который къ намъ былъ приклеенъ, а по дѣламъ нашимъ.“ — За такой отвѣтъ Рабцевича заковали въ кандалы, которые имѣли всего четыре звѣна, ходить въ нихъ было невозможно, когда ему нужно было перемѣститься куда нибудь

4130/29

жандармы дѣлали крестъ и переносили его на рукахъ. Такъ его довезли до Тобольска. Петрашевскому маршрутъ былъ назначенъ черезъ Войско Донское, изъ Петербурга къ Черному морю, а потомъ въ Сибирь. Императоръ имѣлъ наивность бояться, что его могутъ освободить силой на прямой дорогѣ; его довезли до мѣста прикованнымъ къ санямъ.

Глава вторая.

Служебная дѣятельность.

1.

Поступленіе на службу.

Въ 1849мъ году, двадцати лѣтъ отъ роду, я кончилъ курсъ въ казанскомъ университетѣ. Въ то время каждый кончившій курсъ студентъ непремѣнно поступалъ на государственную службу; бюрократія и военное вѣдомство завербовывали всю интеллигенцію и помимо государственной службы не было для интеллигентнаго человѣка никакого пути, чтобы жить своимъ трудомъ. Существовалъ законъ, по которому каждый кончившій курсъ студентъ обязанъ былъ сначала три года прослужить въ губернскихъ присутственныхъ мѣстахъ и только тогда онъ могъ поступить на службу въ министерства; но каждый университетъ имѣлъ право выбирать трехъ лучшихъ кандидатовъ и давать имъ право прямо опредѣ-

ляться въ министерства. Я попалъ въ число лучшихъ кандидатовъ и поступилъ въ департаментъ министерства юстиціи.

Въ это время военно-судебная коммиссія обнародовала произнесенный ею приговоръ о Петрашевскомъ и его сподвижникахъ; всѣ они, кажется, въ количествѣ тридцати двухъ человѣкъ, приговорены были къ смертной казни. Сдѣлать изъ распространенія ученія Фурье преступленіе, достойное смертной казни, было довольно мудрено; но мы не сомнѣвались, что судебная комиссія съ полнымъ успѣхомъ совершитъ это сальто мортале. Однакоже и въ этомъ приговорѣ оказался пунктъ, который насъ юристовъ крайне поразилъ. Въ приговорѣ было сказано между прочимъ: „Черносвитовъ, противъ котораго никакихъ юридическихъ доказательствъ не оказалось, приговаривается къ смертной казни за дерзкій образъ мыслей.“ — Какъ, неужели возможно приговорить къ смертной казни человѣка совершенно невиннаго, на томъ скользкомъ основаніи, что его образъ мыслей показался суду дерзкимъ?

Насъ юристовъ это крайне смутило, но общество не обратило ни малѣйшаго вниманія на приговоръ Черносвитова. Вся интеллигенція была на государственной службѣ и подъ страхомъ лишиться средствъ къ жизни должна была говорить въ унисонъ съ правительствомъ, всѣ

въ одинъ голосъ ругали Петрашевскаго и его сподвижниковъ за то, что онъ губитъ молодежь и трепетали за своихъ дѣтей. Послѣ этого для меня сдѣлался вполнѣ понятнымъ разсказъ одного жандармскаго полковника. Онъ сидитъ въ театрѣ, разсказывалъ онъ мнѣ, и тутъ же въ креслахъ замѣчаетъ стараго своего знакомаго, человѣка, занимающаго почетную должность и всѣми уважаемаго, съ которымъ онъ не видался болѣе двадцати лѣтъ. Упрекая его въ душѣ за то, что, пріѣхавъ въ одинъ съ нимъ городъ, онъ его не посѣтилъ, жандармъ, шутя, погрозилъ ему пальцемъ; неожиданно онъ увидалъ на лицѣ знакомаго крайнее смущеніе. Лишь только опустился занавѣсъ, знакомый, все еще не узнавая его, подходитъ къ нему и то блѣднѣя, то краснѣя, спрашиваетъ его, чѣмъ онъ могъ прогнѣвить тайную полицію. Сѣдовласые старцы съ безупречнымъ прошлымъ и высокимъ положеніемъ трепетали передъ жандармами, какъ мальчишки передъ розгами; министры боялись шпіоновъ и выражались очень осторожно въ письмахъ, которыя посылали по почтѣ. Такая расправа со шпіономъ, какую позволилъ себѣ Лафаэтъ при Людовикѣ XVIII, погубила бы всесильнаго министра.

2.

Я поступилъ на службу и мнѣ назначено было тридцать три фунта въ годъ содержанія. Мы дежурили по очереди для пріема поступающихъ бумагъ и въ дни дежурства оставались въ департаментѣ цѣлыя сутки. На дежурство я бралъ съ собою книги; какъ то вечеромъ входитъ секретарь департамента и застаетъ меня за чтеніемъ политической экономіи. Какъ, читать такія ядовитыя книги, какъ политическая экономія, молодому человѣку? Я возразилъ, что въ университетѣ насъ юристовъ обучаютъ политической экономіи. Когда онъ ушелъ, я вспомнилъ рѣчь, произнесенную въ кіевскомъ университетѣ генералъ-губернаторомъ и попечителемъ кіевскаго округа, о которой я зналъ по слухамъ. Разсказывали, что генералъ-губернаторъ, будто бы, сказалъ студентамъ: „Я не узнаю современную молодежь. Въ наше время молодые люди любили повеселиться, выпить, поиграть въ картишки, поволочиться; а вы все толкуете о наукѣ, занимаетесь наукой; что вы можете понимать въ наукѣ, предоставьте это дѣло вашимъ профессорамъ — вы должны хорошенько учить ваши уроки и только.“ — Я предчувствовалъ недоброе и дѣйствительно я прослылъ вольнодумцемъ. Шесть лѣтъ я не получалъ повышенія и долженъ былъ довольствоваться 33мя

фунтами въ годъ. Мнѣ приходилось записывать входящія и исходящія бумаги; занятіе, при которомъ, разумѣется, ни знаній, ни способностей показать нельзя. Въ это время я познакомился съ такимъ же горемыкой, какъ я. То былъ нѣкто Бекетовъ; Бекетовы весьма способная семья; одинъ изъ нихъ ботаникъ — извѣстный ректоръ петербургскаго университета; другой химикъ, членъ академіи наукъ. Третій нисколько не уступалъ имъ по способностямъ. Окончивъ курсъ въ институтѣ путей сообщенія, онъ поступилъ на службу. Черезъ нѣкоторое время ему приносятъ деньги и говорятъ: „это дополненіе къ вашему жалованью.“ — Какое дополненіе? — Оказывается — инженеры имѣютъ общую кассу, куда поступаютъ всѣ взятки, уплачиваемыя разными лицами; онѣ распредѣляются между служащими, смотря по чину и по занимаемой должности. Бекетовъ отказался отъ полученія денегъ; — съ того времени карьера его была погублена; онъ, такъ же какъ и я, получалъ 33 фунта въ годъ. Политика правительства того времени заключалась въ томъ, чтобы давать чиновникамъ такое содержаніе, при которомъ существовать было окончательно невозможно. Министръ Юстиціи Графъ Паниинъ говаривалъ, что 20 фунтовъ въ годъ чиновнику совершенно достаточно, чтобы содержать себя и свое се-

мейство. Чиновники вынуждены были существовать взятками, но чрезъ это они были вполнѣ въ рукахъ правительства, оно могло засудить каждаго, лишь только ему къ тому пришла охота. Въ то же время за взяточничество свое они презирались и ненавидѣлись народомъ, такъ что они опереться на него ни въ какомъ случаѣ не могли. Они каждую минуту своей жизни были въ отчаянномъ положеніи и чувство своей безпомощности заставляло ихъ такъ громко и такъ единодушно кричать въ унисонъ съ правительствомъ и такъ жадно обличать всякій диссонансъ въ этой стройной гаммѣ. Только такой образъ дѣйствія давалъ имъ хотя нѣкоторую тѣнь безопаснаго положенія. Военные и горные чиновники, инженеры военные и путей сообщенія, лѣсничіи ворочали огромными казенными капиталами и имѣли на своей отвѣтственности мильонное казенное имущество, за малѣйшую оплошность и даже по случаямъ, которые они и предупредить были не въ состояніи, они могли подвергаться начетамъ въ тысячи фунтовъ стерлинговъ, а получали грошовое жалованье. По неволѣ для своего огражденія имъ приходилось созидать взяточническія кассы и тщеславиться своей роскошью, пока надъ ними не ударилъ громъ. Такая злодѣйская система, при которой по выраженію государственныхъ людей, вся Россія шла въ

ногу къ одной цѣли, какъ полкъ солдатъ, деморализировала на сквозь все русское населеніе. Чиновники были деморализованы необходимостью брать взятки, дворяне, потому что они были рабовладѣльцами и чиновниками въ одно и то же время, откупщики и поставщики, потому что ихъ средства къ существованію, ихъ обогащеніе и банкротство были въ рукахъ чиновниковъ, весь имущій классъ, потому что откупщики и поставщики стояли во главѣ капиталистовъ. Правительственная политика превращала весь русскій народъ, начиная отъ вельможи и кончая пастухомъ, въ плутовъ и воровъ, между всѣми классами общества она плодила взаимную ненависть и взаимное презрѣніе. Каково было положеніе честныхъ людей въ это время, я покажу изъ одного примѣра. Принцъ Ольденбургскій, завѣдывавшій пріютами и закрытыми учебными заведеніями, былъ въ отчаяньи отъ воровства экономовъ и смотрителей. Однажды ему рекомендовали на мѣсто смотрителя большого заведенія полковника, благородство и честность котораго не подлежали никакому сомнѣнію. Разумѣется, у полковника тотчасъ оказались злѣйшіе враги; они успѣли убѣдить принца, что бѣлье разворовывается. Ольденбургскій самъ прискакалъ въ заведеніе и, грозно поглядывая на полковника, повторялъ: „я узнаю, кто здѣсь воръ.“ —

Черезъ два часа полковникъ лишился разсудка отъ такой обиды. Друзья честнаго человѣка убѣдили принца въ его ошибкѣ, и, горько раскаиваясь въ своемъ заблужденіи, Ольденбургскій дѣлалъ, что могъ, чтобы излечить больного. Къ большой его радости ему докладываютъ наконецъ, что больной выздоровѣлъ. Онъ спѣшитъ къ нему и говоритъ ему со слезами на глазахъ: „Я раскаиваюсь, очень раскаиваюсь. Чего вы желаете? — я все сдѣлаю для васъ, что могу“. — Больной выпрямился и крикнулъ неестественнымъ голосомъ: „Я желаю одного-никогда не видать вашего высочества передъ своими глазами.“ — Въ слѣдъ за этимъ онъ снова сошелъ съ ума и на этотъ разъ безвозвратно. — Трудно было высочествамъ и тѣмъ, кто ихъ окружалъ и начальствовалъ надъ Россіей, понять чувства и сердце честнаго человѣка. Мы разсказали объ одномъ изъ добрыхъ, а что дѣлали недобрые? — Для интеллигентнаго человѣка было окончательно невозможно примириться съ тѣми условіями, которыя могли бы привести его къ какой либо широкой дѣятельности. Только въ самыхъ исключительныхъ случаяхъ отдѣльныя личности проскакивали на этотъ путь. Тутъ была та ахилессова пята, которой страдала вся система; въ XIXмъ вѣкѣ европейское государство не могло обойтись безъ интеллигенціи, а

интеллигентный человѣкъ, чувствующій свое достоинство, не могъ принять тѣхъ условій, которыя ему предлагали для достиженія широкой дѣятельности. Могущественная и великая Россія быстрыми шагами шла къ своему упадку точно такъ, какъ когда-то шла могущественная и великая Турція и результаты для Россіи грозили сдѣлаться такими же; если Турція имѣла своихъ грековъ и славянъ, то Россія имѣла своихъ поляковъ, нѣмцевъ и Финляндію. Императоръ, олицетворявшій собою правительство, и не подозрѣвалъ той великой опасности, которою грозила его система нашему отечеству. Мало этого, онъ прямо стремился къ подавленію интеллигенціи, въ которой онъ видѣлъ опасное орудіе прогресса, онъ прямо стремился сдѣлать зло на столько неизлѣчимымъ, на сколько его сдѣлали турецкіе султаны. Чиновные и богатые воры ненавидѣли интеллигентныхъ людей за ихъ стремленіе быть честными; они не могли не понимать, что интеллигентный и честный человѣкъ долженъ былъ презирать ихъ за нечистоту ихъ рукъ и это возмущало ихъ гордость. Имѣть съ ними дѣло было крайне непріятно, они непремѣнно и во что бы то ни стало хотѣли всѣхъ своихъ окружающихъ сдѣлать такими же людьми, какъ они сами.

3.

Когда я поѣхалъ на службу, меня снабдили рекомендательными письмами къ такимъ лицамъ, что я, пожалуй, могъ бы и пренебречь мнѣніемъ секретаря департамента о моемъ вольнодумствѣ. Въ томъ числѣ я былъ рекомендованъ семейству ближайшихъ друзей моего директора департамента, они давали обѣды разъ въ недѣлю и пригласили меня. Въ это время въ государственномъ совѣтѣ разсматривался вопросъ о такъ называемомъ третьемъ пунктѣ т. е. о статьѣ законовъ, которая давала начальнику право увольнять чиновника безъ объясненія причинъ. Гузы, собравшіеся на обѣдъ, защищали этотъ законъ съ величайшей настойчивостью, мой директоръ департамента говорилъ больше и энергичнѣе всѣхъ. Властолюбіе, которое въ это время блистало у нихъ въ глазахъ и отражалось на ихъ выразительныхъ, привыкшихъ повелѣвать лицахъ, произвело на меня отвратительное впечатлѣніе — я ихъ всѣхъ возненавидѣлъ. Они поставили бѣдныхъ чиновниковъ въ самое тяжелое, унизительное положеніе и имъ все еще было мало, они хотѣли отнять у нихъ послѣднюю тѣнь правъ, которая имъ была оставлена. По самодурству и капризу начальникъ могъ выгнать чиновника, и никто не имѣлъ права спро-

сить его, почему онъ это сдѣлалъ. Я представлялъ себѣ чиновника, стараго честнаго труженика, обремененаго большимъ семействомъ; взяточникъ начальникъ, оскорбленный честнымъ порывомъ, который бѣдняга не успѣлъ скрыть, выгоняетъ его по третьему пункту и онъ опозоренъ, онъ нигдѣ не можетъ найдти себѣ работы, всякій предполагаетъ, что имъ совершена какая нибудь великая пакость, ему остается погибать отъ нужды со всей своей семьей. Начальники волновались не даромъ, законъ дѣйствительно состоялся. Въ слѣдующій разъ, когда я пришелъ обѣдать, какой то молодой карьеристъ, красивой наружности, онъ оказался впослѣдствіи великимъ негодяемъ, сталъ помимо моего желанія оказывать мнѣ свое покровительство. Мнѣ было ясно, что все это онъ дѣлалъ, чтобы угодить хозяйкѣ дома, которая намѣревалась вывести меня въ люди. Въ общемъ результатѣ мнѣ внушалось, что я долженъ выучиться играть въ карты и вести такую жизнь, какую они ведутъ, т. е. ничего не читать, ни о чемъ серіозномъ не думать, никогда ни о чемъ серіозномъ не говорить, служить усердно, угождать начальству съ тактомъ, поддерживать свои связи, въ свободное время играть въ карты и только. Чѣмъ больше послѣ этихъ совѣтовъ я думалъ о своемъ положеніи, тѣмъ тяжелѣе мнѣ становилось, мнѣ

очень трудно было рѣшиться вести такую пустую жизнь и все таки при моихъ ничтожныхъ средствахъ моя роль среди этого общества была бы очень жалкая. Я не могъ одолѣть своего отвращенія и пересталъ ходить на обѣды. Однажды я встрѣчаю своего юнаго покровителя въ департаментѣ; онъ строгимъ тономъ сталъ дѣлать мнѣ внушеніе и упрекалъ меня за то, что я не хожу на обѣды. Его рѣчь напоминала наставленія отца, который старается удержать на истинномъ пути сына, увлекающагося пороками. Его слова вызвали въ душѣ моей воспоминаніе объ одномъ дорогомъ для меня человѣкѣ. Когда я былъ студентомъ въ казанскомъ университетѣ, у меня тамъ былъ другъ, то былъ мой профессоръ гражданскаго права извѣстный въ Россіи ученый Мейеръ. Мейеръ обладалъ искуствомъ вызывать и развивать въ душѣ моей лучшіе ея инстинкты. Однажды я отправлялся на каникулы и пришелъ къ нему, чтобы взять книгъ. „Вѣроятнѣе, впрочемъ, что я въ деревнѣ ничего не буду дѣлать“, сказалъ я съ юношеской развязностью. „Я убѣжденъ,“ отвѣтилъ Мейеръ, „что и въ тюремномъ заключеніи вы будете проводить ваше время съ пользою“. — Предугадывалъ ли онъ, какими пророческими окажутся его слова. Они произвели на меня глубокое впечатлѣніе — я восторженно рѣшался

всю жизнь быть полезнымъ человѣкомъ. Когда я уѣзжалъ въ Петербургъ, онъ выразительными словами изображалъ жалкое положеніе нашего отечества и убѣждалъ меня посвятить всѣ свои силы на служеніе ему. При окончаніи курса у меня былъ соперникъ, который кончилъ курсъ такъ же хорошо, какъ и я. Профессоръ заговорилъ со мною объ этомъ соперникѣ. „Меня упрекаютъ,“ сказалъ онъ, „что я настоялъ на томъ, чтобы его послали для усовершенствованія съ цѣлью занять здѣсь профессорскую кафедру, а васъ выбрали на службу въ Петербургъ; утверждаютъ, что изъ васъ вышелъ бы болѣе талантливый ученый, чѣмъ изъ него. Я долженъ вамъ сказать, что я считаю васъ самымъ развитымъ изъ всѣхъ извѣстныхъ мнѣ здѣсь студентовъ, но чтобы поступить такъ, какъ я поступилъ, я имѣлъ вѣскія причины. Онъ обладаетъ большой усидчивостью и обширной памятью, если его нѣмецкіе ученые отешутъ немного, то изъ него выдетъ хорошій преподаватель; но если бы его послали въ Петербургъ, то онъ вполнѣ подчинился бы средѣ, изъ него не только не вышелъ бы полезный для Россіи, но вышелъ бы вредный человѣкъ, онъ сталъ бы помогать тому дѣлу, которое способствуетъ нашей погибели. На васъ же я надѣюсь, вы никогда никакой средѣ не подчинитесь, какъ бы она сильна была.“ —

Послѣ этого онъ началъ меня убѣждать дѣйствовать осторожно и осмотрительно, не раскрывать свои карты и стараться достигнуть такого положенія, при которомъ я имѣлъ бы въ рукахъ достаточную власть, чтобы вести борьбу. Я съ благоговѣніемъ принялъ изъ его рукъ мою миссію — и даже теперь не могу вспомнить безъ слезъ объ этой торжественной для меня минутѣ. Понятно, что въ новомъ моемъ положеніи въ Петербургѣ я употреблялъ всѣ силы своего ума, чтобы найдти истинную дорогу. Всѣ кругомъ меня твердили, что протекція составляетъ единственный путь для того, чтобы выдти въ люди; я и самъ понималъ, что безъ патроната въ данныхъ условіяхъ ничего не сдѣлаешь. Я съ напряженнымъ вниманіемъ сталъ присматриваться къ той сферѣ, которая могла быть источникомъ патроната. Наконецъ я убѣдился, что эти люди слишкомъ чутки, чтобы допустить въ свою среду чуждый имъ элементъ; мой профессоръ жестоко ошибался, когда онъ думалъ, что передъ ними можно скрывать истинный свой образъ мыслей и протѣсниться на верхъ, сохранивъ самостоятельность своего взгляда и свою нравственную чистоту. Всѣ, начиная отъ министровъ, должны были говорить въ духѣ императора и въ государственномъ совѣтѣ и въ обществѣ и у домашняго своего очага,

тысячи глазъ всюду слѣдили за ними и тысячи ушей слушали, чтобы они не могли сдѣлать никакого отступленія. Чѣмъ выше былъ поставленъ человѣкъ, тѣмъ болѣе онъ былъ рабомъ этого условія жизни. Конечно люди не могли думать, какъ одинъ человѣкъ, но всякую возникающую въ нихъ свѣтлую мысль, всякое живое чувство они должны были подавлять въ себѣ, чтобы оно не прорвалось какъ нибудь наружу. Это называлось тогда работой благоразумія надъ увлеченіемъ; чѣмъ усерднѣе человѣкъ старался удержаться на высотѣ своего положенія или повыситься, тѣмъ усерднѣе была его работа надъ собою и тѣмъ болѣе онъ погрязалъ въ томъ болотѣ, которое его окружала. Чѣмъ болѣе угасала интеллигентность, тѣмъ болѣе развивалась чуткость окончательно деградированной и господствующей среды, тѣмъ болѣе вліятельныя сферы наполнялись людьми, лишенными интеллигентности, знаній и даже чести. Самое интересное было то, что высшія сферы прежде всего и производили деградацію въ собственной своей средѣ. Я былъ знакомъ съ однимъ интеллигентнымъ молодымъ человѣкомъ, который давалъ уроки сыну князя Чернышева, любимца императора Николая; сынъ этотъ былъ уже взрослымъ человѣкомъ и флигельадъютантомъ. Мой знакомый разсказывалъ мнѣ, что невѣжество

и пустота юноши превосходили всякую возможность представленія. Читать извѣстнаго русскаго поэта Пушкина онъ считалъ для себя работой, заставить его что нибудь дѣлать было окончательно невозможно и объ успѣхахъ не могло быть и рѣчи. Своего учителя онъ просилъ объ одномъ, чтобы онъ научилъ его правильно писать по русски. „Я долженъ подавать императору рапортички," говорилъ онъ, „не хорошо, если тамъ будетъ граматическая ошибка." — За эти уроки знакомый мой получалъ блестящее вознагражденіе, и такъ какъ онъ былъ въ стѣсненныхъ обстоятельствахъ и долженъ былъ содержать семейство, то онъ очень боялся утратить ихъ по причинѣ малыхъ успѣховъ, дѣлаемыхъ ученикомъ. Онъ рѣшился поговорить объ этомъ съ княгиней. „Помилуйте," воскликнула княгиня, „онъ такъ занятъ, до того занятъ, что у него нѣтъ ни одной минуты свободнаго времени". Дѣйствительно, озабоченная тѣмъ, чтобы ея сынъ не предался порокамъ, мать распорядилась такъ, чтобы каждый часъ дня у него былъ занятъ. Тогда то онъ вставалъ, въ такомъ то часу шелъ гулять по такому то мѣсту, въ такой часъ завтракалъ, тогда то ѣхалъ кататься по такому то мѣсту, тогда то дѣлалъ визиты и такъ цѣлый день кругомъ. Вотъ воспитаніе, которое давалъ своему сыну, будущему госу-

дарственному человѣку, любимый императоромъ военный министръ.

Послѣ тяжкой борьбы съ своимъ отвращеніемъ ко всѣмъ этимъ людямъ я отказался отъ всякихъ покушеній составить карьеру и приносить пользу, имѣя власть въ рукахъ, Я рѣшился заботиться объ одномъ, о сохраненіи своей интеллигентности и нравственной чистоты, о томъ, чтобы составить себѣ взглядъ на вещи съ полной независимостью и не руководствоваться при этомъ никакими соображеніями, кромѣ стремленія къ истинѣ. Я рѣшилъ, что для этого мнѣ нужно оставаться вполнѣ ничтожнымъ, неизвѣстнымъ и незамѣтнымъ, чтобы никто не зналъ о моемъ образѣ мыслей и никто объ немъ не заботился. Не я одинъ поступалъ такимъ образомъ: въ Петербургѣ и Москвѣ мы составляли кружки остававшейся въ неизвѣстности интеллигенціи и до нѣкоторой степени чахли, какъ деревья, растущія на торфяномъ болотѣ. Какъ многочисленна была эта загнанная интеллигенція, оказалось послѣ вступленія Александра II-го на престолъ, на всѣхъ поприщахъ она дала дѣятелей и начала ихъ давать уже при Николаѣ въ минуту крайней нужды. Къ этой загнанной интеллигенціи принадлежалъ напр. извѣстный инженеръ Тотлебенъ. Я знаю его судьбу, потому что жилъ съ его братомъ.

4.

Мнѣ на храненіе переданы были уголовныя дѣла. Приводя ихъ въ порядокъ, я замѣтилъ кучу брошенныхъ бумагъ, между ними мое вниманіе обратила на себя одна пачка. Она заключала въ себѣ доносы казанскаго прокурора Солнцева о бывшихъ въ Казани пожарахъ. Я былъ свидѣтелемъ этихъ пожаровъ, когда сгорѣла большая часть города, въ томъ числѣ и домъ моего отца; я былъ знакомъ съ Солнцевымъ и мнѣ интересно было прочесть, что онъ писалъ о пожарахъ. Про Солнцева разсказывали, что онъ былъ профессоромъ казанскаго университета и долженъ былъ выдти въ отставку потому, что опротестовалъ распоряженіе попечителя казанскаго университета, который въ припадкѣ ханжества дошелъ въ своемъ преслѣдованіи религіознаго вольнодумства до того, что велѣлъ похоронить скелеты, препараты и трупы анатомическаго театра. Солнцевъ слылъ весьма ученымъ человѣкомъ, знакомъ былъ съ нѣсколькими европейскими языками; вмѣстѣ съ моимъ отцомъ они, кажется, были единственными въ Казани людьми, знавшими по испански и по португальски. Въ Россіи пожары очень часты и когда сгораютъ цѣлые города, тогда паническій страхъ и ожесточеніе овладѣваютъ всѣмъ насе-

леніемъ, со всѣхъ сторонъ сыпятся угрозы на полицію и администрацію; администрація въ свою очередь старалась спасать себя тѣмъ, что сваливала вину на поляковъ и венгерцевъ, занимавшихся разноснымъ торгомъ. Она увѣряла, что они жгутъ русскіе города по враждѣ къ русскимъ, и часто не отступала передъ самыми гнусными клеветами; въ особенности между поляками не мало было жертвъ такого возмутительнаго малодушія администраціи*). Такіе же слухи распускались и въ Казани во время пожара; я, конечно, ожидалъ, что прокуроръ явится передъ министромъ юстиціи защитникомъ невинно-обвиняемыхъ и освѣтитъ все дѣло правильнымъ взглядомъ. Читаю и не вѣрю своимъ глазамъ, онъ обвиняетъ въ поджогахъ профессора Станиславскаго. Когда я поступилъ въ университетъ при старомъ составѣ юридическаго факультета, Станиславскій былъ на этомъ факультетѣ лучшимъ профессоромъ. И вдругъ Солнцевъ, бывшій профессоръ, человѣкъ несомнѣнно выдающійся, могъ дойдти до такой умственной и нравственной низости, чтобы, угождая враждѣ правительства противъ

*) Послѣ большого пожара обыкновенно являлись поджоги, но они дѣлались ворами. Когда жители въ паническомъ страхѣ, тогда одинъ загорѣвшійся домъ заставлялъ цѣлую улицу вывозить свои вещи, случай для воровства прекраснѣйшій.

поляковъ, возвести на Станиславскаго клевету, въ которой нелѣпость становилась выше гнусности, а гнусность выше ея безсмыслія. Тутъ я только измѣрилъ всю глубину той пропасти умственнаго и нравственнаго упадка, въ которую бросилъ Россію Императоръ Николай.

Безусловная и непроницаемая канцелярская тайна служила прикрытіемъ самой наглой лжи и клеветы. Если бы Солнцеву пришлось выступить съ своимъ обвиненіемъ публично въ Казани или такимъ образомъ, чтобы оно было пропечатано въ газетахъ и прочитано жителями города, то ему бы и въ голову не смѣло прійдти его сдѣлать; онъ зналъ бы прекрасно, какой взрывъ негодованія послѣдуетъ въ городѣ, гдѣ никто не могъ сомнѣваться въ безпредѣльной гадости его поступка.

5.

Другое дѣло, которое обратило на себя мое вниманіе — дѣло о злоупотребленіяхъ вятскихъ волостныхъ писарей. Графъ Киселевъ, министръ государственныхъ имуществъ, считался однимъ изъ либеральныхъ людей; про него говорили даже, что онъ сочувствуетъ самоуправленію и конституціонному режиму.

Если бы онъ и сочувствовалъ конституціонному режиму, то желаніе быть министромъ императора Николая заставило бы его скрыть эти злыя мысли въ самыхъ затаенныхъ тайникахъ своего сердца, такъ что никто объ этомъ не могъ знать. За тоже, его сочувствіе самоуправленію доказывалось будто бы его реформами въ крестьянскомъ управленіи: онъ далъ крестьянамъ сходъ, право выбора старостъ и старшинъ и т. п.

Не говоря о фиктивности крестьянскаго самоуправленія, самый фактъ дарованія его Киселевымъ не вѣренъ. Сходъ существовалъ у крестьянъ всегда, это было учрежденіе созданное самимъ народомъ съ незапамятныхъ временъ и никѣмъ ему не дарованное. Безъ схода общинное владѣніе землею было немыслимо, а потому онъ существовалъ въ великороссійскихъ губерніяхъ даже у крѣпостныхъ, не говоря о другихъ крестьянахъ и казакахъ. Ближайшее же разсмотрѣніе дѣла показываетъ, что реформы гр. Киселева предали государственныхъ крестьянъ въ полную власть толпѣ жадныхъ взяточниковъ: чиновниковъ палатъ государственныхъ имуществъ, окружныхъ начальниковъ съ ихъ штабами, лѣсничихъ и т. д. Для окружнаго его округъ былъ его помѣстьемъ, гдѣ онъ властвовалъ, какъ помѣщикъ считалъ всякую своею рабой,

самъ ими пользовался и угощалъ своихъ пріятелей; крестьяне такъ и смотрѣли на себя, какъ на его рабовъ и называли его своимъ барином.

Гр. Киселевъ и завершилъ свою реформу тѣмъ, что предоставилъ своимъ подчиненнымъ драть и пороть государственныхъ крестьянъ, сколько имъ угодно. Когда я занимался разсмотрѣніемъ пререканій прокуроровъ съ мѣстными властями, я разсматривалъ слѣдующее дѣло: въ татарскую деревню пріѣхало начальство взыскивать недоимки, первый, къ которому оно обратилось съ требованіемъ уплаты, былъ татаринъ Аминовъ; у него никакихъ средствъ къ уплатѣ не оказалось. Тогда оно объявило, что оно будетъ сѣчь его до тѣхъ поръ, пока онъ уплатитъ все сполна. Его сѣкли съ перерывами, а жена его въ это время металась и бѣгала, чтобы найдти благодѣтеля, который бы согласился уплатить за него деньги. Наконецъ кто то вручилъ ей третью часть недоимки, она бѣжитъ, чтобы вымолить у начальства отсрочку остальнаго; входитъ и застаетъ мужа своего мертвымъ подъ розгами. Прокуроръ опротестовалъ такой варварскій образъ дѣйствія, но всѣ мои усилія дать торжество мнѣнію прокурора не помогли, поступокъ начальства остался ненаказаннымъ. Что касается постоянныхъ наборовъ, то въ этомъ

отношеніи главными агентами окружныхъ начальниковъ являлись писаря. Они служили по найму, опредѣлялись и увольнялись начальствомъ и играли въ деревняхъ государственныхъ крестьянъ совершенно такую же роль, какъ бурмистры въ помѣщичьихъ усадьбахъ. Писарь былъ хозяиномъ въ деревнѣ, потому что начальство съумѣло избираемыхъ крестьянами старостъ и старшинъ вполнѣ подчинить этимъ писарямъ; для этой цѣли оно распорядилось очень просто. Подъ тѣмъ предлогомъ, что старосты и старшины полуграмотны или совсѣмъ безграмотны, начальство сообщало законы, циркуляры и распоряженія писарямъ; старосты и старшины узнавали отъ нихъ все въ томъ видѣ, какъ это нужно было для писарей. Далѣе они писали всѣ бумаги, отчеты, донесенія и документы, адресованныя къ начальству, такъ что начальство въ свою очередь узнавало обо всемъ только то, что полезно было для писарей. Писарь могъ больно отомстить всякому крестьянину, сдѣлавшему ему непріятность; подвести его подъ розги, отдать, въ солдаты, сослать на поселеніе: ему стоило только дѣлать соотвѣтствующее донесеніе начальству округа. Разумѣется, грабя крестьянъ въ пользу своего начальника, писаря не забывали и себя. Они могли безнаказанно наживаться путемъ всевозможныхъ злоупотребленій.

Дѣло о злоупотребленіяхъ вятскихъ писарей раскрыло передъ мною послѣдствія системы во всей красѣ. Въ обществѣ ходило множество слуховъ о взяточничествѣ чиновниковъ, но я всегда думалъ, что слухи эти крайне преувеличены, тутъ же я увидалъ, что общество не знаетъ и десятой доли того, что дѣлалось въ дѣйствительности. Какой нибудь ничтожный писарь могъ облагать цѣлую волость имъ самимъ выдуманнымъ налогомъ для небывалой турецкой войны и взыскивать его безнаказанно годы.

6.

Я упомяну еще о дѣлѣ князя Трубецкаго. Трубецкой былъ жестокій помѣщикъ и судился за то, что засѣкъ одного своего крестьянина до смерти. Дѣло доходило до государственнаго совѣта и онъ былъ приговоренъ къ содержанію въ смирительномъ домѣ. Вскорѣ министръ юстиціи Гр. Панинъ впалъ въ немилость и долженъ былъ удалиться за границу. О причинѣ этой немилости одинъ изъ моихъ сослуживцевъ разсказывалъ мнѣ слѣдующее. По поводу дѣла Трубецкаго Графъ Панинъ выразилъ мысль, что потомковъ рюрикова дома не-

прилично сажать въ смирительный домъ. Въ это время императоръ Николай былъ крайне встревоженъ тѣмъ, что происходило вокругъ него. Русская армія возвратилась изъ венгерскаго похода и была въ восторгѣ отъ венгерцевъ. Офицеры своими разсказами увлекли за собою все общество. Всѣ восхваляли венгерцевъ и ругали нѣмцевъ. Русскіе чиновники давно привыкли ненавидѣть нѣмцевъ, которые отбивали у нихъ на всѣхъ поприщахъ лучшія мѣста. Ненависть къ нѣмцамъ была такъ велика, что находились смѣльчаки, которые говорили, что всѣ наши бѣдствія происходятъ отъ того, что русскіе государи изъ нѣмцевъ. Трудно было найдти людей, которые бы умѣли такъ ловко говорить о подобныхъ предметахъ, какъ смѣльчаки того времени; они достигли виртуозности въ искуствѣ быть вполнѣ понятными для своей аудиторіи и все таки ничего не сказать запрещеннаго. Въ особенности цари изъ нѣмцевъ составляли весьма скользкую, но за то весьма пикантную тему. Русскій по природѣ такъ остроуменъ, что, погрузившись въ раболѣпіе по самую маковку, онъ не въ силахъ сдержать себя, когда его раззадорить, и начнетъ козырять граціозными блестками и на счетъ Бога и на счетъ Государя. Именно такой задоръ внесли съ собою офицеры, возвратившіеся изъ венгерскаго похода.

1848й годъ былъ весьма тяжелымъ годомъ для Россіи. Никуда не годное управленіе такъ раззоряло народъ, что голодовки, повальныя болѣзни и тому подобныя бѣдствія должны были неизбѣжно періодически повторяться; они тѣмъ болѣе причиняли вреда, что начальство желало выставить страну цвѣтущею и благоденствующею, а потому часто прямо отрицало самыя крупныя бѣдствія. Такихъ страданій, какія постигли Россію въ 1848мъ году, она еще не испытывала въ теченіе XIXго вѣка. И вотъ, вмѣсто того, чтобы дать странѣ отдохнуть, Николай затѣваетъ совершенно излишнюю, съ политической точки прямо вредную для Россіи войну, затѣваетъ ее по одному самодурству, въ которомъ ему самому пришлось горько каяться. Страдавшіе и раззоренные не рѣшались высказаться ничѣмъ серіознымъ, но за тоже легкое русское остроуміе нашло для себя благодарное поприще. Цари изъ нѣмцевъ заставляли хохотать до упаду. Князья рюриковичи, говорили остряки, были весьма невѣжливый народъ, они икали и рыгали за обѣдомъ отъ рѣдьки и квасу; они были мужики и держали себя, какъ мужики, но за то же они были русскіе и по духу и по чувствамъ. При нихъ народъ былъ свободенъ, крѣпостного права не было, существовало вѣче, и боярамъ и крестьянамъ, всѣмъ было хорошо. А какъ

пошли эти татары да нѣмцы, Годуновы и какой то тамъ Гольштейнъ-Готорпскій домъ, не извѣстно съ чего воцарившійся на Руси, такъ все пошло на выворотъ, народъ закрѣпостили, бояръ превратили въ царскую дворню; эти лакеи стали съ гордостью называть себя дворянами. Что не царица, то нѣмка; у себя дома бѣлье полоскала, а тутъ поди какую барыню разыгрываетъ; и капли одной русской крови въ этихъ императорахъ нѣтъ: по чувствамъ и по взглядамъ они нѣмцы съ головы до ногъ, ни говорить, ни писать грамотно по русски не умѣютъ. Николай дѣйствительно писалъ безграмотно. Нѣмцы, они нѣмцы, а кромѣ того происходятъ отъ Павла, незаконнаго сына Екатерины. И отецъ то его неизвѣстенъ, одни говорятъ Чернышевъ, другіе Салтыковъ, а третьи какой то Стрѣльнинъ, богъ знаетъ, откуда взявшійся и куда пропавшій. Въ такомъ ясномъ изложеніи, можно было услыхать эти мысли только развѣ подъ строжайшимъ секретомъ, но за тоже они давали тѣмъ болѣе матерьяла для пикантныхъ намековъ и легкаго остроумія съ неуловимымъ содержаніемъ. Для подтвержденія сказаннаго указывали на рукописныя записки Екатерины IIй; записки эти ходили по рукамъ и читались съ жадностью, въ числѣ прочихъ и я ихъ тогда прочелъ. Изъ нихъ я убѣдился, что по край-

ней мѣрѣ во время Екатерины государи смотрѣли на дворъ, какъ помѣщики на свою дворню. Въ особенности поразительны были ея разсказы о фрейлинахъ, о томъ, какъ онѣ спали въ общихъ дортуарахъ и какъ къ нимъ ходили туда любовники. Онѣ живо напоминали помѣщичьихъ дѣвокъ въ своей дѣвичьей, сходство по видимому поражало саму Екатерину въ особенности въ томъ мѣстѣ, гдѣ она говоритъ, что все таки не мѣшало бы иногда вспоминать, что это не дѣвки, а аристократки самаго высокаго происхожденія. Если припомнить, какъ она велѣла генеральшу Кожину взять съ придворнаго бала, высѣчь и опять привести на балъ, то не останется сомнѣній въ сходствѣ между ея взглядомъ на дворъ и взглядомъ помѣщика на свою дворню. Касательно щекотливаго пункта о незаконномъ рожденіи Павла ссылка на записки Екатерины была менѣе всего неосновательна. Всего важнѣе то, что она прямо говоритъ, что Петръ признавалъ ея дѣтей незаконными, она приводитъ его слова: „я право не знаю, откуда она беретъ свои беременности“ *). Въ сущности всѣ эти рѣчи

*) Существуетъ такой фактъ: скопцы причисляли Петра III-го къ числу людей, которымъ они воздавали особыя почести. Въ своихъ часовняхъ у нихъ было изображеніе императора, и ему придавали мистическое значеніе. Все это на томъ основаніи, что съ него

составляли ничего не значащую болтовню, но она подымала столько пыли, что Николаю отъ ней чихалось. И вдругъ одинъ изъ его министровъ напоминаетъ русскому народу, что существуютъ прямые потомки рюрикова дома, къ которому онъ, Николай, конечно не принадлежитъ. Понятно, какъ долженъ былъ взбѣситься на это императоръ. Всѣ въ департаментѣ министерства юстиціи были убѣждены, что причину опалы графа Панина составляла неосторожность его упоминанія о существованіи на Руси потомковъ рюрикова дома; говорили, что съ того времени Николай не допускалъ графа къ себѣ на глаза и, онъ не имѣлъ у него личныхъ докладовъ. Какъ бы тамъ ни было, но впадая въ немилость и вынужденный ѣхать за границу графъ сильно опасался лишиться мѣста министра. При его гордости и тяжеломъ характерѣ мѣсто это было для него крайне необходимо, безъ власти онъ чувствовалъ бы себя совершенно несчастнымъ. Онъ уѣзжалъ на долго, необходимо было, чтобы кто нибудь замѣстилъ его. Въ данныхъ обстоятельствахъ было слишкомъ ясно, что всякій не лишенный честолюбія человѣкъ, сдѣлавшись его замѣстителемъ, поста-

---

Богомъ снятъ былъ прирожденный людямъ адамовъ грѣхъ и онъ былъ созданъ импотентомъ, не способнымъ къ грѣху и къ дѣторожденію.

рается его устранить и сдѣлаться министромъ самъ. Нужно было слѣдовательно пріискать такого замѣстителя, которому подобныя дурныя мысли и въ голову не могли придти. Панинъ пустилъ въ ходъ всѣ свои способности къ интригѣ и достигъ цѣли, — онъ сумѣлъ устроить такъ, что его замѣстителемъ сдѣлался человѣкъ, лишенный разсудка. Годъ восемь мѣсяцевъ Графъ пробылъ за границею прежде, чѣмъ ему написали, что онъ можетъ вернуться, и все это время управлялъ министерствомъ Илличевскій, отъ болѣзни дошедшій до идіотизма. Ничто не можетъ характеризовать тогдашнее положеніе Россіи въ такой степени, какъ то обстоятельство, что въ теченіе такого долгаго времени цѣлымъ министерствомъ могъ управлять сумашедшій. Возиѣ съ нимъ не было конца. Ему напр. подаютъ къ подписи указъ правительствующаго сената. Въ силу своей генералъ-прокурорской власти онъ долженъ его утвердить, т. е. онъ долженъ надписать на верху: „обнародовать. Управляющій министерствомъ юстиціи Илличевскій.“ Безъ такой надписи указъ обнародованъ быть не можетъ. По формѣ указъ подается ему въ оберткѣ; и что же? — вмѣсто того, чтобы написать эти слова на указѣ, онъ пишетъ ихъ на оберткѣ. Хотя онъ и слабоумный, но въ немъ все таки есть сознаніе своего министер-

скаго достоинства, къ нему нельзя подойдти и сказать ему прямо: „вы ошиблись, не на оберткѣ нужно писать, а на самомъ указѣ.“ — Какъ быть? — Ему опять кладутъ на столъ тотъ же указъ въ оберткѣ, на которой уже сдѣлана имъ надпись — авось въ свѣтлую минуту догадается. Бумаги возвращаются и оказывается, что подъ сдѣланной имъ надписью: „обнародовать и т. д.“ имъ второй разъ написано на оберткѣ же: „обнародовать. Управляющій министерствомъ и т. д.“

Первое отдѣленіе императорской канцеляріи слѣдило за ходомъ дѣлопроизводства въ Россіи и въ особенности за ходомъ уголовныхъ дѣлъ. Въ сущности учрежденіе это было безполезно и служило только новымъ доказательствомъ невозможности удовлетворять потребностямъ населенія бюрократическимъ путемъ изъ Петербурга. Оно получало кучу вѣдомостей о ходѣ дѣлъ, изъ этихъ вѣдомостей оно могло узнать только заголовки дѣлъ, когда и куда посланы были бумаги и когда получены отвѣты; сущность такого множества дѣлъ излагать было, разумѣется, невозможно, а разъ сущность оставалась неизвѣстной, то невозможно было судить о томъ, затягивались дѣла или нѣтъ, нужны были тѣ запросы, которые дѣлались, и тѣ бумаги, которыя писались, или они были излишни; разъ бумаги быстро слѣ-

довали другъ за другомъ можно было волочить дѣла безконечно. Однакоже при сочиненіи вѣдомостей нужно было быть весьма осторожнымъ, если вѣдомость не поступала въ срокъ, если въ изложеніи хода дѣлъ бумаги не слѣдовали другъ за другомъ съ достаточной быстротой, то дѣлались распоряженія и притомъ непремѣнно по высочайшему повелѣнію. Для поддержанія императорскаго авторитета распоряженія отъ его имени были всегда очень строги и даже жестоки.

Сенатъ посылалъ каждый мѣсяцъ въ первое отдѣленіе толстѣйшія вѣдомости о положеніи уголовныхъ дѣлъ. Предполагалось, что эти вѣдомости читаетъ самъ Императоръ, а потому министръ юстиціи долженъ былъ ихъ скрѣплять по листамъ. Нужно было много хитрости, чтобы побудить Илличевскаго приняться за вѣдомости во время; наканунѣ срока вѣдомости возвращаются и вдругъ оказывается, что вмѣсто того, чтобы скрѣпить ихъ по листамъ, онъ всѣ листы исписалъ безсмысленными словами и разнаго рода каракулями. Мы пересматриваемъ ихъ и хохочемъ, но несчастнымъ сенатскимъ писцамъ не до веселья, — они въ одну ночь должны опять все это написать, работать цѣлыя сутки, не смыкая глазъ. Забавно было дежурить у него при пріемѣ просителей; мнѣ самому приходилось неодно-

кратно дежурить. Являешься на дежурство и начинаешь съ того, что записываешь по очереди чиновниковъ, желающихъ видѣть министра, и всѣхъ просителей; противъ каждой фамиліи во второй графѣ прописываешь вкратцѣ, чего желаетъ проситель, а въ третьей справку. Послѣ этого входишь къ министру и кланяешься; онъ смотритъ оловянными глазами и остается неподвиженъ, какъ статуя, докладываешь фамилью просителя, чего онъ желаетъ, и потомъ громко и отчетливо произносишь тотъ отвѣтъ, который онъ долженъ дать просителю. Ильичевскій, какъ дитя, повторяетъ его слово въ слово, повторяетъ его другой, третій разъ. Когда замѣтишь, что онъ его заучилъ наизусть, скорѣе вводишь просителя. Министръ часто не дастъ ему закончить своей просьбы и выстрѣливаетъ въ него заученнымъ отвѣтомъ. Тогда серіозно замѣчаешь просителю, что министръ очень занятъ, и выводишь его. Ошеломленный, онъ выходитъ красный, какъ ракъ, пріемъ кончается эфектно, несчастному некогда было замѣтить, обладаетъ ли Ильичевскій здравымъ разсудкомъ или нѣтъ.

Читатель спроситъ: министръ докладываетъ императору, онъ засѣдаетъ въ государственномъ совѣтѣ; какъ же Ильичевскій поступалъ въ этихъ случаяхъ. Послѣ исторіи съ Пашинымъ всѣ старались не о томъ, чтобы императоръ

занялся министерствомъ юстиціи, а о томъ, чтобы даже имя этого министерства ему не попадалось на глаза; о личныхъ докладахъ Ильичевскаго у Николая не было и помину. Въ государственномъ совѣтѣ онъ молчалъ и только. Относительно своего молчанія въ государственномъ совѣтѣ онъ наивно объяснялъ одному изъ моихъ сослуживцевъ: „Какъ тамъ заговоришь, вѣдь тамъ старики сидятъ маститые; — ты ротъ раскрылъ, а они тебѣ: молчи, молокососъ, у тебя еще молоко на губахъ не обсохло.“ — Но подъ конецъ Ильичевскій, какъ новорожденный ребенокъ, спалъ по шестнадцати часовъ въ сутки. Такъ и умеръ онъ отъ своей болѣзни, управляя министерствомъ юстиціи, и даже еще передъ смертью ожидалъ орденъ за свое управленіе.

Б.

Продолженіе службы.

1.

Я получилъ повышеніе, мнѣ поручено было разсматривать жалобы на прокуроровъ и пререканія между прокурорами и губернаторами. Губернаторъ имѣлъ такую обширную власть, что, злоупотребляя ею, онъ могъ расплодить неисчислимое благополучіе. Необходимо было имѣть какое нибудь отвѣтственное лицо, которое могло вступиться за интересы населенія и казны — и такимъ лицомъ былъ прокуроръ. Ни одно постановленіе губернскихъ присутственныхъ мѣстъ не могло получить законную силу безъ утвержденія прокурора; онъ такимъ образомъ лично и черезъ своихъ стряпчихъ могъ слѣдить за всѣми дѣйствіями губернатора, когда губернаторъ злоупотреблялъ своей властью, одинъ прокуроръ изъ всѣхъ мѣстныхъ властей могъ положить предѣлъ, не

утверждая и протестуя противъ постановленій администраціи и судебныхъ рѣшеній, сочиненныхъ по приказанію и подъ вліяніемъ губернатора. Одно изъ первыхъ дѣлъ, которое мнѣ пришлось докладывать, заключалось въ слѣдующемъ. Симбирскій губернаторъ представилъ въ министерство внутреннихъ дѣлъ смѣту о передѣлкахъ въ заведеніяхъ общественнаго призрѣнія и получилъ разрѣшеніе. Заведенія эти обладали прекраснымъ, но запущеннымъ паркомъ, среди котораго помѣщалась одна изъ больницъ. Губернаторъ распорядился: больныхъ изъ этой больницы перевести въ старыя прачешныя. Понятно на сколько затхлый и сырой воздухъ полуразвалившихся прачешенъ долженъ былъ способствовать выздоровленію больныхъ, которыхъ дурно кормили и еще хуже лѣчили. Не помню теперь точно, но прокуроръ указалъ ужасающую цифру смертности больныхъ въ этихъ прачешныхъ. Затѣмъ губернаторъ, на данный ему кредитъ, о которомъ мы выше упомянули, велѣлъ превратить больницу въ дачу для себя и меблировалъ ее великолѣпно; паркъ былъ очищенъ, усаженъ цвѣтами. Однимъ словомъ начальникъ губерніи на счетъ суммъ общественнаго призрѣнія создалъ прелестнѣйшую лѣтнюю резиденцію для своего семейства. Полный юношескаго негодованія, я принялся за дѣло са-

мымъ усернымъ образомъ и обличилъ злоупотребленіе губернатора до несомнѣнной очевидности. Каково же было мое удивленіе, когда докладъ возвратился отъ министра съ слѣдующей, собственноручной его надписью: „Прокуроръ совершенно правъ, но такъ какъ онъ вошелъ въ пререканіе съ начальникомъ губерніи, то перевести его въ Вятку, а вятскаго прокурора перевести въ Симбирскъ и дать ему подъемные, прогонные и прочее, что слѣдуетъ по закону.“ — Вятка была мѣстомъ ссылки, куда высылали политическихъ преступниковъ, лицъ, гонимыхъ за вѣру, контрабандистовъ, поджигателей, воровъ и всякаго рода людей, которыхъ преступленія нельзя было доказать съ той очевидностью, какая требовалась судомъ для постановленія приговора; туда же удаляли пьяницъ, буяновъ, людей развратнаго поведенія, которые исключены были обществами изъ своей среды. Жить въ этомъ городѣ было очень непріятно въ то время, когда Симбирскъ былъ прекраснымъ городомъ на Волгѣ. Переводъ изъ Симбирска въ Вятку составлялъ для прокурора тяжкое наказаніе, въ особенности при томъ условіи, что ему не давалось узаконенныхъ пособій. При тогдашнихъ высокихъ цѣнахъ за перевозку вещей на большое разстояніе ему приходилось распродать все свое обза-

веденіе за безцѣнокъ, на собственный счетъ перевезти свое семейство въ Вятку и снова обзаводиться въ глухомъ городѣ, гдѣ всякій предметъ комфорта стоилъ чрезвычайно дорого. Такой тяжкой участи прокуроръ подвергнутъ былъ за то, что онъ исполнилъ свою обязанность и обличилъ злоупотребленіе губернатора. Я могъ быть доволенъ своимъ докладомъ, я убѣдилъ министра, что прокуроръ совершенно правъ; но я нашелъ, что для насъ молодыхъ людей было мало назидательнаго въ томъ урокѣ обращенія съ своими подчиненными, какой онъ намъ преподалъ. Очень поучительно было для меня также попавшее въ мои руки дѣло о злоупотребленіи тамбовскаго прокурора и чиновниковъ. Здѣсь обвинителемъ является уже губернаторъ, министръ же сохраняетъ неизмѣнно роль укрывателя воровъ и грабителей. Въ курсановскомъ уѣздѣ, куда въѣздъ евреямъ былъ запрещенъ, торговалъ еврей. Онъ былъ прусскимъ подданнымъ и жилъ по свидѣтельству, выданному ему новороссійскимъ генералъ-губернаторомъ взамѣнъ его прусскаго паспорта. У него была красавица дочь шестнадцати лѣтъ; одинъ богатый помѣщикъ успѣлъ ее соблазнить, а когда возмущенные этимъ родители прекратили ей возможность продолжать свою связь, она бѣжала отъ нихъ. Тогда помѣщикъ и исправникъ вы-

думали слѣдующую штуку. Молодая еврейка подала исправнику заявленіе, что ея отецъ еврей и скрываетъ свое вѣроисповѣданіе и что она желаетъ обратиться въ христіанскую вѣру. На основаніи этого заявленія несовершеннолѣтняя дочь была взята у ея родителей и сдѣлано распоряженіе о высылкѣ еврея въ Пруссію. Что могло быть проще исполненія такого распоряженія; иностранецъ еврей жилъ многіе годы въ кирсановскомъ уѣздѣ по законному виду и былъ извѣстенъ всѣмъ мѣстнымъ властямъ; ясно, что не онъ, а начальство было виновато, если оно дало ему незаконное разрѣшеніе. Оставалось обязать его немедленно выѣхать за границу со всѣмъ своимъ имуществомъ; но чиновники были не таковы, чтобы упустить прекрасный случай. Они кинулись на него какъ саранча и безъ малѣйшаго на то права стали описывать его магазинъ. При этомъ всѣ, участвовавшіе въ описи и надзиравшіе за тѣми, кто описывалъ, грабили и дѣлили между собою вещи, какъ настоящіе разбойники; они по общему совѣту распредѣлили товары, одну часть рѣшили включить въ опись, изъ другой каждому взять свою долю. Сами чиновники, ихъ жены и дѣти одѣлись и принарядились на счетъ еврея; все это дѣлалось такъ гласно и такъ безцеремонно, что обличить преступниковъ было очень легко.

Скандалъ этого дѣла показывалъ, до какой невѣроятной дерзости и распущенности могло быть доведено чиновничество цѣлой губерніи. Моему разсмотрѣнію подлежали дѣйствія прокурора и лицъ, подчиненныхъ министерству юстиціи. Я нашелъ, что прокуроръ вполнѣ уличенъ въ похищеніи хронометра и еще какихъ то вещей, а потому я сдѣлалъ предположеніе о преданіи его суду, — но министръ прикрылъ его своей резолюціей. — Самое интересное то, что и въ томъ и въ другомъ случаѣ онъ никакимъ личнымъ пристрастіемъ къ прокурорамъ не руководствовался, никому не угождалъ, а дѣйствовалъ по политическимъ соображеніямъ, понятнымъ только для министра того времени. Разсмотрѣніе дѣйствій и пререканій прокуроровъ навело на меня наконецъ такой страхъ, что я рѣшился никогда не выѣзжать изъ Петербурга и не брать мѣста въ провинціи. Тутъ передо мною во всей красѣ раскрылась еще одна сторона деспотическаго управленія. Режимъ этотъ не можетъ допустить публичное обличеніе злоупотребленій своихъ высшихъ чиновниковъ и въ тоже время не можетъ оставить ихъ безъ надзора, иначе они превратятся въ турецкихъ пашей и сдѣлаются совершенно независимыми отъ своего государя. Вотъ почему русскіе цари всегда имѣли въ про-

винціи то чиновниковъ, то прокуроровъ, которые надзирали за высшими начальниками. Но сама же верховная власть боится пользоваться ихъ взаимными обличеніями, и прокуроры, какъ сторона болѣе слабая и зависимая, всегда рисковали попасть между двухъ огней. Я зналъ честныхъ прокуроровъ, которые пили горькую чашу вслѣдствіе окончательной невозможности добросовѣстно выполнять свою обязанность, не подвергаясь ударамъ то отъ губернаторовъ, то изъ Петербурга; только ловкіе мошенники умѣли выходить сухими изъ воды. — Вмѣстѣ съ тѣмъ верховная власть боялась какъ огня тѣхъ условій, которыя одни дали бы возможность разобраться и дойти до истины во всѣхъ этихъ пререканіяхъ. — Когда возгоралась борьба между губернаторомъ и прокуроромъ, вся губернія приходила въ волненіе, подкладка борьбы всегда была очень серьезная, рѣшеніе министерства представляло для мѣстныхъ жителей интересъ первой важности. Правымъ могъ быть и губернаторъ, и прокуроръ; губернаторъ могъ злоупотреблять своей властію и прокуроръ, исполняя свою обязанность, протестовать противъ такихъ злоупотребленій; но и прокуроръ могъ быть негодяемъ и взяточникомъ и могъ вызвать всю эту смуту изъ злобы на губернатора, мѣшавшаго ему достигать своихъ цѣлей. Министерство,

становясь на сторону прокурора, принуждало этимъ губернатора относиться со вниманіемъ къ мнѣнію прокурора, если же оно становилось на сторону губернатора, то оно этимъ подчиняло прокурора губернатору. Теперь вникните въ положеніе министерскаго чиновника, разсматривающаго пререканіе. Ни о губернаторѣ, ни о прокурорѣ онъ ровно ничего не знаетъ, онъ въ первый разъ слышитъ ихъ имена; кто изъ нихъ угнетаетъ губернію и кто ее спасаетъ, онъ можетъ узнать только въ совершенно исключительныхъ случаяхъ. О подкладкѣ дѣла, въ которомъ именно и заключается весь интересъ для мѣстныхъ жителей, онъ также не можетъ составить себѣ никакого понятія. Взаимнымъ обвиненіямъ и инсинуаціямъ въ перепискѣ нѣтъ конца, но отличить тутъ ложь отъ истины безусловно невозможно; каждый кричитъ о недобросовѣстности другого и лжетъ тѣмъ смѣлѣе, что прекрасно знаетъ, что при канцелярской тайнѣ и отсутствіи свободы слова и мѣстной печати и министерство не имѣетъ никакихъ средствъ отличить ложь отъ истины. А между тѣмъ дѣйствовать, постановлять то или другое рѣшеніе нужно.

Вотъ и приходится честному чиновнику рѣшать дѣло на обумъ, на основаніи формальностей, которыя онъ прекрасно понимаетъ и которыя не имѣютъ никакого значенія. Онъ

можетъ утѣшать себя тѣмъ, что поступаетъ честно, не руководясь ни личной выгодой, ни желаніемъ угодить сильнымъ міра сего. Но для страны отъ его честности ни тепло, ни холодно. Онъ съ такимъ же успѣхомъ могъ бы быть взяточникомъ. Въ результатѣ получалась безвыходная путаница, которая разрѣшилась практически неизмѣнно однимъ способомъ: увеличеніемъ самоуправства мѣстныхъ чиновниковъ и полною беззащитностью гражданъ. — Таково положеніе бюрократической администраціи, которая не хочетъ допускать ни гласности, ни мѣстнаго самоуправленія.

2.

Не многимъ лучше было положеніе суда. Тогда считалось совершенно излишнимъ, чтобы члены высшаго суда, т. е. сенаторы были знающими юристами; они набирались изъ губернаторовъ и другихъ администраторовъ, достигшихъ большихъ чиновъ и сдѣлавшихся вслѣдствіе старости неспособными къ административной дѣятельности. Если они по юридическому своему невѣжеству дѣлали глупости, то министръ юстиціи призывалъ ихъ къ себѣ и ругалъ ихъ, какъ лакеевъ. Поэтому министръ

путей сообщенія Чевкинъ замѣтилъ: „не правда, что сенатъ есть мѣсто ссылки, это исправительное заведеніе“. — Чтобы доказать униженіе, до котораго доведенъ былъ сенатъ, я приведу одинъ случай. Первоприсутствующимъ сенаторомъ въ одномъ изъ уголовныхъ департаментовъ былъ Карніолинъ-Пинскій. Пинскій былъ знающій юристъ и человѣкъ самостоятельный. Обыкновенно онъ рѣшалъ дѣла, а прочіе сенаторы только подписывали. Однажды онъ сдѣлался боленъ. Въ это время докладывается предложеніе министра юстиціи объ отмѣнѣ рѣшенія, которое сенаторы постановили подъ предсѣдательствомъ Пинскаго; они разумѣется согласились съ министромъ. Пинскій взбѣсился; по выздоровленіи онъ возвращается въ сенатъ и начинаетъ распекать сенаторовъ: „Кто вы такіе?“, говоритъ онъ имъ, „писцы вы или сенаторы; я вамъ предложилъ рѣшеніе, — вы со мной согласились, министръ предложилъ вамъ отмѣну этого рѣшенія, вы съ нимъ согласились; вы со всякимъ готовы согласиться.“ — Послѣ этого онъ надулся и велѣлъ секретарю докладывать дѣла. Когда секретарь доложилъ первое дѣло, Пинскій строго говоритъ ему: „отбирайте голоса.“ — По закону младшій изъ сенаторовъ первый долженъ высказать свое мнѣніе, а первоприсутствующій говоритъ послѣдній, но порядокъ этотъ никогда не со-

блюдался; всегда Пинскій говорилъ первый и всѣ съ нимъ соглашались. Секретарь, едва сдерживая улыбку, обращается къ младшему сенатору, тотъ конфузится и не знаетъ, что отвѣчать. Наступаетъ неловкое молчаніе; проходятъ минуты двѣ, сенаторъ, который сидитъ рядомъ съ Пинскимъ, обращается къ нему и робко произноситъ умильнымъ голосомъ: „не сердитесь.“ — Эти слова подхватываетъ другой и всѣ, чуть не со слезами, начинаютъ громко просить его о пощадѣ. Наконецъ Пинскій смягчается и соглашается: „Хорошо, господа“, говоритъ онъ, „только, чуръ, въ послѣдній разъ“, и погрозилъ пальцемъ.

Такъ обращались съ сенаторами, какъ же обращались съ провинціальными судьями? — Однажды я дежурю при пріемѣ просителей у гр. Панина и подаю ему списокъ, у котораго во главѣ стоитъ высшее изъ должностныхъ лицъ, явившихся къ пріему, — то предсѣдатель какой то изъ палатъ западныхъ губерній. Министръ, по обыкновенію, прочитываетъ списокъ, обходитъ предсѣдателя и называетъ мнѣ другое лицо, которое я долженъ пригласить къ нему въ кабинетъ. Пріемъ продолжается долго, уже очень поздно, предсѣдатель все долженъ дожидаться своей очереди. Наконецъ пріемъ конченъ, въ залѣ остается одинъ предсѣдатель; такъ какъ министръ мнѣ его не

назвалъ, то я его не приглашаю; но считаю неприличнымъ уйдти, пока онъ тутъ сидитъ. Проходитъ полчаса, онъ теряетъ терпѣніе и говоритъ мнѣ съ нѣкоторымъ смущеніемъ: „Вы позабыли доложить обо мнѣ.“ — „Нѣтъ“, отвѣчаю я, „я не забылъ, но министръ мнѣ васъ не назвалъ.“ — Онъ краснѣетъ и садится на прежнее мѣсто. Черезъ нѣсколько минутъ его лицо дѣлается смертельно блѣднымъ; мнѣ его жаль, я подхожу и говорю: „не прикажете ли напомнить министру.“ — „Если возможно“, произноситъ онъ заискивающимъ тономъ. Я напоминаю. „А, предсѣдатель“, произноситъ министръ, „сведите его къ экзекутору; пусть онъ запишетъ тамъ свой адресъ и не отлучается изъ своей квартиры до тѣхъ поръ, пока я за нимъ пришлю.“ — Экзекуторъ объяснилъ намъ значеніе этихъ словъ: министръ можетъ послать за нимъ днемъ или ночью, когда ему вздумается; иногда онъ посылаетъ въ три или четыре часа ночи. Онъ все время долженъ сидѣть дома; если министръ узнаетъ отъ курьера, что его не было дома, то ему будетъ худо. Курьеры въ этомъ отношеніи народъ очень искусный, отъ нихъ не скроешь своего отсутствія, они требуютъ увидать немедленно лицо, за которымъ послано. И такъ распоряженіе министра равнялось домашнему аресту

на неопредѣленное время. Причина негодованія министра заключалась въ томъ, что онъ смягчилъ участь подвергавшагося преслѣдованію поляка.

Чтобы показать, какъ иногда начальническая милость бываетъ хуже гнѣва, я разскажу о кузнецкомъ окружномъ судьѣ Шавринѣ. Это былъ честнѣйшій человѣкъ, онъ получалъ восемьдесятъ или девяносто фунтовъ въ годъ; чтобы сохранить свою нравственную чистоту, онъ долженъ былъ жить съ крайней экономіей. Прочіе чиновники тоже получали небольшое содержаніе, но они утроивали свой доходъ взятками; однакоже, такъ какъ въ Кузнецкѣ жить было очень дешево, то Шаврину удавалось жить приличпо. Характера онъ былъ самаго мягкаго и миролюбиваго, все объяснялъ въ хорошую сторону и всѣ отношенія смягчалъ; поэтому чиновники прощали ему и его честность и его скромную жизнь. Черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ перваго моего знакомства съ нимъ, я пріѣзжаю въ Маріинскъ и случайно узнаю, что онъ переведенъ туда также окружнымъ судьею. Я посѣщаю его и не узнаю; ему не могло быть болѣе сорока пяти лѣтъ, а между тѣмъ онъ сдѣлался лысымъ и совершенно сѣдымъ, зубы у него вывалились, фигура осунулась; онъ имѣлъ видъ шестидесятилѣтняго старика. Вмѣсто прежняго милѣй-

шаго и добрѣйшаго Шаврина передъ мною стоялъ человѣкъ озлобленный и ожесточенный; онъ не скрывалъ передъ мною своей ненависти къ правительству. — Откуда взялось въ немъ все это? Что случилось? — Случилось вотъ что. Губернаторъ, ревизуя губернію, нашелъ въ марінскомъ окружномъ судѣ крайній безпорядокъ, въ кузнецкомъ образцовый порядокъ. Онъ уволилъ марінскаго судью, а на его мѣсто перевелъ Шаврина, не давъ себѣ труда спросить, желаетъ ли Шавринъ такого перемѣщенія или нѣтъ. При его невѣжествѣ относительно положенія подчиненныхъ ему чиновниковъ, онъ представлялъ себѣ, что для Шаврина такой переводъ будетъ благодать, такъ какъ Марінскъ гораздо лучшій городъ, чѣмъ Кузнецкъ. Между тѣмъ вышло прямо на оборотъ. Кузнецкъ былъ городишко, заброшенный въ горахъ, а Марінскъ богатый городъ на большой дорогѣ, которая прорѣзывала Сибирь съ запада на востокъ. Жить въ Марінскѣ было вдвое дороже, а между тѣмъ судья получалъ тамъ такое же жалованье, какъ въ Кузнецкѣ. Если въ Кузнецкѣ чиновничество взятками утроивало свой доходъ, то въ Марінскѣ оно удесятеряло его и жило съ скандалезной роскошью. Честный судья мѣшалъ имъ на каждомъ шагу и былъ для нихъ предметомъ ненависти и презрѣнія. Шавринъ очутился въ самомъ

ужасномъ положеніи, въ какое могъ быть поставленъ честный человѣкъ.

3.

Отъ малыхъ перейду къ великимъ. Разскажу громкое дѣло генералъ-губернатора Кокошкина. Полтавское купечество собрало значительную сумму на устройство гостинаго двора въ Полтавѣ. Постройка двора не состоялась и какими то темными путями эти деньги попали въ руки генералъ-губернатора Кокошкина; увѣряли, что онъ большую часть изъ нихъ прикарманилъ. Чтобы скрыть свою продѣлку, онъ донесъ императору Николаю, что въ его распоряженіи находится двадцать тысячъ фунтовъ отъ несостоявшейся постройки и что онъ предполагаетъ употребить эти деньги на устройство кадетскаго корпуса. Николай имѣлъ страсть строить военно-учебныя заведенія, и Кокошкинъ, какъ нельзя болѣе, угодилъ ему своимъ проэктомъ. Когда купечество, собравшееся на харьковскую ярмарку, узнало объ этомъ, оно вознегодовало. Подъ предсѣдательствомъ городскаго головы оно составило прошеніе о томъ, что деньги эти принадлежатъ имъ, такъ какъ онѣ собраны были ими, а потому просило деньги передать въ ихъ распоря-

женіе и притомъ не въ количествѣ 20 000 фунтовъ, а въ полной суммѣ. Чтобы заставить купцовъ отказаться отъ своего ходатайства, Кокошкинъ перевелъ ярмарку изъ Харькова въ деревню; по его разсчету потери купцовъ были бы при этомъ такъ велики, что они отказались бы отъ своихъ домогательствъ съ тѣмъ, чтобы ярмарка осталась на мѣстѣ. Однакоже голова сумѣлъ парализовать распоряженіе Кокошкина, подавъ на него жалобу въ сенатъ. Сенатъ нашелъ, что Кокошкинъ превысилъ свою власть и постановилъ сдѣлать ему выговоръ по высочайшему повелѣнію. Въ Министерствѣ юстиціи постановленіе сената признано было совершенно правильнымъ и утверждено. Сенатское опредѣленіе лежало въ курьерской и черезъ часъ должно было отправиться въ сенатъ, какъ вдругъ Гр. Панину сообщается высочайшее повелѣніе, которымъ распоряженіе Кокошкина утверждалось, а городской голова ссылался въ отдаленный городишко Белсбей. Поднялся большой шумъ: кто осмѣлился написать докладъ, которымъ такое несогласное съ высочайшей волей опредѣленіе признавалось правильнымъ; однакоже Гр. Панинъ показалъ на столько самостоятельности, что прекратилъ весь этотъ раболѣпный крикъ. Государь имѣетъ право распоряжаться какъ ему угодно, а его чиновники должны дѣйст-

вовать по закону. Вотъ лозунгъ его политики, онъ по высшимъ соображеніямъ наказывалъ честнаго прокурора, императоръ въ своей премудрости ссылалъ въ Белсбей честнаго городскаго голову; но ему, гр. Панину, его чиновники въ своихъ никому не доступныхъ докладахъ должны изображать дѣло въ истинномъ свѣтѣ.

Такъ императоръ прикрылъ любимаго имъ генералъ-губернатора; въ заключеніе разскажу дѣло, гдѣ всѣ на перебой явились укрывателями. Въ началѣ XIX-го вѣка существовалъ откупщикъ Лихачевъ; пользуясь своимъ положеніемъ, онъ составилъ себѣ огромное состояніе, но наконецъ онъ былъ обличенъ въ злоупотребленіяхъ, на него сдѣланъ былъ начетъ и взысканъ съ него. Лихачевъ все таки остался на столько богатымъ человѣкомъ, что его наслѣдникомъ явился одинъ изъ самыхъ знатныхъ вельможъ. Онъ занималъ министерскій постъ и принадлежалъ къ группѣ людей, управлявшихъ тогда Россіей. Ему удалось достигнуть пересмотра дѣла и тогда послѣдовало высочайшее повелѣніе, которое признало Лихачева невиновнымъ. На основаніи этого высочайшаго повелѣнія наслѣдники Лихачева стали просить о возвращеніи имъ начета съ процентами за полстолѣтія — это составляло огромную сумму. Государственный совѣтъ

рѣшилъ возвратить начетъ, если будетъ доказано, что онъ сдѣланъ былъ неправильно. Наслѣдники представили свои доказательства и на мое разсмотрѣніе поступило толстѣйшее опредѣленіе сената о возвращеніи начета. Опредѣленіе было написано очень ясно и убѣдительно; — начетъ слѣдовало возвратить. Я не имѣлъ обыкновенія полагаться на опредѣленія сената и прочелъ подлинное дѣло. Изъ него я увидалъ, что смыслъ мнѣнія государственнаго совѣта былъ искаженъ, а именно было пропущено мѣсто о требовавшихся доказательствахъ; за тѣмъ была пропущена бумага, которою виновность Лихачева и правильность начета доказаны были до очевидности. Въ докладѣ я пополнилъ это упущеніе и пришелъ къ заключенію, что наслѣдникамъ Лихачева слѣдуетъ отказать въ ихъ просьбѣ. Когда я подалъ мой докладъ моему непосредственному начальнику, онъ поблѣднѣлъ. „Развѣ вы не знаете“, говоритъ онъ мнѣ, „кто наслѣдникъ Лихачева, это любимецъ императора, и онъ и его предки знамениты въ исторіи.“ — „До меня это не касается“, отвѣчаю я, „я разсматриваю дѣло.“ — Положеніе было такое. Я подписываю докладъ, онъ подписываетъ заключеніе. Слѣдовательно мое заключеніе онъ можетъ измѣнять какъ ему угодно, а доклада безъ моего согласія онъ измѣнить не можетъ,

онъ могъ только взять дѣло у меня и передать другому. Три дня онъ дулся на меня, но передать дѣло другому онъ не рѣшился — это произвело бы скандалъ. Онъ оставилъ мой докладъ и написалъ заключеніе, въ которомъ соглашался съ опредѣленіемъ сената. Въ окончательномъ результатѣ всѣ, начиная отъ императора, мошенничали по немногу и каждый старался придать себѣ видъ справедливости и безпристрастія, ограждая себя разными оговорками, а въ окончательномъ результатѣ дѣло направлялось къ тому, чтобы общими силами ограбить казну.

4.

Я сдѣланъ былъ чиновникомъ особыхъ порученій и въ моихъ рукахъ сосредоточились всѣ дѣла по жестокому обращенію помѣщиковъ съ крестьянами. Существовалъ законъ, по которому у жестокихъ помѣщиковъ имѣнья отбирались и отдавались въ опеку. На моемъ мѣстѣ можно было всласть налюбоваться на послѣдствія, къ которымъ приводило крѣпостное право. Ни образованіе, ни положеніе въ обществѣ не измѣняло дѣло. Встрѣчались примѣры, отъ которыхъ волосы стано-

вились дыбомъ. Нерѣдко власть доставалась самымъ грубымъ и невѣжественнымъ людямъ. Помѣщикъ имѣлъ любовницу изъ своихъ крѣпостныхъ; она сумѣла сдѣлаться его женою, а иногда даже не сдѣлалась ею; просто забрала его въ руки, пользуюсь его старостью и безхарактерностью. Конечно, каждая изъ нихъ имѣла соперницъ въ дѣвичьей и, завладѣвъ властью, сводила съ ними свои счеты. Одна изъ подобныхъ госпожъ сажала крѣпостныхъ дѣвушекъ обнаженнымъ тѣломъ на раскаленную плиту, заставляла ихъ пить кипяченую урину, подвѣшивала ихъ за одинъ палецъ къ потолку, изрѣзывала лицо, чтобы лишить красоты. Въ числѣ негодяевъ фигурировали и лакеи, сдѣлавшіеся любовниками своихъ барынь. Не меньшія звѣрства совершались и высокопоставленными людьми, подвиги которыхъ не могутъ быть переданы печати. Встрѣчались случаи совсѣмъ иного характера. Между помѣщиками оказался выродокъ; онъ крестьянъ своихъ работами не обременялъ, оброковъ съ нихъ не бралъ, жилъ между ними, какъ простой крестьянинъ и не лучше ихъ, съ ними вмѣстѣ по праздникамъ веселился въ кабакѣ. Его родственники стали домогаться того, чтобы его имѣнье взято было въ опеку, такъ какъ онъ ведетъ неприличный для дворянина образъ жизни. Мѣстное начальство нашло просьбу

основательной и черезъ сенатъ дѣло дошло до министерства юстиціи. Вмѣстѣ съ тѣмъ поступила просьба отъ крестьянъ, которые увѣряли, что онъ лучшій изъ помѣщиковъ и что наказывать его опекой не за что. Къ ихъ просьбѣ присоединились совершенно посторонніе крестьяне въ доказательство его добродѣтелей. Бывали случаи, что губернаторы изъ мести домогались наложенія опеки на имѣнья ненавистныхъ имъ помѣщиковъ. Они имѣли для этого въ рукахъ своихъ всегда готовый предлогъ. У большинства помѣщиковъ дѣвичья служила имъ вмѣстѣ съ тѣмъ и гаремомъ; если помѣщикъ губернатору не нравился, онъ обвинялъ его въ томъ, что онъ имѣетъ гаремъ и дѣло въ шляпѣ. Къ выдающимся случаямъ принадлежали слѣдующіе. Генералъ-губернаторъ восточной Сибири имѣлъ правителя канцеляріи Коновалова. Этого Коновалова онъ считалъ дѣльнѣйшимъ и честнѣйшимъ человѣкомъ. Онъ послужилъ и вышелъ въ отставку. За тѣмъ генералъ-губернаторъ узнаетъ, что онъ покупаетъ золотой пріискъ, потомъ другой, наконецъ строитъ заводъ для производства стеклянной посуды. Оказалось, что, пользуясь довѣріемъ генералъ-губернатора, онъ нажилъ себѣ большое состояніе взятками. Генералъ-губернаторъ взбѣсился и сталъ слѣдить за нимъ черезъ своихъ

агентовъ. Однакоже вышло такъ, что Коноваловъ сумѣлъ взять верхъ даже надъ сибирскимъ генералъ-губернаторомъ, который считался царемъ въ восточной Сибири. Приведена была въ извѣстность слѣдующая его продѣлка. Въ Сибири частное землевладѣніе составляло рѣдкость, а крѣпостного права почти вовсе не существовало, однакоже, не было закона, который бы его запрещалъ. Пользуясь этимъ, Коноваловъ отправился въ европейскую Россію и сталъ отыскивать тамъ людей, которые были закрѣпощены противузаконно и домогались свободы. Чѣмъ менѣе шансовъ имѣлъ помѣщикъ удержать ихъ въ своей власти, тѣмъ для Коновалова было пріятнѣе. У такихъ помѣщиковъ онъ скупалъ людей за ничтожныя деньги и водворялъ ихъ въ Сибири. Онъ зналъ благодѣтельный законъ, обязывавшій крестьянъ отыскивать свободу въ томъ мѣстѣ, гдѣ жилъ помѣщикъ, неправильно ихъ закрѣпостившій. Для безграмотнаго крестьянина отыскивать свою свободу въ орловской или тульской губерніи изъ восточной Сибири было окончательно невозможно. Всѣхъ этихъ крестьянъ онъ сдѣлалъ рабочими на своемъ заводѣ для производства стеклянной посуды, но такъ какъ эти рабочіе были до крайности ожесточены его продѣлкой, то онъ держалъ при заводѣ бывшихъ каторжныхъ,

которые ихъ пороли и истязали. Онъ заставлялъ ихъ работать шесть дней въ недѣлю и тѣмъ, которые работали, отпускалъ паекъ, какъ будто у человѣка одна только и имѣется потребность, наѣдаться чернымъ хлѣбомъ. Для того, чтобы удовлетворять всѣмъ прочимъ своимъ нуждамъ, чтобы кормить своихъ женъ и дѣтей, онъ оставлялъ имъ воскресенье, по его мнѣнію одного дня въ недѣлю было совершенно достаточно для рабочаго, чтобы содержать и себя и свое семейство. Генералъ-губернаторъ усмотрѣлъ въ этомъ жестокое обращеніе, на имѣнье наложена была опека и Коноваловъ удаленъ изъ него. На дѣлѣ оказалось, что Коноваловъ по прежнему управлялъ своими крѣпостными людьми, но такъ какъ онъ не могъ постоянно жить на заводѣ, то управляющаго замѣнялъ ему его братъ. Этотъ распоряжался съ еще большимъ звѣрствомъ, чѣмъ настоящій хозяинъ. Въ дѣлѣ было подробное описаніе истязаній и безстыднаго обращенія съ одной дѣвушкой. Коноваловъ принуждалъ ее быть своей любовницей и случайно нашелъ у ней любовное письмо отъ лакея. За это преступленіе онъ ужасными наказаніями довелъ ее до покушенія на свою жизнь. Отъ жестокаго наказанія розгами спина у ней вздулась до того, что она сдѣлалась вдвое толще, кровь текла у ней по пятамъ и куски мяса

висѣли. Дѣло снова возгорѣлось, слѣдствіемъ добыты были юридическія доказательства преступныхъ поступковъ владѣльца и сдѣлано было предположеніе уже не о наложеніи опеки, а о преданіи его уголовному суду. Съ этою цѣлью оно доведено было до государственнаго совѣта и чѣмъ же кончилось? Государственный совѣтъ нашелъ, что кромѣ жестокого обращенія Коноваловъ обвинялся еще въ двухъ другихъ уголовныхъ преступленіяхъ, а потому преданіе его суду за жестокое обращеніе совершенно излишне; слѣдуетъ просто переслать дѣло въ судъ для произнесенія приговора по совокупности съ другими его преступленіями. Между тѣмъ судъ, разсмотрѣвъ обвиненія въ помянутыхъ преступленіяхъ, оправдалъ Коновалова. Суды того времени оправдывали много разъ за взятки самыхъ тяжкихъ преступниковъ. Оправдавъ его въ тѣхъ преступленіяхъ, за которыя онъ преданъ былъ суду, судъ не счелъ себя въ правѣ разсматривать дѣло о его жестокомъ обращеніи, такъ какъ онъ долженъ былъ только принять его въ соображеніе при постановленіи приговора по совокупности преступленій. Такимъ образомъ Коноваловъ вышелъ сухимъ изъ воды. Подобные юридическіе фокусы предѣлывались въ тѣ времена нерѣдко. Нѣсколько лѣтъ спустя я ѣхалъ по восточной Сибири; ѣду мимо завода и спрашиваю ямщика,

какой это заводъ? — Ямщикъ отвѣчаетъ, что это стекляшный заводъ Коновалова. Я начинаю его разспрашивать о Коноваловѣ, и къ крайнему моему удивленію онъ расхваливаетъ его до небесъ; а крѣпостныхъ его людей ругаетъ, называетъ негодяями, ворами и доказываетъ, что если съ ними такъ жестоко обращались, то они этого заслуживали. Дѣло вполнѣ понятное: вкрадчивое обращеніе Коновалова, которое въ Иркутскѣ очаровало всѣхъ и генералъ-губернатора въ томъ числѣ; которое всѣхъ заставляло думать, что онъ честнѣйшій и благороднѣйшій человѣкъ, воздѣйствовало и на моего ямщика. Ему конечно необходимо было располагать къ себѣ окрестное населеніе, чтобы оградиться отъ собственныхъ крестьянъ. Крестьянамъ этимъ легко было бы разбѣжаться и спасаться въ тайгѣ, если бы окрестные жители ненавидѣли Коновалова и помогали имъ. Коноваловъ давалъ имъ только одинъ день въ недѣлю на то, чтобы содержать свои семейства. Понятно, что при такомъ условіи они не могли прокормить ихъ своей работой; имъ оставалось одно-воровать, когда у нихъ не было хлѣба, чтобы насытить желудки, оставшіеся голодными у домашняго ихъ очага; когда у нихъ не было тряпья, чтобы одѣть дѣтей, дрожавшихъ отъ холоду въ сорокоградусные сибирскіе морозы. Съ легкомысліемъ, свойствен-

нымъ среднему человѣку, мѣстнымъ жителямъ и въ голову не приходило возненавидѣть Коновалова за то, что онъ ставилъ своихъ крѣпостныхъ въ такое жестокое положеніе; они ненавидѣли этихъ крѣпостныхъ и восхищались Коноваловымъ, который ихъ жестоко сѣкъ, когда они попадались въ воровствѣ.

5.

Приведенные примѣры доказываютъ звѣрство рабовладѣльцевъ; мнѣ пришлось убѣдиться, что глупость хуже звѣрства. Въ ставропольской губерніи крестьяне губернскаго предводителя дворянства Калантарова стали отыскивать свободу на томъ основаніи, что онъ армянинъ и не принадлежитъ къ православной религіи, имъ казалось, что русскому правительству совершенно неприлично отдавать русскихъ людей въ крѣпостное владѣніе лицамъ, не исповѣдующимъ православную вѣру и притомъ армянамъ, которыхъ ненавидѣли больше, чѣмъ тѣхъ, кого называли жидами. Жидъ-дворянинъ былъ, по ихъ мнѣнію, явленіе немыслимое, а дворянинъ-армянинъ еще того менѣе; его мѣсто быть кабатчикомъ, ростовщикомъ, мошенникомъ, всякой мразью, но дворяниномъ, имѣющимъ право владѣть православными крѣпостными людьми, ни въ какомъ случаѣ. Имъ стоило

обратиться къ любой благотворительницѣ помѣщицѣ въ окрестности, чтобы встрѣтить полное сочувствіе къ ихъ мнѣнію; всякая помѣщица, пользующаяся популярностью за свое доброе сердце, благотворительность и благородство души, относилась къ армянину съ такой же гадливостью, какъ къ змѣѣ, ящерицѣ или насѣкомому, порожденному нечистоплотностью. Между тѣмъ въ глазахъ крестьянъ именно эти помѣщицы и были единственнымъ неподкупнымъ авторитетомъ. Послѣ этого доморощеннымъ адвокатамъ не трудно было убѣдить ихъ не только въ правотѣ ихъ мнѣнія, что Калантаровъ не могъ имѣть права владѣть крѣпостными людьми, но представить имъ доказательства, что правительство такого же объ этомъ мнѣнія, и что Калантаровъ завладѣлъ ими только путемъ подкупа мерзавцевъ чиновниковъ. Кому не извѣстно, что жидъ и армянинъ могутъ заставить мерзавцевъ чиновниковъ дѣлать всѣ возможныя и невозможныя мерзости; имъ стоитъ ихъ подкупить. Но вѣдь въ Россіи существуетъ государь, который оградитъ ихъ отъ злочестивыхъ козней. Къ этому государю они обращаются съ полнымъ сознаніемъ правоты своего дѣла, но увы, оказывается, что этотъ государь первый и самый усердный защитникъ правъ всевозможныхъ полезныхъ ему мошенниковъ и крѣпост-

никовъ, а другомъ честныхъ людей онъ является только въ тѣхъ рѣдкихъ случаяхъ, когда они полезны для его императорскаго властолюбія. Находясь въ наивномъ, но жалкомъ убѣжденіи на счетъ чувствъ къ своему народу ихъ истиннаго угнетателя-царя, они считаютъ свое дѣло окончательно рѣшеннымъ, отказываются повиноваться Калантарову и работать на него. Въ странѣ тихо, правительство считаетъ совершенно излишнимъ содержать многочисленную вооруженную полицію для подавленія сопротивленія тысячной толпы, отказывающейся повиноваться какому нибудь Калантарову. Его военныя силы нужны ему для борьбы съ Шамилемъ, а не съ какими нибудь крѣпостными людьми, возбужденными разными кабацкими адвокатами противъ своего помѣщика. Калантаровъ въ отчаяньи, его обращенія къ властямъ встрѣчаются улыбками и двухсмысленными шутками. Въ это время пріѣзжаетъ въ Ставрополь помощникъ намѣстника кавказскаго Реадъ: тотъ самый Реадъ, про котораго Гр. Толстой, въ стихотвореніи, гдѣ описывался военный совѣтъ подъ Севастополемъ, сказалъ:

А Лепранди; нѣтъ, атанде,
Туда умнаго не надо.
Мы пошлемъ туда Реада,
А я посмотрю.

Вкрадчивому Калантарову вполнѣ удалось очаровать Реада. Онъ изображалъ своихъ крѣпостныхъ злодѣями небываласго звѣрства, этимъ головорѣзамъ ничего не стоитъ убить человѣка. Реадъ вознегодовалъ и сталъ увѣрять предводителя дворянства, что онъ сумѣетъ довести его крестьянъ до крайняго смиренія и полнаго повиновенія. Красноречіе армянина, однакоже, подѣйствовало на него, онъ сталъ побаиваться такихъ лютыхъ людей, какъ бунтующіе крестьяне Калантарова. Обыкновенно въ случаѣ крестьянскихъ бунтовъ брали для усмиренія роту, много двѣ. Реадъ началъ съ того, что взялъ цѣлый батальонъ. Когда онъ вышелъ изъ Ставрополя, ему показалось, что войска мало, а потому онъ по дорогѣ захватилъ еще двѣ сотни казаковъ. Раздумавшись во время пути, онъ прихватилъ артилерійскую батарею и съ такими силами приблизился къ богатому селу, принадлежавшему Калантарову. Для вступленія въ село имъ выбранъ былъ праздничный и базарный день. Огромная площадь была полна народомъ, продававшимъ и покупавшимъ всевозможныя произведенія рукъ человѣческихъ. Въ полной парадной формѣ съ музыкой Реадъ выступилъ на площадь и расположилъ свое войско въ боевомъ порядкѣ; артилерію въ серединѣ и т. д. Вся толпа кинулась къ нему, чтобы посмотрѣть на такое

небывалое зрѣлище. Теперь крестьяне были вполнѣ увѣрены, что они свободны; государь прислалъ имъ своего генералъ-адъютанта, чтобы объявить имъ съ личной торжественностью о своей монаршей милости. Реадъ съ своимъ блестящимъ штабомъ является передо фронтомъ и велитъ читать указъ. По закону прежде, чѣмъ приступить къ усмиренію бунта, бунтующимъ читается указъ, въ которомъ имъ повелѣвается безусловно покориться властямъ. Реадъ обращается къ крестьянамъ и командуетъ: „шапки долой“. — Вотъ такъ оно и есть, думаютъ крестьяне, имъ объявляется воля. „Воля, ура“, гремитъ единодушный крикъ по площади. Внѣ себя отъ восторга вся толпа кидается къ Реаду и хватаетъ его за ноги, чтобы цѣловать ихъ. Все это движеніе Реадъ объясняетъ по своему. Крикъ „воля, ура“, кажется ему воинственнымъ крикомъ атаки. По его мнѣнію, его ловятъ за ноги, чтобы стащить съ лошади. Онъ даетъ шпоры своему коню и прекрасная лошадь нѣсколькими прыжками относитъ его за фронтъ. Тутъ онъ обращается къ офицеру, командующему артиллеріею, и велитъ стрѣлять. Офицеръ блѣднѣетъ отъ ужаса и, не смотря на строгость военной дисциплины, рѣшается переспросить. Реадъ повторяетъ приказаніе; залпъ изъ двѣнадцати орудій, заряженныхъ картечью, раздается и

четыреста шестнадцать человѣкъ положены были на мѣстѣ. Въ томъ числѣ были женщины, дѣти, крестьяне Калантарова, крестьяне окрестныхъ селеній, торговцы и всякій другой народъ. Въ безумномъ страхѣ вся оставшаяся въ живыхъ толпа кидается къ церковнымъ воротамъ, но давка тамъ такъ велика, что невозможно протѣсниться. Кто можетъ, прыгаетъ черезъ ограду. Наконецъ всѣ исчезли въ церкви; на площади не осталось ни одного человѣка, способнаго двигаться; товаръ, лотки, палатки, лошади, телѣги, все брошено въ добычу побѣдителямъ. Трупы и смертельно раненые валяются въ пыли, громкіе стоны и крики сотенъ голосовъ умирающихъ людей раздаются въ воздухѣ. Этотъ вопль способенъ довести до изступленія самое закаленное сердце. Изъ солдатъ одни плачутъ, а другіе мрачно и зловѣще молчатъ. Офицеры глядятъ на своего генерала, правда, молча, но не скрывая своихъ чувствъ. Побѣдитель съ смертельной блѣдностью на лицѣ смотритъ на свое войско; видно, что теперь только онъ понялъ, что онъ сдѣлалъ. Однакоже званіе генерала заставляетъ его продолжать, какъ началъ. Онъ долженъ идти впередъ, а ему страшно оставить у себя за спиною свое собственное войско; онъ трепещетъ того мгновенія, когда ему придется отвести отъ него свои глаза и повернуться

къ нему спиною. Никто не могъ опредѣлить, долго ли продолжался тяжкій кошмаръ, овладѣвшій всѣми, и всякій разсказывалъ иначе о томъ, что дѣлалось въ это время. Наконецъ новый Гензерихъ по трупамъ убитыхъ торжественно въѣхалъ въ церковныя ворота съ тѣмъ, чтобы въ церкви принять колѣнопреклоненное раскаянье и смиренный вопль о пощадѣ побѣжденныхъ. Но увы, церковь была пуста, всѣ успѣли оттуда убѣжать прежде, чѣмъ побѣдитель вошелъ въ нее. Онъ обращается въ село; въ селѣ никого нѣтъ. Всѣ разбѣжались, куда кто могъ, оставивъ свое имущество на жертву побѣдоносному отряду. Въ Петербургъ летятъ жалобы на это безпримѣрное побоище за выраженіе восторженныхъ чувствъ къ милостивому императору; на первомъ планѣ жалоба Калантарова. Онъ взыскиваетъ за триста человѣкъ убитыхъ людей, составлявшихъ его собственность. По его словамъ, онъ просилъ правительство о помощи, но никогда не просилъ его о своемъ разореніи. Услужливый дуракъ опаснѣе врага; намекъ на это изрѣченіе слишкомъ ясно просвѣчиваетъ въ изложеніи его прошенія, но онъ не высказываетъ этой фразы. Во время осады Севастополя, я прочелъ въ газетахъ, что Реаду снесло ядромъ голову. Ужасно подумать, что человѣку снесло ядромъ голову, и все таки

при этомъ извѣстіи я почувствовалъ душевное облегченіе. Нѣтъ болѣе въ живыхъ человѣка, который не по злобѣ, а по одной ограниченности своего ума способенъ былъ убить болѣе четырехсотъ человѣкъ. Я не могу его обвинять, обвинять дурака въ его глупости такъ же несправедливо, какъ обвинять сумашедшаго въ его сумашествіи, но я обвиняю императора, который далъ ему такую большую власть и который нашелъ его правымъ послѣ его неслыханнаго злодѣянія; императоръ покровитель дураковъ и мошенниковъ достоинъ проклятій исторіи.

6.

Послѣ дальнѣйшаго повышенія я занимался почти исключительно законодательными вопросами. Законодательный вопросъ могъ возникать повсемѣстно въ Россіи. Когда въ какой нибудь губерніи чувствовалась потребность въ новомъ законѣ, тогда собирались всѣ члены губернскихъ присутственныхъ мѣстъ и въ общемъ присутствіи составляли проэктъ новаго закона. Эти проэкты получали законодательный ходъ чрезъ министерство юстиціи. Обыкновенно они были очень лаконичны и губернское

присутствіе дѣлало свои постановленія голословно. Говорилось нѣсколько словъ о случаѣ, по которому возникъ вопросъ, и только. Тогда и понятія не имѣли о томъ, что по поводу законодательныхъ вопросовъ можно дѣлать изслѣдованія, призывать экспертовъ и т. п. По болѣе важнымъ дѣламъ я ввелъ то усовершенствованіе, что присовокуплялъ къ докладу выписку изъ иностранныхъ законодательствъ по возбужденному вопросу. Это понравилось министру, но произошелъ курьезъ. Однажды я разсматривалъ законъ, касавшійся международнаго права о томъ, какъ поступать съ матросами и лицами, служащими на иностранныхъ судахъ, если они въ русскомъ портѣ совершили такой поступокъ, за который они подлежатъ задержанію и суду, а между тѣмъ капитанъ судна объявитъ, что онъ безъ нихъ въ море выдти не можетъ. Я разрѣшилъ этотъ вопросъ въ либеральномъ смыслѣ. Графъ Паninъ не согласился со мною и разрѣшилъ его консервативно. Когда исполнительная бумага подана была министру къ подписи, онъ потребовалъ мою выписку. „Зачѣмъ моя выписка“, спросилъ я, „вѣдь она написана для того, чтобы оправдать мой взглядъ на дѣло, а министръ мнѣнія прямо противуположнаго.“ — „Неужели вы думаете“, отвѣчаютъ мнѣ, „что въ государственномъ совѣтѣ кто нибудь будетъ

читать вашу выписку. Дѣло разрѣшится очень просто; когда вопросъ будетъ разсматриваться, графъ Паниинъ заявитъ: „У меня это дѣло разсмотрѣно основательнѣйшимъ образомъ; — вотъ выписка“ — и положитъ выписку на столъ. Члены полюбопытствуютъ взглянуть, увидятъ надписи; висбійское право, консолато дель маре; — о такихъ премудростяхъ они и не слыхивали. Разумѣется графъ Паниинъ разсмотрѣлъ это дѣло вполнѣ, рѣшатъ они, и безъ дальнѣйшихъ разсужденій согласятся съ нимъ.“ — Кстати разскажу другой подобный анекдотъ. Еще тогда, когда я разсматривалъ дѣла о жестокомъ обращеніи, я написалъ докладъ и вывелъ изъ него мое заключеніе. Мой непосредственный начальникъ не согласился со мною, хотѣлъ, чтобы я измѣнилъ свое мнѣніе, но я отказался. Тогда онъ оставилъ мой докладъ безъ измѣненія, а заключеніе написалъ свое. Вице-директоръ, прочитавъ докладъ, написалъ особое мнѣніе, приближающееся къ моему заключенію. Директоръ, увидавъ разномысліе, прочелъ докладъ внимательнѣе и написалъ особое мнѣніе, еще болѣе приближающееся къ моему. Министръ, встрѣтивъ столько особыхъ мнѣній, очевидно вникъ въ докладъ и написалъ резолюцію, вполнѣ воспроизводящую мое заключеніе. Мой начальникъ подноситъ мнѣ резолюцію и говоритъ:

„Министръ вполнѣ согласился съ вашимъ мнѣніемъ, потрудитесь исполнить.“ — Я подаю ему исполнительную бумагу, онъ перечеркиваетъ ее; я пишу другую, онъ ее рветъ. Нѣсколько дней я писалъ исполненіе, онъ волновался ужасно, но не успѣлъ вывести меня изъ себя. „Я не могу надивиться, глядя на васъ,“ говоритъ мнѣ одинъ изъ моихъ товарищей, „какъ можно сохранять такое ужасное хладнокровіе. Я бы или ему разбилъ голову или себѣ.“ — „Изъ за чего мнѣ горячиться,“ отвѣтилъ я, „я сумѣлъ написать докладъ такъ, что министръ, не имѣя моего заключенія передъ глазами, самъ воспроизвелъ мое мнѣніе въ своей резолюціи. Кто же повѣритъ послѣ этого, что я не могу исполнить эту резолюцію.“

7.

Чтобы показать, какъ въ то время разсматривались дѣла, я приведу слѣдующій примѣръ. Изъ Комитета Министровъ поступаетъ на разсмотрѣніе министерства юстиціи проэктъ закона о разверстаніи земель между башкирами и припущенниками. Проэктъ гласитъ, что башкиры должны получить на муж-

скую душу, записанную въ ревизію, изъ принадлежащихъ имъ земель по ста восьмидесяти акровъ, другіе инородцы получаютъ по девяносто акровъ, а припущенники по сорока пяти акровъ. Онъ изложенъ на нѣсколькихъ страницахъ безъ слѣда какихъ нибудь данныхъ, какъ относительно правъ разныхъ лицъ на эту землю, такъ и относительно количества земель, размѣра акровъ, приписанныхъ къ каждой общинѣ, населенія этой общины и т. д. Я пускаюсь разыскивать всѣ эти данныя, обращаюсь въ министерство государственныхъ имуществъ, въ военное министерство, такъ какъ башкиры, какъ военный народъ, находятся въ завѣдываніи военнаго министра; — никто ничего не знаетъ. Послѣ мучительныхъ и безплодныхъ усилій мнѣ наконецъ удается выяснить, что всѣ башкирскія земли составляютъ съ давнихъ поръ спорное владѣніе; тамъ нѣтъ ни одного клочка земли, который не былъ бы предметомъ безконечнаго процесса. Такъ какъ споръ идетъ о границахъ, то всѣ эти дѣла сосредоточены въ межевомъ департаментѣ сената. Я обращаюсь въ сенатъ и нахожу тамъ все, чего желаю; но, разумѣется, это неодолимая груда писанной и печатной бумаги. Оказывается, что во время присоединенія башкиръ къ Россіи земли, на которыхъ они жили, были признаны коллективной собственностью баш-

кирскаго народа или, какъ тогда выражались, башкирскаго войска. Въ первой половинѣ XVIIIго вѣка башкиры взбунтовались. Вслѣдствіе этого земли были отняты у нихъ и были признаны государственной собственностью; на этихъ земляхъ разрѣшено было допускать переселенцевъ. Земли были превосходнаго качества, а башкиры полудикій народъ, окончательно не умѣвшій ими пользоваться. Волна переселенцевъ хлынула къ нимъ съ запада; сначала магометане, а потомъ и русскіе. По прошествіи нѣкотораго времени башкиры подаютъ всеподданнѣйшее прошеніе. Ссылаясь на то, что они въ теченіе многихъ лѣтъ показывали себя послушными и вѣрноподданными, они просили о возвращеніи имъ ихъ земель. Правительство уважило ихъ просьбу и земли были имъ возвращены. Лишь только это было имъ объявлено, они обратились къ переселенцамъ, которые заняли огромныя пространства и поселялись цѣлыми деревнями, — и объявили имъ коротко и ясно: „убирайтесь.“ Поднялся страшный шумъ, сотни тысячъ людей жили на этихъ земляхъ въ качествѣ переселенцевъ по ихъ мнѣнію на вполнѣ легальномъ основаніи. Легальность этого основанія и правительство не могло отрицать, такъ какъ оно само призывало ихъ. Переселенцы выстроили здѣсь цѣлыя селенія и никто не могъ хотя бы съ тѣнью

юридическаго основанія утверждать, что эти дома, выстроенные ими на ихъ деньги и ихъ собственнымъ трудомъ, не составляли ихъ несомнѣнной собственности. Каждый крестьянинъ обзавелся хозяйствомъ, они устроили тутъ сады, огороды, бахчи, пчельники и другія заведенія, воздвигнули запруды и вырыли канавы. Все это они должны бросить и уходить. Если бы они сказали башкирамъ: купите у насъ, башкиры бы отвѣтили: „намъ ничего вашего не надо, берите съ собою, если хотите.“ Башкиры прекрасно знали, что ни домовъ, ни садовъ, ни мельницъ имъ нельзя взять съ собою, все достанется имъ даромъ. Оставалось уходить ни съ чѣмъ — и куда уходить? На родину ихъ не пустятъ, тамъ давно уже ихъ мѣста заняты были другими. Куда же ихъ пустятъ? — ихъ никуда не пустятъ. Переселенцами овладѣло отчаяніе. Готовилась рѣзня, которая могла имѣть одинъ исходъ. Въ нѣсколько разъ превосходившіе переселенцевъ числомъ и вооруженные башкиры перерѣзали бы безоружныхъ крестьянъ и поступили бы съ ними, какъ когда то поступали съ русскими Батый и Тохтамышъ. Не смотря на громадность произвольной власти, находившейся въ его рукахъ, не смотря на большую привычку лавировать въ подобныхъ условіяхъ, мѣстное начальство было въ невыносимомъ

положеніи. Оно осаждало Петербургъ своими представленіями, но Петербургъ привыкъ не обременять своихъ мозговъ внутренними дѣлами. Въ отвѣтъ на представленія онъ посылалъ указы и распоряженія. Всѣ эти указы написаны были такъ же, какъ разсматриваемый мною проэктъ. Никто не позаботился узнать, что дѣлается на мѣстѣ и какъ тамъ существуютъ. Поэтому всѣ указы и распоряженія оказывались неисполнимыми на дѣлѣ. Начальство дѣлало новыя представленія, а мѣстному населенію говорило направо и налѣво; „ждите, вы всѣ получите удовлетвореніе, но оставайтесь спокойными; вы всего лишитесь, если будете буйствовать и производить безпорядки.“ — Но оставаться спокойными для мѣстныхъ жителей было невозможно. Башкиры считали теперь всѣ земли своими, и когда имъ нравился клочекъ, они имъ овладѣвали; переселенцы отвѣчали репресаліями и овладѣвали землями башкиръ. Одинъ посѣетъ, а другой придетъ и сожнетъ, на томъ основаніи, что онъ посѣялъ на его будто бы землѣ. Независимо отъ дракъ и безпорядковъ, которые отсюда вытекали, начинались процессы. Башкиры сдѣлались такими кляузниками и сутягами, которымъ подобныхъ нельзя было найти въ Россіи. Указы и распоряженія, которые издавались по представленіямъ мѣстнаго на-

чальства, написанные безъ знанія мѣстныхъ условій и неисполнимые на практикѣ, еще болѣе запутывали дѣло и увеличивали число процессовъ. Къ довершенію бѣдствія военный министръ и министръ государственныхъ имуществъ вошли другъ съ другомъ въ пререканіе. Военный министръ, становясь на сторону подчиненныхъ ему башкиръ, требовалъ, чтобы министръ государственныхъ имуществъ убралъ съ башкирскихъ земель всѣхъ переселенцевъ и отвелъ бы имъ государственныя земли. Требованіе неисполнимое, безсмысленное и жестокое; развѣ возможно было цѣлое населеніе, родившееся на своихъ земляхъ, вышвырнуть оттуда по одному самодурству и заставить ихъ переселиться на земли, насаженныя другими. Вмѣсто водворенія порядка такое распоряженіе вызвало бы одну безпредѣльную неурядицу; такимъ образомъ поступали только фанатическіе испанскіе короли съ маврами и другими иновѣрцами. Вмѣсто успокоенія отсюда могъ произойдти новый пугачевскій бунтъ. Министръ государственныхъ имуществъ отвѣтилъ, что ему для разселенія государственныхъ крестьянъ недостаетъ восемнадцати мильоновъ акровъ, что пока такое разселеніе не будетъ окончено, до тѣхъ поръ уплата государственныхъ податей не будетъ обезпечена, а потому онъ не можетъ

принять никакихъ переселенцевъ. Однакоже настоянія военнаго министра послужили ферментомъ для возбужденія башкиръ и еще болѣе умножили процессы. Въ окончательномъ результатѣ мнѣ представилась слѣдующая картина: на огромномъ пространствѣ, которое съ юга на сѣверъ имѣло болѣе трехъсотъ миль протяженія и почти равнялось территоріи Англіи, господствовала полная поземельная анархія. Каждая волость имѣла свой нескончаемый процессъ; болѣе чѣмъ въ теченіе столѣтія всѣ жители страны были заклятыми врагами и разоряли другъ друга всѣми легальными и нелегальными путями. Никакое перо не было бы въ состояніи описать тѣхъ безчисленныхъ бѣдствій, которыя порождались этимъ положеніемъ; самый упорный трудъ не былъ бы въ состояніи привести въ извѣстность и сотой доли тѣхъ страданій, которыя отсюда вытекали; можно было сдѣлать изображеніе, отъ котораго волосы становились бы дыбомъ, и все таки оно составляло бы только малую часть дѣйствительно существующаго и безвозвратно похороненнаго въ Летѣ. При такомъ то положеніи центральное правительство въ теченіи ста лѣтъ только и дѣлало, что писало безсмысленные указы и легкомысленныя распоряженія. Само оно своими бюрократическими замашками и самодурствомъ вызвало

это положеніе и затѣмъ не только не заботилось о водвореніи порядка, но постоянно продолжало подливать масла въ огонь. Представленный на разсмотрѣніе Комитета Министровъ проэктъ закона заключалъ въ себѣ новую бочку нефти, которая должна была распространить по странѣ еще одинъ пожаръ. Я собралъ всѣ свои силы, чтобы остановить предстоящее бѣдствіе. Послѣ упорнаго труда я пришелъ къ слѣдующему заключенію. Конечно дѣло слѣдовало бы начать съ приведенія въ извѣстность правъ отдѣльныхъ лицъ на землю, но при тѣхъ условіяхъ, въ которыхъ мы работали, выполненіе такой задачи не могло имѣть успѣха. При тогдашнихъ административныхъ правахъ трудно было бы достигнуть учрежденія коммиссіи для подобной цѣли, а если бы коммиссія была учреждена, то она вѣроятно дѣйствовала бы такъ же произвольно и небрежно, какъ законы и распоряженія, касавшіеся башкирскихъ земель въ XVIIIмъ и XIXмъ вѣкѣ. Поэтому я предположилъ предоставить распредѣленіе земель между отдѣльными лицами сельскимъ сходамъ съ тѣмъ, чтобы оно непремѣнно дѣлалось самимъ сходомъ, а не выборнымъ начальствомъ. Я полагаю, что даже врагъ того мірскаго владѣнія, которое тогда существовало повсемѣстно въ Россіи кромѣ западныхъ окраинъ, согласится,

что разъ это владѣніе составляетъ установившійся фактъ, то справедливѣе всего предоставлять распредѣленіе земель сходу по его стародавнимъ обычаямъ, устраняя всякое вмѣшательство какъ чиновниковъ, такъ и мѣстнаго выборнаго начальства; они внесли бы въ это дѣло произволъ и несправедливость; тѣмъ болѣе, что чиновники постоянно побуждали выборныхъ начальниковъ къ произвольнымъ дѣйствіямъ. За симъ оставалась только одна задача распредѣленія земель между башкирами и переселенцами, т. е. магометанами (татарами) и русскими. Тутъ правительство своими распоряженіями уничтожило всякое юридическое основаніе, на которое можно было бы опереться. Башкиры магометане и русскіе владѣли землями, фактически, но съ одной стороны это владѣніе не было утверждено никакимъ юридическимъ актомъ, который давалъ бы владѣльцамъ на него право, а съ другой оно не могло создаться и давностью, такъ какъ башкиры и переселенцы постоянно оспаривали его другъ у друга. Оставалось одно — создать это право. Тутъ существовало основное правило, что они надѣляются землями въ томъ размѣрѣ, въ какомъ это было имъ необходимо для уплаты податей и выполненія повинностей; бывали случаи, что даже крѣпостные люди надѣлялись землями на этомъ основаніи и въ войскѣ дон-

скомъ напр. земли принадлежали крѣпостнымъ людямъ, а не ихъ помѣщикамъ. Принципъ этотъ въ своей сущности былъ очень хорошъ. На изложенномъ основаніи всѣ земли, находящіяся въ распоряженіи правительства должны были сначала раздаваться земледѣльцамъ, на ихъ живущимъ, въ такомъ размѣрѣ, чтобы они могли существовать сами и платить установленную ренту съ земли. Только земли, оставшіяся за надѣломъ земледѣльцевъ, могли отдаваться съ публичнаго торга въ аренду въ качествѣ оброчныхъ статей. На этомъ принципѣ земли распредѣлялись указами и между башкирами и переселенцами, анархія выходила только отъ того, что ни разу не потрудились обратить вниманіе, которое служило лучшимъ указаніемъ того размѣра земли, какой былъ необходимъ переселенцамъ для своего обезпеченія. Переселенцы только потому и переходили на эти земли, что онѣ доставляли имъ то обезпеченіе, какого они не имѣли у себя на родинѣ. Привести въ извѣстность размѣръ этого владѣнія возможно было изъ процессовъ, которые разсматривались въ сенатѣ. Конечно это была египетская работа, но я ее предпринялъ, и сидѣлъ цѣлыя ночи, одушевляемый желаніемъ дать практически исполнимое разрѣшеніе этому мрачному дѣлу. Легкомысліе присланнаго изъ Комитета министровъ проэкта

выяснялось при этомъ до смѣшного. Были волости, гдѣ всего приходилось на душу по двадцать четыре акра, откуда же тутъ было взять для башкиръ по 180 акровъ, для магометанъ по 90 ак., а для русскихъ по 45 ак. Практически осуществимое распредѣленіе было, разумѣется, не такъ просто, какъ представленный проэктъ; чтобы понять его планъ, нужно было покопаться и поломать себѣ голову надъ вычисленіемъ площадей. За то же къ крайнему моему удовольствію оказалось, что распредѣленіе по моему плану т. е., принимая за основаніе фактическое владѣніе, оказывалось вполнѣ безобиднымъ для всѣхъ живущихъ на башкирскихъ земляхъ. Переселяясь на башкирскія земли, и татары и русскіе искали прежде всего плодородныхъ и обширныхъ земель, они строили свои селенія на дѣвственной почвѣ, никогда еще не видавшей ни сохи, ни сабана. Они селились въ тѣхъ волостяхъ, которыя заключали въ себѣ наибольшее количество дѣвственной почвы, но именно поэтому распредѣленіе земель встрѣчало здѣсь менѣе трудностей. Процессы здѣсь возбуждались искусственно мелкими адвокатами и всякими проходимцами, желавшими сорвать съ башкиръ копейку. Чѣмъ менѣе земель оказывалось въ распоряженіи волости, тѣмъ менѣе обыкновенно оказывалось въ ней пере-

селенцевъ; никто не селился тамъ, гдѣ и безъ него начиналась тѣснота. Башкирамъ приходилось при этомъ поступаться очень малымъ количествомъ земли и притомъ такой, которая уже давно находилась въ распоряженіи переселенцевъ; съ ихъ стороны она дѣлалась предметомъ захватовъ опять таки только по внушенію адвокатовъ и проходимцевъ. Въ той волости напр., гдѣ приходилось 24 акра на душу, — сколько мнѣ помнится, это была наиболѣе густо населенная волость, — надѣлъ башкировъ уменьшался на каждаго взрослаго мужчину на одинъ изъ пятидесяти или одинъ изъ ста акровъ такой земли, которая уже при ихъ предкахъ отошла къ переселенцамъ и вполнѣ обезпечивала ихъ хозяйство. Число переселенцевъ тутъ было совершенно ничтожно. Окончивъ свой докладъ, я его передалъ моему непосредственному начальнику. На другой день онъ мнѣ говоритъ: „Я прочелъ вашъ докладъ и долженъ вамъ сознаться, что я въ немъ ничего не понимаю. На какомъ основаніи вы сдѣлали ваше вычисленіе надѣловъ?“ — „На основаніи правилъ о вычисленіи площадей“, отвѣтилъ я. — „Все это слишкомъ сложно, какъ можно задавать министру такую головоломную работу.“ — „А на что онъ министръ, если не для того, чтобы ломать себѣ голову надъ государственными вопросами.“ — Начальникъ

вспылилъ. „Вотъ какъ вы разсуждаете! Ваша работа никуда не годится, я самъ напишу этотъ докладъ.“ — Онъ взялъ перо и бумагу, а я удалился на свое мѣсто. Минуты двѣ онъ сидѣлъ съ перомъ въ рукахъ и собирался писать; затѣмъ онъ позвалъ меня мягкимъ голосомъ, — я подошелъ. „Садитесь“, сказалъ онъ ласково, „будемъ писать вмѣстѣ; — я васъ буду спрашивать, а вы отвѣчайте мнѣ.“ — Онъ меня спрашивалъ, я ему отвѣчалъ, и за тѣмъ онъ писалъ. Выходилъ рутинный докладъ, который по моему не улучшалъ проэкта ни на одинъ волосъ. Я горѣлъ желаніемъ спасти мое дѣло, на сколько возможно, и пошелъ на уступки. Я отказался отъ мысли сохранить поземельное владѣніе въ томъ видѣ, какой оно имѣло въ дѣйствительности, и, примѣняясь къ тогдашнимъ пріемамъ упрощенія задачи, я предложилъ: Можно въ видахъ улучшенія измѣнить проэктъ такъ. Въ волостяхъ, гдѣ приходится менѣе сорока пяти акровъ на душу, землю дѣлить поровну между башкирами и переселенцами; тамъ, гдѣ приходится менѣе шестидесяти акровъ, припущенникамъ давать сорокъ пять, а остальное дѣлить поровну между башкирами и татарами; тамъ, гдѣ приходится менѣе ста, припущенникамъ отрѣзать сорокъ пять, татарамъ шестьдесятъ, а остальное оставлять башкирамъ; тамъ, гдѣ приходится болѣе

ста, припущенниковъ и татаръ надѣлять полной, указанной въ проэктѣ пропорціей, а остальное считать надѣломъ башкиръ.“ Но мой начальникъ былъ уже упрямъ и не соглашался ни съ чѣмъ. Я пожалѣлъ, что я перемудрилъ и оставилъ безъ вниманія любимые у насъ пріемы упрощенія. Спустя нѣсколько дней я былъ въ гостяхъ у извѣстнаго нашего юриста и философа Кавелина. Когда я разсказалъ о моей неудачѣ, онъ воскликнулъ: „Ба, да это дѣло у меня, дайте мнѣ данныя, которыя вы собрали, я ими воспользуюсь.“ — Оказалось, что онъ начальникомъ отдѣленія въ Комитетѣ Министровъ и будетъ докладывать это дѣло. Я съ радостью передалъ ему все, что у меня было. Между тѣмъ Министръ Юстиціи возвратилъ докладъ и потребовалъ, чтобы къ нему была присовокуплена справка о положеніи башкирскихъ земель. Мой начальникъ взялъ у меня нѣсколько статистическихъ цифръ, изъ которыхъ нельзя было сдѣлать никакихъ заключеній, и этимъ оправдалъ свой докладъ. Впослѣдствіи я спросилъ Кавелина о судьбѣ башкирскаго дѣла; онъ сообщилъ, что въ Комитетѣ нашли, что надѣлъ по дѣйствительному владѣнію конечно былъ бы лучшимъ исходомъ, но у членовъ не было никакой охоты возиться съ такимъ сложнымъ дѣломъ, а потому они рѣшили передать

вопросъ въ государственный совѣтъ, пусть онъ разсматриваетъ его, какъ знаетъ. Такой способъ разрѣшенія поземельныхъ вопросовъ былъ въ то время самымъ обыкновеннымъ дѣломъ. Въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ, по выраженію крестьянъ, земледѣльцы сидѣли на своихъ земляхъ съ незапамятныхъ временъ, иногда съ тѣхъ временъ, когда о царствѣ русскомъ и помину не было, — правительство отъ времени до времени выдумывало производить порядокъ и издавало указы о надѣлѣ землями казаковъ, татаръ, калмыковъ, тептярей, ясачныхъ, русскихъ крестьянъ и т. д. При этомъ оно никогда не заботилось узнать, кто чѣмъ владѣетъ, сколько земли въ волостяхъ, станицахъ и т. д., а прямо на обумъ валяло свои указы; — они разумѣется оказывались на столько же неисполнимыми, какъ только что нами разсмотрѣнный проэктъ.

8.

Такая же анархія встрѣчалась и въ землевладѣніи городовъ. Приведу два случая, съ которыми мнѣ пришлось познакомиться. Въ астраханской губерніи существовало богатое и многолюдное селеніе; правительству вздума-

лось переименовать его въ городъ Царевъ. При этомъ вся земля, принадлежавшая селенію, признана была городскою собственностью. Когда земля эта была мірскою, тогда ею распоряжался сходъ по стародавнимъ обычаямъ, но въ качествѣ городской земли ею стало распоряжаться городское начальство. Оно и знать ничего не хотѣло о правахъ прежнихъ владѣльцевъ, а выдавало данныя на городскіе участки, кому хотѣло. Заручившись данной, новый землевладѣлецъ являлся къ старому домовладѣльцу, заявлялъ, что ему земля нужна и требовалъ, чтобы онъ убирался, куда хочетъ, съ своимъ домомъ, садомъ и прочимъ имуществомъ. Такой произвольный образъ дѣйствія раздѣлилъ городъ на партіи, готовыя перерѣзать другъ друга. Вслѣдствіе борьбы между партіями одно начальство смѣнялось другимъ. Вновь выбранное не признавало данныхъ своихъ предшественниковъ и выдавало другія своимъ приверженцамъ, и каждая усадьба получала по два и по три владѣльца. Подобная же неурядица оказалась въ одномъ многолюдномъ предмѣстьѣ Петербурга на Охтѣ, и при Александрѣ Имъ учреждена была коммиссія для приведенія тутъ поземельныхъ отношеній въ порядокъ. По поводу неурядицы въ городахъ упомяну еще объ одномъ родѣ дѣлъ, который попадалъ ко мнѣ на разсмотрѣніе.

Откупа и подряды составляли въ то время главный источникъ обогащенія, но для того, чтобы вступать въ нихъ, нужно было представлять залоги. Армяне, евреи и другіе безцеремонные спекуляторы придумали легкій способъ наживы. Они подкупали оцѣнщиковъ, которые оцѣнивали дома по крайне высокимъ цѣнамъ, за тѣмъ старались захватить у казны или получить отъ продажи вина какъ можно болѣе денегъ и тогда объявляли себя несостоятельными. Но такъ какъ оцѣнщики отвѣчали, если домъ не будетъ проданъ по оцѣнкѣ, то нужно было сдѣлать такъ, чтобы существовала причина пониженія цѣнъ на дома, которая бы ихъ оправдывала. Въ особенности въ нѣкоторыхъ южныхъ городахъ дома представлялись въ залогъ въ такомъ большомъ количествѣ, что значительная часть города оказывалась въ залогѣ. За тѣмъ лица, представившія эти залоги, объявляли себя несостоятельными, и огромное количество домовъ разомъ поступало въ продажу. Покупателей не было, цѣны падали до ничтожества. Изъ лицъ, находившихся въ стачкѣ, одни наживались тѣмъ, что объявляли себя банкротами, скрывъ свое имущество, другіе отъ того, что покупали дома за безцѣнокъ; а оцѣнщики выходили сухими изъ воды потому, что находили себѣ оправданіе въ пониженіи цѣнъ, естественномъ при

такомъ большомъ количествѣ домовъ, поступившихъ въ продажу. Если бы казна захотѣла спасти себя, растянувъ продажу на долгое время, то это бы ей не удалось. При продолжительномъ казенномъ управленіи дома пришли бы въ такой упадокъ, что опять казна ничего бы не выиграла.

9.

Башкирское дѣло составляло не единственный, оставшійся у меня въ памяти образецъ отвращенія къ основательному разсмотрѣнію законодательныхъ вопросовъ. Изъ законодательнаго отдѣленія императорской канцеляріи поступилъ въ министерство юстиціи вопросъ о нѣкоторыхъ преобразованіяхъ въ судопроизводствѣ остзейскаго края. Извѣстно, что судопроизводство остзейскаго края, такъ же, какъ англійское, образовалось исторически и не упрощено настолько, какъ русское чрезъ изданіе свода законовъ. Чтобы доложить вопросъ министру основательно, мнѣ пришлось сдѣлать историческій обзоръ отмѣнявшихся законовъ. Работа была не малая, а потому докладъ вышелъ большой. Директоръ возвратилъ его съ надписью: „Это обширное сочи-

ненiе, написанное во время крайняго досуга, я не имѣю возможности читать.“ — Тогда непосредственнымъ моимъ начальникомъ былъ составлявшiй блестящую карьеру сынъ министра народнаго просвѣщенiя. „Что же“, спросилъ я его, „написать другой докладъ?“ — „Вотъ вздоръ“, отвѣтилъ онъ, „министръ останется имъ очень доволенъ. Директоръ потому испугался, что никогда не видалъ такихъ чудовищныхъ докладовъ. Пусть полежитъ на окошкѣ недѣли двѣ; тѣмъ временемъ директоръ попривыкнетъ, тогда я его ему опять подамъ.“ Докладъ дѣйствительно полежалъ недѣли двѣ и за тѣмъ благополучно прошелъ. Приведу еще примѣръ, характеризующiй степень теологическихъ свѣдѣнiй у православнаго духовенства. Одинъ человѣкъ, судившiйся за принадлежность къ сектѣ скопцовъ, объявилъ, что онъ не скопецъ, а авелитъ. Такое заявленiе поставило въ тупикъ православныхъ теологовъ, и мнѣ пришлось писать для министра юстицiи записку о сектѣ авелитовъ. Я обратился въ лютеранскую библiотеку церкви Петра и Павла. То была значительная библiотека и притомъ единственная, гдѣ можно было по абонементу получать книги научнаго содержанiя. Я былъ тамъ абонированъ, а потому обратился къ библiотекарямъ. Они дали мнѣ кучу книгъ и притомъ одинъ фолiантъ, тол-

щиною въ три вершка; каждая страница имѣла четыре столбца, каждой сектѣ посвящался столбецъ, много полтора, только самыя извѣстныя секты получали болѣе мѣста. Тутъ я только убѣдился, какъ громадно число христіанскихъ сектъ и какія безобразныя идеи могли дѣлаться предметомъ вѣрованія и фанатизма христіанъ. Авелиты поставили себѣ цѣлью сдѣлать весь родъ человѣческій безплоднымъ на томъ основаніи, что угодившій Богу Авель былъ не женатъ, а преступный Каинъ размножалъ зло между людьми посредствомъ своего потомства. Изувѣрство такой идеи могло продержаться отъ втораго вѣка порожденіи Христа и до нашихъ дней.

ЧАСТЪ ВТОРАЯ.

АЛЕКСАНДРЪ II^ой.

Глава первая.

Вступленіе на престолъ Александра II-го.

1.

Императоръ Николай злополучно окончилъ свое царствованіе, и на престолъ вступилъ Александръ II-ой. Кончилось время реакціи и готовились либеральныя реформы. Всѣ увѣряли меня, что теперь судьба моя получитъ благопріятный оборотъ. Я продолжалъ заниматься законодательными вопросами. Въ это время взятъ былъ въ плѣнъ Шамиль, и намѣстникъ кавказскій Барятинскій вообразилъ себѣ, что онъ сдѣлался великимъ человѣкомъ. Онъ представилъ въ кавказскій комитетъ проэктъ преобразованія судоустройства на Кавказѣ. Его содержаніе заключалось приблизительно въ слѣдующемъ: Намѣстникъ Кавказа долженъ имѣть право учреждать какія ему угодно судеб-

ныя мѣста и должности, составлять для нихъ какіе ему угодно штаты, назначать и смѣнять всѣхъ судей, когда ему вздумается и т. п. Все это оправдывалось трудностью удерживать на Кавказѣ народъ въ повиновеніи и необходимостью замѣщать мѣста чиновниковъ въ значительныхъ размѣрахъ мѣстными жителями, такъ какъ русскіе не знакомы съ нарѣчіями Кавказа. Кавказскій комитетъ переслалъ проэктъ къ министру юстиціи, и мнѣ пришлось его разсматривать. Я былъ возмущенъ властолюбіемъ Барятинскаго, слывшаго другомъ императора и ближайшимъ его единомышленникомъ. Будущее Россіи стало рисоваться въ моемъ воображеніи вовсе не въ такихъ радужныхъ краскахъ, какимъ его разрисовывали другіе. Чѣмъ болѣе я вдумывался въ проэктъ, тѣмъ болѣе росло мое негодованіе; наконецъ я написалъ слѣдующій докладъ. Я разсмотрѣлъ права, которыя предоставлены намѣстнику кавказскому, нашелъ, что эти права вполнѣ достаточны и не требуютъ дальнѣйшаго разширенія. Что же касается до проэкта Барятинскаго, то онъ заключаетъ въ себѣ прямое покушеніе на императорскую власть. Я конечно понималъ, что обвиненіе такого человѣка, какъ Барятинскій, въ покушеніи на императорскую власть было дѣломъ очень серіознымъ, но мнѣ казалось, что это единственное средство,

чтобы положить предѣлъ его заносчивости. Мой непосредственный начальникъ, прочитавъ докладъ, отложилъ его. Однакоже на другой день онъ его возвратилъ мнѣ съ тѣмъ, чтобы его отдать переписать. Мнѣ разсказывали, что докладъ и въ министрѣ вызвалъ нѣкоторое колебаніе, однакоже онъ утвердилъ его, и, къ большому моему удовольствію, кавказскому комитету сообщено было мнѣніе министра юстиціи, что проэктъ Барятинскаго заключаетъ въ себѣ покушеніе на власть Александра II. Въ министерствѣ готовились къ судебной реформѣ, оно стало издавать журналъ, чтобы имѣть органъ, посредствомъ котораго могло бы вліять на общественное мнѣніе. Я написалъ для этого журнала очеркъ англійскаго судоустройства. Онъ произвелъ нѣкоторое впечатлѣніе между юристами. Министръ юстиціи призвалъ меня и благодарилъ за основательность и оригинальность изложенія. Въ публикѣ смѣялись и говорили, что наши правовѣды потому остались въ такомъ восторгѣ отъ моего труда, что въ немъ перечислены были высокіе оклады жалованья, которые получали судьи Англіи. Произошелъ курьезъ: извѣстный теперь всему свѣту реакціонеръ Побѣдоносцевъ въ разборѣ моего очерка находилъ мое изложеніе недостаточно либеральнымъ. Вотъ какъ мѣняются со временемъ люди. Я

помню Каткова въ то время, когда онъ пріѣхалъ въ Петербургъ испросить разрѣшеніе на изданіе Русскаго Вѣстника. Какъ разъ въ тотъ день, когда дѣло это было покончено въ его пользу, онъ послѣ званаго обѣда пріѣхалъ къ профессору Благовѣщенскому, у котораго я былъ въ гостяхъ, и высказывалъ свои горячія пожеланія на счетъ того, чтобы своимъ журналомъ способствовать созиданію либеральной конституціи въ Россіи. Я помню либеральные взгляды, которые высказывалъ Деляновъ, и хитрости, которыя онъ употреблялъ, чтобы спасать меня отъ когтей министра Путятина. Я впрочемъ вовсе не былъ такъ увлеченъ англійскими судебными учрежденіями, какъ могло показаться, но я имѣлъ заднюю мысль. На первый разъ я не ошибся въ своемъ расчетѣ и имѣлъ случай высказать свою идею, такъ какъ получилъ отъ министра порученіе изложить мой взглядъ на возможное въ Россіи преобразованіе судебныхъ учрежденій. Въ англійскомъ судоустройствѣ меня болѣе всего плѣняло право гражданъ жаловаться на дѣйствія всѣхъ должностныхъ лицъ прямо суду, который разсматривалъ эти дѣйствія въ публичномъ засѣданіи. Истиннымъ разсадникомъ административнаго произвола была жалоба по начальству. Какъ извѣстно, на материкѣ Европы жалоба по начальству была господствующимъ

порядкомъ, а англійское учрежденіе жалобы въ судъ встрѣчало очень мало подражателей. Я нашелъ возможность связать правило англійскаго судопроизводства съ установившимся уже въ Россіи обычаемъ и такимъ образомъ старался ввести его въ новыя судебныя учрежденія. Въ Россіи существовали сенаторскія ревизіи. Отъ времени до времени императоръ посылалъ сенатора, который ревизовалъ ту или другую губернію. Когда сенаторъ пріѣзжалъ для ревизіи, тогда всѣ граждане могли обращаться прямо къ нему съ жалобами на всѣхъ чиновниковъ, начиная отъ губернатора. Я предположилъ превратить случайныя ревизіи сенаторовъ въ постоянные объѣзды. Сенаторы объѣзжаютъ губерніи такъ же, какъ они это дѣлали во время своихъ ревизій, и обсуждаютъ подаваемыя имъ на чиновниковъ жалобы въ публичныхъ засѣданіяхъ. Конечно нельзя было ожидать, чтобы правительство допустило такой судъ сенаторовъ, если они будутъ не смѣняемы; но я находилъ, что для достиженія такой важной цѣли возможно было пожертвовать несмѣняемостью, по крайней мѣрѣ, тѣхъ изъ сенаторовъ, которымъ предоставлено было право непосредственно судить чиновниковъ; можно было предоставить государственному совѣту смѣнять сенаторовъ, которыхъ образъ дѣйствія оказался бы не согласимымъ съ безопасностью госу-

дарства. Я находилъ, что при тогдашнемъ неограниченномъ управленіи несмѣняемость судей будетъ существовать болѣе на бумагѣ, чѣмъ на дѣлѣ, и мое предположеніе оправдалось. Когда сенаторъ Гольтгоеръ присудилъ Пыпина и Жуковскаго не такъ строго, какъ того желалъ императоръ, Александръ IIй хотѣлъ его уволить; министръ юстиціи возразилъ, что сенаторы не смѣняемы, и получилъ отъ императора отвѣтъ: „я одинъ не смѣняемъ.“ — Судебные слѣдователи, въ качествѣ членовъ суда, должны были быть по закону несмѣняемыми, но министры юстиціи умѣли распоряжаться такъ, что могли смѣнять слѣдователей во всякое время, когда это для нихъ понадобится. Политическихъ преступниковъ судили сенаторы, а слѣдствія по политическимъ дѣламъ производили члены судебныхъ палатъ, и все-таки дѣло было поставлено такъ, что всѣ эти лица не могли оказывать администраціи и тѣни противудѣйствія. Одинъ изъ нихъ жаловался мнѣ, что даже слѣдствіе ни къ чему не служитъ, что эти дѣла обыкновенно бываютъ предрѣшены, и что дѣло судей заключается только въ томъ, чтобы придавать суду по возможности приличныя либеральныя формы. Большая часть сенаторовъ, судившихъ политическихъ преступниковъ, были когда то моими товарищами по службѣ. Тогда они были такъ

же либеральны, какъ Побѣдоносцевъ, Катковъ и Деляновъ, но честолюбіе заставило ихъ играть въ нѣкоторомъ смыслѣ роль страсбургскихъ гуссей; утверждаютъ, что предсѣдатель суда Петерсъ сдѣлался жертвою этого ложнаго положенія. Все это не трудно было предвидѣть, а потому я находилъ возможнымъ сдѣлать отступленіе отъ принципа несмѣняемости судей, ради предоставленія гражданамъ права жаловаться на чиновниковъ прямо въ судъ. Если даже въ Англіи важнѣйшій изъ судей, лордъ канцлеръ, выходитъ въ отставку вмѣстѣ съ своей партіей, то тѣмъ болѣе можно было допустить въ Россіи смѣняемость судящихъ чиновниковъ сенаторовъ. Если бы такое учрежденіе вошло въ нравы русскаго народа, то съ нимъ гораздо труднѣе было бы совладать, чѣмъ съ независимостью судей; мало этого, независимость судей много бы отъ этого выиграла. Публичное обсужденіе дѣйствій чиновниковъ, которыми граждане оказываются недовольными, на мѣстѣ дѣятельности этихъ чиновниковъ послужило бы прекрасною школою, какъ для гражданъ, такъ и для администраціи. Мои усилія не дали горячо желаемыхъ мною плодовъ: министръ Замятинъ нашелъ мой проэктъ слишкомъ радикальнымъ. Въ томъ же самомъ дѣлѣ будущій реакціонеръ Побѣдоносцевъ нашелъ меня слишкомъ консерватив-

нымъ, а либераль Замятнинъ слишкомъ радикальнымъ. Читатель увидитъ, что такая судьба постигла меня не разъ.

2.

Судьба моя стала принимать новый оборотъ. Однажды я получилъ бумагу изъ харьковскаго университета; въ ней университетъ предлагалъ мнѣ кафедру финансоваго права самымъ лестнымъ образомъ. Такъ какъ я не имѣлъ нужной для занятія кафедры ученой степени, то университетъ нашелъ средство обойти это препятствіе; онъ хотѣлъ назначить меня даже не адъюнктомъ (доцентомъ), но исправляющимъ должность экстраординарнаго профессора. Царствованіе Николая такъ понизило юридическія знанія въ Россіи, что трудно было найти хорошаго преподавателя финансоваго права, даже въ Петербургѣ профессоръ финансоваго права былъ крайней посредственностью. Я очень желалъ сдѣлаться профессоромъ, но я зналъ ничтожныя средства, которыми располагаютъ юридическіе факультеты. Благодаря либерализму Делянова, бывшаго тогда директоромъ публичной библіотеки, я получилъ помимо читательной залы свободный доступъ въ залы

библіотеки, гдѣ могъ пользоваться безпрепятственно какъ запрещенными книгами, такъ и тѣми изданіями, которыя по дороговизнѣ своей недоступны для частнаго лица. Тамъ было напр. полное собраніе англійскихъ статутовъ, многотомныя изданія Ганзарта, парламентскія дебаты, его парламентская исторія и другія подобныя изданія. Такія же изданія, касающіяся Соединенныхъ Штатовъ Америки, Германіи, Франціи, Бельгіи, Швейцаріи и т. д. Кромѣ того я имѣлъ доступъ къ другимъ библіотекамъ, гдѣ могъ читать запрещенныя книги и изданія, недоступныя по своей дороговизнѣ нашему брату. Со всѣмъ этимъ я не хотѣлъ разстаться, между тѣмъ я много слышалъ о бѣдности провинціальныхъ университетскихъ библіотекъ и въ особенности о ничтожности средствъ юридическаго факультета. Поэтому прежде, чѣмъ принять предложеніе университета, я написалъ знакомому мнѣ профессору химіи, перечислилъ тѣ изданія, которыя по моему мнѣнію необходимы для занятія наукою, и просилъ его справиться, есть ли они въ университетской библіотекѣ. При этомъ я присовокупилъ, что для самостоятельнаго занятія наукой юристу эти изданія такъ же необходимы, какъ химику лабораторія, медику анатомическій театръ, математику физическій кабинетъ и т. д. Знакомый мой передалъ это письмо на обсуж-

деніе совѣта и вышелъ курьезъ. Самый извѣстный и вліятельный изъ профессоровъ юридическаго факультета нашелъ мое требованіе чрезвычайнымъ и излишнимъ, съ нимъ согласились прочіе профессора этого факультета, но противъ нихъ возстали естественники, математики и медики и большинствомъ голосовъ поручили ректору увѣдомить меня офиціально, что университетъ употребитъ всѣ свои усилія для выполненія моего желанія. Я побѣдилъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ я увидалъ, что съ перваго дня моего появленія въ университетѣ я буду имѣть противъ себя юридическій факультетъ; нужно было подумать прежде, чѣмъ окончательно рѣшиться. Работать такъ, какъ я работалъ, было не въ обычаѣ не только въ Харьковѣ, но даже въ Петербургѣ. Въ публичной библіотекѣ, кромѣ меня, внѣ читальной постоянно занимался только одинъ Костомаровъ; я не могъ понять, какимъ образомъ другіе ученые въ своихъ историческихъ и юридическихъ работахъ обходятся безъ дорогихъ изданій публичной библіотеки. Борьба была необходима, и я хотѣлъ сначала посовѣтоваться съ профессоромъ Кавелинымъ, о которомъ я уже упоминалъ. Неожиданно я получилъ отъ него слѣдующій отвѣтъ: „Охота вамъ ѣхать въ Харьковъ преподавать финансовое право; оставайтесь у насъ и преподавайте государственное — это

ваша спеціальность.“ — Быть профессоромъ въ петербургскомъ университетѣ и преподавать государственное право было для меня верхомъ благополучія, я прямо высказалъ Кавелину эту мысль. „Но вы должны сначала“, продолжалъ онъ, „выдержать экзаменъ на ученую степень. Мы васъ пошлемъ на два года за границу, а черезъ два года вы будете занимать каѳедру международнаго права и государственнаго права европейскихъ державъ.“ — Мнѣ казалось, что я достигаю цѣли своей жизни. Въ апрѣлѣ 1861 го года я выдержалъ экзаменъ по главнымъ предметамъ, но такъ какъ наступили экзамены студентовъ, и факультету некогда было собираться, чтобы экзаменовать меня, то вопросъ о моей посылкѣ за границу былъ рѣшенъ и мнѣ предоставлено выдержать экзаменъ изъ побочныхъ предметовъ осенью, передъ выѣздомъ за границу. Теперь наступаетъ рѣшительный поворотъ въ моей жизни, а потому прежде, чѣмъ продолжать, я долженъ сдѣлать характеристику того политическаго движенія, которое началось со вступленіемъ Александра II го на престолъ.

3.

Я уже говорилъ о томъ, что Николай пріучилъ русское общество всякое политическое

восхваленіе и всякое политическое порицаніе сосредоточивать на лицѣ одного императора. Когда правительству курился фиміамъ, онъ относился къ лицу императора, когда секретно жестоко порицали его, порицали опять таки одного императора. Николай до такой степени привыкъ сосредоточивать въ своемъ лицѣ все правительство, всю политику, онъ такъ громко провозглашалъ — „государство — это я“, — онъ такъ настаивалъ на томъ, что кромѣ его въ Россіи никакой политической силы нѣтъ и не можетъ быть, что всѣ привыкли смотрѣть въ этомъ случаѣ его глазами. Этотъ взглядъ тѣмъ болѣе укоренился, что онъ составлялъ традицію. Еще Павелъ говорилъ: „Въ Россіи нѣтъ правъ, никто не имѣетъ правъ, кромѣ меня; только тотъ дворянинъ, кто со мною говоритъ и пока онъ со мною говоритъ.“ — Но вотъ фіаско прежней жизни породило необходимость реформъ, при этомъ, разумѣется, все общество должно было раздѣлиться на двѣ партіи: сторонниковъ и враговъ реформъ. Безъ поддержки со стороны общества никакія серіозныя реформы не были мыслимы. Мало того; чтобы дать дѣлу правильное обоснованіе, нужно было создать партію, способную поддерживать реформы, и дать этой партіи достаточную прочность и силу, чтобы выполнять свою задачу. Что такой планъ удался бы, видно изъ того,

что либеральная пресса съ перваго дня, когда цензура стала ее допускать, оказалась неизмѣримо сильнѣе консервативной. Къ ней не только принадлежали самыя вліятельныя газеты и журналы: Петербургскія Вѣдомости, Современникъ, Русскій Вѣстникъ, Отечественныя Записки, но Старчевскій, редакторъ листка, читавшагося маленькими людьми и имѣвшаго поэтому весьма большое число подписчиковъ, увѣрялъ, что безъ краснoты имѣть успѣхъ нельзя. Но правительство не думало искать опоръ въ общественномъ мнѣніи страны. Александру IIму твердили, что онъ тѣмъ крѣпче долженъ держаться за свою власть, чѣмъ серіознѣе будутъ тѣ реформы, которыя онъ предпринимаетъ. Милютинъ былъ первымъ поборникомъ сильной централизованной власти для произведенія реформъ. При дворѣ понимали только двойную игру: полновластный деспотизмъ и революцію. Милютинъ практиковалъ и то и другое, въ одно и то же время Константинъ разыгрывалъ роль Филиппа эгалите, консерваторы всѣ до единаго смотрѣли заговорщиками, готовыми вызвать революцію. Великое дѣло освобожденія крестьянъ поручено было сначала Ростовцеву, который былъ извѣстенъ обществу, какъ декабристъ, измѣнившій своимъ товарищамъ и сдѣлавшій на нихъ доносъ. По духу своему онъ въ теченіе долгаго царствованія

императора Николая вполнѣ сдѣлался николаевскимъ генераломъ. Между тѣмъ онъ при дворѣ считался ракидаломъ и энтузіастомъ. Таковы были воззрѣнія высшихъ сферъ на либерализмъ и радикализмъ, начиная отъ восшествія на престолъ Александра II-го и кончая настоящимъ днемъ. Только плечами пожимаешь, когда узнаешь, какіе люди тамъ считаются радикалами и либералами; по нашему, все это прогнившіе консерваторы, Ростовцевъ дѣйствительно оказался вполнѣ неспособнымъ выполнить возложенную на него задачу; онъ такъ низко цѣнилъ великую историческую роль, которую ему приходилось играть, что хотѣлъ провалить реформу, чтобы отомстить Милютину за то, что его жена не согласилась сдѣлаться его любовницей. Когда императору пришлось удалить его за это, тогда онъ назначилъ предсѣдателемъ крестьянскаго комитета графа Панина. Въ предъидущемъ изложеніи я уже до нѣкоторой степени охарактеризовалъ Панина. Онъ былъ отъявленный консерваторъ; приведу еще одинъ примѣръ, чтобы показать, до чего доходило его капризное самодурство. Однажды преданный ему и душою и тѣломъ директоръ Топильскій докладываетъ ему дѣла; среди занятій входитъ лакей и говоритъ, что подведена къ крыльцу верховая лошадь для дочери графа. Они выходятъ съ Топильскимъ на дворъ, молодая

графиня въ первый разъ въ жизни должна сѣсть на коня и не можетъ рѣшиться. „Покажите ей, что въ этомъ нѣтъ ничего опаснаго, садитесь, прокатитесь“, говоритъ графъ Топильскому. Директоръ замѣчаетъ ему, что дворъ отдѣленъ отъ улицы только сквозной рѣшеткой, и что въ мундирѣ и въ звѣздахъ ему неудобно гарцовать передъ публикой на дамскомъ сѣдлѣ. Черезъ нѣсколько дней Панинъ приказываетъ ему явиться къ себѣ запросто въ сюртукѣ; Топильскій въ точности исполняетъ приказаніе. Неожиданно подводятъ къ крыльцу лошадь, осѣдланную въ дамское сѣдло. „Теперь вы безъ орденовъ“, говоритъ Панинъ, „потрудитесь прокатиться.“ — И сѣдовласое превосходительство должно было какъ гаеръ эквилибрировать на дамскомъ сѣдлѣ передъ любопытными зрителями. Другой разъ графъ заставилъ его ловить на крышѣ пѣтуха, который его обезпокоилъ. Не трудно понять, на сколько подобный человѣкъ былъ способенъ замѣнить грубый николаевскій режимъ гуманностью и уваженіемъ къ человѣческой личности. Онъ отнялъ цѣлое состояніе, большой каменный домъ въ Петербургѣ у своего крѣпостнаго не по жадности, а по одному самодурству; у него было 14000 душъ (30000 людей) крѣпостныхъ, изъ нихъ онъ 7000 душъ держалъ на барщинѣ, т. е. въ безотчетномъ распоряженіи своихъ прикащиковъ; въ Россіи

не было ни одного вельможи, который доходилъ бы до такихъ предѣловъ рабовладѣльческаго деспотизма. Когда императоръ въ первый разъ высказалъ свое намѣреніе освободить крестьянъ, тогда графъ Паниннъ, не стѣсняясь, кричалъ на весь Петербургъ, что нужно повѣсить того, кто далъ императору эту мысль. Его слуга Топильскій собралъ насъ и произнесъ намъ рѣчь, которую окончилъ словами: „что же теперь будетъ, демократія и царь къ чорту; за что же вѣдь мы ему присягали“. — Нельзя сказать, чтобы такой реформаторъ могъ поселить въ публикѣ увѣренность, что крестьянская реформа дастъ тѣ благіе плоды, которые отъ нея слѣдовало ожидать. Не мудрено, если либеральная публика была взволнована и полна недовѣрія, между тѣмъ эти самые консерваторы, которые удержали въ рукахъ власть, усердно заботились о томъ, чтобы дѣло приняло революціонное направленіе. Поставивъ себя въ такую нелѣпую обстановку, Александръ далъ нѣкоторую свободу рѣчи. Проводить реформы и не дать прессѣ возможность высказываться свободнѣе, хотя бы для того, чтобы поддерживать эти реформы, было немыслимо. Опять таки императоръ сдѣлалъ это дѣло такъ, что сдѣлалъ по крайней мѣрѣ для писателей данную свободу горше горькаго. Быстро развилась литература, полная энергіи и блестящаго остро-

умія. Читая эту восхитительную проповѣдь гуманности, нападки часто добродушныя, всегда граціозныя и остроумныя на міровоззрѣніе временъ Николая, публика испытывала облагораживающее вліяніе новыхъ идей; все это разсказывалось въ такомъ веселомъ тонѣ, и поучало, и увлекало, и забавляло до такой степени, что никто не могъ устоять. Успѣхъ новой либеральной литературы былъ громадный. Но этотъ успѣхъ тяжко отзывался на бокахъ писателей. Въ особенности къ первостепеннымъ писателямъ цензура относилась съ такой безусловной враждебностью и подозрительностью, что она превращала для нихъ жизнь и карьеру писателя въ адское мученіе. Чернышевскій и Добролюбовъ были тогда первыми изъ писателей, тѣми, которые владѣли и сердцами и умами въ Россіи; жизнь ихъ до такой степени отравлялась цензурой, что Добролюбовъ умеръ отъ чахотки; участь Чернышевскаго извѣстна. Императоръ поступалъ такъ искусно, что со всѣхъ сторонъ обставилъ себя врагами, и консерваторы и либералы одинаково ненавидѣли правительство и имѣли полное основаніе такъ поступать. Никакъ нельзя сказать, что такая злополучная обстановка вытекала изъ естественныхъ условій, въ которыхъ производились реформы; наоборотъ, условія эти были до того благопріятны, что мнѣ не извѣстенъ въ исторіи

ни одинъ государь-реформаторъ, который пользовался бы такой прекрасной обстановкой дѣла. Это было какъ разъ то время, когда въ западной цивилизаціи политическій энтузіазмъ, которымъ она горѣла такъ долго, замѣнился соціальнымъ. Важную заслугу Чернышевскаго составляетъ его споръ съ экономическимъ указателемъ, въ которомъ онъ доказывалъ, что общинное владѣніе или мірское крестьянское землевладѣніе заключаетъ въ себѣ великій соціальный принципъ. Исходя изъ этой точки зрѣнія, можно было бы безъ малѣйшаго труда, рядомъ съ освобожденіемъ крестьянъ, создать такую соціальную реформу, которая бы сразу поставила Россію во главѣ соціальнаго движенія въ западной цивилизаціи. Когда въ XVIII-мъ вѣкѣ народъ Соединенныхъ Штатовъ Америки очутился въ такомъ благопріятномъ положеніи для политической реформы, въ какомъ въ это время ни одинъ изъ народовъ западной цивилизаціи не находился, это одушевило его такимъ восторгомъ, что онъ могъ создать считавшееся тогда окончательно невозможнымъ федеративное демократическое государство и создать его на такихъ прочныхъ основаніяхъ, что устои эти держатся такъ же крѣпко теперь, какъ держались въ первый день обнародованія федеральной конституціи. Россія въ началѣ царствованія Александра II-го была

именно въ такомъ же благопріятномъ положеніи для соціальной реформы, въ какомъ Соединенные Штаты въ XVIIIмъ вѣкѣ были для политической. Если выдѣлить западныя окраины, присоединенныя къ Россіи отъ Швеціи и Польши, то оказывалось, что громадное большинство, на огромныхъ пространствахъ девять десятыхъ рабочаго класса т. е. крестьяне, земледѣльцы, казаки и т. д., имѣли чрезъ мірскія земли въ своихъ рукахъ свое орудіе труда, они поголовно имѣли собственное хозяйство и земли помѣщиковъ обработывали своимъ инвентаремъ. Помѣщики, наоборотъ, вовсе не имѣли вполнѣ обставленнаго хозяйства, крестьяне воздѣлывали на ихъ земляхъ и снабжали ихъ хлѣбомъ, мясомъ, продуктами садоводства и винодѣлія, какъ для собственнаго ихъ потребленія, такъ и для продажи; помѣщики имѣли только сады и оранжереи, въ качествѣ предметовъ роскоши, и нѣкоторое количество птицъ и скота на скотныхъ дворахъ. Большинство людей жило на государственныхъ и другихъ земляхъ, безпредѣльныхъ въ безпредѣльной Россіи, и не было крѣпостныхъ помѣщиковъ. Изъ числа прочихъ рабочихъ большинство составляли ремесленники и кустари, которые были собственниками орудій своего труда. Крупныя заведенія, работающія дорого стоющими машинами и съ дробнымъ

раздѣленіемъ труда только возникали. Было очень легко вмѣстѣ съ крестьянской реформой создать такое соціальное законодательство, которое въ области соціальной составило бы такой же шагъ впередъ, какой федеративная демократія составила въ политической. Если бы русское общество, на которое люди западной цивилизаціи такъ долго смотрѣли съ презрѣніемъ и высокомѣріемъ, почувствовало, что оно становится во главѣ цивилизаціи и выполняетъ великую историческую миссію, то его восторгъ далеко превзошелъ бы энтузіазмъ американскаго народа при созиданіи федеративной демократіи. Если столько энтузіазма порождалось тѣми запоздалыми реформами, послѣ которыхъ мы не могли даже надѣяться сравняться съ западными государствами, то что было бы, если бы мы увидали возможность стать во главѣ движенія?! При тѣсной связи, которая явилась бы между дѣятелями реформы и литературой, если бы эти дѣятели вышли изъ среды литературы и поддерживались ею, первостепенные писатели прекрасно сумѣли бы поддержать и разжечь энтузіазмъ общества, объясняя ему всемірное значеніе переворота. Императору легко было бы писателей всѣхъ оттѣнковъ, сочувствующихъ реформамъ, поставить въ такое положеніе, что имъ необходимо было бы сплотиться и дѣйст-

вовать съ полнымъ единодушіемъ противъ консерваторовъ; это дѣло было вполнѣ въ его рукахъ и оно бы ему несомнѣнно удалось, если бы онъ оставилъ въ сторонѣ всякія постороннія соображенія, а руководствовался исключительно популярностью выбираемыхъ имъ людей. Общество и императоръ поддерживались бы съ запада по крайней мѣрѣ на столько же, на сколько поддерживались американцы, созидавшіе Соединенные Штаты; неограниченный императоръ, осуществляющій соціальную идею въ такихъ обширныхъ размѣрахъ и съ такимъ полнымъ успѣхомъ, о которомъ на западѣ невозможно было и думать, былъ бы для западной Европы поразительнымъ и назидательнымъ зрѣлищемъ.

4.

Что же вышло изъ того, какъ поставлено было дѣло въ дѣйствительности? Либеральное общество и писатели оставлены были отъ дѣла совершенно въ сторонѣ, отъ этого у нихъ не могло быть и тѣни того серіознаго настроенія, какое господствовало бы, если бы они признавали дѣло практическихъ реформъ своимъ дѣломъ. Писатели и редакторы забо-

тились только о томъ, чтобы статьи читались легко, восхищали и волновали общество. О томъ, чтобы они стали поддерживать такихъ реформаторовъ, какъ Панина, смѣшно было думать. Панинъ либеральному обществу ничего, кромѣ ненависти, не внушалъ и внушать не могъ. Ненависть къ грубости временъ Николая, крайняя низменность стремленій этого грубаго времени побуждали общество пропитываться идеями прямо противуположными, идеями безпредѣльной гуманности и свободы, полнаго отреченія отъ прежнихъ традицій, стремленія освободиться отъ всякихъ стѣсненій въ исполненіи своихъ желаній и, въ особенности, отъ всякой опеки. Правительство хотѣло по прежнему опекать общество и заставить его играть туже самую роль, какую оно играло при Николаѣ, роль вѣрноподданнаго народа, вполнѣ полагающагося на мудрость своего правительства и восторженно восхваляющаго его благодѣянія. Общество ненавидѣло эту роль, но такъ какъ теперь правительство перестало быть консервативнымъ и сдѣлалось правительствомъ реформъ, то общество стало ставить себѣ такой высокій идеалъ, какой для правительства былъ недостижимъ къ осуществленію. Возродился или лучше сказать расцвѣлъ старый идеалъ временъ Петрашевскаго — идеалъ Фурье. Чернышевскій кончилъ тѣмъ, что въ

знаменитомъ своемъ романѣ: „Что дѣлать“ — проповѣдывалъ этотъ идеалъ. Явился нигилизмъ съ его идеей торжества безграничной свободы. По сравненію съ такимъ идеаломъ, всевозможныя реформы казались ничтожными. Теперь ученіе Фурье получило совсѣмъ другое значеніе, чѣмъ то, какое оно имѣло при Петрашевскомъ. Оно перестало быть прелестной, облагораживающей людей мечтой и сдѣлалось орудіемъ борьбы. Соціальныя ученія, вынесенныя въ западной Европѣ изъ кабинетовъ мыслителей на улицу, превратились въ грозный соціальный вопросъ. Ученіе Фурье, получившее обликъ нигилизма, подняло революціонное знамя. Притязаніямъ правительственной опеки нигилизмъ противупоставилъ революціонную пропаганду; дѣло поставлено было такъ, что въ душѣ каждаго свободомыслящаго человѣка царило неизгладимое противурѣчіе. Съ одной стороны готовились реформы; наконецъ то мы выходимъ изъ мрака, сердце готово было восторженно обожать Александра II-го; съ другой его высокомѣрная правительственная опека оскорбляла до глубины души. Поручить крестьянскую реформу такому ненавистному человѣку, какъ Панину, можно ли было показать большее презрѣніе къ чувствамъ и ожиданіямъ общества? Можно ли было поставить цензуру и литературу такъ, какъ онѣ были поставлены?!

Герценъ и Огаревъ были великими, всѣмъ извѣстными мучениками за свободу, они вполнѣ заслужили получить теперь полное вознагражденіе за свои страданія. Герценъ и Огаревъ, пока они оставались подпольными писателями, могли проповѣдывать только революцію. Эта пропаганда, ничтожная при Николаѣ, получила теперь громкую извѣстность; государственные люди въ родѣ Милютина поддерживали ее тѣмъ, что снабжали Герцена пикантными извѣстіями, а консерваторы изъ ненависти къ императору старались раздувать движеніе. Какъ счастливы поляки, думалъ я, у нихъ слово и дѣло могутъ идти въ ногу. Пресса громко проповѣдывала, что отъ словъ нужно перейдти къ дѣлу; но какое же это могло быть дѣло? Общество было отстранено отъ всякаго дѣла: — это дѣло могло быть однимъ — революціонной пропагандой. И не мудрено было сочувствовать революціонной пропагандѣ. Не было никакой надежды, чтобы соціальная миссія Россіи была выполнена правительствомъ Александра II-го, а революціей она непремѣнно была бы выполнена. Кромѣ того честная революціонная пропаганда, при которой человѣкъ научался жертвовать собою для идеи, облагораживала его нравственно; а двойственность того времени, при которой и честный и негодяй-карьеристъ одинаково проповѣдывали

передовыя идеи и одинаково подозрѣвались въ предательствѣ, воспитывала въ среднемъ человѣкѣ шпіона и переметную суму, а не честную личность. Такъ упущенъ былъ превосходный случай сдѣлать изъ русскихъ великій народъ, стоящій во главѣ соціальнаго прогресса въ западной цивилизаціи; я много разъ думалъ, что если бы на мѣстѣ Александра IIго стоялъ Петръ великій, онъ не упустилъ бы этого случая.

Глава вторая.

Первое мое участіе въ политическихъ движеніяхъ.

1.

Между министрами однимъ изъ наболѣе прозорливыхъ былъ министръ народнаго просвѣщенія Ковалевскій. Онъ съ большимъ тактомъ способствовалъ развитію либеральныхъ идей въ университетахъ. Въ особенности въ петербургскомъ университетѣ свободное и организаціонное движеніе между студентами все далѣе пускало свои корни. Студенты имѣли сходки, на которыхъ обсуждали свои общія дѣла, составили организаціи, имѣли кассу. Прежде всего они обратили вниманіе на бѣдныхъ студентовъ. Произведено было правильное изслѣдованіе нищеты между учащимися и дало поразительные результаты; найдены были напр. два студента, которые жили въ шкафу; студентъ,

который жилъ зимою въ дощатой будкѣ, гдѣ когда то помѣщалась известь. Профессоръ Спасовичъ организовалъ студенческій судъ, дѣйствовавшій по всѣмъ правиламъ европейскихъ публичныхъ судовъ съ присяжными, адвокатами и т. д. Студенческія организаціи въ Петербургѣ дѣйствовали прекрасно, порядокъ на сходкахъ и публичныхъ собраніяхъ былъ образцовый. Ободренный успѣхомъ своихъ мѣръ, Ковалевскій задумалъ серіозныя реформы въ области народнаго просвѣщенія и представилъ ихъ въ государственный совѣтъ. Проэктъ этотъ поставилъ себѣ цѣлью дать образованію въ Россіи тотъ толчокъ, въ которомъ оно такъ нуждалось; но это перепугало нашихъ обскурантовъ; они по натурѣ своей могли господствовать только, или убивая мысль, или распространяя кругомъ себя безпорядки; съ ихъ существованіемъ согласовались только деспотизмъ или революція; никакой мирный шагъ прогресса не былъ возможенъ тамъ, гдѣ появлялось ихъ мрачное лицо. Во главѣ съ Нашинымъ и Строгановымъ, этими двумя исчадіями ада, созданнаго въ Россіи императоромъ Николаемъ, они принялись разрушать прекрасное дѣло министра Ковалевскаго. Императоръ Александръ, въ которомъ реакціонеръ-деспотъ и реформаторъ составляли самую злополучную смѣсь, согласился съ ними, и Ковалевскій вышелъ въ

отставку. Строгановъ, бывшій попечитель московскаго университета, былъ знаменитый бичъ, которымъ императоръ Николай хлесталъ все, что порывалось мыслить; далѣе точки зрѣнія Де Метра онъ ничего не признавалъ и ненавидѣлъ все, что одѣлано было мыслію въ теченіе XIX^го вѣка потому, что онъ всего этого не зналъ, а если и зналъ что нибудь, то не въ состояніи былъ понять. И такой человѣкъ съ помощью Панина сдѣлался душою того заговора мракобѣсія, который имѣлъ цѣлью хлестать казацкой нагайкой несчастное русское просвѣщеніе. Даже Деляновъ устыдился роли строгановской нагайки и отказался быть попечителемъ петербургскаго университета; заговорщикамъ пришлось вмѣстѣ съ новымъ министромъ назначать и новаго попечителя; это не составило затрудненія, потому что для выполненія всякой мерзости всегда найдется мерзавецъ. Только русскому императору могла придти въ голову мысль одновременно выкинуть два знамени — и знамя реформъ и знамя мракобѣсія. Вся Россія тогда кричала противъ радикальнаго пустословія, которое было на устахъ у всякаго взяточника и карьериста, и отъ котораго каждый изъ нихъ немедленно бы отказался, чтобы сдѣлаться шпіономъ; вся Россія требовала серіознаго дѣла, и вотъ представился первый случай сдѣлать серіозное дѣло. Нужно

было спасти русское просвѣщеніе отъ интриги стараго пролаза Строганова, нужно было открыть императору глаза на эту увертливую лисицу тѣмъ болѣе, что императоръ довѣрялъ ему воспитаніе наслѣдника престола, можетъ быть, на погибелъ для Россіи. Къ несчастью эта интрига была извѣстна въ настоящемъ своемъ видѣ только въ Петербургѣ, но за то же здѣсь и профессора и студенты рѣшились единодушно протестовать и противъ мѣръ, порожденныхъ интригой, и противъ удаленія Ковалевскаго. Имѣлось въ виду совершенно новое дѣло для Петербурга — политическая манифестація. Оказалось, что студенты были уже прекрасно подготовлены къ такому проявленію свободы; между ними оказался нѣкто Михаелисъ, составившій остроумный планъ для веденія этого дѣла. Студенты дѣлились на кружки; Михаелисъ изъ всякаго кружка выбралъ наиболѣе вліятельнаго человѣка и составилъ изъ нихъ такъ называемую центральную сходку. Они собирались гдѣ либо въ частной квартирѣ и по большинству голосовъ рѣшали, какъ дѣйствовать. Когда за тѣмъ собиралась общая сходка, тогда ораторы говорили въ разбродъ, а члены центральной сходки всѣ говорили въ одномъ направленіи; на сходкахъ господствовала полная свобода и полный порядокъ, а между тѣмъ дѣла рѣшались въ заранѣе предусмотрѣн-

номъ направленіи, такъ какъ центральная сходка служила наиболѣе вѣрнымъ выраженіемъ мнѣнія всѣхъ студентовъ. Я отправился на васильевскій островъ къ декану юридическаго факультета спросить, когда назначенъ мой дополнительный экзаменъ, и съ нимъ вмѣстѣ прошелъ въ университетъ. Къ крайнему моему удивленію, я нашелъ площади, окружающіе университетъ, и самый университетскій дворъ переполненными народомъ; возлѣ университета стояло войско. Оказалось, что я неожиданно попалъ на ту сходку, которая устроила первую по времени манифестацію въ колокольной улицѣ. Я долженъ признаться, что я любовался на тотъ порядокъ и на самообладаніе, съ которымъ дѣйствовали студенты. Полиція повторяла: „Господа лишніе удаляйтесь!“ Кто то изъ толпы отвѣтилъ: „Полиція лишняя“. — И дѣйствительно, полиція была совершенно лишняя, такъ какъ не было и тѣни нарушенія порядка; но я все таки находилъ ея присутствіе очень полезнымъ, потому что въ виду этого присутствія законность сходки не подлежала ни малѣйшему сомнѣнію. Я пробылъ на митингѣ до конца и возвратился домой въ самомъ радужномъ расположеніи духа. Если дѣла пойдутъ такъ, какъ они шли сегодня, то не будетъ ни малѣйшей основательной причины мѣшать гражданамъ собираться мирно и

выражать правительству свои воззрѣнія на общественныя дѣла, такъ или иначе отзывающіяся на нихъ. На другой день я узнаю, что въ ночь Михаелисъ и вся собиравшаяся у него центральная сходка арестованы. Послѣдствія было не трудно предвидѣть: въ университетахъ по всей Россіи начались безпорядки. Вопросъ, кто былъ причиною этихъ безпорядковъ; я не могъ надивиться образу дѣйствія императора Александра, онъ объяснялся только тѣмъ безобразнымъ воспитаніемъ, которое онъ получилъ самъ и которое хотѣлъ также дать своему сыну, назначивъ къ нему воспитателемъ Строганова. Какимъ образомъ у него въ головѣ могли совмѣститься ученія Де Метра, которыхъ извѣстнымъ поклонникомъ былъ Строгановъ, и либеральныя реформы, я окончательно отказываюсь понимать, но если бы у него былъ хотя одинъ совѣтникъ, имѣющій каплю здраваго смысла въ головѣ, то онъ бы ему указалъ на опасность его образа дѣйствія. Произвольный и предательскій арестъ Михаелиса и центральной сходки вызвалъ въ университетѣ безпорядки; противъ студентовъ пущены были въ ходъ нагайки, приклады и штыки; аресты производились массами. Чтобы помѣшать интриганамъ продолжать свое преступное дѣло, мы рѣшились подать всеподданнѣйшее прошеніе о помилованіи студентовъ, опять таки съ глав-

ною цѣлью открыть императору глаза на это дѣло. Администрація тотчасъ стала преслѣдовать это прошеніе; я помню, что я собиралъ подписи слѣдующимъ образомъ: когда ко мнѣ подходилъ желающій подписаться, я объяснялъ ему, что прошеніе преслѣдуется администраціей и спрашивалъ, согласенъ ли онъ подписаться при такомъ условіи; не оказалось ни одного отказавшагося отъ подписи. Тайная полиція, предположивъ, что прошеніе хранится у извѣстнаго впослѣдствіи адвоката и предсѣдателя совѣта присяжныхъ повѣренныхъ, а тогда чиновника Стасова, сдѣлала у него обыскъ и арестовала его. На другой день министръ юстиціи сдѣлалъ по министерству запросъ о подписавшихся, всѣ до одного назвали себя. Отъ всѣхъ потребовано было одно общее объясненіе, а отъ меня, такъ какъ я до извѣстной степени принадлежалъ университету, особое. Общее объясненіе написалъ знаменитый впослѣдствіи адвокатъ, много лѣтъ бывшій предсѣдателемъ совѣта присяжныхъ повѣренныхъ, Арсеньевъ. Я въ своемъ объясненіи привелъ законы, дающіе всякому русскому право петиціонировать, и прибавилъ, что я счелъ своимъ долгомъ подать руку помощи молодымъ людямъ, которыхъ постигло несчастье, тѣмъ болѣе, что мнѣ было извѣстно, что они желали дѣйствовать законно, и если въ этомъ не успѣли, то только потому,

что были поставлены въ условія, въ которыхъ не могли дѣйствовать такъ законно, какъ предполагали. Мнѣ заявили, что послѣ моего указанія на то, что студенты были вовлечены дѣйствіями администраціи, я буду непремѣнно арестованъ и сосланъ. Поэтому на другой день я написалъ открытое письмо къ обществу, въ которомъ, во избѣжаніе искаженія смысла моего образа дѣйствія во время моего ареста, объяснялъ обществу, что я считаю предоставленное въ основныхъ русскихъ законахъ каждому русскому право петиціи такимъ правомъ, отъ котораго русскіе ни въ какомъ случаѣ отступаться не должны. Въ неограниченной монархіи такой законъ не можетъ быть отмѣненъ потому, что императоръ не можетъ безъ него обойтись, иначе онъ можетъ сдѣлаться жертвою не только обмана, но заговора своихъ приближенныхъ и измѣны; шпіонамъ нельзя вѣрить, а честные люди не будутъ доносить, а будутъ только петиціонировать. Существовало особое учрежденіе для пріема этихъ прошеній: императоры Николай и Александръ II ежедневно гуляли по дворцовой набережной въ извѣстный всѣмъ часъ и лично принимали прошенія; по установившемуся обычаю прошенія принимались и единоличныя, и коллективныя, и притомъ безъ всякаго ограниченія ихъ содержанія; только тогда прошеніе считается про-

тивузаконнымъ, когда заговорщики прикрываютъ предлогомъ подачи прошенія движенія поднятой ими толпы, когда прошеніе подастся скопомъ и заговоромъ, какъ говорится въ законѣ. Администрація, пользуясь своей безнаказанностью, настаивала на томъ, что она имѣетъ право принимать коллективныя прошенія каждый разъ, когда это полезно для ея цѣлей, а всѣ ей непріятныя признавать составленными скопомъ и заговоромъ. Я обращаюсь къ юристамъ всего цивилизованнаго міра и спрашиваю ихъ: можно ли признать прошеніе составленнымъ скопомъ и заговоромъ въ тѣхъ случаяхъ, когда о заговорѣ для насильственнаго низверженія императора или установленнаго народомъ правительства нѣтъ и помину. Разъ существуетъ законъ и установившійся обычай, правительство обязано принимать петиціи какъ въ тѣхъ случаяхъ, когда онѣ ему нравятся, такъ и въ тѣхъ, когда онѣ ему не нравятся. Едва я успѣлъ окончить письмо, какъ вошелъ курьеръ и потребовалъ меня къ члену слѣдственной коммиссіи барону Врангелю. Я положилъ письмо въ карманъ съ цѣлью передать его для распространенія. У Врангеля я нашелъ Арсеньева. Добродушный баронъ со слезами на глазахъ сталъ уговаривать насъ отказаться отъ права подавать петиціи, иначе насъ сошлютъ въ Сибирь. Я попросилъ у него доз-

воленіе посовѣтоваться съ Арсеньевымъ. Былъ уже шестой часъ, но возбужденіе въ министерствѣ юстиціи было такъ велико, что множество чиновниковъ осталось дожидаться нашего рѣшенія; мы не могли найти мѣста, чтобы поговорить, насъ тотчасъ окружила толпа. Мы удалились въ безобидное счетное отдѣленіе, но и тамъ были люди, хотя не искусившіеся въ политикѣ. Не желая объясняться, я вынулъ изъ кармана написанное мною письмо и передалъ его Арсеньеву; читая его, онъ сдѣлался очень серіозенъ и потомъ объявилъ, что со мною вполнѣ согласенъ. Лишь только мы вышли изъ комнаты, гдѣ совѣщались, насъ окружила толпа, и намъ пришлось объяснять наше поведеніе передъ цвѣтомъ русской юриспруденціи. Арсеньевъ въ прочувствованныхъ словахъ выразилъ наше мнѣніе, что мы не можемъ отказаться отъ права петиціонировать, такъ какъ это единственный путь, предоставленный русскому народу для выраженія правительству своихъ потребностей, мы не можемъ также признать взгляды и дѣйствія администраціи въ этомъ дѣлѣ согласными со смысломъ и съ духомъ закона. Слова Арсеньева встрѣчены были съ энтузіазмомъ. Съ той минуты, когда мы передали нашъ отвѣтъ Врангелю, наша судьба считалась рѣшенною, однакоже на дѣлѣ вышло не

такъ. Министръ возвратился изъ дворца съ совсѣмъ другимъ взглядомъ на дѣло; всякое политическое преслѣдованіе по отношенію къ намъ было прекращено на томъ основаніи, что въ нашихъ дѣйствіяхъ не обнаруживалось намѣренія сопротивляться закону и власти императора. Между тѣмъ броженіе между студентами и въ публикѣ продолжалось. Либеральные профессоры петербургскаго университета, не желая подчиняться новому направленію, данному просвѣщенію, вышли въ отставку; такой неслыханный дотолѣ образъ дѣйствія произвелъ въ обществѣ большую сенсацію. Однажды Лавровъ повелъ меня на собраніе людей, желавшихъ организовать движеніе съ цѣлью петиціонировать противъ образа дѣйствія правительства въ области народнаго просвѣщенія. Когда я прислушивался къ настроенію умовъ въ то время, для меня не подлежало сомнѣнію, что если бы обществу дана была свобода дѣйствія, то громадное большинство образованныхъ людей подписалось бы подъ подобной петиціей, а между тѣмъ на лицахъ людей въ томъ собраніи, гдѣ я очутился, было написано одно уныніе. Всѣ были убѣждены, что правительство не только не уступитъ общественному мнѣнію, но что оно приметъ самыя крутыя мѣры, чтобы помѣшать обществу проявиться. Образованное общество чув-

ствовало себя вполнѣ безсильнымъ и парализованнымъ, не имѣя опоры подъ своими ногами. Опору эту могъ доставить одинъ только народъ своею массою, а народъ былъ вполнѣ неспособенъ понять цѣль такого движенія по недостатку своего развитія; этотъ недостатокъ правительство и желало увѣковѣчить своими мѣрами. Остановить развитіе народа путемъ мирной и открытой пропаганды правительство имѣло тысячи средствъ, оно было безсильно только противъ подпольной, а подпольная, за которую ссылали въ каторжныя работы, могла быть только революціонной. Было слишкомъ ясно, что все, что жаждало дѣятельности, все, что не было въ состояніи перенести того унизительнаго положенія, въ которое были поставлены мирные пропагандисты, должно было перейти къ подпольной и революціонной пропагандѣ. Я чувствовалъ фальшивую ноту въ революціонной пропагандѣ противъ государя, который дѣйствовалъ сравнительно съ отцомъ своимъ либерально, но съ другой стороны я видѣлъ, что давать придворнымъ обскурантамъ возможность такъ грубо торжествовать надъ либералами составляла прямую деморализацію той сферы, въ которой вращался императоръ и которая могла на него воздѣйствовать. То, что слѣдовало ожидать, совершилось: Строгановскій заговоръ противъ народнаго просвѣ-

щенія далъ сильный толчокъ революціонной пропагандѣ, вліяніе Герцена возростало. Въ Москвѣ, гдѣ движеніе мирнаго прогресса между студентами рано встрѣтило со стороны администраціи самый грубый и безцеремонный отпоръ, энергическіе студенты скоро стали на сторону революціи; они устроили первую по времени тайную типографію; типографія была открыта, и учредители были сосланы въ каторжныя работы. Михайловъ, который привезъ изъ Лондона первыя революціонныя прокламаціи, сдѣлался самымъ популярнымъ въ Россіи человѣкомъ и его шествіе въ каторжныя работы было тріумфальнымъ шествіемъ. Въ Петербургѣ въ это время самыми популярными людьми были Чернышевскій и Костомаровъ. Популярность Чернышевскаго сильно возросла отъ того, что онъ энергически примкнулъ къ революціонному движенію, а популярность Костомарова пострадала отъ того, что онъ не хотѣлъ этого сдѣлать. Въ Петербургѣ тайная типографія могла издавать періодическое изданіе.

2.

Послѣ освобожденія крестьянъ начались попытки дворянскихъ собраній, желавшихъ

введенія въ Россіи конституціоннаго управленія. Самую осмысленную изъ этихъ попытокъ сдѣлало тверское дворянство. Въ главѣ этого движенія стояли братья извѣстнаго анархиста Бакунина. Они вполнѣ основательно разсуждали, что если дворянство желаетъ расширенія своихъ политическихъ правъ, то оно должно желать этого не изъ узкихъ сословныхъ интересовъ, а для блага всего народа, поэтому оно должно представить сначала народу доказательство благихъ своихъ намѣреній. Исходя съ этой точки зрѣнія, Бакунины составили слѣдующій планъ: предложить дворянству одновременно съ просьбой о конституціи сдѣлать распоряженіе о томъ, чтобы уставныя грамоты писались не иначе, какъ съ предоставленіемъ крестьянамъ полнаго права собственности на отводимые имъ надѣлы. Дворянское собраніе огромнымъ большинствомъ приняло и то и другое предложеніе. Тогда тринадцать мировыхъ посредниковъ и два предводителя дворянства собрались на съѣздъ и разослали по волостямъ циркуляръ, что они, согласно желанію тверскаго дворянства, будутъ впредь нарѣзать надѣлы крестьянамъ въ полную собственность съ прекращеніемъ всякихъ обязательныхъ отношеній къ помѣщику, потому что иной образъ дѣйствія они находятъ противурѣчащимъ общественному благу. За это они

по иниціативѣ графа Панина были арестованы жандармскою властью и посажены въ крѣпость. Арестъ ихъ былъ беззаконіемъ въ полномъ смыслѣ этого слова; въ ихъ поступкѣ не только преступленія, но даже оппозиціи противъ правительства не было. Они имѣли полное право дѣйствовать въ этомъ случаѣ, опираясь на постановленіе дворянскаго собранія. Арестованные были преданы суду сената. Однажды я иду въ министерствѣ юстиціи по корридору въ то время, когда уже всѣ чиновники разошлись, и встрѣчаю одного изъ своихъ товарищей, который разсказываетъ мнѣ о совѣтѣ, бывшемъ у министра юстиціи на счетъ того, какъ слѣдуетъ присудить арестованныхъ тверскихъ дворянъ. Рѣшено было примѣнить къ нимъ законъ объ умышленномъ неисполненіи высочайшаго повелѣнія, за которое полагается лишеніе правъ состоянія и каторжныя работы. Примѣненіе закона въ данномъ случаѣ было верхомъ несправедливости. Всякій человѣкъ и всякая корпорація можетъ отказываться отъ пользованія тѣми правами, которыя имъ предоставлены, а потому и тверское дворянство имѣло право отказаться отъ нарѣзки крестьянамъ надѣловъ на другихъ основаніяхъ кромѣ собственности. Такое отреченіе было обязательно для всѣхъ дворянъ, не обжаловавшихъ постановленіе собранія, а такъ какъ

никто его не обжаловалъ, то оно и должно было остаться въ силѣ. Послѣ этого мировые посредники имѣли полное право издать свой циркуляръ. Но если отрицать это право, то преступленіе въ немъ все таки никакого не было; судъ не имѣлъ даже права входить въ разсмотрѣніе законности циркуляра до тѣхъ поръ, пока его исполненіе не было обжаловано частнымъ лицомъ. Мало этого, если бы они сознательно нарушили законъ, то и тогда бы ихъ нельзя было наказать за умышленное неисполненіе высочайшаго повелѣнія; чиновники на каждомъ шагу сознательно не исполняютъ законовъ и все таки за это получаютъ замѣчанія и выговоры, увольняются отъ службы и т. д., а не судятся на основаніи помянутаго закона. Вотъ если бы генералъ-адъютантъ или статсъ-секретарь получилъ отъ императора для объявленія высочайшее повелѣніе и умышленно скрылъ и не объявилъ бы его, тогда онъ дѣйствительно подлежалъ бы суду и лишенію правъ; законъ этотъ изданъ для такихъ именно случаевъ. Подобное толкованіе закона было нелѣпо, и все таки я не сомнѣвался, что интрига удастся; сенаторы были въ рабской зависимости и соглашались на все, опасаясь за свою шкуру; вѣдь они согласились же на арестъ и преданіе суду тверскихъ дворянъ, хотя и то и другое было верхомъ беззаконія.

Я пришелъ въ большое волненіе; цвѣтъ лучшей части русскаго дворянства долженъ былъ погибнуть такимъ позорнымъ образомъ. Я не спалъ всю ночь и придумалъ способъ, какъ защитить дворянъ отъ этой интриги. Надо огласить ее по Россіи и обратить на нее всеобщее вниманіе прежде, чѣмъ она сдѣлаетъ свое дѣло. Отпечатать ее у Герцена, разумѣется; но это съ одной стороны огласить ее, а съ другой обозлитъ многихъ изъ имѣющихъ власть; консерваторы будутъ кричать, что дворяне поставили себя подъ защиту подпольной печати. Вызвать манифестацію въ пользу дворянъ? — но это значило окончательно погубить ихъ дѣло; тогда то именно правительство и присудило бы ихъ, какъ можно строже. Я рѣшился сдѣлать такъ: именно въ то время въ большей части русскихъ губерній засѣдали дворянскія собранія; я написалъ циркулярное письмо, въ которомъ обличалъ интригу и доказывалъ незаконность ареста тверскихъ дворянъ, въ тоже время отъ себя, въ качествѣ дворянина, подалъ всеподданнѣйшее прошеніе объ огражденіи дворянъ отъ такого произвольнаго съ ними образа дѣйствія. Такимъ образомъ дѣло быстро получило большую огласку; въ тоже время развязаны были руки всѣмъ тѣмъ, кто желалъ дѣйствовать въ пользу тверскихъ дворянъ. Мой поступокъ не падалъ на дво-

рянъ, которые въ немъ не участвовали, онъ не былъ дѣломъ манифестаціи, которая при взглядахъ Александра непремѣнно повредила, а не помогла бы тверскимъ дворянамъ. Для практическаго образа дѣйствія на пользу арестованныхъ сохранены были всѣ шансы, и выходка сумасброда, какимъ я въ этомъ случаѣ представлялся, не могла уменьшить этихъ шансовъ. Успѣхъ моего поступка превзошелъ всѣ мои ожиданія; министерство юстиціи отреклось вполнѣ отъ своей интриги, но такъ какъ мое положеніе въ этомъ министерствѣ было таково, что я могъ имѣть самыя точныя свѣдѣнія о его дѣятельности, то мое заявленіе было объяснено припадками умопомѣшательства, которые будто бы со мною случались. Меня отвезли въ домъ умалишенныхъ, но интрига была разрушена окончательно. Въ то же время дворяне западныхъ губерній, которые просили объ огражденіи свободы въ этомъ краѣ, посажены были такъ же въ домъ умалишенныхъ. Стремиться къ огражденію личной свободы правительству казалось безумiемъ. Въ домѣ умалишенныхъ со мною происходили разные курьезы. Послѣ нѣсколькихъ дней пребыванія въ этомъ домѣ меня требуютъ къ главному начальнику этихъ заведеній, сенатору Кочубею. Вхожу въ общій залъ, вижу на диванѣ сидитъ человѣкъ большаго роста, лѣтъ

семидесяти, съ характерной львиной головой Кочубеевъ, описанной въ романѣ Толстого, передъ нимъ полукругомъ стоятъ доктора и прочее начальство дома, за ними толпа умалишенныхъ и прислуги. Я поклонился, безъ приглашенія сѣлъ рядомъ съ нимъ и смотрю на него вопросительно. Онъ принялъ величественную позу и наставительнымъ тономъ спросилъ меня: „Какъ вы позволили себѣ безпокоить Государя по дѣлу, которое до васъ не касается?“ — „Каждое утро“, отвѣчалъ я, „императоръ гуляетъ по дворцовой набережной; разные люди подходятъ въ это время къ нему съ плачемъ и рыданіями, становятся передъ нимъ на колѣна, хватаютъ его за фалды и осыпаютъ его прошеніями по своимъ частнымъ дѣламъ. Я дѣйствовалъ не по личному своему, а по общественному дѣлу; однакоже я не побѣжалъ на дворцовую набережную, я послалъ свое прошеніе по почтѣ въ коммиссію прошеній. Коммиссія имѣетъ право не докладывать государю и оставлять безъ послѣдствій всякое прошеніе, не достойное вниманія императора. Слѣдовательно, если мое прошеніе дошло до государя и обратило на себя столько вниманія, то оно не было ничтожнымъ и излишнимъ . . . .“ — Наставительный тонъ былъ теперь на моей сторонѣ. Кочубей покраснѣлъ, какъ ракъ, и не зналъ, что мнѣ отвѣчать. Въ

то время сильные міра наводили такой страхъ, что никто не осмѣливался имъ противурѣчить, Кочубею и въ голову не приходило, что на его вопросъ, который, по его мнѣнію, долженъ былъ уничтожить меня, я буду серіозно возражать, и теперь онъ не зналъ, что дѣлать. Доктора кусали себѣ губы отъ смѣху, служители не знали, какъ сдерживать умалишенныхъ, которые пришли въ восторгъ, увидавъ, какъ такой же сидѣлецъ сумашедшаго дома, какъ и они, сконфузилъ грознаго начальника. Наконецъ Кочубей всталъ, молча, и низко мнѣ поклонился, я отвѣтилъ такимъ же поклономъ, и мы разошлись. Предсѣдатель коммиссіи, которая меня допрашивала, Графъ Бобринскій, спросилъ меня, какъ поступили бы съ тверскими дворянами въ демократической странѣ; онъ имѣлъ наивность воображать, что въ Швейцаріи и въ Америкѣ съ тверскими дворянами распорядились бы такъ же, какъ въ Россіи. Я, разумѣется, объяснилъ ему, какъ въ подобныхъ случаяхъ дѣла дѣлаются въ демократіяхъ и какіе у нихъ существуютъ законы для огражденія самостоятельности гражданъ отъ деспотизма администраціи. Неловкость Бобринскаго, который далъ мнѣ такой прекрасный случай провести паралель между цивилизованными порядками и русскими, вызвала гнѣвъ въ высшихъ сферахъ и создала еще

одну невинную жертву. Желая замаскировать свою ошибку, Бобринскій требовалъ отъ стенографа, чтобы онъ измѣнилъ стенографическій отчетъ такъ, какъ ему было надобно, но стенографъ былъ полякъ патріотъ и не согласился; онъ былъ уволенъ отъ службы. Во время моего ареста я получалъ самыя неожиданныя овацiи. Въ мою камеру явился въ качествѣ члена тюремнаго комитета извѣстный консерваторъ Князь Мещерскій съ цѣлой свитой, онъ выразилъ мнѣ свою глубокую симпатію и грусть: редакторъ органа крѣпостниковъ „Вѣсти“, Скарятинъ, и даже какой то американскій плантаторъ, бѣжавшій изъ Америки отъ висѣлицы, посѣтили меня. Послѣдній серіозно принималъ меня за ягоду его поля и передалъ мнѣ свое сочиненіе, въ которомъ онъ доказывалъ, что негръ животное, а не человѣкъ, съ цѣлью познакомить русскую публику съ его великимъ открытіемъ. Въ домѣ умалишенныхъ я нашелъ нѣсколько здоровыхъ людей, изъ которыхъ нѣкоторые содержались тамъ очень давно; доктора разсказывали мнѣ, что они неоднократно, но безуспѣшно жаловались на присылку къ нимъ здоровыхъ людей. Тамъ уже много лѣтъ содержался нѣкто Круммюллеръ за то, что отказался принять вѣроподданическую присягу; въ теченіе семи лѣтъ скрытъ былъ нѣкто Каменскій, котораго родственники

напрасно разъискивали; два пророка, одинъ, проповѣдывавшій на Дону противъ православія, а другой полякъ, творецъ религіи, которую онъ называлъ древнекатолической, должны были найти тамъ себѣ могилу. Самый интересный былъ петербургскій мѣщанинъ, фабричный рабочій. Онъ былъ человѣкъ едва грамотный, географическія свѣдѣнія его были такъ неудовлетворительны, что онъ не зналъ даже, что земля кругла; какими то судьбами ему попалась въ руки исторія Англіи. Отсюда онъ узналъ, что англичане переносили всѣ возможныя мученія и страданія, производили революціи потому, что государи хотѣли принудить ихъ уплачивать подати, на которыя они не изъявляли своего согласія. Онъ сталъ уговаривать своихъ товарищей подать русскимъ примѣръ такого же образа дѣйствія; на петербургскихъ фабрикахъ онъ возбудилъ большое къ себѣ сочувствіе. Перестали было платить подати, но увидавъ, куда это ведетъ, всѣ, кромѣ его, уступили. Онъ же остался неизмѣнно вѣренъ своему рѣшенію и много лѣтъ боролся одинъ противъ всей силы царства русскаго. Его отдали наравнѣ съ другими, не платившими мѣщанами въ невольныя работы, обращались тамъ съ нимъ самымъ варварскимъ образомъ и по окончаніи установленнаго срока выпустили; онъ поступилъ на фабрику и про-

должалъ не платить, тогда его приговорили на два года въ арестантскія роты; онъ выдержалъ два года; согласно закону, спросили петербургское мѣщанское общество, желаетъ ли оно принять его въ свою среду. Общества всегда отказываются принимать лицъ, осужденныхъ въ арестантскія роты, въ особенности въ Петербургѣ, гдѣ и безъ того мазуриковъ много; обществу грозили, что ему придется поплатиться за этого упорнаго неплательщика податей, но онъ былъ популяренъ между петербургскими мѣщанами и его все таки приняли. Вступивъ въ общество, онъ опять объявилъ, что до тѣхъ поръ не заплатитъ ни копѣйки, пока петербургскіе мѣщане не будутъ имѣть представителя при обсужденіи государственнаго бюджета. На этотъ разъ его приговорили къ содержанію въ смирительномъ домѣ, и тамъ пытали его разными пытками, чтобы сломить его упрямство. Но онъ вышелъ изъ смирительнаго дома такимъ же, какимъ вступилъ, и опять принятъ былъ обществомъ. Теперь ему грозили каторжныя работы, но рѣшители его судебъ предпочли посадить его въ сумашедшій домъ. Онъ разсказывалъ мнѣ много неизвѣстнаго публикѣ о варварскихъ расправахъ при стачкахъ и о борьбѣ между петербургскими мѣщанами и пришлыми рабочими, сбивавшими цѣны.

Глава третья.

Первыя ссылки.

1.

Мое дѣло кончилось тѣмъ, что я долженъ былъ отправиться въ ссылку въ городъ Астрахань. Въ этомъ городѣ издавалась мѣстная газета, имѣвшая редакторомъ предпріимчиваго еврея Бенземана. Въ то время въ Россіи частная мѣстная газета составляла большую рѣдкость. Я предложилъ редактору планъ сдѣлать ее интересной для мѣстной публики. Я предположилъ взамѣнъ передовыхъ статей дѣлать обозрѣніе періодической печати какъ заграничной, такъ и русской и притомъ какъ столичной, такъ и мѣстной. Читатели могли такимъ образомъ получать интересныя для нихъ свѣдѣнія изъ такихъ газетъ, которыя для нихъ были окончательно не доступны. Въ одномъ изъ первыхъ номеровъ я помѣстилъ

сравненіе, которое должно было характеризовать настроеніе умовъ въ провинціальныхъ городахъ либеральной тогда Россіи и ультраконсервативной Франціи Наполеона III. Въ русскомъ городѣ Кишеневѣ ожидали губернатора, а въ одномъ изъ французскихъ городовъ, не помню въ какомъ именно, префекта. Я сравнилъ по извѣстіямъ газетъ, что волновало умы жителей по этому случаю. Въ русскомъ городѣ дамы спрашивали, красивъ онъ или нѣтъ, любитъ ли онъ поволочиться и т. п.; чиновники, имѣетъ ли онъ обыкновеніе задавать головомойки; помѣщики, любитъ ли онъ играть въ карты, виверъ онъ или нѣтъ; купцы, любитъ ли онъ парадные обѣды и угощенія. Во французскомъ городѣ интересовались знать, какого онъ политическаго направленія, какое у него политическое прошедшее, какимъ онъ сочувствуетъ идеямъ, интереснымъ для мѣстныхъ жителей и т. п. Это сравненіе показалось губернатору такимъ крупнымъ преступленіемъ, что обзоръ періодической печати былъ окончательно запрещенъ. Губернаторы въ это либеральное время были въ такой степени бичами мѣстной прессы, что всѣ интересныя для мѣстныхъ жителей корреспонденціи должны были помѣщаться въ столичныхъ газетахъ. При этомъ сочинители корреспонденцій разыскивались всѣми средствами и разъ открытые

подвергались безжалостнымъ преслѣдованіямъ. Умѣнье корреспондента скрываться считалось великимъ искусствомъ мѣстнаго публициста. Я прибылъ въ декабрѣ, вскорѣ начались грабежи, которые наводили на жителей паническій страхъ. Во время навигаціи и улова рыбы въ Астрахани скопляется множество рабочаго народа; зимой народъ этотъ остается безъ работы, и такъ какъ администрація не принимаетъ никакихъ мѣръ для обезпеченія голодающихъ, то погибающій отъ нужды народъ прибѣгаетъ къ грабежамъ. Когда паника достигла максимума, тогда администрація прибѣгла къ пріему, которымъ она пользовалась и въ другихъ русскихъ городахъ въ минуты народныхъ бѣдствій: пожаровъ, отравленія фальсификаціей, грабежей и т. п. Она стала обвинять въ этомъ политическихъ ссыльныхъ. Въ прежнія времена, когда она сваливала вину на поляковъ, ей это удавалось; еще недавно съ помощью консервативной прессы правительству удалось свалить пожары и отравленія фальсификаціей въ Петербургѣ и Москвѣ на революціонеровъ. Катковъ такъ усердно доказывалъ, что поджоги и отравленія составляютъ одинъ изъ пріемовъ проповѣдниковъ революціи, что ему удалось сбить съ толку нѣсколькихъ несчастныхъ юношей. Много лѣтъ спустя, я зналъ въ Архангельскѣ чиновника, который

имѣлъ уже жену и четверыхъ дѣтей. Онъ мнѣ разсказывалъ, что, будучи четырнадцати лѣтъ отъ роду, онъ воспылалъ желаніемъ прославиться революціонной дѣятельностью, но онъ не имѣлъ никакихъ знакомствъ и никакихъ путей для сближенія съ революціонерами; у Каткова ему удалось прочесть, что поджоги составляютъ революціонный принципъ, и это вызвало въ немъ рѣшимость сдѣлать поджогъ; несчастный мальчикъ былъ сосланъ въ Мезень, въ городъ, лежащій при сѣверномъ полярномъ кругѣ. Другаго, подобнаго же злополучнаго ребенка, императоръ хотѣлъ велѣть разстрѣлять для успокоенія общества. Его удержалъ отъ этого Князь Суворовъ; этотъ благородный человѣкъ неоднократно удерживалъ Александра II^го^ отъ злодѣяній. Слухи, распускаемые про насъ администраціей, могли поставить насъ въ ужасное положеніе; пришлось защищаться. Полиція и администрація сваливали вину на насъ, а мы на нихъ. Мы распустили по городу въ стихахъ и въ прозѣ множество веселыхъ листковъ, которые изображали дѣятельность полиціи и администраціи во время народнаго бѣдствія; между астраханскими чиновниками не оказалось юмористовъ, способныхъ отвѣчать намъ тѣмъ же. Одному изъ нашихъ удалось поймать грабителя и представить его въ полицію. Частный приставъ

узналъ въ немъ извѣстнаго вора и ударилъ его по щекѣ; но на другой день полиція тихомолкомъ выпустила его изъ-подъ ареста. Вышелъ и смѣхъ и грѣхъ; весь городъ зналъ насъ, всѣ были возмущены попыткой администраціи отдать насъ народу на растерзаніе, всѣ забавлялись нашими веселыми пріемами самозащиты и единодушно утверждали, что, если на кого нибудь изъ двухъ должна падать вина настоящаго бѣдствія, то, конечно, на администрацію, а не на насъ. Такимъ образомъ мы были втянуты въ борьбу, которая во всякомъ провинціальномъ городѣ происходитъ между жителями и администраціей. Сыпались стихи и листки; нѣкто Д., членъ петербургской центральной студенческой сходки, обвинявшійся въ печатаніи подпольной газеты „Великоросъ“ и оправданный сенатомъ*), писалъ стихи, изъ

*) Въ качествѣ великаго преступника, онъ сидѣлъ въ алексѣевскомъ равелинѣ, на столько же знаменитомъ въ Петербургѣ, какъ Товеръ въ Лондонѣ. Здѣсь погибали заговорщики, мѣтившіе на престолъ, а другіе переносились прямо изъ тюрьмы въ зимній дворецъ. Онъ разсказывалъ мнѣ объ устройствѣ этой ужасной тюрьмы. Она ниже уровня воды въ Невѣ, а потому тамъ сырость и холодъ, противъ которыхъ ничто не помогаетъ. Въ той клѣткѣ, которую онъ занималъ, печь была до такой степени накалена, что къ ней нельзя было подойдти, а на окнѣ мерзла вода. Чтобы избавиться отъ этихъ

которыхъ нѣкоторые были настоящими шедёврами и впослѣдствіи попали отчасти въ заграничную и отчасти въ цензурную печать. Эти стихи и листки, вступавшіеся за жителей, обиженныхъ администраціею, получили впослѣдствіи громкое названіе „подпольной литературы, которая читается съ жадностью“, и подали отчасти поводъ къ нашей ссылкѣ въ Сибирь. Въ особенности между купцами мы получили такимъ образомъ популярность, такъ какъ купцы болѣе другихъ классовъ общества сосредоточиваютъ на себѣ взгляды жадной до взятокъ администраціи. Въ это время въ Польшѣ вспыхнулъ мятежъ. Александръ IIй дѣлалъ видъ, что онъ либеральныя реформы свои хочетъ распространить и на западныя окраины и на Польшу; но и тутъ онъ поступалъ такъ же, какъ въ Россіи. Точно такъ же, какъ въ Россіи онъ находился въ весьма благопріятныхъ условіяхъ для по-

---

противуположностей, онъ ходилъ сначала изъ жаркаго угла въ холодный т. е. изъ бани въ ледникъ, но за это скоро заплатилъ простудой; тогда онъ сталъ ходить въ пространствѣ, составляющемъ грань между двумя крайними температурами; но какъ не ходи, какъ не сиди, а пребываніе въ этой клѣткѣ составляло пытку утонченной изобрѣтательности и ей подвергали людей, которыхъ потомъ даже пристрастный судъ вынужденъ былъ признать не виновными.

пулярной въ Польшѣ реформы. Но для произведенія реформы ему, конечно, слѣдовало бы обратиться къ естественнымъ руководителямъ польскаго народа. Эти естественные руководители были слишкомъ опытными политиками, чтобы не понять, что получить отъ Александра IIго такое же самостоятельное положеніе, какимъ пользуется теперь Венгрія, было для нихъ гораздо выгоднѣе, чѣмъ вести революціонную борьбу съ очень малыми шансами на успѣхъ. Но Александръ IIй въ Польшѣ распоряжался такъ же, какъ въ Россіи, онъ не имѣлъ ни малѣйшаго желанія поставить въ главѣ управленія популярныхъ въ Польшѣ людей и произвести такія реформы, которыя могли бы удовлетворить поляковъ, онъ затѣвалъ передѣлки, которыя ему нравились, и такъ же, какъ въ Россіи, поставилъ во главѣ дѣла ненавистныхъ полякамъ людей. Все это возмущало меня до крайности. Какой это реформаторъ, который относится съ крайнимъ презрѣніемъ и высокомѣріемъ ко взглядамъ и чувствамъ свободомыслящихъ людей своей страны и ни на минуту не задумывается оскорблять ихъ самымъ унизительнымъ образомъ; который отдаетъ страну во власть людей, способныхъ попирать безъ стыда и совѣсти и законъ и порядокъ! Въ это время я прочелъ знаменитую передовицу Московскихъ Вѣдомостей, лозунгомъ ко-

торой были слова: „законность насъ губитъ.“ — Такъ вотъ до чего у насъ дошло, подумалъ я; они же сами ухитрились производить свои реформы такъ, что вызвали между свободомыслящими людьми въ Россіи революціонную пропаганду, а въ Польшѣ бунтъ, и они же теперь осмѣливаются громко провозглашать, что законы ихъ стѣсняютъ, и требовать для себя права на беззаконіе и произволъ. Послѣ этого намъ остается одно — отвергать ихъ самихъ, ихъ произволъ и стать на сторону революціи. Они даютъ законы, не справляясь съ нашимъ мнѣніемъ и съ нашими симпатіями, но и этого имъ мало-лишь только законъ ихъ стѣсняетъ, они его отпихиваютъ ногою и громко утверждаютъ свое право на беззаконіе. Я припоминалъ борьбу, которая привела меня въ ссылку, и долженъ былъ сознаться, что легальными путями противъ этого беззаконія бороться невозможно; эти пути ничтожны, да и тѣ администрація никогда не стѣсняется отымать у насъ съ помощью произвола и деспотизма. Я рѣшился стать на сторону революціи и до тѣхъ поръ быть въ революціонномъ лагерѣ, пока въ Россіи не водворится правительства, которое будетъ считать своей священною обязанностью соблюдать законность и охранять права гражданина проявлять свою свободную личность. Въ Астрахани существовалъ револю-

ціонный комитетъ, я вступилъ въ него. Ознакомившись съ его дѣятельностью, я нашелъ ее слишкомъ слабою и старался убѣдить членовъ, что пропаганда въ средѣ одного образованнаго класса не можетъ дать успѣха; пока въ массѣ народа не пробудится стремленіе къ политической самодѣятельности, до тѣхъ поръ образованный классъ не будетъ имѣть опоры и во всякой борьбѣ съ администраціей долженъ будетъ покориться. Комитетъ обновился, прежніе члены вышли, новые вступили. Къ намъ обращались старообрядцы, но я находилъ ихъ мало пригодными для нашихъ цѣлей, такъ какъ они консервативнѣе самого правительства; мы стали сноситься съ казаками, но получили въ отвѣтъ, что настоящее время неудобно для пропаганды въ ихъ средѣ, такъ какъ командующій военной частью въ астраханской губерніи полякъ Врубель, котораго я лично зналъ за прекраснаго человѣка, заботится о полезныхъ для нихъ нововведеніяхъ. Мы обратились въ другую сторону; астраханская губернія — губернія садовъ и рыбопромышленниковъ, — и тутъ и тамъ рабочее населеніе терпѣло отъ возмутительныхъ злоупотребленій. Существовали крѣпостные садоводы; разведенные ими сады и построенные ими въ этихъ садахъ дома считались собственностью ихъ помѣщиковъ. При освобожденіи крестьянъ помѣщики без-

совѣстно завладѣвали всѣмъ этимъ и выгоняли ихъ ни съ чѣмъ на улицу. Еще хуже было положеніе рыболововъ; тамъ существовалъ знаменитый ловецкій контрактъ, который до такой степени опутывалъ ловцовъ, что они находились въ рабской зависимости отъ откупщиковъ рыбныхъ ловель. Съ этими обиженными и угнетенными мы и вступили въ сношенія. Я доказывалъ, что лучшій случай для распространенія въ рабочемъ народѣ необходимыхъ для нихъ политическихъ идей представляется тогда, когда защищаешь существенные для нихъ интересы. Въ это время изъза рыбныхъ ловель боролись двѣ партіи; одна была партія монополистовъ, во главѣ которыхъ стоялъ монополистъ Макаровъ; она старалась законодательнымъ путемъ сосредоточить рыбныя ловли въ возможно меньшемъ числѣ рукъ; другая была партія буржуазная, она старалась о томъ, чтобы рыбныя ловли были разбиты на мелкіе участки и розданы купцамъ средней руки. Во главѣ этой партіи стоялъ ловкій проходимецъ Кафтанниковъ; онъ успѣлъ создать себѣ капиталъ изъ ничего. Онъ заключилъ съ богатымъ купцомъ Рѣпинымъ обыкновенный ловецкій контрактъ; на основаніи этого контракта онъ получилъ капиталъ и ловилъ рыбу, но когда Рѣпинъ хотѣлъ завладѣть этой рыбой, какъ дѣлали всѣ откуп-

щики, тогда онъ сталъ оспаривать законность этого контракта на томъ основаніи, что онъ заключаетъ въ себѣ лихвенный изворотъ. Судъ не дозволилъ Рѣпину наложить свою руку на рыбу; то, что всегда считалось вполнѣ законнымъ по отношенію къ рабочимъ, сдѣлалось противузаконнымъ, когда жертвою ловецкаго контракта сталъ капиталистъ, умѣющій ловко задаривать судъ. Мы создали третью, демократическую партію, которая вступила въ состязаніе съ монополистами и съ буржуазіей. Намъ удалось привлечь къ себѣ лицо, которое завѣдывало частной почтой рыбопромышленниковъ; такимъ образомъ мы вступили съ ловцами въ переписку; я убѣждалъ ихъ домогаться закона, который избавилъ бы ихъ отъ ловецкаго контракта. Мой планъ состоялъ въ томъ, чтобы всѣ рыбныя ловли изъять изъ предметовъ частной собственности, что было тѣмъ легче исполнить, что всѣ воды были въ рукахъ казны, казацкаго войска, общинъ и т. п.; частная собственность касалась только такъ называемыхъ заливныхъ водъ. Интересъ частныхъ лицъ былъ сравнительно ничтожный, между тѣмъ онъ существенно мѣшалъ урегулированію рыбнаго промысла и дѣлался источникомъ рыбоистребленія; устранить этотъ интересъ съ вознагражденіемъ было очень легко. За тѣмъ я предполагалъ дать полную свободу

рыбной ловли всѣмъ, кто не нарушаетъ регламента для огражденія рыбы отъ истребленія. Какъ ловъ для непосредственнаго потребленія, такъ и для продажи рыбакомъ прямо потребителю должны были оставаться свободными, но всѣ мѣста торговли рыбою: лавки, склады, садки, вся рыба, ввозимая въ астраханскую губернію изъ моря и провозимая въ Россію, должны были оплачивать акцизъ. Дѣло у насъ пошло прекрасно, и члены революціоннаго комитета скоро убѣдились, что они имѣютъ въ рукахъ прекрасное орудіе пропаганды: на большомъ пространствѣ ловцы составляли сходы, избирали уполномоченныхъ, которыхъ посылали къ намъ.

2.

Въ то время, когда дѣло наше разширялось, случилось происшествіе, которое значительно увеличило нашу популярность въ Астрахани. Въ одномъ селеніи произошло недоразумѣніе между крестьянами и полицейской властью. Исправникъ донесъ губернатору, что крестьяне бунтуютъ; губернаторъ съ большой торжественностью и съ военной силой отправился усмирять. Мы старались дѣлать все возможное,

чтобы парализовать его карающую руку. На мѣстѣ губернаторъ появляется Юпитеромъ-громовержцемъ и только что собрался уничтожить непокорныхъ, какъ неожиданно встрѣчаетъ сопротивленіе, и въ комъ же? — въ жандармскомъ полковникѣ. Такъ онъ и уѣхалъ не солоно хлебавши. Тайна этого сопротивленія заключалась въ томъ, что жандармскій полковникъ былъ холостякъ шестидесяти лѣтъ. Онъ имѣлъ большое довѣріе къ одному астраханскому радикалу, который газетными корреспонденціями спихнулъ съ мѣста предшествующаго губернатора; онъ считалъ его человѣкомъ, обладающимъ тонкимъ чутьемъ относительно политическихъ вѣяній въ Петербургѣ. Этотъ радикалъ былъ влюбленъ въ женщину, которая была вполнѣ предана нашему дѣлу. На стараго жандарма также нашлись женскія вліянія: такъ и совершилось это для всѣхъ неожиданное дѣло. Губернаторъ и жандармская власть возвращались въ Астрахань на одномъ пароходѣ и составляли два враждебныхъ лагеря — Губернаторъ съ своимъ штабомъ на кормѣ, жандармскій полковникъ съ однимъ изъ нашихъ товарищей по ссылкѣ на носу (ассоссіація страшная, но повторявшаяся не разъ). Въ городѣ дѣло это произвело большой шумъ, все общество рукоплескало жандарму и въ то же время, увы, кричало, что это наше дѣло.

Губернаторъ повторялъ то же и творилъ по этому поводу различныя глупости. Въ это время въ Казани разъигрывалась драма, извѣстная подъ именемъ вооруженнаго возстанія по Волгѣ; губернаторъ увѣрялъ, что мы принадлежимъ къ организаціи и съ помощью одураченнаго нами жандармскаго полковника сдѣласмъ въ Астрахани революцію. Онъ оффиціально спросилъ Врубеля, начальника военной части, какими онъ располагаетъ силами для подавленія возстанія. Мы подняли на смѣхъ этотъ запросъ, и онъ не только не перепугалъ, но развеселилъ жителей. Осмѣянный всѣми и взбѣшенный губернаторъ полетѣлъ въ Петербургъ требовать мести. Послѣ большихъ усилій ему удалось достигнуть своей цѣли: послѣдовалъ первый ударъ: жандармскій полковникъ былъ уволенъ, и къ крайнему удивленію жителей было сказано, что онъ увольняется за то, что подчинялся вліянію ссыльныхъ. Губернаторъ поднялъ высоко голову и захотѣлъ и съ своей стороны дать жителямъ урокъ. Онъ повторялъ: „многіе считаютъ себя независимыми отъ меня; я докажу, что все здѣсь отъ меня зависитъ.“ Произошелъ пожаръ, жившій по сосѣдству молодой студентъ выскочилъ на улицу въ студенческой фуражкѣ и въ партикулярномъ платьѣ; губернаторъ велѣлъ его арестовать за то, что онъ

одѣтъ былъ не по формѣ. Арестовать человѣка за то, что онъ, спасая свою жизнь и въ минуту опасности не позаботился сначала о томъ, чтобы одѣться по формѣ, была возмутительная жестокость. Губернаторъ зналъ это прекрасно, но онъ именно и хотѣлъ совершить возмутительную жестокость, чтобы навести страхъ на жителей; — такова была система бюрократовъ. Едва прошло полгода послѣ моего прибытія въ Астрахань, какъ я снова былъ арестованъ. Предлогомъ послужило взятое при обыскѣ письмо, въ которомъ разсказывались разныя явныя небылицы и слухи о революціонныхъ затѣяхъ и затѣмъ прибавлялось: „кажется, хотятъ втянуть въ это дѣло Б.“ (т. е. меня). Этого было достаточно, чтобы сослать меня въ Сибирь. Меня, бывшаго профессора петербургскаго университета Калиновскаго и Даненберга свезли въ Казань, гдѣ дѣйствовала коммиссія, производившая дознаніе о заговорѣ съ цѣлью произвести вооруженное возстаніе на Волгѣ. Для произведенія слѣдствія въ Астрахани командированъ былъ членъ коммиссіи Афанасенко. Въ то время, когда я служилъ при министрѣ юстиціи, Афанасенко домогался мѣста оберъ-прокурора сената; чтобы испытать его способности, министръ далъ ему важное порученіе обревизовать нѣкоторыя судебныя мѣста Петербурга. Представленный

имъ отчетъ былъ переданъ мнѣ на разсмотрѣніе. Узнавши объ этомъ, товарищи единодушно умоляли меня хорошенько его пронять; Афанасенко былъ извѣстный негодяй и взяточникъ, который нажилъ себѣ большое состояніе злоупотребленіемъ своей власти; я дѣйствительно постарался такъ, что онъ не получилъ мѣста оберъ-прокурора. Теперь онъ имѣлъ въ своихъ рукахъ орудіе мести; онъ поднялъ на ноги все и всѣхъ; онъ спросилъ 400 свидѣтелей, изъ нихъ двѣсти человѣкъ подъ присягою; все это были люди, которые находились въ самыхъ близкихъ сношеніяхъ съ народомъ, содержатели кабаковъ, служители въ заведеніяхъ, гдѣ народъ веселился и т. п. Эти, разумѣется, не замедлили сдѣлать себя интересными въ глазахъ своихъ давальцевъ и со словъ Афанасенко разсказывали разукрашенную собственной фантазіей легенду объ ужасномъ заговорѣ съ цѣлью произведенія въ Астрахани вооруженнаго возстанія. Такимъ образомъ Афанасенко велъ въ Астрахани такую дѣятельную революціонную пропаганду, о какой мы и подумать бы не могли, и довелъ общество до крайнихъ предѣловъ возбужденія. О томъ, что было, онъ однакоже ровно ничего не узналъ, кромѣ того, что знали всѣ, потому что руководствовался письмомъ, подавшимъ поводъ къ слѣдствію. Онъ домогался узнать, не пытались

ли мы возбудить народъ къ возстанію, доказывая ему, что земля должна ему принадлежать; между тѣмъ въ астраханской губерніи господствуютъ сыпучіе пески и солончаки; землей тамъ никто не дорожитъ, частнаго землевладѣнія мало, да и тамъ крестьяне отказывались отъ надѣловъ, чтобы не платить; вся земля принадлежитъ казнѣ, казацкому войску и безпрепятственно оставляется во владѣніи крестьянъ, такъ какъ на ней и лѣсовъ не растетъ; единственный предметъ, который составлялъ яблоко раздора между казною и крестьянами, была рыбная ловля. Въ Сибири я имѣлъ утѣшеніе прочесть о томъ, что возбужденъ законодательный вопросъ о вольномъ ловѣ, слѣдовательно мы не даромъ работали; но купцы съумѣли таки подпустить свою интригу, крупный акцизъ назначался съ лодки, угроза ловецкаго контракта опять становилась передъ народомъ. Года два спустя, я въ Томскѣ встрѣтилъ прикащика, пріѣхавшаго изъ Астрахани; то былъ едва грамотный человѣкъ. Онъ мнѣ разсказывалъ объ астраханскихъ жителяхъ. Дѣлились они по его разсказамъ на двѣ партіи, одну изъ нихъ называютъ матрикулистами; какъ только сойдутся, такъ и начинаютъ спорить — одни за матрикулистовъ, а другіе противъ нихъ; „и водой не разольешь“, прибавлялъ онъ. Странное названіе матрикулистовъ

произошло отъ слова „матрикула“. — Петербургское студенческое движеніе вертѣлось около вопроса о матрикулахъ, и вотъ оказалось, что астраханскіе мѣщане раздѣлились на матрикулистовъ и ихъ враговъ т. е. по нашему на прогрессистовъ и консерваторовъ. Этотъ наивный разсказъ все таки доставилъ мнѣ удовольствіе: наше пребываніе въ Астрахани создало тамъ двѣ партіи, изъ которыхъ одна назвалась нашимъ именемъ.

Глава четвертая.

Тюрьма и Сибирь.

1.

Въ Казани я сидѣлъ въ тюрьмѣ рядомъ съ Иваницкимъ, разстрѣляннымъ за покушеніе произвести вооруженное возстаніе на Волгѣ. Онъ составилъ подробное описаніе заговора и своей роли, которую онъ въ немъ игралъ, и бросилъ мнѣ въ камеру. Жена моя, которой тогда было семнадцать лѣтъ, жила у ближайшихъ его друзей, гдѣ собиралась радикальная казанская молодежь. Такимъ образомъ я имѣлъ случай довольно подробно познакомиться съ этимъ дѣломъ, тѣмъ болѣе, что всѣ казанскіе студенты, которыхъ я зналъ въ Астрахани, принадлежали къ этому движенію. Три лица, Кіневичъ, Станкевичъ и Черняк, предложили народному жонду планъ возстанія на Волгѣ. Народный жондъ не возлагалъ на

это дѣло никакихъ надеждъ и отпустилъ имъ такую ничтожную сумму, на которую не только возстанія на Волгѣ, но ровно ничего нельзя было сдѣлать. Полные патріотизма и самоотверженія они однакоже рѣшились привести свой планъ въ исполненіе. Въ Казани они обратились къ тамошнимъ полякамъ, между которыми самымъ энергическимъ оказался ротный командиръ стрѣлковой роты Иваницкій. Мысль о вооруженномъ возстаніи была въ Россіи неслыханнымъ дѣломъ. Прокламаціи, привезенныя въ Россію Михайловымъ и повсюду распространявшіяся, доставили ему громкую извѣстность; а что такое какія нибудь жалкія прокламаціи по сравненію съ вооруженнымъ возстаніемъ! Эта идея заключала въ себѣ слишкомъ много, чтобы воспламенить умы казанской молодежи. Нельзя сказать, что бы въ это время на Волгѣ не было элементовъ, способныхъ принять участіе въ вооруженномъ возстаніи, если бы оно было организовано. Я уже сказалъ выше, что Александръ Ной поручилъ дѣло освобожденія крестьянъ самой консервативной части изъ крупнѣйшихъ землевладѣльцевъ, во главѣ которыхъ стоялъ Гр. Нашинъ. Они, разумѣется, съумѣли сдѣлать дѣло такъ, что ихъ крестьяне не только не выиграли, но существенно проиграли отъ освобожденія, въ результатѣ чего получилось

громадное число недовольныхъ въ средѣ народа. Повсемѣстно плодились бунты и разорительныя тяжбы между крупными землевладѣльцами и ихъ крестьянами. Но этотъ контингентъ былъ малъ по сравненію съ тѣмъ, какой могли доставить удѣльные крестьяне. Больше половины земли, которая принадлежала имъ въ такія времена, когда о существованіи удѣльнаго вѣдомства не было и помину, была у нихъ отрѣзана, а ихъ оброки были возвышены подъ тѣмъ предлогомъ, что они будто бы надѣлялись тою землею, которая по вѣковѣчной давности была ихъ ненарушимой принадлежностью. Укажу на фактъ первостепенной важности, на который заграничная печать не обратила почему то вниманія, а русская не могла подчеркнуть по цензурнымъ обстоятельствамъ. Александръ II, вступаясь за освобожденіе крестьянъ, явился освободителемъ только тѣхъ крестьянъ, которые принадлежали не имѣющему вліянія на государственныя дѣла дворянству, и притомъ освободителемъ корыстнымъ. За надѣлы онъ бралъ съ крестьянъ гораздо болѣе, чѣхъ платилъ дворянамъ. Что же касается до крестьянъ удѣльныхъ, то они никогда крѣпостными не были, а считались такими же свободными людьми, какъ государственные, казаки и проч. Государственные крестьяне переименовывались удѣльными т. е. дѣлалось распоряженіе, чтобы

они платили прямые свои налоги не въ государственное казначейство, а въ удѣльную кассу. Это дѣлалось постоянно и послѣ указа 1801го года, которымъ обращеніе свободныхъ людей въ крѣпостное состояніе было воспрещено, именно потому, что они считались по прежнему свободными, а не крѣпостными. Создавъ свою стачку съ вельможами, которымъ онъ отдалъ ихъ крестьянъ на разграбленіе, Александръ по отношенію къ удѣльнымъ совершилъ уже не спекуляцію, какъ при освобожденіи помѣщичьихъ крестьянъ, а подтасовку и грабежъ. Онъ объявилъ ихъ крѣпостными, чѣмъ они никогда не бывали, и въ качествѣ крѣпостныхъ заставилъ ихъ выкупаться и выкупать свои надѣлы. Землю онъ объявилъ собственностью удѣла, между тѣмъ какъ она такой собственностью никогда не бывала; удѣлъ ее никогда не покупалъ, а просто переименовывались въ удѣлъ крестьяне и ихъ селенія съ принадлежащей имъ землею — такъ прямо и говорилось. Изъ 21 милліона акровъ этой принадлежащей обществамъ удѣльныхъ крестьянъ земли, онъ обратилъ въ собственность удѣла 12 милліоновъ акровъ, а 9 милліоновъ акровъ оставилъ крестьянамъ въ качествѣ надѣла и заставилъ ихъ кокупать эту землю у удѣла. Если бы онъ хотѣлъ снабдить удѣлъ собственной землею, то ему,

разумѣется, слѣдовало сдѣлать на оборотъ; купить 19 милліоновъ акровъ у удѣльныхъ крестьянъ, а 9 милліоновъ оставить по прежнему въ ихъ собственности, такъ какъ она принадлежала имъ съ незапамятныхъ временъ и удѣлъ ее у нихъ никогда не покупалъ. Онъ распорядился такъ же, какъ англійскій парламентъ въ XVIIIмъ вѣкѣ распорядился съ индѣйскими землями, отдавъ ихъ въ собственность сборщикамъ податей, но англійскій парламентъ распорядился такъ не по злому и корыстному расчету, а по недоразумѣнію; онъ не понималъ азіатскихъ воззрѣній на поземельныя отношенія. Александръ же Ной поступалъ вполнѣ сознательно, онъ грабилъ какъ разбойничій атаманъ, вмѣсто того, чтобы законодательствовать какъ императоръ. Въ казацкихъ войскахъ отношеніе было вполнѣ аналогическое, однакоже онъ не отрѣзалъ въ собственность военнаго вѣдомства большей части земель у станицъ и не заставилъ ихъ выкупать остальное. Онъ прекрасно зналъ, что если бы онъ такъ поступилъ, то казаки произвели бы единодушное вооруженное возстаніе; въ удѣльныхъ имѣньяхъ онъ распорядился такимъ образомъ только потому, что онъ разсчитывалъ на беззащитность безоружныхъ удѣльныхъ крестьянъ. Такая мошенническая продѣлка, изобрѣтенная съ цѣлью обогатить

царскую фамилію, вызвала въ удѣльныхъ крестьянахъ жгучую ненависть къ императору. Всѣ остроги въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ жили удѣльные крестьяне, были переполнены руководителями движенія въ ихъ средѣ. Меня увѣряли, будто сенаторъ Ждановъ, предсѣдатель казанской слѣдственной коммиссіи, при производствѣ слѣдствія о волненіяхъ удѣльныхъ крестьянъ былъ убитъ ими, но я ничего точнаго объ этомъ не могъ узнать. Средоточіемъ этого движенія была симбирская губернія, издавна славившаяся своими аграрными преступленіями и поджогами, потому что удѣльное управленіе всегда отличалось своей несправедливостью и жестокостью. Если бы кто нибудь снабдилъ ихъ оружіемъ и военными припасами, они могли бы произвести опасное возстаніе. Но такого дѣятеля въ Казани не оказалось. Студенты сдѣлали нѣсколько тайныхъ собраній и ни на что не могли рѣшиться. Наиболѣе энергическіе изъ нихъ вели пропаганду, какъ и на сколько могли, но этимъ дѣло и ограничивалось. Изъ тѣхъ, которые впослѣдствіе были разстрѣляны въ качествѣ руководителей заговора, Мрочекъ признавался сомнительной личностью даже самимъ народнымъ жондомъ, Черняк и офицеръ Михайловъ отказались тотчасъ же и бѣжали, Кашевичъ и Станкевичъ въ сущности также отказались и изъ ничтожной

полученной ими отъ народнаго жонда суммы дали Иваницкому ничтожную часть. Единственный, рѣшившійся дѣйствовать былъ Иваницкій. Его положеніе среди этого заговора было такое безнадежное, что не было даже установлено надежныхъ и правильныхъ сношеній съ нимъ, и этимъ дѣло было погублено прежде, чѣмъ онъ могъ приступить къ дѣйствію. Я всегда удивлялся патріотизму, самоотверженію и геройству этого человѣка. Онъ добился того, что его поставили съ его стрѣлковой ротой въ Бездну — большое село, находившееся на далекомъ разстояніи отъ Казани. Бездна принадлежала любимцу императора Николая, Мусину-Пушкину. Не мудрено, если такой вліятельный человѣкъ могъ безнаказанно обездолить своихъ крестьянъ, на сколько это ему было угодно. Бездна сдѣлалась центромъ недовольныхъ реформами крестьянъ. Тамъ уже было убито солдатами нѣсколько лицъ, защищавшихъ руководителя недовольныхъ. Изъ этого произошло громкое дѣло. Студенты казанскаго университета и духовной академіи служили панихиду по убитымъ. Профессоръ Щаповъ былъ сосланъ за это въ Сибирь, а священникъ, служившій панихиду, былъ удаленъ въ знаменитый своими ужасами Соловецкій монастырь. Очутившись въ Бездѣ, Иваницкій попалъ въ центръ самыхъ

энергическихъ крестьянъ-заговорщиковъ. Тутъ онъ рѣшился отобрать у своей роты оружіе и взять Казань. Много смѣялись надъ планомъ Иваницкаго взять Казань, имѣя подъ руками не болѣе двухсотъ пятидесяти вооруженныхъ людей. Но этотъ планъ вовсе не составлялъ несбыточной мечты. Въ Казани себя чувствовали до такой степени безопасными отъ всякаго нападенія, что ни о какихъ мѣрахъ предосторожности и не думали. Иваницкій имѣлъ полную возможность точно знать дислокацію войскъ въ казанской губерніи, а при этомъ условіи легко можно было выбрать моментъ, въ который можно было взять Казань съ 250тью рѣшительныхъ и хорошо вооруженныхъ людей. Конечно удержаться тамъ можно было только самое короткое время; но этого было бы для него совершенно достаточно. Казань былъ такой большой и богатый городъ, что онъ въ нѣсколько часовъ могъ снабдить себя всѣмъ необходимымъ и увеличить число своихъ вооруженныхъ людей. За тѣмъ ему стоило запереться въ казанской крѣпости и сдѣлать видъ, будто онъ хочетъ въ ней защищаться*); а между тѣмъ тайно уйдти изъ нея и спуститься на пароходахъ

*) Казанская крѣпость старинной постройки и защищаться въ ней нельзя.

въ симбирскую губернію. Если бы онъ вышелъ въ ночь, то утромъ онъ былъ бы въ симбирской губерніи. Тутъ онъ очутился бы въ средѣ, несравненно болѣе благопріятной, чѣмъ та, въ которой дѣйствовалъ Пугачевъ. Пугачевъ дѣйствовалъ среди крѣпостныхъ крестьянъ, давно привыкшихъ къ рабству; а Иваницкій очутился бы въ кругу людей, которымъ только что нанесена была кровная обида, у которыхъ отнята была большая половина ихъ достоянія, съ незапамятныхъ временъ имъ принадлежавшаго. Во всякой удѣльной деревнѣ его приняли бы съ открытыми объятіями; ему стоило бы взять первое ничтожное городишко и выпустить арестантовъ изъ острога, онъ навѣрное нашелъ бы тамъ руководителей удѣльнаго движенія, которые сразу ввели бы его въ самый центръ недовольныхъ. Конечно возстаніе было-бы подавлено, но Иваницкій все таки достигъ бы своей цѣли. Онъ отвлекъ бы русскія войска на востокъ. Кромѣ того, самый фактъ возстанія нанесъ бы правительству и Александру неизлѣчимую рану. Передъ глазами русскихъ и всего цивилизованнаго міра открылась бы такая сторона дѣла, о которой никто ничего не зналъ. Императоръ повернулся бы къ міру своей деспотической и грубо эгоистической стороной. Обнаружилась бы его стачка съ вельможами ради личнаго своего

обогащенія. — Но Иванцкому не удалось не только попасть въ симбирскую губернію, но и поднять знамя бунта. Онъ былъ арестованъ по собственной оплошности до начала возстанія. Тимашевъ, казанскій губернаторъ, за спасеніе отечества сдѣланъ былъ министромъ.

2.

О казни Иванцкаго мы прочли уже въ Сибири. „Петербургскія Вѣдомости“ отличились по этому поводу; онѣ сказали, что во время этой казни слышны были въ народѣ сѣтованія и ропотъ. — большая смѣлость съ ихъ стороны. Въ Сибири мѣстомъ ссылки для меня былъ назначенъ Кузнецкъ, городъ или, лучше сказать, большая деревня, заброшенная къ подножью алтайскихъ горъ. За городомъ вверхъ по рѣкѣ Томи можно было ѣхать на лошадяхъ въ экипажѣ только часъ или полтора, далѣе начинались горы и дѣвственные лѣса, гдѣ приходилось ѣздить верхомъ по тропинкамъ; но за то же изъ оконъ моей квартиры виденъ былъ горной хребетъ, покрытый вѣчнымъ снѣгомъ, правда очень рѣдко, — онъ находился на разстояніи ста слишкомъ миль. Немедленно разнесся по городу слухъ, что привезли русскаго соціалиста и нигилиста.

Новость была пикантная; къ ссыльнымъ полякамъ тамъ давно привыкли, но русскій соціалистъ и нигилистъ составлялъ диковину. Мудрецы объясняли жителямъ, что нигилисты проповѣдуютъ, что всѣхъ чиновниковъ слѣдуетъ перевѣшать, а всѣхъ помѣщиковъ перерѣзать. Исправникъ пригласилъ меня къ себѣ на имянины и любопытные жители собрались посмотрѣть на вновь прибывшее кровожадное чудовище. Я не только явился, но и не уклонялся отъ разговоровъ на щекотливыя темы. Заговорили о положеніи чиновниковъ; я разсказалъ имъ о томъ впечатлѣніи, которое произвела на меня властолюбивая петербургская бюрократія въ то время, когда обсуждался вопросъ о правѣ начальниковъ увольнять чиновниковъ безъ всякихъ объясненій. Для сравненія я выбралъ положеніе норвежскихъ чиновниковъ, гдѣ даже занимающаго полицейскую должность можно было уволить только по суду, за доказанную вину. Изъ моихъ воспоминаній я привелъ имъ много случаевъ возмутительнаго обращенія съ чиновниками. Тогда они на перебой стали приводить мнѣ еще болѣе рѣзкіе примѣры и убѣдили меня, что обращеніе съ чиновниками въ Сибири гораздо деспотичнѣе, чѣмъ въ Россіи. Я разсказалъ имъ, что въ Норвегіи чиновники вполнѣ обезпечены. За то же у норвежскихъ чи-

новниковъ существуетъ корпоративный духъ, который заставляетъ ихъ быть популярными въ народѣ; шведскій король охотно лишилъ бы ихъ независимости и подчинилъ бы ихъ себѣ, если бы не боялся ихъ популярности. Мои собесѣдники утверждали, что и въ Сибири чиновники непремѣнно заботились бы о своей популярности, если бы они имѣли положеніе норвежскихъ чиновниковъ. Мы разстались большими друзьями и о томъ, что нигилисты и соціалисты желаютъ перерѣзать всѣхъ чиновниковъ не было болѣе помину. Во время моего пребыванія въ Кузнецкѣ и вообще въ Сибири 1866-го года туда высылались въ большомъ числѣ поляки, прикосновенные къ возстанію: въ томъ числѣ было много крестьянъ западнаго края, противъ которыхъ даже и политическихъ подозрѣній не было; они переселялись просто по самодурству администраціи, а потому считались добровольными переселенцами. У русской бюрократіи пріемы очень просты, если она не имѣетъ ни малѣйшаго, даже фиктивнаго предлога. Я зналъ такое множество людей, участвовавшихъ въ возстаніи, какъ рядовыхъ, такъ и передовыхъ, какъ изъ западнаго края, такъ и изъ царства польскаго, что мнѣ пришлось не увидать, а перечувствовать всю жгучесть ихъ боли. Очутившись въ ихъ средѣ, я имѣлъ передъ собою самый несчаст-

ный изъ всѣхъ народовъ, принадлежащихъ къ западно-европейской цивилизаціи. Перечислите всѣ эти народы, ни одного изъ нихъ нельзя сравнятъ съ поляками по злополучію ихъ судьбы. Въ Италіи деспотическіе государи опирались на своихъ солдатъ, но эти солдаты были итальянцы; Гарибальди былъ невозможенъ въ Польшѣ 1863го года. Венгерцы были подъ властью нѣмцевъ, но нѣмцы стояли выше ихъ и по своей культурѣ и по своему развитію, а за тѣмъ они составляли только горсть людей среди австрійской имперіи; они побѣдили венгерцевъ русскимъ оружіемъ, а за тѣмъ должны были, безъ боя, сдѣлать имъ тѣ уступки, отъ которыхъ отказывались. Я смотрѣлъ въ лицо этимъ закованнымъ въ цѣпи полякамъ и думалъ: „Одну минуту вы осмѣлились мечтать о томъ, что вы снова завоюете себѣ свободное отечество, что это отечество снова заблистаетъ яркою звѣздою между великими народами — и вотъ теперь до чего вы дожили! Счастливы тѣ между вами, которые пали на полѣ битвы, они нашли себѣ вѣчное успокоеніе среди надежды и восторга — а вы? — Можно ли сравнивать съ вами тѣ народы, которые сами создаютъ себѣ свое положеніе, русскихъ, французовъ, нѣмцевъ, англичанъ; они никогда не имѣли ничего лучшаго, чѣмъ то, что они теперь имѣютъ, а если имѣли, то это только

колебаніе сверху внизъ, по силѣ инерціи оно опять вознесетъ ихъ наверхъ и еще выше прежняго; а вы долго были великими свѣточами въ исторіи народовъ, свѣточами свободы и просвѣщенія, и всего этого вы лишились волею судебъ. Глядя на васъ, я вспоминаю грека, великаго, геніальнаго грека, который подпалъ римскому владычеству и сдѣлался жертвою римскаго деспотизма. Только съ горячей слезою на глазахъ исторія можетъ говорить о его судьбѣ. Я представляю себѣ, каковы были горькія чувства грека, когда онъ въ цѣпяхъ у римлянъ созерцалъ погибающія творенія греческаго генія. Но вы несчастнѣе грека. Грекъ погибъ, но могъ имѣть нѣкоторое утѣшеніе въ томъ, что погибая онъ создалъ науку и философію своихъ побѣдителей, а вы ничего не могли дать варварской имперіи, которая васъ поглотила. Она уничтожила ваши университеты, ваши библіотеки, ваше просвѣщеніе и взамѣнъ получила только ту кору загрубѣнія, которая наростаетъ на всякомъ злодѣѣ, когда онъ безнаказанно совершаетъ великія преступленія. Несчастной вашей судьбой вы напоминаете мнѣ не грековъ, а мавровъ, завоеванныхъ испанцами; точно такъ же, какъ они, вы сдѣлались жертвою національнаго и религіознаго фанатизма; точно такъ же, какъ они, вы погибаете без-

плодно и окончательно.“ — Мнѣ не долго пришлось ждать, я дожилъ до развязки ихъ кроваваго дѣла. Съ той же слѣпой яростью, съ какой испанскіе короли преслѣдовали мавровъ, Александръ IIой терзалъ теперь злополучныхъ поляковъ, а мы русскіе не смѣли сказать ни слова въ осужденіе этой политики. Мы могли только думать про себя: сегодня ихъ очередь, а завтра наша. Какое завтра, по иниціативѣ Каткова уже начала спускаться съ цѣпи та свора взяточниковъ и негодяевъ, которая мучила и терзала Россію при Николаѣ; намъ оставалось подставлять шею. Не за то я обвиняю Александра Iго, что онъ не исполнилъ вѣнскихъ трактатовъ, а за то, что онъ опозорилъ мое отечество; судьба ввѣрила ему Польшу, и онъ обязанъ былъ во имя чести русскаго народа развить ея свободныя учрежденія, а онъ началъ съ того, что на каждомъ шагу нарушалъ права этого народа. Я проклинаю Николая Iго за то, что честь русскаго народа была ему ввѣрена и онъ опозорилъ эту честь. Какъ русскій императоръ, которому ввѣрены были Финляндія, остзейскій край, Польша, онъ обязанъ былъ заботиться, чтобы просвѣщеніе, благосостояніе и свобода процвѣтали въ нихъ по крайней мѣрѣ въ той же самой мѣрѣ, какъ въ наиболѣе благоденствующихъ странахъ Европы, а онъ

подавилъ въ нихъ то, что онъ долженъ былъ развивать. Онъ сдѣлалъ изъ нихъ нашихъ непримиримыхъ враговъ вмѣсто того, чтобы соединить насъ всѣхъ въ одинъ братскій союзъ. Онъ сѣялъ между нами вражду вмѣсто того, чтобы дѣлать насъ горячо любящими другъ друга соотечественниками. Когда онъ вызвалъ польское возстаніе дурнымъ своимъ управленіемъ, онъ долженъ былъ бы чувствовать за это свою вину передъ нами и долженъ былъ бы исправить свою ошибку, а онъ съ наглостью неисправимаго преступника сталъ считать виноватыми поляковъ, а не себя, и управлялъ послѣ этого Польшею хуже какого нибудь монгола-завоевателя. Клеймо позора тебѣ за это отъ исторіи — звѣрь на престолѣ! Когда я увидалъ, какъ послѣ 1863го года поступали съ поляками, тогда я могъ сравнивать Александра IIго и Муравьева только съ такими укротителями бунтовъ, какъ Филиппъ IIой и герцогъ Альба; я предчувствовалъ, что система отзовется на насъ такъ же, какъ преслѣдованія мавровъ отозвались на судьбѣ Испаніи, и къ несчастью мои предчувствія слишкомъ скоро оправдались. Въ ужасной картинѣ подавленія возстанія и ея послѣдствій блеснулъ одинъ только свѣтлый лучъ: правительство возстанія дало крестьянамъ такія права, какихъ имъ никогда бы не дождаться отъ русскаго прави-

тельства. Александръ Пой не рѣшился поступить съ ними такъ сурово, какъ онъ поступалъ въ Россіи; въ своихъ распоряженіяхъ онъ нѣсколько приблизился къ идеѣ революціоннаго правительства. Русскіе крестьяне были обездолены по стачкѣ императора съ помѣщиками, а принадлежавшіе полякамъ получили то, что имъ слѣдовало не потому, что это было справедливо, а потому, что правительство вынуждено было къ этому возстаніемъ. Такъ неизбѣжно должно будетъ проглядывать ослиное ухо въ лучшихъ дѣлахъ русскихъ императоровъ, пока они будутъ опираться на такихъ людей, какъ Панинъ и Муравьевъ.

Возвращаюсь однако къ сибирскимъ полякамъ. Прежде всего мнѣ бросилось въ глаза, что въ Сибири поляки повсемѣстно расположили къ себѣ русскій народъ. Чиновники и здѣсь, точно такъ же, какъ въ Россіи, въ угоду правительству и, помогая ему изъ раболѣпія достигать его грязныхъ цѣлей, разжигали въ населеніи вражду къ полякамъ. Въ Россіи поляковъ было мало, населеніе не знало ихъ и вѣрило взводимымъ на нихъ клеветамъ, но здѣсь ихъ было много, населеніе могло судить о нихъ самостоятельно и рѣшало совсѣмъ иначе. Съ особенной ясностью воззрѣніе народа на поляковъ обнаружилось передъ мною въ Томскѣ во время паники, которая овладѣла

жителями, когда горѣлъ городъ. Губернаторъ старался обратить гнѣвъ народа на поляковъ и сдѣлалъ распоряженіе о высылкѣ всѣхъ сосланныхъ поляковъ изъ Томска; но, узнавъ объ этомъ, русское населеніе засыпало его прошеніями о томъ, чтобы онъ взялъ свое распоряженіе назадъ; оно доказывало ему, что поляки полезный, а вовсе не вредный для города элементъ. И дѣйствительно, въ Томскѣ поляки играли такую же роль, какую искусные мавры и гугеноты, высылаемые изъ Испаніи и Франціи, играли въ тѣхъ странахъ, куда переселялись — они вносили съ собою цивилизацію. Въ тѣхъ городахъ, гдѣ ссыльные поляки жили уже давно, напр. въ Иркутскѣ, Вяткѣ, это вліяніе было гораздо болѣе замѣтно. Въ Иркутскѣ во всѣхъ слояхъ общества, между рабочими, мѣщанами, мелочными торговцами и т. д. было поразительно болѣе свободомыслія и интеллигентности, чѣмъ въ Томскѣ, куда поляки явились въ большомъ числѣ только послѣ возстанія 1863го года. Я вполнѣ могъ понять, какую великую пользу принесли бы поляки Россіи, если бы русскіе императоры имѣли хотя маломальски человѣческій образъ и были бы способны оцѣнить блага цивилизаціи, вмѣсто того, чтобы быть грубыми звѣрями, ничего не понимающими въ такихъ вещахъ. Если бы поляки подъ русскимъ

владычествомъ развивали свои конституціонныя учрежденія, они освѣтили бы и Россію свѣтомъ своей прошедшей политической опытности, а теперь они способствовали ея загрубѣнію и существенно препятствовали ея развитію. Разсказы поляковъ представляли для меня прекрасную иллюстрацію того, какимъ образомъ вся русская бюрократія, начиная отъ императора и кончая послѣднимъ этапнымъ офицеромъ и унтеръофицеромъ, послѣднимъ смотрителемъ поселенцевъ, получала звѣриный образъ отъ тѣхъ пріемовъ, какіе они считали себя въ правѣ практиковать при усмиреніи польскаго возстанія. Все облагораживающее вліяніе литературы послѣднихъ лѣтъ исчезало отъ ядовитаго дуновенія этихъ варварскихъ пріемовъ. Во время моего пребыванія въ Томскѣ губернаторъ пересѣкъ образованныхъ поляковъ, даже и не лишенныхъ дворянскихъ правъ за то, что они, жалѣя своихъ женъ и дѣтей, умиравшихъ отъ слишкомъ быстрыхъ переходовъ, настаивали на отдыхѣ. Вѣдь законность насъ губила, и я скоро услыхалъ, какъ это разнузданное звѣрство губернатора стало отзываться на образованныхъ русскихъ, которые въ политику не мѣшались и по развитію своему стояли гораздо выше самого губернатора. И тѣни такой развязности не могло бы въ немъ явиться, если бы звѣрь не былъ спущенъ съ цѣпи.

Глава пятая.

Сибирь и ссыльные поляки.

1.

Загрубѣть, подчиниться деморализаціи какому нибудь томскому губернатору очень легко; онъ всегда былъ грубъ. Катковъ говорилъ ему только то, что онъ всегда чувствовалъ въ своей душѣ. До передовыхъ статей Каткова въ немъ еще оставался слѣдъ стыда, онъ не осмѣливался проявить свою грубость; Катковъ развязалъ ему руки: теперь онъ съ такимъ же восторгомъ безчинствовалъ и сѣкъ, съ какимъ пьянствовалъ и развратничалъ, пользуясь своей властью. Но грубѣть, подчиняться деморализаціи для человѣка, стоявшаго на нравственной высотѣ, ужасная вещь, величайшее изъ страданій, какое можетъ его постигнуть. Нужно видѣть эти страданія своими глазами, чтобы понять, что долженъ былъ перенести польскій

народъ въ тѣ многіе злополучные годы, когда онъ находился подъ владычествомъ русскихъ императоровъ. Разскажу, что происходило передъ моими глазами. Начну даже не съ поляковъ, а съ бѣлорусовъ и имъ подобныхъ людей, которые будто бы переселились въ Сибирь добровольно. Читатели русскихъ газетъ воображаютъ, что именно за нихъ то правительство и распиналось, для ихъ огражденія преслѣдовало поляковъ. Я насмотрѣлся всласть на плоды этого огражденія. Чѣмъ эти несчастные люди, ни однимъ бокомъ не участвовавшіе въ возстаніи, провинились передъ русской бюрократіей, я не могу себѣ представить. По выраженію одного чиновника ихъ высылали заурядъ, кстати, чтобы спокойнѣе было. И вотъ положеніе, въ которое кстати ставили этихъ людей! Проѣзжая по богатымъ сибирскимъ селеніямъ, вы въ началѣ, въ концѣ, на задахъ находите жалкіе лачуги — не то жилые, не то не жилые; дворъ обнесенъ не заборомъ, а жердями; если есть какой нибудь жалкій скотъ, онъ стоитъ подъ навѣсомъ, открытымъ всѣмъ вѣтрамъ въ сорокоградусные морозы — это кандидаты сибирской язвы. Окна безъ стеколъ, затянутые высушенными внутренностями животныхъ, а гдѣ ихъ недостало, забитые доской. Эти жилища дикарей принадлежатъ добровольнымъ будто бы переселенцамъ изъ

западнаго края. Обработанной земли сибирскій крестьянинъ имъ не даетъ —: иди, расчищай тайгу! А какъ онъ будетъ ее расчищать, когда у него имущество всего одинъ старый топоръ? Тамъ однихъ насѣкомыхъ такая масса, что десяти минутъ нельзя выдержать, не только жить. Ему остается одно: онъ или идетъ въ батраки, или на золотые промыслы, гдѣ въ одинъ годъ сдѣлается пьяницей и негодяемъ; семья его нищенствуетъ и воруетъ; дѣти погибшія созданія съ малыхъ лѣтъ, жена непрестанно съ слезами повторяетъ всѣмъ и каждому, какъ они на родинѣ хорошо жили въ полномъ довольствѣ и какъ ея мужъ теперь спился совсѣмъ и ни жены, ни дѣтей знать не хочетъ.

За этими невинными слѣдуютъ слабые, въ свѣтлую минуту они пожелали служить своей родинѣ, но вотъ они арестованы, они не могутъ выдержать пытки и дѣлаются предателями, не рѣдко даже крестятся въ православную вѣру. Обличая другихъ, они однакоже прежде всего обличаютъ самихъ себя; благодаря этому, противъ нихъ имѣется больше доказательствъ, чѣмъ противъ тѣхъ, кого они обличали; мнѣ извѣстны случаи, гдѣ послѣ заслуженнаго предательствомъ снисхожденія подобныхъ лицъ присуждали все таки къ лишенію правъ въ то время, когда обличаемые ими подвергались только административной ссылкѣ. Путешествуя

по этапу въ Сибирь, они воображали себѣ, что ихъ русскіе примутъ тамъ съ распростертыми объятіями. Они и не подозрѣвали, что катковскіе восторги никѣмъ изъ русскихъ не раздѣляются, кромѣ эгоистически заинтересованныхъ. Маломальски образованныхъ изъ числа поляковъ принимали вездѣ въ обществѣ и смотрѣли снисходительно, если ихъ костюмъ имѣлъ дефекты; но предателей никто не принималъ, даже у купцовъ ихъ православіе не помогало. Всякій боится предателя, а сибирскій чиновникъ болѣе всякаго другаго. Мнѣ разсказывали, что одинъ губернаторъ при выходѣ подобнаго человѣка изъ своего кабинета отвѣтилъ на вопросъ: кто это такой? — „Этотъ — гдѣ ѣлъ, тамъ и напакостилъ“ — такова была ихъ общая кличка въ Сибири. Ни одного изъ нихъ я не зналъ, ни разу не видалъ ни въ одномъ обществѣ; случалось мнѣ, возвращаясь съ прогулки, на задахъ предмѣстья встрѣтить поляка, котораго лицо я въ первый разъ вижу, — оказывалось — это предатель. Они были вполнѣ отверженными, жалкими паріями.

Далѣе слѣдуютъ помѣщики, чиновники, слетѣвшіе съ высокихъ мѣстъ, люди со средствами, но раззоренные возстаніемъ, вообще такъ называемые бѣлые или либералы. Тяжко было смотрѣть на нихъ. Всѣ они безъ исключенія

носили на себя печать прекраснаго воспитанія; нѣкоторые отличались интеллигентностью и свѣдѣніями; эти читали своимъ товарищамъ лекціи и старались поддерживать въ ихъ средѣ времяпровожденіе, приличное для развитаго человѣка. Менѣе интеллигентные разгоняли себѣ тоску тѣмъ, что учились чему нибудь — напр. какому нибудь языку. Жизнь они вели замкнутую и въ одиночествѣ грызли свое горе. Меня поражало то, что при своемъ свѣтскомъ лоскѣ они не умѣли себя держать въ томъ положеніи, въ какое попали. Прежняя жизнь не пріучила ихъ къ выносливости и къ страданіямъ, и теперь они носили на себя печать упадка духа, которая ихъ сильно деморализировала. Глядя на нихъ и припоминая разсказы о поведеніи французской аристократіи во время великой революціи, мнѣ приходило на мысль, что всѣ эти разсказы, за исключеніемъ напускнаго геройничанья, одно вранье, до такой степени настроеніе ссыльной польской аристократіи психологически прямо вытекало изъ прежней ихъ избалованности. По большей части они утверждали, что они возстанію не сочувствовали, и я не сомнѣвался въ искренности ихъ словъ; они должны были инстинктивно чувствовать тягость для нихъ послѣдствій кровавой расправы. Я былъ вполнѣ увѣренъ, что каждый изъ нихъ, подобно французскимъ дворянамъ

великой революціи, былъ способенъ съ большимъ эфектомъ войти на эшафотъ, но пережить свою жизнь съ достоинствомъ они не были способны. Лучшіе изъ нихъ разсказывали мнѣ, какъ передъ возстаніемъ уязвлялась ихъ гордость отъ унизительнаго обращенія съ ними правительства, лишь только они осмѣливались напомнить ему о своихъ правахъ. Въ эти минуты они не могли не вспоминать о томъ, чѣмъ они были и что они теперь. Я представлялъ себѣ ихъ борьбу между противуположными чувствами въ то время, когда дѣлались манифестаціи, когда юноши брали ружье и шли въ банды. Сколько горькихъ слезъ было тогда пролито въ спальняхъ и кабинетахъ! Они не въ силахъ были переносить свое положеніе и умирали. Я встрѣчалъ ихъ похоронныя процессіи, когда они шли за умершимъ своимъ братомъ съ восковыми свѣчами въ рукахъ, съ натянутыми фигурами, съ серіозными и блѣдными физіономіями. Въ такіе минуты я видѣлъ умственнымъ взоромъ многочисленное польское дворянство, раззоренное и обнищавшее, разсыпанное въ Сибири, въ западномъ краѣ, въ царствѣ, въ Европѣ и за океаномъ; всѣ ихъ страданія, многочисленныя, какъ пески морскіе, воскресали передъ мною. Я спрашивалъ себя, кому приносило пользу то, что ихъ мучили такимъ образомъ? Если бы имъ

дали положеніе, согласимое съ ихъ достоинствомъ, они были бы прекрасными, благородными, свободомыслящими людьми, принадлежали къ самымъ развитымъ людямъ русскаго государства и дали бы намъ очень многое изъ того, въ чемъ мы нуждаемся — а теперь, что изъ нихъ сдѣлали? — нравственныхъ уродовъ. Администрація не довольствовалась униженіемъ дворянства, она вносила въ его среду деморализацію, которая внушала къ дворянамъ презрѣніе ихъ собственныхъ единоплеменниковъ. Одинъ изъ дворянъ, Поисетъ, приговоренный Муравьевымъ къ смертной казни, очутился, вслѣдствіе сильныхъ связей своихъ въ Петербургѣ, живымъ и здравымъ въ Томскѣ. Тутъ губернаторъ, по инструкціямъ его покровителей, устроилъ для него слѣдующую штуку. Онъ открылъ на имя одного изъ томскихъ купцовъ мастерскую всѣхъ ремеслъ и отдалъ эту мастерскую, такъ сказать, въ феодальное владѣніе этому дворянину. Когда въ числѣ политическихъ, высылавшихся въ томскую губернію, оказывался искусный ремесленникъ, губернаторъ давалъ ему на выборъ или отправляться въ глухую деревню, гдѣ онъ никакой работы имѣть не будетъ, или идти въ заведеніе дворянина П. Случайно проскочили въ Кузнецкъ каретникъ изъ Варшавы, фортепіанный мастеръ, шорникъ и поваръ; на вопросъ мой, отчего они не пошли въ заве-

деніе дворянина П., они мнѣ отвѣчали, что они ссыльные, а все таки не крѣпостные, а тамъ они были бы крѣпостными. Фортепіанный мастеръ не могъ имѣть въ Кузнецкѣ занятія по своей спеціальности, а дѣлалъ столярную работу и все таки радъ былъ, что ускользнулъ отъ Томска и заведенія г. П. — Польскіе дворяне называли эту крѣпостную команду ассоссіаціей г. П., разглагольствовали о желѣзной твердости его характера, восхищались тѣмъ, какъ онъ мило живетъ, какая у него хорошенькая лошадка; я слушалъ ихъ и думалъ — вотъ гдѣ истинное униженіе — это хуже голода и нужды. Какъ низко нужно было пасть польскому дворянину, чтобы рѣшиться отымать послѣднія крохи у того, кто вмѣстѣ съ нимъ страдалъ за свое отечество.

Ксендзы по своему образованію стояли вообще выше нашего духовенства. Они отличались способностью къ тому роду самоотверженія, который прививается католическому духовенству его аскетическимъ воспитаніемъ. Это помогало имъ переносить свою судьбу съ большей стойкостью и съ большимъ достоинствомъ, чѣмъ переносили дворяне. Ни отъ одного изъ нихъ я не слыхалъ малодушнаго увѣренія, что онъ былъ противъ возстанія. Кромѣ того ни одна категорія ссыльныхъ не пользовалась такой поддержкой, какъ

ксендзы. Если образъ дѣйствія императоровъ Николая и Александра II-го по отношенію къ польскимъ дворянамъ казался мнѣ дурной политикой, то ихъ образъ дѣйствія по отношенію къ польскому духовенству былъ лучшимъ доказательствомъ ограниченности ихъ взгляда и ихъ способностей. Съ какой надобности Николай своимъ агрессивнымъ образомъ дѣйствія по отношенію къ польскимъ ксендзамъ создалъ себѣ изъ этого рѣшительнаго духовенства опасныхъ и непримиримыхъ враговъ? У нихъ было такъ много общаго, что если бы онъ былъ маломальски сообразительный человѣкъ, то онъ могъ бы извлечь для себя гораздо болѣе пользы изъ ксендзовъ, чѣмъ изъ православнаго духовенства. Ихъ вражда къ прогрессу доходитъ до наивности. Однажды я встрѣчаю на улицѣ каноника варшавскаго епископа, одного изъ первостепенныхъ дѣятелей и мучениковъ польскаго возстанія. Онъ издали махаетъ мнѣ рукой и кричитъ съ восторгомъ: „читали“? — Статья, которая возбудила въ немъ такой восторгъ, была одна изъ мерзконакостныхъ реакціонерныхъ статей Цитовича. Цитовичъ писалъ такъ, что даже между русскими консерваторами пересталъ находить читателей и долженъ былъ замолчать. Сколько нужно было наивности со стороны каноника, чтобы воображать, что онъ найдетъ

во мнѣ сочувствіе къ такимъ идеямъ; но онъ не могъ себѣ представить, что серіозный человѣкъ можетъ симпатизировать такимъ глупостямъ, какъ женская эманципація и тому подобныя затѣи. Считая его типическимъ представителемъ воззрѣній ксендзовъ, я однажды два часа разговаривалъ съ нимъ съ задней мыслію найдти какой нибудь пунктъ, на которомъ мы могли бы сойтись, — но такаго пункта не оказалось. Ксендзы были консервативнѣе Николая, и нужна была вся его близорукость, чтобы не понять, какъ любовно они могли бы цѣловаться другъ съ другомъ. Если бы онъ выполнялъ статью основныхъ русскихъ законовъ о вѣротерпимости, если бы онъ заботился объ интересахъ католическаго духовенства, какъ о любимомъ своемъ дѣтищѣ, если бы приблизилъ къ себѣ тѣхъ, кто стоялъ у нихъ во главѣ, они бы прекрасно поняли выгодность для нихъ союза съ могучимъ императоромъ и платили бы ему услугой за услугу. Александру II-му также не было никакой надобности ссориться съ польскимъ духовенствомъ, онъ легко могъ войти съ ними въ тѣсный союзъ во имя либеральной идеи вѣротерпимости; онъ сдѣлалъ себѣ легкомысленно лишнихъ и опасныхъ враговъ, въ то время, когда онъ легко могъ пріобрѣсти въ нихъ весьма полезныхъ для себя друзей,

Ему тѣмъ легче было бы достигнуть этого, что для католическаго священника интересы религіи стоятъ выше всевозможныхъ другихъ. Въ ссылкѣ ксендзы деморализоровались немногимъ меньше дворянъ. Подъ гнетомъ нужды и бездѣлья они начинали пьянствовать и развратничать, развитіе ихъ не было достаточно велико, чтобы оградить ихъ отъ этого.

2.

Красная интеллигенція представляла изъ себя людей совсѣмъ иного закала; они не только дѣлали геройскія усилія для того, чтобы поддержать себя на уровнѣ нравственной высоты, но горячо заботились о томъ, чтобы ограждать отъ нравственнаго паденія людей рабочаго класса и мало развитую шляхту, которую постигла горькая участь политической кары. Но задача была неимовѣрно трудная, за немногими исключеніями они были люди безъ всякихъ средствъ; если у кого нибудь оставалось отъ разгрома какихъ нибудь двадцать или пятьдесятъ фунтовъ, то это была большая рѣдкость, да и тѣ быстро расходились на помощь въ безпримѣрной нуждѣ. Только очень немногіе могли добывать себѣ

скудное пропитаніе уроками и другой подобной работой. Съ энергіей, къ которой дворяне и ксендзы оказывались окончательно неспособными, они предпочитали идти въ работу къ ремесленникамъ и крестьянамъ. Они учились ремеслу у кузнеца, портного, красильщика или плотника, разумѣется изъ за однихъ харчей. Черный хлѣбъ, квасъ и лукъ составляли всю ихъ пищу, спали они въ избѣ вмѣстѣ съ хозяиномъ. Зимой въ убогой одеженкѣ имъ приходилось въ вѣтеръ и мятель, въ сорокоградусный морозъ ѣхать въ поле за десятки верстъ, возить бревна и доски или работать цѣлый день въ кузницѣ безъ крыши. Многіе изъ нихъ умирали при этомъ жестокой смертью, и всетаки они всегда предпочитали такое положеніе должности писца въ канцеляріяхъ или въ полицейскомъ управленіи и часто урокамъ и другимъ занятіямъ. На равной ногѣ, на „ты“ съ хозяиномъ, интеллигентный полякъ, больной и здоровый, работалъ усерднѣе своего патрона, часто будилъ его и понукалъ, когда тотъ лѣнился. „Такихъ мы и не видывали“, говаривали хозяева, „другой батракъ радъ, когда хозяинъ спитъ, а вы, натъ ка, и побаловаться хозяину не дадите.“ — Не смотря на всѣ эти геройскія усилія, умственный и нравственный упадокъ былъ неизбѣженъ. Даже вполнѣ развитой человѣкъ поне-

жался въ своемъ умственномъ уровнѣ по недостатку чтенія, необходимаго для его поддержанія. Но по большей части это были юноши, не кончившіе своего образованія, у нихъ отрѣзаны были средства выработать изъ себя развитыхъ людей, даже въ самыхъ благопріятныхъ обстоятельствахъ, при существованіи книгъ и т. д., потому что работа отымала у нихъ все время. Въ описанныхъ положеніяхъ было опять таки только меньшинство, большинство было разослано по глухимъ деревнямъ, гдѣ о книгахъ, чтеніи, интеллигентномъ обществѣ не могло быть и помину. Относительно ихъ сельскимъ обществамъ даны были инструкціи, которыя осуждали ихъ на голодную смерть; напр. сельское начальство должно было смотрѣть, чтобы они не отлучались отъ деревень далѣе 25 саженъ (нѣсколько десятковъ ярдовъ). Сельская работа для нихъ была невозможна при этомъ условіи. Крестьяне смѣялись надъ этими варварскими инструкціями, однакоже они давали какому нибудь старостѣ возможность бить поселенца, когда ему это вздумается въ пьяномъ видѣ и т. д. Если первые сосланные были отчасти, то послѣдніе были окончательно погубленными умственными силами. Ужасно было видѣть ихъ: о европейскомъ костюмѣ, даже о тѣхъ одеждахъ, которыя они перешили себѣ изъ выданнаго имъ арестантскаго платья и

которымъ они придали болѣе приличный видъ, не было и помину, — они ходили въ оборванномъ и заплатанномъ крестьянскомъ платьѣ, какъ послѣдніе изъ сибирскихъ пролетаріевъ. Ихъ загрубѣлыя лица и руки, ихъ разлѣзающіеся во всѣ стороны волоса создавали имъ сходство съ послѣдними изъ людей; — только тогда, когда они начинали говорить, изъ-за этой оболочки начиналъ просвѣчивать интеллигентный и нравственно высокій человѣкъ; въ оживленной бесѣдѣ вы окончательно забывали то первое впечатлѣніе, которое онъ на васъ производилъ. Въ мою память врѣзалось одно воспоминаніе. Когда я шелъ изъ Сибири, я на одномъ этапѣ встрѣтилъ молодого героя. Офицеръ генеральнаго штаба, двадцати трехъ лѣтъ, онъ весь покрытъ былъ ранами съ головы до ногъ; одни говорили, что у него ихъ двадцать, другіе тридцать, онъ самъ не зналъ точно ихъ счетъ. Геройство его растопило сердца судившихъ его офицеровъ, они скрыли то обстоятельство, что онъ офицеръ генеральнаго штаба, потому что въ этомъ случаѣ его пришлось бы повѣсить. Онъ шелъ на поселеніе въ восточную Сибирь въ качествѣ подобраннаго безъ чувствъ на полѣ сраженія гражданина Соединенныхъ Штатовъ изъ Нью Іорка (онъ даже и по англійски не умѣлъ говорить). Я смотрѣлъ на его мощную,

цвѣтущую молодостью фигуру: ни раны, которыми покрыто было лицо, ни этапъ не лишили ее интеллигентности и свѣжести, и вдругъ я вспомнилъ тѣ лица и тѣ фигуры, которыя я видѣлъ въ сибирской тайгѣ; и онъ будетъ такимъ же, онъ предсталъ передъ мною въ оборванной одеждѣ, съ загрубѣлымъ лицомъ, съ фигурой, которая скрывала все, что въ немъ было героическаго и прекраснаго подъ внѣшностью мазурика; — впечатлѣніе было такое сильное, что я его до сихъ поръ не забылъ. Хотя они и проповѣдывали противъ космополитизма, подъ личиною котораго у поляковъ скрывалось малодушіе, но къ русскимъ они ненависти не имѣли и прекрасно уживались съ рабочимъ народомъ. Они интересовались всѣмъ русскимъ, и въ Кузнецкѣ я имъ читалъ лекціи о русскихъ соціальныхъ идеяхъ. Пылкіе поляки быстро воспламенялись этими идеями и наполняли ими свои письма; въ особенности имъ понравилось то мѣсто, гдѣ я доказывалъ, что матерьяльный трудъ вовсе не осуждаетъ рабочаго человѣка на невѣжество, и что рабочій классъ можетъ быть на столько же развитымъ и интеллигентнымъ, какъ и такъ называемая, образованная часть общества. По этому поводу случился даже анекдотъ. Въ Томскѣ я встрѣтился съ Лапинскимъ, читавшимъ по обязанности переписку поляковъ.

„Я васъ давно знаю!“ воскликнулъ Лашинскій, „очень хорошо знаю; поляки въ своихъ письмахъ разсказали мнѣ подробно вашъ образъ мыслей; я самъ демократъ, терпѣть не могу аристократовъ.“ Опытность, которую я пріобрѣлъ, изучая образованныхъ поляковъ въ ссылкѣ, обратила мое вниманіе на одну сторону воззрѣній нигилистовъ тогдашняго времени. Къ нимъ принадлежала самая развитая и самая талантливая часть русскаго общества; они первые стали изобрѣтать для себя трудъ, который бы давалъ имъ независимость. Мужчины и женщины писали талантливыя статьи, сотрудничали въ періодическихъ изданіяхъ, переводили книги, вырабатывали изъ себя артистовъ въ разныхъ родахъ, могли участвовать въ концертахъ, играть на сценѣ. Съ Чернышевскимъ во главѣ они старались доказать русскому образованному обществу, что можно быть въ самой рѣзкой оппозиціи съ правительствомъ, защищать и практиковать самыя крайнія идеи, и въ то же время вовсе не быть похожимъ на какого нибудь оборванца, а напротивъ возбуждать въ консерваторахъ зависть своимъ благосостояніемъ. Я не помню того времени, когда въ Россіи не возможно было жить изданіемъ журнала или газеты, но во время моего пріѣзда въ Петербургъ въ 1849 мъ году указывали на писателей, живу-

щихъ исключительно литературнымъ трудомъ, какъ на рѣдкость. Даже писатели такой большой извѣстности, какъ Гончаровъ, не могли жить литературой, а находились на службѣ; обезпечивать себѣ независимость было не такъ легко. Глядя на жизнь поляковъ въ Сибири, я убѣждался, какъ удобно правительство можетъ совладать съ людьми, избалованными комфортомъ и роскошью. Борьба между нигилистами и правительствомъ должна была неизбѣжно разгораться, и тогда привитыя имъ воззрѣнія будутъ парализовать ихъ смѣлость и сдѣлаются для нихъ источникомъ униженія и слабости. — Чтобы спасти насъ отъ такого бѣдствія, я рѣшился проповѣдывать имущественное равенство, добровольную бѣдность, сліяніе съ народомъ. Я доказывалъ, что человѣкъ, который живетъ бѣдно по принципу, не теряетъ отъ этого ни въ своихъ собственныхъ глазахъ, ни въ глазахъ общества; человѣкъ изъ народа, который привыкъ къ бѣдности съ молодыхъ лѣтъ и знаетъ ремесло нужное вездѣ и всюду, кузнецъ, плотникъ, печникъ — не истребимъ. Ихъ губитъ только ихъ невѣжество. Интеллигентные люди, привившіе себѣ ихъ свойства и научившіеся подобнымъ ремесламъ, сдѣлаютъ изъ себя такихъ враговъ правительства, какихъ оно еще не имѣло передъ собою. И что можетъ быть прелестнѣе идеи равенства сво-

боды, чести и имущества: она содержитъ въ себѣ слишкомъ много способнаго увлекать человѣческія сердца. Чѣмъ болѣе я думалъ объ этомъ предметѣ, тѣмъ болѣе я одушевлялся имъ, пока наконецъ весь отдался своему энтузіазму. Мнѣ не разъ приходило на мысль, до какой степени я измѣнился; давно ли прошло то время, когда я былъ либераломъ самаго умѣреннаго образа мыслей, когда я раздѣлялъ ученія политико-экономовъ и, слѣдуя имъ, предпочиталъ поземельную собственность общинному владѣнію; а теперь я дошелъ до идеи имущественнаго равенства и добровольной бѣдности. Нѣсколько лѣтъ позже я жилъ въ Вологдѣ одновременно съ Шелгуновымъ. Онъ былъ извѣстный писатель и нигилистъ самой чистой воды. Я его глубоко уважалъ и мы были самыми лучшими друзьями, но уже представляли собою два противуположныхъ направленія — вся вологодская голь была на моей сторонѣ. Скоро и мнѣ и правительству пришлось увидать на практикѣ, какимъ могучимъ стимуломъ для развитія человѣческой энергіи и несокрушимаго мужества можетъ послужить энтузіазмъ имущественнаго равенства, добровольной бѣдности и сліянія съ народомъ. Польская красная интеллигенція старалась удержать отъ деморализаціи ссыльныхъ поляковъ, принадлежавшихъ къ рабочему

классу, внушая имъ чувство своего достоинства. Образованные поляки доказывали имъ, что то геройство и самоотверженіе, съ которымъ они боролись за свое отечество, возвысило ихъ въ глазахъ всего міра; весь цивилизованный міръ восхищается ими и превозноситъ ихъ. Они должны высоко держать то знамя свободы, которое подняли, и съ твердостью переносить свои страданія. Они дѣйствительно и поступали такимъ образомъ; не смотря на то, что на ихъ долю выпадало всего болѣе тягостей, они переносили ихъ съ такимъ удивительнымъ самоотверженіемъ, которому не только помѣщики, но и ксендзы не способны были подражать. У нихъ и у красныхъ нужно было учиться умирать молча и сосредоточенно; безъ стона и жалобы переносить свою агонію, — а агонія эта продолжалась долгіе годы. Не легко умереть на полѣ битвы, когда васъ сразила смертоносная пуля, но еще въ сто кратъ труднѣе умирать долгіе годы отъ нескончаемой нужды и безнадежныхъ страданій. Когда вы видѣли эти исхудалыя тѣла, эти блѣдныя лица, на которыхъ написанъ былъ образъ смерти, потухающіе глаза, изъ которыхъ она глядѣла своимъ зловѣщимъ предзнаменованіемъ, и когда они держали себя передъ вами такъ тихо и спокойно, вамъ хотѣлось зарыдать; чтобы подавить въ себѣ этотъ

порывъ, вамъ нужно было употребить столько же воли, сколько было въ этихъ обреченныхъ на смерть. Подъ гнетомъ нужды они оказались изобрѣтательными и самыми находчивыми изъ всѣхъ. Между ними оказывались такіе, которые устраивали ассоссіаціи труда, не такія крѣпостныя команды, какъ такъ называемая ассоссіація дворянина П., а дѣйствительныя товарищества, въ которыхъ находили себѣ помощь и спасеніе не только такіе же пролетаріи, какъ они, но и интеллигентные поляки. Дѣло устраивалось и тогда, когда ни у одного изъ товарищей не было копѣйки въ карманѣ. Надо же было гдѣ нибудь жить, нанимался домъ, подходящій для ихъ цѣлей, всѣ искали работу и распредѣляли ее между собою по способностямъ каждаго, а между дѣломъ обзаводились хозяйствомъ, сами создавали себѣ орудія труда и сами же пускали ихъ въ дѣло, плели неводъ и ловили рыбу, воздѣлывали огородъ и сажали табакъ, обзаводились птицей, а потомъ и какой нибудь жалкой коровенкой. Жили, ѣли, пили вмѣстѣ, дѣлились одеждой и всѣмъ. Никто не кричалъ о желѣзной твердости ихъ характера; они не нуждались ни въ желѣзной твердости, ни въ протекціи губернатора, никого имъ не нужно было ни дисциплинировать, ни удерживать въ своихъ лапахъ; никто отъ нихъ не бѣжалъ,

а всѣ видѣли въ нихъ послѣднее свое прибѣжище. Знакомство съ нихъ жизнію имѣло большое вліяніе на мои соціальныя и экономическія воззрѣнія. Я могъ наблюдать, какъ искусные и трудолюбивые люди доходили до того, что удовлетворяли всѣмъ своимъ потребностямъ, не имѣя ни копѣйки капитала, а обмѣниваясь произведеніями своего труда съ помощью соотвѣтствующихъ организацій. У красной интеллигенціи былъ съ рабочими поляками одинъ споръ. Она шла въ работу къ людямъ изъ народа, къ кузнецамъ, столярамъ и т. д., а рабочіе менѣе всего стремились идти къ русскимъ ремесленникамъ въ ученики или къ русскимъ крестьянамъ въ работники. Чиновники и купцы были въ восторгѣ отъ польской прислуги. Всѣ аристократіи въ свѣтѣ воспитываютъ образцовую прислугу, и польская аристократія не уступала въ этомъ отношеніи своимъ собратьямъ въ западной Европѣ. Такой прислуги сибиряки и не видывали; не было никакого сравненія между этой развязной, сдержанной и ловкой прислугой и сибирскими медвѣдями. Сибирякъ въ услуженіи дѣлать ничего не умѣетъ, пьянствуетъ, грубитъ, отказывается то отъ того, то отъ другаго, норовитъ наняться куда нибудь на пріискъ или внезапно потребовать расчетъ, чтобы идти косить или жать, когда даютъ за это большія

деньги. Если озлится, онъ выберетъ такой день, когда у хозяина собрались гости, оставитъ огонь подъ плитою и ужинъ на плитѣ, все сожжетъ, перепортитъ и уйдетъ. Съ польской прислугой не только чиновникъ и чиновница, но и купецъ и купчиха чувствовали себя панами и аристократами, они выростали въ собственномъ мнѣніи на много вершковъ. Они жадно искали польской прислуги, брались испрашивать у начальства разрѣшеніе для ссыльнаго остаться въ городѣ. Подъ гнетомъ нужды и безвыходнаго положенія ссыльные соглашались. Красная интеллигенція возмущалась этимъ, ей невыносима была мысль видѣть повстанца прислуживающаго у русскаго чиновника. Оно дѣйствительно было ужасно; израненный въ борьбѣ за свободу герой возстанія вызывалъ самыя мрачныя чувства, когда какой нибудь взяточникъ или купецъ-кулакъ помыкалъ имъ, какъ лакеемъ. Но что было имъ дѣлать?! Кто могъ освободиться отъ этого, освобождался. Варшавскій поваръ былъ спеціально присланъ въ Кузнецкъ, чтобы поступить въ услуженіе къ мировому посреднику; однако же онъ ушелъ отъ него и завелъ самостоятельную кухмистерскую, гдѣ обѣдали преимущественно ссыльные, жилъ въ общежитіи и принадлежалъ къ тѣмъ полякамъ, которые существовали, обмѣниваясь своими произведеніями.

Но не всѣ могли обезпечить себя такимъ образомъ; если бы они, подобно интеллигенціи, пошли къ ремесленникамъ или крестьянамъ въ работники, то эти люди не стали бы съ ними обращаться, какъ обращаются съ интеллигентными людьми, а даже хуже, чѣмъ обращались съ ними чиновники и купцы. Случаи создать себѣ самостоятельное положеніе были слишкомъ рѣдки. Люди, которыхъ умственный и нравственный уровень и на родинѣ былъ пониженъ русскимъ владычествомъ, создавая себѣ самостоятельное положеніе, могли дойдти при удачномъ ходѣ дѣла до еще болѣе низкаго нравственнаго паденія, чѣмъ то, до котораго ихъ доводили голодъ, нужда и необходимость лакействовать передъ русскимъ чиновничествомъ. Полуграмотный человѣкъ начиналъ ни съ чѣмъ, подвергался со стороны русскихъ всевозможнымъ прижимкамъ и когда достигалъ своей цѣли, то въ видѣ репрессалій считалъ себя въ правѣ совершать самыя неблаговидныя дѣла; вѣдь онъ мстилъ этимъ своимъ врагамъ. „Я относился къ нимъ какъ братъ, но они хотѣли меня съ голоду уморить, теперь пусть платятся!“ — Одинъ полякъ, который былъ приговоренъ къ каторжнымъ работамъ, разсказывалъ мнѣ въ послѣдствіи, какъ выгодно имѣть кабакъ въ рабочемъ центрѣ. Рабочій приноситъ ему сюртукъ, который стоитъ три рубля, онъ даетъ

ему вина на тридцать копѣекъ, а сюртукъ оставляетъ себѣ. Конечно всѣ кабатчики поступаютъ такимъ же образомъ, но вѣдь у нихъ никогда и не шевелилось высокаго чувства, а вѣдь онъ когда то горѣлъ самоотверженнымъ патріотизмомъ. Съ какой стороны не посмотри на это дѣло и на этихъ людей, вездѣ вамъ представляется на первомъ планѣ картина невыразимыхъ страданій, а за нею необходимое ее послѣдствіе — мрачная деморализація, и все это только по тому, что какимъ-то сомнительнаго происхожденія русскимъ императорамъ неугодно выполнить своей обязанности и дать полякамъ тѣ политическія права, которыхъ они заслужили. Русскіе и поляки отличаются такими противуположными достоинствами, которыя дополняютъ другъ друга; если бы ихъ союзъ былъ добровольный, то они съ большою пользою воздѣйствовали бы одинъ на другого. Полякъ — дипломатъ и рожденный политическій дѣятель. Существуетъ пословица: гдѣ два поляка, тамъ три партіи, — и изъ этого заключаютъ неспособности поляковъ къ политической жизни. Однако же то же самое можно было сказать о французахъ, но имъ именно и принадлежитъ инициатива политическаго движенія на материкѣ Европы, и въ области политическаго самоуправленія они ушли дальше всѣхъ прочихъ великихъ державъ материка.

Политическая задорность французовъ и поляковъ вытекаетъ изъ живости и пылкости ихъ характера; но изъ той же пылкости характера вытекало то стремленіе къ самодѣятельности въ политической области, которое сдѣлало французовъ первымъ изъ европейскихъ народовъ и заставило поляковъ выносить иго русскихъ императоровъ съ большимъ нетерпѣніемъ, чѣмъ его выносили остзейскіе нѣмцы и финляндцы, которые отставали отъ западной Европы и завядали безъ протеста. Французы имѣли надъ поляками одно великое преимущество; они способны воодушевляться сочувствіемъ къ народной массѣ; французы почти единственный народъ въ свѣтѣ, который оказывался способнымъ дѣлать революціи; у всѣхъ другихъ народовъ революція превращалась или въ междоусобную войну или въ мало успѣшную попытку; они способны были одушевиться идеей свободы, равенства и братства и во имя этой идеи возстать, какъ одинъ человѣкъ. Поляки никогда не были способны къ такому единодушному движенію, они для этого народъ слишкомъ пропитанный классовыми предразсудками. Мы, русскіе, въ этомъ отношеніи прямо противуположный полякамъ народъ: мы одинаково презираемъ всѣ наши высшіе классы— дворянъ, чиновниковъ, духовенство, буржуазію, императорское семейство. Мы способны оду-

шевиться только такой идеей, какъ идея свободы, равенства и братства; если въ насъ по временамъ просыпалась тѣнь искренняго энтузіазма, то она всегда имѣла демократическую окраску. Всѣ другіе классы, не исключая императорскаго семейства, не только презирались нами, но глубоко презирали и презираютъ сами себя; я не видалъ ни одного русскаго, который бы вѣрилъ въ добродѣтели какого бы то ни было класса, ни одного, который вѣрилъ какимъ бы то ни было разсказамъ объ императорскомъ семействѣ, кромѣ скандалезныхъ анекдотовъ; отъявленные консерваторы въ этомъ отношеніи ничѣмъ не отличаются отъ крайнихъ радикаловъ. Но за то же вмѣсто той пылкости, которая превращала поляковъ въ героевъ, у насъ господствуетъ политическая апатія, которая далеко оставляетъ за собою апатію остзейскихъ нѣмцевъ и финляндцевъ; только этимъ безучастіемъ неограниченная монархія и держится. Результатъ оказался бы совсѣмъ другимъ, если бы польская пылкость присоединилась къ нашему демократическому духу; поляки возбуждали бы насъ и къ манифестаціи и къ борьбѣ, а мы научили бы ихъ одушевлять энтузіазмомъ весь народъ и превращать междоусобную войну въ революцію. Возрожденіе польскаго и русскаго народа можетъ быть только одновременнымъ и можетъ быть только

результатомъ общаго дѣйствія: но за то же тогда императорское семейство жестоко расплатится за то, что оно такъ долго задерживало наше развитіе, возбуждая между нами вражду, одинаково вредную для насъ обоихъ; тогда мы поймемъ, кто нашъ истинный и общій врагъ — и горе этому врагу! Тогда поляки поймутъ, что только въ союзѣ съ русскими они могутъ сдѣлаться народомъ настолько могущественнымъ, чтобы достигать своихъ великихъ цѣлей, а мы поймемъ, что свободный польскій народъ не имѣетъ причины отдѣляться отъ насъ, а имѣетъ причину оставаться съ нами для общей борьбы съ Австріей и проч.

Глава шестая.

Сибирь и пропаганда.

1.

Въ Сибири насчитывали до ста тысячъ ссыльныхъ послѣ возстанія; въ Томскѣ было около тысячи, въ ничтожномъ городишкѣ Кузнецкѣ до полутораста человѣкъ. Въ европейской Россіи ихъ было вѣроятно еще больше. Западный край перенесъ въ это время настоящее переселеніе народовъ; поляки переселялись въ Россію, а русскіе въ западный край. Для русскихъ генераловъ и администраторовъ оказалось необходимымъ повторить исторію вавилонскаго плѣненія, чтобы усмирить возстаніе до того безсильное, что оно нигдѣ не могло дойти до правильныхъ военныхъ дѣйствій; все дѣло ограничивалось партизанской войной. Лучшаго свидѣтельства своей бездарности и своего невѣжества эти правители не могли себѣ выдать. Большой наплывъ

ссыльныхъ поляковъ возобновилъ пропаганду идеи отдѣленія Сибири. Около того времени, когда я находился въ Кузнецкѣ, эта идея привилась къ нѣкоторымъ молодымъ людямъ, которые составляли цвѣтъ сибирской интеллигенціи. Въ Иркутскѣ къ нимъ принадлежалъ извѣстный профессоръ исторіи казанскаго университета и духовной академіи Щаповъ, въ Томскѣ Шашковъ, сдѣлавшійся въ послѣдствіи извѣстнымъ писателемъ, Ядринцевъ, также писатель, Потанинъ, извѣстный впослѣдствіи путешественникъ. Такъ какъ все интеллигентное принадлежало къ ихъ кружкамъ, то имъ не трудно было добыть себѣ органъ прессы. Кромѣ ихъ не было людей, способныхъ редактировать подобный органъ сколько нибудь грамотно и сносно. Они дѣлали, что могли, но бдительное око цензуры и тайной полиціи противупоставляло имъ неодолимыя препятствія. Получивъ отъ нихъ приглашеніе содѣйствовать ихъ предпріятію, я сталъ говорить съ народомъ, съ цѣлью узнать, имѣетъ ли эта идея у нихъ корни. Я нашелъ въ народѣ крайнее озлобленіе противъ администраціи. Управленіе было до такой степени произвольное и безобразное, что всѣ были ожесточены, начиная отъ чиновниковъ и купцовъ и кончая крестьянами. Такъ какъ Сибирь была тѣмъ мѣстомъ, куда ссылались самые важные полити-

ческіе агитаторы и преступники, то правительство умышленно поддерживало этотъ произволъ, зная всѣ его плачевныя послѣдствія, и вмѣстѣ съ тѣмъ заботилось, чтобы просвѣщеніе получало минимумъ распространенія. Оно видѣло въ этомъ для себя гарантію спокойствія. До какихъ предѣловъ оно доводило свою варварскую систему, видно изъ слѣдующаго. Полицейскіе чиновники могли сѣчь крестьянъ безъ суда и расправы, давая имъ по двѣсти розогъ и болѣе каждый разъ, когда это имъ приходило въ голову, напр. когда ямщикъ по несчастью опрокинулъ ихъ экипажъ. Мало этого, съ разрѣшенія полиціи нанимателн поступали такъ же съ нанимаемыми людьми. На золотыхъ промыслахъ не только золотопромышленникъ, но каждый нарядчикъ объѣзжалъ работы съ нагайкой въ рукахъ и сѣкъ ею мужчинъ и женщинъ, сколько ему было угодно; если ему это показалось мало, онъ отсылалъ рабочаго на конюшню, гдѣ конюхи подвергали его жесточайшему наказанію. Жгучее негодованіе, которое горѣло въ сердцахъ интеллигентныхъ сибиряковъ, вполнѣ знакомыхъ съ варварской подкладкой этой злодѣйской системы, было слишкомъ понятно; нельзя было не сочувствовать имъ, когда они съ рѣдкимъ самоотверженіемъ проповѣдывали свою идею и даже не обращали вниманія на отсутствіе

шансовъ успѣха. Автономія была для Сибири дѣйствительно единственнымъ средствомъ спасенія; автономная Сибирь во всякомъ случаѣ не стала бы систематически подавлять въ своей средѣ просвѣщеніе. Она создала бы себѣ университетъ, котораго населеніе напрасно домогалось въ теченіе долгаго времени. Мнѣ легко было понять, почему идея автономіи не могла привиться къ народу. Онъ былъ ожесточенъ тѣми притѣсненіями, которыя переносилъ, но не имѣлъ ни малѣйшаго понятія о возможности существованія лучшихъ порядковъ; какую пользу могла ему принести борьба за свою самостоятельность, если бы онъ по прежнему остался во власти тѣхъ же чиновниковъ. О существованіи такихъ порядковъ и о ихъ послѣдствіяхъ, о томъ, какъ люди отвоевывали себѣ свободу, я ему разсказывалъ, примѣняясь къ его понятіямъ и знаніямъ. Конечно, довольно трудно было разговаривать о такихъ вещахъ съ людьми, не слыхавшими, что земля кругла, почти не знавшими, что кромѣ Россіи есть другія государства на свѣтѣ, но за то же ихъ удивленію и любопытству не было предѣла. Скоро узнали въ окрестностяхъ о существованіи необычайнаго русскаго, и у меня никогда не было недостатка въ собесѣдникахъ. Я говорилъ съ ними, не стѣсняясь, публично на базарѣ, на перевозахъ,

въ полѣ во время прогулокъ. Наконецъ купцы и чиновники стали замѣчать послѣдствія этой пропаганды, имъ удавалось подслушать между рабочими разговоры о такихъ предметахъ, о которыхъ они сами ничего не знали. Это ихъ пугало, въ ихъ воображеніи возникалъ образъ темной и непроницаемой для нихъ опасности. Мнѣ предавали, что они совѣтовались между собою, какъ поступить, но самый компетентный и развитой въ Кузнецкѣ человѣкъ, мировой посредникъ, полякъ Энгельфельдъ, разрѣшилъ ихъ сомнѣнія. Нельзя же въ самомъ дѣлѣ преслѣдовать человѣка за разсказы о томъ, что напечатано во всѣхъ дозволенныхъ цензурою книгахъ. Ссыльные поляки разсуждали объ этомъ съ другой точки зрѣнія; они говорили между собою, что ихъ полтораста человѣкъ и ими ничего не дѣлается для возбужденія населенія; явился одинъ русскій и бесѣдуетъ съ народомъ публично, какъ какой нибудь еврейскій пророкъ. Побуждаемый этими разговорами, одинъ полякъ попыталъ революціонную пропаганду на базарѣ; его тотчасъ арестовали, и мнѣ пришлось писать для него прошенія и доказывать, что онъ сдѣлалъ это въ припадкѣ умопомѣшательства. Поляки спрашивали меня, отъ чего у меня подобныхъ исторій не выходитъ? — Очень просто: поляки привыкли имѣть дѣло съ людьми,

вполнѣ подготовленными; они вели между католиками и поляками пропаганду, вызывающую къ національной и религіозной ненависти. Тутъ не требуется никакихъ подготовленій, нужно только достаточно мужества, чтобы взять на себя инициативу. Въ Россіи же требуется взростить въ людяхъ идею, о которой они никогда ничего не слыхали. Полякъ поступилъ по польски: онъ вышелъ на базаръ и взывалъ къ возстанію, я никогда не говорилъ крестьянину о бунтѣ; я обсуждалъ съ нимъ его положеніе, разсказывалъ ему, какъ въ другихъ странахъ выходили изъ такихъ положеній. Не я ему, а онъ мнѣ говорилъ, что надо бунтовать, я же ему объяснялъ, что бунты не всегда бывали удачными и что дѣло это нужно дѣлать умѣючи. Я былъ переведенъ въ Томскъ именно въ то самое время, когда весь городъ былъ въ волненіи. Вся молодежь, которая столько старалась, чтобы внушить сибирякамъ идею сепаратизма, была арестована; по всей Сибири только объ этомъ и говорили. Это время я называлъ пропагандой собственными боками. Въ Россіи во всякомъ мѣстѣ, гдѣ было хотя сколько нибудь интеллигентной молодежи, велась пропаганда; старались распространить ту или другую соціальную или политическую идею, но русскіе не французы, ихъ идеями понять не такъ легко; имъ говорятъ,

а они слушаютъ и забываютъ. Только тогда, когда начинаются аресты, общество приходитъ въ волненіе, всѣ распрашиваютъ, въ чемъ дѣло, и идея быстро распространяется. Такъ было и въ Сибири: послѣ арестовъ всѣ ознакомились съ идеей объ автономіи Сибири, сибирскій патріотизмъ оживился, сдѣлался модынъ, даже купцы на вывѣскахъ публиковали о сибирскомъ товарѣ, о товарѣ, приготовленномъ по сибирскому способу и т. п. Интеллигенція того времени похожа была на бабочекъ: чтобы родить идею, она должна была умереть.

2.

Я уже упомянулъ о томскомъ губернаторѣ; его деспотическія замашки дали мнѣ возможность вести въ Томскѣ такую же пропаганду, какую я велъ въ Астрахани. Онъ сталъ строить гостинный дворъ и по самодурству своему распорядился для купцовъ, какъ нельзя хуже. Одинъ изъ купцовъ, Окуловъ, слывшій великимъ законовѣдомъ, написалъ протестъ, который былъ подписанъ всѣми купцами. Губернаторъ озлился, купцы испугались и взяли свои подписи назадъ. Побѣдивъ, губернаторъ призвалъ сочинителя къ себѣ и обругалъ его

самыми грубыми словами. Преисполненный мести, онъ обратился ко мнѣ за совѣтомъ. Я убѣдилъ его, что борьба съ сибирскимъ губернаторомъ вещь не легкая, но что, имѣя на своей сторонѣ все общество, онъ можетъ имѣть успѣхъ, если онъ скроетъ свои чувства и выждетъ удобный для этого случай. Такъ онъ и сдѣлалъ; случай не замедлилъ представиться. Александръ II-ой любилъ, чтобы назначаемые имъ губернаторы были популярны, и если губернаторъ добивался какой нибудь милости, то онъ обыкновенно старался чѣмъ нибудь доказать свою популярность. Не сомнѣваясь въ успѣхѣ, томскій губернаторъ призвалъ къ себѣ городскаго голову и обѣщалъ ему орденъ, если онъ предподнесетъ ему дипломъ почетнаго гражданина города Томска; но тутъ-то его и ожидало караблекрушеніе. Соперникъ городского головы, узнавъ, что его врага ожидаетъ даже не медаль, а крестъ, вознегодовалъ до такой степени, что рѣшился во что бы то ни стало сдѣлать ему скандалъ. Окуловъ искусно воспользовался этимъ настроеніемъ. Когда городской голова читалъ проэктъ приговора о представленіи губернатору почетнаго диплома, его соперникъ дѣйствительно сдѣлалъ ему скандалъ; началась ругань. Скандалъ, который могъ задѣть губернатора, напугалъ купцовъ и мѣщанъ; они не любятъ быть свидѣтелями скандаловъ,

а такого скандала избави Боже. Поощряемые Окуловымъ, всѣ кинулись бѣжать изъ думы, приговоръ остался не подписаннымъ. Вице-губернаторъ посовѣтовалъ поправить дѣло, разсылая приговоръ по домамъ. Этого я только и дожидался: я написалъ на имя министра внутреннихъ дѣлъ телеграмму слѣдующаго содержанія: „Томскій городской голова предложилъ обществу поднести губернатору почетное гражданство, но общество не согласилось и разошлось. Теперь по настоянію властей члены думы по одиночкѣ принуждаются къ подписи приговора. Просимъ прекратить такой незаконный образъ дѣйствія.“ — Телеграмма эта подписана была отъ имени купцовъ купцомъ Окуловымъ, а отъ имени мѣщанъ двумя мѣщанами, изъ которыхъ одинъ получалъ огромный для мѣщанина доходъ въ тысячу фунтовъ и былъ Цесаремъ мѣщанской камеры. Губернаторъ, понятно, сдѣлалъ попытку выставить телеграмму интригой. Городской голова собралъ для этой цѣли думу, но тогда купецъ Окуловъ произнесъ рѣчь, въ которой обрисовалъ всю дѣятельность губернатора по отношенію къ жителямъ города Томска. Это была дерзость неслыханная; подобнаго обвинительнаго акта никогда еще не раздавалось въ стѣнахъ думы противъ такого лица, какъ губернаторъ. Восторгъ и страхъ овладѣлъ одновременно всей

думой, прежде, чѣмъ Окуловъ кончилъ рѣчь, всѣ разбѣжались; приговоръ опять остался неподписаннымъ. Я посовѣтовалъ Окулову немедленно отправиться къ стряпчему и засвидѣтельствовать число подписей на приговорѣ. Начальникъ стряпчаго, прокуроръ, ненавидѣлъ губернатора за то, что онъ его однажды два часа продержалъ у себя въ передней, а потому стряпчій поѣхалъ и засвидѣтельствовалъ недѣйствительность приговора. Дѣло попало въ столичную печать, которая восхищалась самостоятельностью томскихъ гражданъ и поощряла ихъ къ опозиціи. Между тѣмъ губернаторъ уволилъ стряпчаго, а прокуроръ, бывшій въ это время въ Омскѣ, доложилъ генералъ-губернатору о противузаконныхъ затѣяхъ томскаго губернатора. Генералъ-губернаторъ воспретилъ губернатору принимать почетное гражданство и къ оффиціальной бумагѣ присовокупилъ собственноручную записку о томъ, чтобы онъ не дозволялъ себѣ никакихъ актовъ мести. Мѣщане торжествовали, совершилось невозможное: они побѣдили губернатора! Я получилъ прозваніе „полезнѣйшаго человѣка“ и всегда готовую слушать меня авдиторію, состоявшую изъ людей изъ народа. Губернатору воспрещена была месть, но это дѣло принялъ на себя вице-губернаторъ. Однако-же имъ пришлось раскаяться въ томъ, что они не послѣдовали бла-

горазумному совѣту генералъ-губернатора. На месть кто то отвѣтилъ местью; сдѣланъ былъ поджогъ у дома вице-губернатора, а за тѣмъ и у дома губернатора. У губернатора сгорѣла одна изъ надворныхъ построекъ, которая скоро была потушена; всетаки губернаторъ сосредоточилъ всю пожарную команду около своего дома, которому не угрожало никакой опасности, и этимъ сжегъ весь городъ. Ожесточеніе жителей не имѣло предѣловъ, всѣми читались подпольные листки, которые изображали образъ дѣйствія губернатора во время пожара. Губернаторъ потребовалъ отъ думы весьма обременительныхъ для мѣщанъ мѣръ ради предупрежденія пожаровъ, и когда противъ этого зашумѣли въ городѣ, онъ назначилъ въ думѣ совершенно противузаконное засѣданіе, на которое пригласилъ чиновниковъ, занимавшихъ наиболѣе высокія мѣста, и пріѣхалъ самъ. Онъ началъ съ того, что произнесъ грозную рѣчь; лишь только онъ кончилъ, купецъ Окуловъ спросилъ его, почему на пожарѣ не было трубы, за которую городъ заплатилъ тридцать фунтовъ. Другой членъ думы сдѣлалъ подобный же вопросъ, и со всѣхъ сторонъ на губернатора посыпались вопросы, которые всѣ были направлены къ тому, чтобы доказать, что истиннымъ виновникомъ несчастья былъ онъ, губернаторъ. Въ думѣ поднялся сильный и громкій

ропотъ. Губернатору никакъ не могла придти въ голову, что въ думѣ ему осмѣлятся дѣлать интерпелляціи; онъ растерялся и перепугался, очутившись лицомъ къ лицу съ обозлившейся толпой. Черезъ нѣсколько минутъ онъ пришелъ въ себя, обругался ругательски и вышелъ. Тогда Окуловъ написалъ приговоръ, въ которомъ изложено было поведеніе губернатора въ думѣ и прописаны были всѣ ругательныя слова, которыя онъ произнесъ. Вечеромъ собрались ко мнѣ, чтобы писать телеграмму, которая предназначалась уже для доклада императору. Когда мы писали первую телеграмму, очень трудно было найти лицъ, согласныхъ ее подписать. Только купецъ Окуловъ, Цесарь, мѣщанской камеры, и Гундобинъ никогда не показывали нерѣшительности. Гундобину это дѣлало тѣмъ болѣе чести, что онъ не имѣлъ никакихъ личныхъ счетовъ съ губернаторомъ и руководствовался однимъ общественнымъ интересомъ. Теперь охотниковъ подписать телеграмму было сколько угодно. Мѣщане негодовали на сдержанность своихъ руководителей, на то, что губернаторъ не былъ выброшенъ изъ окна на разтерзаніе толпѣ. Въ телеграммѣ говорилось, что городъ сгорѣлъ, что населеніе находится въ крайнемъ возбужденіи; за тѣмъ описано было поведеніе губернатора въ думѣ, прописаны всѣ ругательства, которыя онъ про-

изнесплъ, и прибавлено, что въ эту опасную минуту губернаторъ сдѣлалъ все, чтобы вызвать народные безпорядки, но что руководителямъ общества удалось сдержать народное негодованіе. Начальника губерніи встрѣтили въ думѣ и проводили съ почетомъ, приличнымъ его званію. Въ заключеніи высказана была просьба внушить губернатору благоразуміе и спасти этимъ городъ отъ большаго несчастья. Начало уже свѣтать, когда телеграмма была окончена, я хотѣлъ еще разъ громко прочесть и обсудить ее; вдругъ послышались какіе-то звуки. Одинъ изъ мѣщанъ вскочилъ блѣдный и произнесъ: „курица запѣла — быть бѣдѣ!“ — Я вспомнилъ римскихъ плебеевъ въ борьбѣ съ патриціями и ихъ предразсудки. Телеграммѣ грозило крушеніе, пришлось немедленно прекратить разсужденія и дать ее подписать. Я настоялъ на томъ, что бы она ночью же была отправлена на телеграфъ, вмѣстѣ съ купцами отправился туда самъ и ждалъ до тѣхъ поръ, пока податель телеграммы возвратился съ извѣстіемъ, что начальникъ телеграфа по причинѣ важности дѣла былъ разбуженъ и заявилъ, что онъ самъ немедленно будетъ ее отбивать. Эффектъ телеграммы былъ такимъ, какимъ его можно было ожидать; губернаторъ рвалъ и металъ отъ злости и въ то же время трусилъ до того, что возбуждалъ всеобщій смѣхъ. Тутъ

я только увидалъ, какъ велико было всеобщее озлобленіе противъ этого злодѣя. Забавно мнѣ было видѣть чиновниковъ; они при каждомъ случаѣ выражали мнѣ свои восторги и свое горячее сочувствіе и при этомъ трусили безмѣрно; на улицѣ, пожимая мнѣ сердечно руку, они оглядывались кругомъ, нѣтъ-ли гдѣ вблизи всевидящаго ока. Восторгъ мѣщанъ былъ даже трогателенъ, въ немъ было что то свѣжее, молодое, наивное. Увѣряли меня, что тѣ минуты, когда они подписывали приговоръ противъ губернатора, они въ жизни своей не забудутъ, что я у нихъ на вѣкъ останусь въ памяти, что они и дѣтямъ своимъ будутъ разсказывать, какъ боролись. Вскорѣ я былъ переведенъ въ Вологду, и уже въ Вологдѣ узналъ изъ газетъ, что и губернаторъ и вицегубернаторъ были уволены отъ своихъ должностей. Типиченъ финалъ этого дѣла. Чиновники ненавидѣли губернатора и были въ восторгѣ, когда онъ лишился мѣста; но новому губернатору вовсе не нравился такой прецедентъ; онъ находилъ, что надо дать гражданамъ острастку, чтобы не повадно имъ было спихивать губернаторовъ. Подъ его вліяніемъ окружной судъ безъ малѣйшаго законнаго основанія приговорилъ купца Окулова къ лишенію всѣхъ правъ состоянія. А такъ какъ по закону лица, приговоренныя въ первой инстанціи къ лишенію

всѣхъ правъ, берутся подъ стражу, то Окуловъ былъ заключенъ въ острогъ. Затѣмъ начались разныя проволочки, и онъ два года сидѣлъ въ острогѣ, прежде чѣмъ сенатъ призналъ его вполнѣ невиннымъ и освободилъ. Не смотря на всю возмутительность такого противузаконія, судъ ничѣмъ не рисковалъ: онъ не отвѣчаетъ за свое мнѣніе.

3.

Во время моего пребыванія въ Томскѣ Каракозовъ выстрѣлилъ изъ пистолета въ Александра II-го. Такой поступокъ прямо вытекалъ изъ настроенія, въ которомъ тогда находилась интеллигенція. Сторонники правительства говорили: онъ совершилъ этотъ поступокъ изъ славолюбія. Какое незнаніе человѣческаго сердца! — развѣ возможно, чтобы человѣкъ изъ славолюбія пошелъ на всѣ тѣ муки, какія ожидали Каракозова?! Въ его сердцѣ, какъ въ фокусѣ, сосредоточились всѣ тѣ безчисленныя страданія, которыя тогда переносили русскіе соціалисты, люди, горѣвшіе желаніемъ совершать акты любви, учреждать школы, ассоссіаціи, сходиться и воспитывать въ себѣ великія идеи; онъ каждый день видѣлъ своими глазами ихъ мученія, ихъ униженія; онъ страдалъ

одинъ столько же, сколько они всѣ вмѣстѣ; онъ не могъ перенести мукъ своего сердца и задумалъ уничтожить источникъ зла. Отчаянье безсознательно гнало его на мѣсто убійства, но когда онъ на него пришелъ, онъ не въ силахъ былъ убить человѣка и промахнулся. Сравните съ нимъ въ эту минуту Муравьева и его повелителя Александра II-го. Волосы становятся дыбомъ и кровь стынетъ въ жилахъ, когда вы видите эти безчисленныя, невинныя жертвы, которыхъ истязали эти люди хладнокровно и бездушно, какъ подобаетъ истиннымъ, закоренѣлымъ злодѣямъ; истязали только потому, что они сами своими злодѣяніями довели Каракозова до преступленія. Исчадіе зла, Муравьевъ, палачъ по природѣ и по призванію, пресыщался человѣческими мученіями, какъ звѣрь, въ которомъ кромѣ звѣрства ничего не было; но каковъ былъ Александръ, который вторично спустилъ этого звѣря съ цѣпи на Россію послѣ того, что онъ дѣлалъ съ поляками?! Нельзя себѣ представить то грандіозно-эманципирующее впечатлѣніе, которое произвелъ на весь народъ выстрѣлъ Каракозова въ Александра II-го. По вліянію своему на народъ, вся предшествовавшая революціонная пропаганда была ничто, сравнительно съ этимъ выстрѣломъ. Я сдѣлалъ въ это время, въ качествѣ агента по коммерческимъ дѣламъ од-

ного купца, болѣе пяти тысячъ верстъ по грунтовымъ дорогамъ. На каждой станціи меня окружалъ народъ и распрашивалъ меня о причинѣ и значеніи выстрѣла. Мнѣ сотни разъ пришлось повторять одинъ и тотъ же приспособленный къ пониманію народа разсказъ. Объяснить народу самоотверженный поступокъ Каракозова и его выстрѣла было очень легко, народъ смотрѣлъ на Александра II-го совсѣмъ иначе, чѣмъ образованный классъ. Часть помѣщиковъ императоръ дѣйствительно раззорилъ, но высшій классъ онъ обогатилъ въ несравненно большихъ размѣрахъ; это русскій Титъ; онъ сыпалъ государственными деньгами на право и на лѣво; государственные расходы при немъ утроились, и къ этому онъ прибавилъ земство, которое дало дворянамъ неизсякаемый источникъ доходовъ отъ обложенія народа. Чиновниковъ, судей онъ удовлетворилъ высокими окладами, но никто не былъ имъ на столько облагодѣтельствованъ, какъ желѣзнодорожники. Концессіи давались имъ на неслыханныхъ и чудовищныхъ условіяхъ. Но за то же народъ онъ обобралъ и ограбилъ до нитки. Я уже говорилъ о томъ, какъ онъ поступилъ съ удѣльными крестьянами; съ государственными, кабинетскими и другими онъ поступилъ точно такъ же. Число крестьянъ, которыхъ онъ ограбилъ, превышаетъ, по крайней

мѣрѣ, втрое тѣхъ крѣпостныхъ, которые получили отъ него надѣлы. Крѣпостные получили въ надѣлъ десятки милліоновъ акровъ, а у прочихъ крестьянъ были грабительски и насильемъ отрѣзаны сотни милліоновъ акровъ. Александръ II-ой, царь-освободитель крѣпостныхъ и грабитель крестьянъ, — вотъ его имя! Однакоже и отъ высшихъ классовъ онъ мало заслужилъ за свои благодѣянія. Выстрѣлъ Каракозава произвелъ потрясающее впечатлѣніе, а послѣдовавшій за нимъ выстрѣлъ Березовскаго ровно никакого.

Глава седьмая.

Этапъ. Новое дѣло.

1.

Изъ Томска я былъ переведенъ въ европейскую Россію, въ Вологду. Когда изъ Петербурга я отправлялся въ ссылку въ Астрахань, князь Суворовъ поручилъ меня полковнику К., который везъ меня въ отдѣльномъ купэ въ то время, какъ жандармъ, назначенный третьимъ отдѣленіемъ, помѣщался въ третьемъ классѣ. Когда меня изъ Астрахани везли на слѣдствіе въ Казань, я помѣщался съ профессоромъ Калиновскимъ въ общей дамской каютѣ съ большими удобствами, а сопровождавшіе насъ четыре жандарма помѣщались въ отдѣльной каютѣ. Жандармскому полковнику, спеціально присланному, чтобы насъ арестовать, удалось помѣшать мнѣ ѣхать съ женою только тѣмъ, что онъ всталъ у

входа на пароходъ и не пустилъ моей жены. Когда я ѣхалъ изъ Казани въ Сибирь съ женою, я ѣхалъ въ очень удобной помѣщичьей повозкѣ, данной для этой цѣли однимъ казанскимъ помѣщикомъ; жандармамъ дана была инструкція останавливаться въ городахъ въ номерахъ гостинницъ и ѣхать такъ скоро, какъ я самъ того пожелаю. Даже изъ Томска купеческая компанія любезно отдала въ мое распоряженіе съ женою отдѣльную каюту. Но тамъ, гдѣ кончилась Сибирь, кончились и мои привиллегіи. Изъ Тюмени меня погнали по этапу. Я имѣлъ удовольствіе испытать то этапное житье, которое испытывали ссыльные, когда ихъ переводили обратно въ Россію въ видѣ улучшенія ихъ положенія. Къ вечеру меня съ женою и грудным ребенкомъ помѣстили въ огромную комнату и заперли. Черезъ пять минутъ мы вскочили и зажгли огонь. Безчисленное множество насѣкомыхъ покрывало наши подушки, одѣяла и насъ самихъ, еще большее число ползло къ намъ со всѣхъ сторонъ. Въ испугѣ я сталъ звать сторожа. Сторожъ предложилъ намъ перебраться въ общую. Мы перебрались и были встрѣчены хохотомъ арестантовъ. „Мы видѣли,“ говорили они, „какъ вы туда входили. Думасмъ, погоди. скоро выскочатъ.“ — Но и тутъ было не легче. „Понятное дѣло,“ объясняли намъ.

„Прошлую ночь здѣсь ночевало двѣсти человѣкъ, каждый свою доску кормилъ, а теперь насъ семеро.“ — Мы бѣгали изъ угла въ уголъ, потому что не только заснуть, но и присѣсть не было никакой возможности. Наши товарищи дѣлали то же самое. Съ величайшимъ нетерпѣніемъ мы дожидались того времени, когда отопрутъ камеру, и каждая минута намъ казалась часомъ. Вмѣстѣ съ нами заключено было другое семейство, — мужъ, жена и ребенокъ. Отъ мученій они лишились всѣхъ силъ, ребенокъ умиралъ, у него ртомъ шли глисты; мужъ и жена сидѣли въ безсмысленномъ отупѣніи и полусознательномъ состояніи. Видъ этихъ людей производилъ на насъ потрясающее впечатлѣніе. Изнуреніе отъ безпрерывнаго движенія и безсонной ночи сдѣлало наше тѣло еще болѣе чувствительнымъ къ истязаніямъ, которымъ мы подвергались; время до того часа, когда отпирали камеры, казалось намъ вѣчностью. Наконецъ замокъ загремѣлъ и дверь отворилась. Какъ безумный я кинулся на задній дворъ и раздѣлся до нага. Въ каждой складкѣ моего бѣлья и моего платья паразиты расположились въ два и въ три ряда на дневной отдыхъ; въ теченіе ночи мы испытали настоящее кровопусканіе. Я ѣхалъ въ собственномъ экипажѣ, который купилъ въ Тюмени; это снисхожденіе намъ было сдѣлано,

благодаря тому, что въ нашихъ бумагахъ было сказано, что мы отправляемся не въ видѣ арестантовъ. Это дало намъ возможность отдохнуть въ теченіе дня. На ночь насъ опять заперли въ острогъ. Я заявилъ смотрителю, что на женѣ моей не тяготѣетъ никакихъ политическихъ подозрѣній, что она не находится подъ надзоромъ полиціи и человѣкъ вполнѣ свободный; а потому я просилъ дозволить ей ночевать въ деревнѣ; но онъ отвѣчалъ мнѣ, что намъ и безъ того даются такія преимущества, которыя другимъ не дозволяются, что мы ѣдемъ въ собственномъ экипажѣ, и что онъ для меня болѣе ничего не можетъ сдѣлать. Пришлось провести еще одну ужасную ночь истязаній. На другой день оказалось, что и въ экипажѣ спать не было никакой возможности, такъ какъ онъ успѣлъ наполниться паразитами. Когда насъ заперли въ острогъ на третью ночь, мы почувствовали себя окончательно лишенными силъ и были въ такомъ же состояніи, какъ тѣ супруги съ ребенкомъ, которыхъ мы встрѣтили въ Тюмени. Однакоже насѣкомыя скоро одолѣли нашу апатію и мы опять пробѣгали всю ночь. Арестанты разсказали намъ, что дальше будетъ такъ же, и что при такихъ условіяхъ, въ которыхъ мы идемъ теперь по этапу, самый опытный бродяга не въ состояніи заснуть.

Когда мы послѣ четвертой ночи взглянули на наше тѣло, оно составляло одинъ сплошной струпъ. Представьте себѣ наши чувства, когда мы увидали нашего несчастнаго младенца въ такомъ ужасномъ положеніи. Мое грубое тѣло лучше выдерживало испытаніе; оно было усѣяно, какъ звѣздами, мелкими язвами отъ укушенія насѣкомыхъ, но и только; — у жены же и сына язвы сливались и превращались въ большіе, круглые струпья; распухшее тѣло порождало отеки, язвы сливались вмѣстѣ, принимали фантастическія формы и мокли. Къ физическимъ страданіямъ присоединялись нравственныя: грубое обращеніе солдатъ, въ особенности отъ женщинъ солдаты самымъ наглымъ образомъ вымогали взятки. На одномъ этапѣ мы встрѣтились съ арестантами, которые пересылались изъ Россіи въ Сибирь. Тутъ была молодая, очень красивая полька, лѣтъ двадцати; она точно такъ же, какъ и моя жена, слѣдовала за своимъ мужемъ. Намъ разсказали случай, который съ нею былъ на предшествовавшемъ этапѣ. Во время пути они промокли до костей отъ дождя, и съ нею сдѣлалось разстройство желудка. На ночь цѣлую толпу мужчинъ и женщинъ заперли въ одну комнату; когда она почувствовала себя дурно, она обратилась къ сторожу, но тотъ не согласился ее выпустить, а поставилъ въ камеру

парашку; — никакіе протесты не помогли. На одномъ этапѣ брали взятки за то, чтобы не задерживать арестантовъ. То былъ старый, сырой этапъ, разсадникъ тифовъ и заразныхъ болѣзней; стѣны, нары, все было пропитано заразой, каждый лишній день могъ принести съ собою смерть. Онъ наводилъ ужасъ на заключенныхъ, каждый отдавалъ все, что у него было, лишь бы избавиться отъ затхлаго воздуха этого ада. Въ мой экипажъ посадили двухъ галичанъ, которыхъ долго держали, предполагая, что они скрываютъ свои средства. Одинъ отдалъ всѣ свои деньги, у другаго денегъ не было ни копѣйки, онъ отдалъ сначала часть своего бѣлья, а за тѣмъ послѣднее, что имѣлъ — четверку табаку и два фунта чая. Въ Перми острогъ оказался до того переполненнымъ, что насъ некуда было помѣстить, и намъ дозволили нанять въ городѣ частную квартиру. Дожидаться отправки пришлось довольно долго, и мы успѣли отдохнуть. Изъ Перми въ Нижній насъ отправили на пароходѣ. Жену вмѣстѣ съ родственницами извѣстнаго начальника возстанія Сѣраковскаго отправили въ дамской каютѣ парохода, а меня съ галичанами помѣстили на арестантскую баржу. О гуманности смотрителя, распорядившагося такимъ образомъ, я уже давно слышалъ отъ поляковъ. Дѣйствительно пребы-

ваніе дамъ на арестантской бражѣ было бы для нихъ ужасно. Она была биткомъ набита народомъ до того, что дышать было невозможно; чтобы открыть себѣ возможность дышать, арестанты выбили окно, но отъ этого сквозной вѣтеръ свистѣлъ во всѣхъ направленіяхъ. Насъ помѣстили подъ большими трубами, сдѣланными для вентиляціи, и мы попали такимъ образомъ въ самую тягу. Такое помѣщеніе было бы смертельно для моей жены, страдавшей горловыми болѣзнями. Мужчины и женщины были вмѣстѣ; и день и ночь происходила оргія. Понятно, что въ такой компаніи цинизмъ и откровенность разврата превосходила всякое описаніе; затѣйницей и устроительницей банкетовъ была женщина, осужденная за убійство на каторжныя работы. Въ Нижнемъ наше положеніе опять измѣнилось, мы все болѣе попадали въ общую категорію: насъ водили пѣшкомъ по улицамъ городовъ вмѣстѣ съ другими арестантами, мнѣ дозволили только нанимать подводу для своихъ вещей. Этапы были меньше, въ нихъ помѣщалось меньше народу, а потому и насѣкомыя были менѣе мучительны. Сонъ, хотя тревожный, сдѣлался возможнымъ, но струпья на тѣлѣ жены и сына не проходили и не заживали. Въ одномъ изъ остроговъ мы дошли до крайнихъ предѣловъ изнуренія и заснули, какъ

мертвые; когда мы проснулись, тогда мы увидали, что мой бумажникъ лежитъ раскрытымъ на нарѣ. Оказалось однакоже, что арестантъ, воспользовавшійся моимъ крѣпкимъ сномъ, взялъ изъ бумажника только пять рублей. Такимъ образомъ мы убѣдились, что и воръ можетъ быть человѣкъ съ сердцемъ. Вообще же между арестантами мы нашли больше хорошихъ людей, чѣмъ дурныхъ. Они постоянно принимали въ насъ участіе, и когда мы отправлялись изъ острога, они указывали намъ на одного изъ арестантовъ, который долженъ былъ, такъ сказать, быть нашимъ ангеломъ-хранителемъ во время пути. Чаще всего это былъ какой нибудь сектантъ, но однажды эта роль предназначена была человѣку крайне симпатичному, который былъ осужденъ за неосторожное убійство. Наконецъ въ Костромѣ мнѣ разрѣшено было ѣхать на свой счетъ съ жандармами. Такое путешествіе стоитъ очень дорого. Я долженъ былъ заплатить за шесть лошадей въ Вологду и обратно, большія кормовыя жандармамъ и притомъ ѣхать не по тому пути, по которому ѣздятъ путешественники изъ Костромы въ Вологду, а по особому маршруту, который вдвое длиннѣе и гдѣ плата за почтовыхъ лошадей значительно дороже. Такимъ образомъ изъ политическихъ ссыльныхъ выжимаются послѣднія деньги, которыя

у нихъ могли бы оказаться. Для жандармовъ такія командировки очень выгодны; на обратномъ пути они предлагаютъ свою подорожную богатымъ путешественникамъ и превращаются въ ихъ прислугу. Всякій радъ ѣхать даромъ по подорожной, которая не допускаетъ задержки въ лошадяхъ, и жандармамъ платятъ хорошія деньги. Путешествіе изъ Томска въ Вологду, которое заняло бы по европейскимъ желѣзнымъ дорогамъ четыре дня, мы совершили въ три съ половиною мѣсяца; за то же оно и осталось у насъ въ памяти на всю жизнь.

2.

Въ Вологдѣ я задумалъ написать книгу о положеніи рабочаго класса въ Россіи. Неожиданно въ моихъ рукахъ очутился обширный статистическій матерьялъ, до того времени никѣмъ не разработывавшійся. Въ каждомъ изъ русскихъ губернскихъ городовъ былъ статистическій комитетъ, который собиралъ статистическія свѣдѣнія по своей губерніи и печаталъ статьи мѣстныхъ наблюдателей надъ народною жизнію. Эти комитеты обмѣнивались своими изданіями и такимъ образомъ въ каждомъ изъ нихъ собиралась почти неодолимая масса ста-

тистическихъ свѣдѣній и статей, описывающихъ мѣстные промыслы и жизнь рабочаго населенія. Кромѣ того статистическими комитетами получались изданія сельско-хозяйственныхъ и другихъ обществъ, земледѣльческія и другія спеціальныя газеты. Я попытался копнуть этотъ матерьялъ и подвергнуть его нѣкоторой пробѣ. Я прослѣдилъ по ихъ статистическимъ даннымъ вліяніе поземельныхъ надѣловъ и обложеніе земель на смертность сельскаго населенія. Результаты оказались поразительными; чѣмъ меньше были надѣлы и значительнѣе платежи, тѣмъ сильнѣе была смертность. Въ Россіи, въ то время, существовала еще одна особенность. Въ тѣхъ мѣстностяхъ, которыя отличались наименѣе плодородной почвой, населеніе занималось, ради своего обезпеченія, кустарными промыслами. При дурной организаціи труда, допускавшей чудовищную эксплуатацію кустарей, жизнь этихъ бѣдныхъ тружениковъ была самая злополучная. Статистика комитетовъ показывала между ними повсемѣстно громадную смертность. Наоборотъ въ мѣстностяхъ съ прекрасной почвой и рѣдкимъ населеніемъ статистика показывала и благопріятную смертность и быстрое возростаніе населенія. Въ тѣ времена писавшимъ эту статистику и въ голову не могло придти, что изъ ней кто нибудь будетъ дѣлать тѣ выводы, ко-

торые я задумалъ. Они, не мудрствуя лукаво, вписывали въ графы тѣ цифры, которыя у нихъ получались, и только. Отсюда я убѣдился, что эта статистика вовсе не достойна того высокомѣрнаго пренебреженія, съ которымъ къ ней относились наши ученые. Къ тому матерьялу, который скопился въ моихъ рукахъ, я присовокупилъ личныя наблюденія, которыя я накопилъ во время моей пропаганды среди народа и моихъ странствованій по Россіи и Сибири. Чѣмъ болѣе я вникалъ въ это дѣло, тѣмъ болѣе жизнь русскаго рабочаго народа рисовалась передъ мною въ мрачныхъ краскахъ; всѣ оптимистическія увѣренія, что въ Россіи рабочему живется лучше, чѣмъ въ западной Европѣ, что у насъ нѣтъ пролетаріата и т. д., разлетались въ прахъ. У насъ привыкли кричать объ англійскомъ сельскомъ пролетаріатѣ, объ ужасающей бѣдности въ большихъ городахъ. Я убѣждался, что Россія страна повальнаго пауперизма, что всѣ выгоды, доставляемыя народу общиннымъ владѣніемъ землею и самостоятельнымъ хозяйствомъ, вполнѣ уничтожаются тѣмъ грязнымъ тѣломъ и тѣмъ невѣжествомъ, въ которомъ онъ держится. Безучастіе къ страданіямъ рабочихъ людей превосходило все, что можно было встрѣтить въ западной Европѣ. На западѣ не было ни одной страны, гдѣ люди были такъ бѣдны, загнаны и

несчастны. Чѣмъ усерднѣе я занимался этимъ предметомъ, тѣмъ болѣе овладѣвалъ мною энтузіазмъ; наконецъ я вполнѣ отдался ему. Я жилъ страданіями этого народа, я желалъ на себѣ испытать всю трудность его положенія, чтобы изображать его во всей его реальности. Я помнилъ, какое сильное впечатлѣніе на меня производили описанія страданій ирландскаго народа, и вотъ мнѣ пришлось убѣдиться, что бѣдствія русскаго рабочаго несомнѣнно значительнѣе. Для того, чтобы найти ему подобіе, надо было бы отправиться въ Индію. Благодаря рекомендаціи Лаврова, первая глава этой книги была напечатана и обратила на себя общее вниманіе. Побѣда была легкая, но этимъ дѣло и кончилось. Дальнѣйшее печатаніе стало встрѣчать постоянно возроставшія затрудненія. Редакціи журналовъ осыпали рукопись насмѣшками, издатели находили, что она никуда не годится. Жена моя, хлопотавшая по этому дѣлу въ Петербургѣ, измучилась и пришла въ отчаянье. Съ большимъ трудомъ можно было помѣстить нѣсколько статей въ радикальномъ тогда журналѣ „Дѣло“.

3.

Уже со временъ императора Николая журналы составляли тотъ фокусъ, въ которомъ сосредоточивалась вся читавшаяся обществомъ литература. Такое состояніе прессы было очень удобно для правительства. Редакторы первостепенныхъ журналовъ и газетъ наживали себѣ большія состоянія. Черезъ цензуру они были вполнѣ въ рукахъ правительства и превратились въ чиновниковъ, составлявшихъ то всевидящее око, чрезъ которое правительство слѣдило за литературой. Цензора еще можно было обмануть и обойдти; но редактора было гораздо труднѣе ввести въ заблужденіе. Редакторъ былъ гораздо болѣе надежнымъ орудіемъ правительства, чѣмъ цензоръ; цензоры и все цензурное управленіе состояло изъ чиновниковъ; если сенаторы были подкупны, то о цензорахъ и говорить нечего; богатые редакторы, съ помощью своихъ связей, обѣдовъ и взятокъ, могли всегда вліять на нихъ! они были страшнѣе для цензоровъ, чѣмъ цензоры для нихъ; редакторы жили въ такомъ обществѣ, куда цензоровъ и ногой не пускали, могли услужить и могли отомстить цензору. Правительство не могло полагаться и не полагалось на цензоровъ. Другое дѣло редакторъ; черезъ редакторовъ оно могло направлять обществен-

ную мысль, какъ ему было угодно. Оно входило съ редакторами въ сношенія все болѣе близкія, сообщало имъ свои намѣренія, высказывало свои желанія на счетъ тѣхъ воззрѣній, которыя желательно было укоренять въ обществѣ. На западѣ существовало могучее орудіе воздѣйствія на публику — политическій памфлетъ, — въ Россіи памфлетъ замѣнялся редакторомъ журнала, который былъ посредникомъ между вкусами публики и желаніями правительства; онъ долженъ былъ забавлять и восхищать публику, но въ то же время возбуждать въ ней только такія мысли, какія желательны были правительству. Редакторъ одного изъ самыхъ крайнихъ и вліятельныхъ періодическихъ изданій, по мнѣнію его читателей огонь оппозиціи, въ прошеніи о дозволеніи ему быть редакторомъ писалъ, что всегда употреблялъ всѣ свои усилія, чтобы постигать намѣренія правительства и впредь будетъ служить ему съ удвоеннымъ усердіемъ. „Литературная публичная женщина,“ сказалъ начальникъ цензурнаго вѣдомства одному моему знакомому, прочитавъ прошеніе. Надъ писателями редакторъ имѣлъ гораздо болѣе власти, чѣмъ цензоръ; онъ прямо воспитывалъ писателей и дисциплинировалъ ихъ такъ, какъ нужно было правительству, обучалъ ихъ искусству вилять между публикою и правительствомъ, умѣнью угождать

вкусу общества и стремленіямъ правительства. Дѣло это и для редактора было не легкое, публикѣ нравились писатели, въ которыхъ горѣло желаніе добра, а заставлять вилять такихъ людей было вовсе не легко; они измучивались отъ этого до смерти. Человѣкъ всѣмъ склоненъ злоупотреблять, и чѣмъ онъ сильнѣе, тѣмъ больше въ немъ склонности злоупотреблять своей силой. Правительство, забравъ въ свои руки такое могучее орудіе, не знало предѣловъ своей притязательности; оно желало, чтобы все образованное общество и думало и говорило только такъ, какъ ему требуется. При Николаѣ могъ пользоваться извѣстностью только Бѣлинскій, критикъ стиховъ, повѣстей и романовъ; далѣе серіозная мысль не допускалась; да и Бѣлинскій былъ замученъ такъ, что умеръ отъ чахотки. Въ началѣ царствованія Александра IIго допускалось немножко религіознаго свободомыслія, бойкія слова по поводу женскаго труда и женской эманципаціи, борьба съ предразудками и суевѣріями, не имѣющими политическаго характера. Но даже и въ этихъ предѣлахъ бойкія и увлекательныя статьи приходилось вырывать у цензуры изъ зубовъ. „Современникъ“ обязанъ былъ своей славой вліянію своего редактора Некрасова. Некрасовъ велъ въ англійскомъ клубѣ высокую игру и это сбли-

зило его со знатью; знаменитный романъ Чернышевскаго „Что дѣлать?“ обязанъ былъ своимъ появленіемъ на страницахъ „Современника“ ловкой интригѣ, въ которой участвовало не только цензурное вѣдомство, но даже шефъ жандармовъ. Въ этомъ романѣ ученіе Фурье изложено было въ формѣ фантастическаго сна; между тѣмъ, какъ даже при Наполеонѣ Iомъ въ 1803мъ году это ученіе могло появиться въ серіозномъ изложеніи своего автора. Знаменитый бичъ прессы, Наполеонъ Iый, былъ несравненно либеральнѣе либеральнаго Александра IIго. Заговорить о пользѣ конституціоннаго управленія въ Россіи значило совершить государственное преступленіе. Вдругъ правительство вздумало открыть врата свободы. Оно ввело земство, отмѣнило цензуру и дало свободу прессѣ. Въ сущности при Николаѣ было гораздо болѣе свободныхъ учрежденій, чѣмъ при Александрѣ IIмъ. При Николаѣ, какъ гражданскій, такъ и уголовный судъ первой и второй инстанціи имѣлъ судей, назначавшихся по выборамъ отъ сословій. Этотъ судъ судилъ даже чиновниковъ, а лицъ податныхъ сословій могъ приговаривать къ каторжнымъ работамъ. Начальникъ уѣзда, исправникъ, избирался дворянствомъ, городское хозяйство находилось въ рукахъ думы, назначавшейся по выборамъ. При Александрѣ IIмъ и судьи, и исправники назначались правитель-

ствомъ. Губернское земство, организованное такъ, что въ него могли попадать почти одни крупные землевладѣльцы, завѣдывало только хозяйственной частью. И всетаки его учрежденіе возбудило такія надежды, о которыхъ при Николаѣ никто и не помышлялъ. Публичность его засѣданій, свобода слова заставили многихъ думать, что съ учрежденіемъ земства начнется для Россіи эра конституціонной жизни. Дѣйствительно вскорѣ петербургское земство начало съ правительствомъ борьбу, которая надѣлала много шуму. Но тотчасъ же обнаружилось безсиліе этого земства — конституціонная идея не имѣла корней въ народѣ. Имѣя въ своихъ рукахъ редакторовъ самыхъ вліятельныхъ періодическихъ изданій, правительство распорядилось такъ искусно, что общество восхищалось соціальными и пренебрегало политическими идеями; не только на конституціонное, но даже на демократическое управленіе смотрѣли свысока — скорѣе со стороны ихъ недостатковъ, чѣмъ со стороны ихъ достоинствъ. Императоръ даже и представить себѣ не могъ размѣровъ безсилія петербургскаго земства; онъ встрѣтилъ борьбу съ опасеніями и удивился, когда она оказалась мыльнымъ пузыремъ. Однакоже этого было достаточно, чтобы охота къ развитію самоуправленія отпала у правительства окончательно. Оно

забрало земство въ такія тиски, что послѣ этого ему о борьбѣ съ правительствомъ и помышлять было невозможно. Свобода печати имѣла ту же участь. Достаточно было нѣсколькихъ бойкихъ статей, не имѣвшихъ никакого существеннаго политическаго значенія, чтобы заставить правительство раскаяться въ своемъ либерализмѣ, и печать была существенно стиснута, хотя цензура не возобновилась. На дѣлѣ воскресло прежнее положеніе. Редакторъ — въ сущности правительственный чиновникъ, получавшій вознагражденіе отъ публики, какъ полицеймейстеръ получалъ вознагражденіе отъ думы. Правительство могло его, какъ полицеймейстера, и назначить и отставить, а кромѣ того оно могло его еще и раззорить. Публика опять таки должна была получать только такія идеи, какія правительство желало, чтобы у ней имѣлись. Памфлетъ былъ невозможенъ и только серіозная книга получила нѣкоторое расширеніе свободы. Положеніе сдѣлалось невыносимымъ послѣ каракозовскаго выстрѣла. Когда я переведенъ былъ изъ Вологды въ Тверь, мнѣ сообщили изъ Петербурга, что весьма желательно было бы, чтобы я написалъ книгу о свободѣ рѣчи, что моментъ теперь благопріятный и что редакціи меня поддержатъ. Вопросъ о свободѣ рѣчи былъ единственнымъ вопросомъ, по которому

редакторы держали себя самостоятельно относительно правительства, и я не сомнѣвался, что они сдѣлаютъ для меня все, что было обѣщано. Я употребилъ сорокъ дней на то, чтобы написать книгу, и она быстро появилась въ продажѣ. Въ книгѣ моей я доказывалъ, что невозможенъ хорошій законъ о печати, что всякій такой законъ можетъ породить только притѣсненіе, а не правильную судебную дѣятельность. Представьте себѣ законъ, воспрещающій говорить противъ собственности — какое правильное юридическое примѣненіе можетъ имѣть такой законъ? Собственность т. е. неограниченная власть человѣка надъ вещами, вытекаетъ изъ самой природы вещей, изъ ихъ неспособности оказывать человѣку сопротивленіе. Собственность существуетъ независимо отъ человѣка и отъ закона. Говорить противъ собственности или воспрещать говорить противъ нея нелѣпость, такъ какъ законъ не можетъ ни установить, ни отмѣнить собственности. Никто и не говоритъ противъ собственности, а говорятъ только противъ извѣстныхъ формъ и видовъ собственности. Что касается до видовъ собственности, то въ обширномъ русскомъ государствѣ, гдѣ живутъ подъ охраною русскихъ законовъ люди самой разнородной культуры, начиная отъ дикарей, оказываются всѣ виды собственности, начиная

отъ коммунизма и кончая крайними предѣлами монополіи. При такомъ положеніи законъ, воспрещающій говорить противъ собственности, является въ Россіи и нелѣпостью и несправедливостью. Нельзя же напр. запрещать людямъ защищать коммунистическое учрежденіе, которое подъ охраною русскаго правительства существовало у нихъ столѣтія и составляетъ для нихъ существенный интересъ. Относительно брака я доказалъ, что рядомъ съ многоженствомъ существуютъ въ Россіи обычаи, признающіе для женщины почетнымъ имѣть ребенка неизвѣстнаго происхожденія. Въ окончательномъ результатѣ у меня выходило, что навязывать въ Россіи юридическія воззрѣнія путемъ законовъ и печати и нелѣпо и несправедливо, и что если правительство хочетъ оставаться въ предѣлахъ здравой и честной юридической философіи, то оно должно вовсе отстранить всѣ спеціальные законы о печати; существующіе законы, карающіе за нарушеніе тишины и спокойствія, совершенно достаточны для охраненія общественнаго порядка. Мысль о безполезности спеціальныхъ законовъ о печати была высказана десять лѣтъ ранѣе Чернышевскимъ, я прибавилъ къ ней аргументацію, доказывающую нелѣпость такихъ законовъ. Одновременно съ моей книгой вышелъ переводъ брошюры Миля, не помню,

о свободѣ или о правахъ женщинъ. Сотрудникъ, которому поручена была рецензія этихъ двухъ книгъ одною изъ первостепенныхъ русскихъ газетъ, увлекся до того идеей свободы печати, что отдалъ предпочтеніе моей книгѣ, увѣряя, что у Миля его идеи высказаны теоретически, а у меня всякое мое положеніе доказано фактами, что гораздо убѣдительнѣе. Такое увлеченіе не было одобрено редакціею, однако всѣ журналы и газеты заговорили о моей книгѣ, нѣкоторые такъ пространно, какъ говорилось только о книгахъ первостепенныхъ. Къ несчастью, увы! законы о печати приняли направленіе прямо противуположное тому, какое у меня предлагалось. Переживъ въ короткое время три изданія, книга моя оказалась въ положеніи критика, который разбираетъ и порицаетъ законодательство былыхъ либеральныхъ временъ, замѣнившихся реакціей, съ которой приходится говорить совсѣмъ другимъ языкомъ.

Глава восьмая.

Литературная дѣятельность.

1.

Наконецъ нашелся издатель для моей книги: „Положеніе рабочаго класса“. — Нѣкто Поляковъ, человѣкъ нигилистическаго направленія, жившій въ кругу людей, оставшихся послѣ Чернышевскаго и раздѣлявшихъ его воззрѣнія, издавалъ книги крайняго направленія. Онъ былъ человѣкомъ идеи и печаталъ исключительно произведенія, цѣнныя по своему содержанію, но встрѣчавшія на пути своемъ большія цензурныя препятствія. Когда появился законъ, по которому книги значительнаго объема могли быть изъяты изъ обращенія только по суду, онъ воспользовался имъ въ самыхъ широкихъ размѣрахъ. Русскихъ сочиненій онъ издавалъ очень мало, потому что въ то время дѣйствительно мало писалось книгъ,

достойныхъ такого издателя, а онъ цѣнилъ и себя и свою дѣятельность. Имъ издавались преимущественно переводы самыхъ замѣчательныхъ произведеній, появлявшихся въ цивилизованномъ мірѣ. Онъ ставилъ себѣ цѣлью издавать ихъ безъ всякихъ искаженій, измѣненій и сокращеній и спорилъ упорно изъ-за каждаго слова. Участь его была печальная: когда правительству надоѣла игра въ свободу печати, у него было арестовано изданій на десять тысячъ фунтовъ и онъ былъ раззоренъ. Но въ 1869мъ году, во время появленія моихъ первыхъ произведеній, онъ еще процвѣталъ и дѣла его шли хорошо. Въ немъ я нашелъ издателя для своей книги о свободѣ рѣчи, а потомъ и для „Положенія рабочаго класса“. Съ перваго дня своего появленія книга это надѣлала такого шуму и возбудила въ обществѣ такой энтузіазмъ, что я ни въ какихъ отзывахъ о ней періодическихъ изданій не нуждался. Куда дѣвались заявленія редакторовъ и издателей, что эта книга плохая и никуда не годная. Катковъ въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ провозгласилъ ее произведеніемъ умалишеннаго, но возбудилъ этимъ одинъ только смѣхъ. Правительство гордилось своимъ либерализмомъ, допустивъ свободное обращеніе положенія рабочаго класса, и третье отдѣленіе давало его читать заключеннымъ за политическія престу-

пленія въ доказательство свободомыслія и терпимости Александра IIго. На редакторовъ журналовъ она произвела впечатлѣніе совсѣмъ другаго свойства. Они увидали въ ней борьбу книги съ журналомъ. При новомъ законодательствѣ серіозная книга могла говорить то, чего не осмѣливался сказать ни одинъ журналъ. Оно могло освободить русскій умъ изъ-подъ редакторской опеки. Прости держаніе въ своихъ лапахъ такихъ людей, какъ Чернышевскій, Добролюбовъ, Писаревъ, Бѣлинскій; цензура и редакціи не будутъ уже болѣе въ состояніи указывать имъ дорогу къ гробу. Они, конечно, уже всѣ были похоронены, кто на каторгѣ, кто въ преждевременной могилѣ, но могли явиться имъ подобные и утереть носъ высокомѣрнымъ редакторамъ. Неужели правительство будетъ на столько близоруко, что не пойметъ всю прелесть современной организаціи литературнаго дѣла. Редакторъ, которому правительство шепчетъ на ушко свои намѣренія, редакторъ, тайно преданный ему и душою и тѣломъ, богато вознагражденный за свое усердіе, опекунъ свѣтлыхъ умовъ страны и ихъ воспитатель въ духѣ практической изворотливости — какая прелесть! какъ не оцѣнить такого дара небесъ! Редакторы держали камень за пазухой, но въ первое время общаго энтузіазма либеральныя редакціи не могли отзы-

ваться объ ней дурно. Самый извѣстный изъ радикальныхъ журналовъ, „Отечественныя Записки“ — поступилъ такъ. Нѣсколько мѣсяцевъ онъ не давалъ никакого отзыва, за тѣмъ извинился въ своемъ запозданіи передъ публикой. Между тѣмъ онъ нашелъ писателя, который помѣстилъ въ немъ рядъ статей подобнаго же содержанія, но въ духѣ тѣхъ, такъ сказать, радикальныхъ идей, которыя проповѣдывались тогда сподвижниками Муравьева и Милютина при надѣленіи крестьянъ западнаго края и обиранія польскаго дворянства. Опытная редакція безъ труда съумѣла придать статьямъ такую форму, что публика не замѣтила подтасовки, но за то же и на статьи не обратила никакого вниманія. За тѣмъ она, наконецъ, напечатала подробный разборъ моего сочиненія. Говорили съ негодованіемъ объ озлобленіи противъ меня консерваторовъ; по ея мнѣнію консерваторы вмѣсто того, чтобы ругаться должны были бы опровергать, такъ какъ въ моей книгѣ каждое слово доказано было фактами. Въ дальнѣйшемъ своемъ изложеніи она однакоже говорила такъ, что все сказанное направлялось къ восхваленію ея писателя и къ косвенному порицанію того, что я говорилъ. Прошло не много времени и редакціи сбросили свою маску, на страницахъ періодическихъ изданій для „рабочаго класса“ не было другаго названія,

кромѣ „пресловутая книга Флеровскаго“. Въ это время пала еще одна жертва цензуры и политическихъ преслѣдованій. Нѣкто Соколовъ, обратившій на себя вниманіе въ особенности въ тотъ короткій промежутокъ времени, когда печати дана была свобода, съ ея сокращеніемъ не только долженъ былъ замолчать, но вынужденъ былъ бѣжать за границу, гдѣ наконецъ лишилъ себя жизни.

2.

Чтобы продолжать свою дѣятельность, я сошелся съ молодежью. Тогда составился кругъ молодыхъ людей сначала съ цѣлью распространенія, а потомъ и изданія книгъ радикальнаго содержанія. Они принялись за дѣло практично и умѣло и скоро пріобрѣли большое значеніе въ Россіи. Въ это время книжное дѣло было организовано слѣдующимъ образомъ. При изданіи „Положенія рабочаго класса“ я у такого добросовѣстнаго издателя, какъ Поляковъ, получалъ съ экземпляра 10 пенсовъ, всѣ издержки по изданію ему стоили шиллингъ и три пенса. Проведя изданіе сквозь цензуру, онъ его немедленно продавалъ за наличныя деньги книгопродавцу и получалъ два шиллинга и

4 пенса. Это дѣлалось для того, чтобы можно было немедленно употребить капиталъ на новыя изданія. Книгопродавецъ продавалъ книгу по семи шиллинговъ за экземпляръ. Ясно, что если организація могла купить изданіе или его часть за наличныя деньги издателя, то она могла продавать его своимъ членамъ за третью часть цѣны, а собственное изданіе обходилось покупателямъ еще дешевле. Молодые люди, создавшіе организацію, работали въ ней съ полнымъ самоотверженіемъ. Они ворочали большимъ капиталомъ, а сами часто голодали или брали ничтожныя деньги за переводы серіозныхъ книгъ, издававшихся чуть ли не исключительно Поляковымъ. Всю работу изданія и распродажи книгъ они производили окончательно безвозмездно. Поляковъ разсказывалъ мнѣ, что они ведутъ свое дѣло лучше, чѣмъ какой либо изъ петербургскихъ и московскихъ книгопродавцевъ или издателей, и могли служить для всѣхъ образцомъ акуратности и исполнительности. У нихъ были агенты во всѣхъ городахъ, даже въ медвѣжьихъ углахъ, гдѣ былъ какой нибудь десятокъ интеллигентныхъ молодыхъ людей, и всѣ эти агенты дѣйствовали съ тѣмъ же самымъ самоотверженіемъ, какъ и центральная организація. Агенты и члены организаціи были одинаково бѣдны, всякій изъ нихъ могъ вполнѣ безна-

казанно захватить ввѣренные ему деньги или книги, такъ какъ правительство игнорировало организацію, но не было ни одного подобнаго случая. Чтобы дать понятіе о бѣдности этихъ людей, достаточно сказать, что они питались кониной, фунтъ которой стоилъ тогда въ Петербургѣ только на одинъ фатингъ дороже чернаго хлѣба. Когда не было денегъ, они ѣли только черный хлѣбъ и огурцы или черный хлѣбъ и жидкій чай. Каждый изъ нихъ могъ разсказать о такихъ временахъ, когда онъ нѣсколько сутокъ проводилъ вовсе безъ пищи, не имѣлъ квартиры и ночевалъ на улицѣ. Всякій могъ сообщать любопытныя наблюденія надъ психическимъ и физическимъ состояніемъ человѣка, умирающаго отъ голода или холода; всякій ихъ испыталъ. Они соединялись въ такъ называемыя кумуны, гдѣ не только все было общимъ, но куда всякій могъ приходить и находить и пищу и пріютъ. Въ такомъ положеніи они имѣли мужество работать даромъ только для того, чтобы цѣна распространяемыхъ ими полезныхъ книгъ не увеличивалась. Здѣсь вырабатывались эти суровые и вполнѣ надежные характеры, которые впослѣдствіи надѣлали правительству столько хлопотъ. Люди ввѣряли имъ свои деньги, свою честь, свою будущность, безъ малѣйшаго опасенія быть обману-

тыми. Богатыя и высоко поставленныя лица, которыхъ они могли погубить однимъ своимъ словомъ, давали имъ большія деньги на революціонное дѣло. Самоотверженные люди ввѣряли имъ все свое состояніе, не имѣя никакой возможности узнать, какъ эти деньги ими употребляются, и были вполнѣ убѣждены, что ни одна копѣйка не получитъ другаго назначенія, кромѣ того дѣла, которому она посвящалась. Они употреблялись иногда капиталистами для выполненія такихъ порученій, которымъ они могли сочувствовать, напр. для устройства рабочихъ артелей. Порученія выполнялись имъ такъ дешево и хорошо, что капиталисту дѣло стоило вдвое дешевле, чѣмъ если бы оно дѣлалось обыкновеннымъ путемъ. Прежде, чѣмъ они познакомились со мною, они уже распространили въ большомъ количествѣ экземпляровъ и „Свободы рѣчи“ и „Положенія рабочаго класса“. Въ это время я получилъ право жить въ Россіи, гдѣ я желаю, кромѣ Петербурга и петербургской губерніи; это добавленіе сдѣлано было самимъ императоромъ, и мнѣ сообщена копія съ него. Я переѣхалъ на желѣзно-дорожную станцію Любань, въ двухъ съ половиною часахъ ѣзды отъ Петербурга. По приглашенію молодежи я секретно пріѣхалъ въ Петербургъ, и на собраніи въ частной квартирѣ мы рѣшили, что они будутъ впредь

издавать всѣ мои сочиненія. Такъ какъ первое изданіе „Положенія рабочаго класса“ было уже почти распродано, то они предложили мнѣ сдѣлать второе изданіе. Но у меня было намѣреніе превратить эту книгу въ постоянно возобновляемый новѣйшими данными сборникъ свѣдѣній о положеніи рабочаго класса, а потому, согласившись отдать имъ второе изданіе, я хотѣлъ сначала его передѣлать. А между тѣмъ я отдалъ имъ для напечатанія готовую у меня книгу „Азбуку соціальныхъ наукъ“. Я цѣнилъ „Азбуку“ выше „Рабочаго класса“, такъ какъ я съ нею начиналъ высказывать свое міровоззрѣніе. Готова къ изданію была только первая ея половина, въ которой излагалась слѣдующая соціальная идея. Уже съ перваго возникновенія человѣческаго общества сознаніе своей слабости и безпомощности по сравненію съ окружающимъ его обществомъ внушило человѣку извѣстнаго рода культъ общественнаго мнѣнія и выработало въ немъ особенный инстинктъ, который ставилъ его понятіе о пріятномъ и непріятномъ и его воззрѣніе на свое счастье въ весьма существенную зависимость отъ общественнаго мнѣнія окружающей его среды. Человѣкъ, при удовлетвореніи своихъ второстепенныхъ потребностей и желаній, до такой степени сообразовался съ мнѣніемъ окружающихъ его людей, что стремленіе вы-

звать въ нихъ похвалу, а если возможно восторгъ и обожаніе, имѣло гораздо болѣе сильное вліяніе на направленіе его дѣятельности, чѣмъ та потребность, которой онъ удовлетворялъ; мало этого, стремленіе восхищать общество побуждало человѣка къ борьбѣ съ наиболѣе настоятельными требованіями его организма и къ полному самоотверженію. При такомъ психическомъ состояніи обществу стоило бы только восхвалять людей за полезную и порицать за вредную дѣятельность, чтобы всѣ дѣйствія людей направлены были къ взаимному обезпеченію своего счастья. На дѣлѣ же выходило прямо наоборотъ: люди чаще всего возвышались и даже обожались общественнымъ мнѣніемъ за вредную и презирались за полезную дѣятельность. Создать правильное общественное мнѣніе значило разрѣшить соціальную задачу. Въ переданныхъ молодежи двухъ частяхъ книги я прослѣдилъ значеніе и вредное вліяніе общественнаго мнѣнія въ обществахъ дикарей, въ обществахъ неподвижнаго обычая и застоя, въ обществахъ соціальнаго преобладанія теократическаго вліянія и наконецъ въ странахъ восточной цивилизаціи (Китай, Японія, Индія, малайская цивилизація на Явѣ и пр.). Молодежь исполнила свое дѣло, какъ нельзя лучше; книга вышла, надѣлала шуму и все изданіе было распродано прежде, чѣмъ

періодическая пресса успѣла дать объ ней свой отзывъ. Правительство схватилось за голову и кинулось арестовать экземпляры въ складѣ, который былъ сдѣланъ въ лучшемъ тогда книжномъ магазинѣ Черкесова. Въ магазинѣ былъ сдѣланъ формальный обыскъ, но найдено было только пятьсотъ экземпляровъ, по большей части дефектовъ. Магазинъ былъ закрытъ и вывѣшено объявленіе, что онъ закрывается по распоряженію третьяго отдѣленія. Когда по обыкновенію вся фешенебельная публика высыпала на Невскій для прогулки и читала эту надпись, произошелъ громадный скандалъ. Между тѣмъ жандармы продолжали свою дѣятельность, дѣлали обыски въ домахъ, при этомъ по обыкновенію держали себя съ жандармской развязностью, раздѣвали дѣвушекъ и т. д. Безчинство и безобразіе третьяго отдѣленія возбудило всеобщее негодованіе, оно разыскивало книгу — которая продавалась открыто во всѣхъ магазинахъ, не была осуждена судомъ и которую конфисковать оно не имѣло никакого права — такъ, какъ будто это подпольное изданіе преступнаго содержанія. Дошло до того, что министру юстиціи пришлось обличать управляющаго третьимъ отдѣленіемъ Левашова, доказывать, что жандармскіе офицеры берутся за произведеніе арестовъ и обысковъ ни въ законахъ, ни въ юриди-

ческихъ наукахъ ничего не понимая, а потому дѣлаютъ непростительные промахи и вызываютъ негодованіе въ обществѣ. Большинство государственныхъ людей и самъ императоръ согласились съ министромъ юстиціи и нашли необходимымъ поставить жандармское управленіе подъ опеку прокуратуры. Вышелъ законъ, который дозволялъ жандармамъ производить аресты и обыски не иначе, какъ въ присутствіи члена прокуратуры, руководившей ими во всемъ, что требовало знанія законовъ и юридическихъ наукъ. Тогда администрація поставлена была въ необходимость доказывать преступность содержанія книги судебнымъ порядкомъ. Она разыскала въ ней преступленіе, достойное лишенія всѣхъ правъ состоянія и ссылки въ каторжныя работы, а потому просила прокуратуру составить обвинительный актъ въ этомъ смыслѣ. Но прокуратура не только не согласилась составить такого обвинительнаго акта, а нашла, что книгу ни въ чемъ нельзя обвинить передъ судомъ. Дѣло дошло до обсужденія въ высшихъ сферахъ; тутъ министръ юстиціи доказалъ вполнѣ невозможность обвиненія книги. Поэтому вышелъ новый законъ, дозволявшій изъятіе книгъ изъ обращенія административнымъ порядкомъ, но въ такомъ случаѣ правительство отказывалось отъ всякаго даль-

нѣйшаго преслѣдованія писателей, издателей и распространителей. Опять оказалось, что законность насъ губитъ, и жандармы получили полное право на произволъ. Я спрашиваю всякаго цивилизованнаго читателя, какое политическое преступленіе можно совершить въ историческомъ изслѣдованіи заблужденій общественнаго мнѣнія у дикарей и въ теократическихъ и деспотическихъ государствахъ Азіи, Африки и Америки? О Россіи и ея порядкахъ не было сказано въ книгѣ ни единаго слова и не было ни единаго на нее намека.

Глава девятая.

Старое и новое направленіе передовой молодежи.

1.

Я уже выше говорилъ о томъ, что главная причина слабости либеральной партіи заключалась въ отсутствіи корней въ народѣ. Невозможность опираться на народъ отдавала ее въ распоряженіе правительства со связанными руками. Правительство помыкало ею, какъ хотѣло, наносило ей самыя унизительныя оскорбленія, причиняло ей тяжкія мученія, лишь только она желала проявить хотя тѣнь самостоятельности. Существовалъ одинъ путь для выхода изъ такого положенія. Нужно было создать соціально-политическую программу, которой народъ могъ бы сочувствовать, и распространять ее въ его средѣ. Либералы ни для того, ни для другаго дѣла не годились.

Они хотѣли бы проповѣдывать народу замѣну власти императора властью имущаго класса: но народъ ненавидѣлъ такой же жгучей ненавистью имущій классъ, какъ и бюрократію. Что же касается до распространенія политическихъ и соціальныхъ идей въ народѣ, то у нихъ не было ни одного качества, необходимаго для этого въ данныхъ обстоятельствахъ. Одна революціонная партія обладала и тѣми качествами, которыя необходимы, чтобы создать народную программу, и тѣмъ мужествомъ, какое было нужно, чтобы ее распространить. Такіе люди, какъ Петрашевскій и Чернышевскій, не были способны отступить передъ правительственными преслѣдованіями. Они прекрасно понимали необходимость пропаганды для массъ, и всетаки пропаганда эта велась въ слишкомъ ограниченныхъ размѣрахъ. Во время освобожденія крестьянъ, отмѣны откуповъ и т. д. условія для пропаганды были очень благопріятны, но революціонеры почти не пользовались ими. Они такъ мало были знакомы съ истиннымъ настроеніемъ крестьянъ, что почти не замѣтили исторію ограбленія крестьянскихъ земель. Большинство изъ нихъ полагало, что крестьяне довольны реформами и отнесутся враждебно къ революціонной пропагандѣ; что же касается до рабочаго народа въ городахъ, до солдатъ и т. д., то за не-

многими исключеніями рѣшительно не умѣли за нихъ взяться. Либералы жалко трусили, но иногда говорили такъ, будто они въ состояніи произвести государственный переворотъ. Поляки разсказывали мнѣ случай, гдѣ Чернышевскій вылилъ на пылкихъ поборниковъ либерализма ушатъ холодной воды. Когда готовилось польское возстаніе, представители либерализма, какъ изъ среды русскихъ, такъ и изъ среды поляковъ, сдѣлали собраніе съ цѣлью установить между собою братство. Послѣ роскошнаго обѣда и обильнаго возліянія, они кинулись другъ другу въ объятія; вдругъ среди восторженныхъ братскихъ поцѣлуевъ изъ угла раздается голосъ Чернышевскаго; своимъ высокимъ фальсетомъ онъ произноситъ слова: „не вѣрьте намъ, мы васъ обманемъ!“ — Трезвый и рѣшительный вождь революціонной партіи прекрасно понималъ, что революція въ Россіи въ этотъ моментъ была невозможна; для этого недоставало самаго главнаго — народа. Сохраняя въ своей душѣ такое трезвое сознаніе, онъ всетаки продолжалъ дѣйствовать и ушелъ за свои дѣйствія въ каторжную работу. Ничто не можетъ освѣтить яснѣе величіе этого характера. Революціонная пресса того времени, начиная отъ Герцена и Огарева и кончая Обручевымъ, обращалась къ образованному классу и была

непонятна для народа. Слѣдующая серія пропагандистовъ дѣйствовала точно такъ же; Каракозовъ своимъ выстрѣломъ сильно взволновалъ народъ и эманципировалъ его отъ преданія; но революціонеры очень мало воспользовались этимъ настроеніемъ. За Каракозовцами слѣдовали Нечаевцы; ихъ пропаганда опять-таки ограничивалась интеллигентной молодежью. Самый выдающійся поступокъ Нечаева заключался въ убійствѣ Иванова. Это было первое убійство, совершенное въ революціонной партіи со времени декабристовъ. Оно указывало на постоянно возрастающее ожесточеніе среди революціонеровъ. Безсиліе либеральнаго общества обличалось все съ большею яркостью; тѣ заявленія, которыя дѣлались нѣсколько лѣтъ тому назадъ, стали невозможными; о западномъ краѣ и Польшѣ и говорить нечего, они умерли. Никогда не осмѣливавшіеся не только бунтовать, но даже просто манифестировать русскіе дворяне и земскіе либералы могли смотрѣть съ завистью на американскихъ плантаторовъ. Послѣ такого возстанія, съ которымъ возстаніе поляковъ и сравненія не могло выдержать, они сохранили всѣ свои политическія права; по прежнему они были великой силой въ государствѣ, они связаны были только тамъ, гдѣ они въ прежнія времена вредили народу и несчастнымъ неграмъ, ихъ развитію, свободѣ

и образованію. Въ Россіи же правительство принуждало и дворянство и земство быть вредными; когда у нихъ возникала несчастная мысль сдѣлать что нибудь полезное для народа и для своего отечества, двинуть просвѣщеніе, увеличить число школъ, расширить въ нихъ преподаваніе, замѣнить никуда не годныхъ учителей и учительницъ болѣе способными и интеллигентными, инициаторы такого дѣла тотчасъ же превращались въ глазахъ правительства въ государственныхъ преступниковъ. Еще болѣе горькая участь постигала ихъ, если они хотѣли изслѣдовать нужды и страданія народа, улучшить распредѣленіе сборовъ и податныхъ тягостей. Страхъ передъ жандармами обратилъ все дворянство и все земство въ заклятыхъ реакціонеровъ. Въ это самое время я былъ въ Твери, на родинѣ Бакунина, еще недавно гремѣвшей своимъ радикализмомъ. Я посѣщалъ земство, гласные размѣщались тамъ по направленіямъ. Вся масса гласныхъ сидѣла на скамьяхъ реакціонеровъ, очень небольшая часть составляла консервативный и либеральный центръ и только нѣсколько человѣкъ сидѣло на лѣвой, въ томъ числѣ Александръ Бакунинъ, единственный изъ братьевъ Бакунинныхъ, сохранившій право быть избираемымъ. При мнѣ они сдѣлали постановленіе о томъ, чтобы деньги, собранныя для страхованія отъ крестьянъ,

употребить на другіе предметы; а когда за тѣмъ сгорѣли двѣ деревни, то нечѣмъ было имъ заплатить. Для того, чтобы оградить политическую и соціальную самодѣятельность въ народѣ отъ окончательной погибели, осталась опять таки одна революціонная партія. Читателю не трудно себѣ представить, что въ ней происходило послѣ того разгрома, какой произвелъ въ ней Муравьевъ. Онъ не оставилъ въ ней камня на камнѣ; шпіонство было развито до того, что оно проникало всюду, самый секретный шопотъ не могъ отъ него укрыться; самые смирные и робкіе люди получали неожиданныя предостереженія. Одно общество Нечаева умѣло оградить себя отъ погибели. Но въ самомъ его центрѣ очутился неподходящій человѣкъ, нѣкто Ивановъ; онъ дошелъ до этого центра, потому что его искренняя преданность дѣлу и его мужество не подлежали сомнѣнію. Здѣсь же онъ сталъ вести себя самымъ страннымъ образомъ; его поведеніе грозило каждую минуту сорвать и разрушить общество. Онъ держалъ себя такъ, что его считали не только шпіономъ, но провокаторомъ. Ненависть противъ шпіоновъ и безъ того кипѣла въ груди каждаго изъ Нечаевцевъ. Звѣрства Муравьева были живо въ памяти не только у Нечаевцевъ, не только у крайней партіи, но у всей Россіи; шпіоны,

отъ которыхъ все это шло, были ненавистнѣйшими изъ людей. Съ горечью и озлобленіемъ припоминались всѣми ихъ жертвы. И вдругъ шпіонъ втерся въ центръ послѣдняго пріюта людей, осмѣливавшихся самостоятельно мыслить. Нечаевцы были въ отчаяніи, но Нечаевъ былъ не такимъ человѣкомъ, чтобы отчаяніе могло его смирить; онъ рѣшился дать шпіонамъ знаменательный урокъ и съ тремя своими товарищами убилъ Иванова. Это убійство было такимъ же актомъ ожесточенія, какъ убійства лѣсниковъ, постоянно совершаемыя крестьянами. Александръ Ной ограбилъ ихъ и обрѣзалъ у нихъ лѣса, но безъ этихъ лѣсовъ они не могутъ существовать; они продолжаютъ ихъ считать своими, тайно рубятъ ихъ и убиваютъ лѣсниковъ, которые ихъ ловятъ. Шпіоновъ-провокаторовъ и предателей убивали и въ послѣдствіи, да и не въ одной Россіи, но въ дѣлѣ Иванова правительство торжествовало, шпіонство Иванова не было доказано. Не одинъ юристъ не будетъ отрицать права судить за убійство Иванова, и все-таки Нечаевъ имѣлъ основаніе, когда отказывалъ въ этомъ правѣ русскому правительству. Это правительство было и смѣшно и жалко, когда оно принимало на себя личину справедливости и хотѣло разыгрывать безпристрастнаго судьи послѣ подвиговъ Муравьева, послѣ „законность

насъ губитъ", послѣ того, какъ оно злодѣйски убило столько невинныхъ людей и, что еще хуже, столько невинныхъ довело жестокостью и мученьями до самоубійства. Кромѣ убійцъ Иванова въ тайной организаціи было много людей, которые объ этомъ поступкѣ ничего и не знали; они старались оживить упавшую духомъ партію. Но именно вслѣдствіе этого они почти исключительно сосредоточивались на пропагандѣ среди интеллигенціи. Такимъ образомъ мы видимъ, что начиная отъ Петрашевскаго въ теченіе двадцати пяти лѣтъ велась непрерывная революціонная пропаганда, но она вносилась въ народъ въ такихъ ничтожныхъ размѣрахъ, что она ни на волосъ не подвигала дѣла; партія движенія въ концѣ имѣла такъ же мало корней въ народѣ, какъ и въ началѣ. Я находилъ, что въ данную минуту наше дѣло должно заключаться въ томъ, чтобы прежде всего и болѣе всего внести новыя идеи въ среду народа. Въ этомъ отношеніи я вполнѣ сошелся въ мысляхъ съ молодежью; книжное дѣло дало имъ возможность создать обширную организацію, и теперь они поглощены были стремленіемъ сосредоточить всѣ эти силы на пропагандѣ въ народѣ. Ко мнѣ обратились съ просьбою написать брошюру для распространенія въ народѣ. Я согласился, но высказалъ при этомъ слѣдующее свое воззрѣніе:

Какъ бы плохъ ни былъ современный порядокъ, существующій въ Россіи, но онъ образовался исторически со всѣми воззрѣніями и инстинктами, которые изъ него произошли.

2.

Существуетъ множество законодательныхъ мѣръ, вытекающихъ изъ принципа права на счастье; онѣ постоянно принимаются, но такъ какъ онѣ не выводятся изъ этого принципа, то онѣ представляются актами чистаго произвола — обстоятельство вредное не только при изданіи закона, но и при его примѣненіи. Съ юридической точки зрѣнія право на счастье можетъ быть формулировано слѣдующимъ образомъ: никто не можетъ имѣть такое право, котораго осуществленіе составляетъ несчастье и злополучіе для населенія. Отсюда слѣдуетъ напр., что вода, которою снабжается городъ, не можетъ быть предметомъ собственности. Частные собственники не могутъ лишить воды населеніе цѣлаго города, уморить его отъ жажды и распространить въ немъ заразительныя болѣзни отъ нечистоплотности. При освобожденіи крестьянъ изъ неотчуждаемаго права на свободу вытекала только ихъ личная эманципація, а

надѣленіе ихъ землею представлялось актомъ каприза и произвола. Однакоже тутъ ни каприза, ни произвола не было; оно вытекало прямо изъ права на счастье; нельзя чрезъ освобожденіе превратить въ злополучныхъ пролетаріевъ цѣлое населеніе, которое даже при крѣпостномъ правѣ было надѣлено землею отъ помѣщиковъ. Этотъ принципъ я распространилъ на вновь возникающія мѣстечки. Нельзя отдать цѣлый городъ во власть одного или двухъ землевладѣльцевъ только на томъ основаніи, что онъ построился на ихъ землѣ. Обязательный выкупъ земли подъ домами прямо вытекаетъ изъ философскихъ началъ права. Такой выкупъ тѣмъ болѣе необходимъ, что при возникновеніи городовъ онъ можетъ совершаться съ большею легкостью. Земля, на которой выстроена была Любань, имѣла очень малую цѣнность. Домовладѣльцы могли безъ всякаго затрудненія уплатить землевладѣльцамъ вдвое и втрое болѣе первоначальной ея цѣнности и избавить себя этимъ отъ всѣхъ притѣсненій, которымъ подвергались. Жители рѣшили составить изъ себя общество; чтобы придать болѣе вѣса ихъ рѣшенію, членами приписались одинъ эксминистръ и нѣсколько другихъ вліятельныхъ людей. Для осуществленія цѣли, съ которой общество составилось, выбрали старосту и управленіе. Мотъ-землевладѣлецъ, чтобы навести страхъ на старосту,

представилъ въ мировой судъ подложный документъ и достигъ присужденія по нему въ свою пользу взысканія. Я перенесъ дѣло въ съѣздъ и обвинилъ его въ подлогѣ; съѣздъ призналъ мои доводы основательными и передалъ дѣло судебному слѣдователю. Обвиненіе въ подлогѣ помѣщика, который гремѣлъ въ окресности, произвело большую сенсацію. Молва о моей дѣятельности распространилась въ Петербургѣ; въ Любань пріѣзжала ко мнѣ молодежь учиться пропагандѣ; они увидали, что въ Россіи, гдѣ крестьянское и рабочее населеніе кажется такимъ апатичнымъ и неподвижнымъ, одинъ человѣкъ можетъ взволновать цѣлую мѣстность. Богатые радикалы и радикалки, которые никогда никакой пропаганды не вели, посѣщали меня изъ любопытства. Во время этого волненія въ народѣ я подмѣтилъ одну черту, которая произвела на меня весьма благопріятное впечатлѣніе. Обыкновенно полагаютъ, что безграмотный и полуграмотный народъ весь погруженъ въ свои матерьяльные интересы, что только голодъ и желаніе имѣть лишнюю копѣйку можетъ его побуждать къ дѣятельности. Мои сношенія съ народомъ въ Любани убѣдили меня совсѣмъ въ другомъ. Я понялъ, почему мы видимъ въ исторіи, что народы неподвижно переносили самую тяжкую нужду рабства и крѣпостнаго права и при

условіяхъ гораздо болѣе благопріятныхъ волновались, вставали какъ одинъ человѣкъ и низвергали правительства. Крестьяне и рабочіе, съ которыми я говорилъ, были сплошь безграмотные и самые грубые люди, однакоже ихъ гораздо сильнѣе волновали вопросы чести, чѣмъ матерьяльные интересы. Къ бѣдности своей они привыкли, къ безпомощному своему положенію они приспособились; они прежде всего и болѣе всего поражали своей непстребимостью. Этотъ народъ обокралъ императоръ, обрѣзалъ у него землю; онъ бросаетъ свою землю, идетъ за сотни верстъ и нанимается въ работу. Тутъ его обманулъ наниматель, не доплатилъ ему денегъ; онъ опятъ пускается въ путь, искать себѣ счастья — и все это безъ тѣни малодушнаго уныпія, бодрый и спокойный, будто ни въ чемъ не бывало. Но борьба его одушевляла, въ этой борьбѣ его вдохновлялъ не денежный вопросъ, а всегда вопросъ чести. Между прочимъ я велъ борьбу съ начальникомъ любанской станціи, который грубо обращался съ рабочимъ народомъ. Намъ удалось достигнуть увольненія жандарма станціи, который по приказанію начальника станціи вытолкалъ изъ зала одного крестьянина. Но мировой судья постоянно старался приговаривать начальника станціи за оскорбленія къ денежнымъ штрафамъ, а народу хотѣлось, чтобы его поса-

дили въ тюрьму. Однажды я во время этой борьбы разсказывалъ рабочему объ англійскихъ ассоссіаціяхъ. „Умные люди“, сказалъ рабочій, выслушавъ меня, „ну, да мы за грошами не гоняемся. А, вотъ, посадите начальника станціи въ тюрьму — послѣднія штаны продамъ.“ — Рабочаго, крестьянина обидѣли, онъ пострадалъ, но онъ еще готовъ пострадать, чтобы получить нравственное возмездіе за обиду. Такъ они поступали постоянно; я убѣдился, что политическая борьба съ превосходной силой даже и невозможна на другомъ основаніи; только борьба во имя идеи и во имя чести, гдѣ человѣкъ борется во что бы то ни стало, гдѣ онъ готовъ погибнуть или побѣдить, можетъ дать результатъ достойный вниманія.

3.

Между тѣмъ комуны, созданныя молодежью въ Петербургѣ и въ другихъ городахъ, расширялись и распространялись. Массовыя движенія учащейся молодежи, сходки, на которыхъ они протестовали или противъ дурнаго преподаванія профессора, достигшаго кафедры путемъ интригъ, или противъ обидъ со стороны начальства, или противъ произвольныхъ ссылокъ,

повторялись ежегодно и обнимали иногда большое число высшихъ заведеній. Подобное стремленіе проявить свою собственную волю встрѣчалось не рѣдко и въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, мужскихъ и женскихъ, гдѣ ихъ жертвами дѣлались дѣвушки и юноши отъ четырнадцати до восемнадцати лѣтъ. Въ особенности сильны бывали эти движенія въ семинаріяхъ, гдѣ изувѣрство духовенства вызывало наиболѣе энергическіе протесты; тутъ случалось, что въ одномъ заведеніи сотни учениковъ подвергались остракизму. Въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ всѣ движенія вытекали изъ стремленія начальства заставлять учениковъ читать только то, что имъ приказываютъ, и думать только такъ, какъ имъ приказываютъ. Были такіе педагоги, которые полагали, что изъ преподаванія исторіи нужно исключить Камбизовъ, Нероновъ и т. д., потому что они заставляютъ учениковъ сомнѣваться въ благодѣтельности деспотизма. Лучшія изъ книгъ, свободно обращавшихся въ публикѣ, считались ядомъ для молодежи; ученикамъ воспрещали ходить въ публичныя библіотеки и брать оттуда книги. Съ самаго нѣжнаго возраста изъ нихъ воспитывали шпіоновъ и предателей; у нихъ дѣлались постоянные обыски. Едва ли когда нибудь іезуиты доходили до такихъ геркулесовыхъ столбовъ деморализаціи воспитываемаго ими

юношества, до какихъ достигли педагоги временъ Александра IIго; кто въ этихъ заведеніяхъ получалъ призъ за благонравіе, выходилъ человѣкомъ съ искорененнымъ въ концѣ нравственнымъ чувствомъ и съ уничтоженнымъ сознаніемъ своего человѣческаго достоинства. Если въ душѣ юноши было что нибудь, кромѣ гнуснаго эгоизма и лицемѣрія, то рано или поздно онъ непремѣнно долженъ былъ пострадать. Всякій юноша, въ которомъ оставалась „искра Божья“, какъ тогда говорили, направлялся своимъ педагогическимъ начальствомъ по дорогѣ къ комунамъ, если въ немъ было достаточно энергіи и рѣшимости, чтобы идти этимъ путемъ. Онъ уже успѣлъ испытать на себѣ всю безцеремонную развязность начальства; онъ зналъ, что это начальство никогда не стѣснится погубить человѣка, если онъ откажется вѣрить тому, чему оно вѣритъ, думать такъ, какъ оно приказываетъ ему думать. Вступая въ комуну, онъ шелъ на свою погибель, онъ сознавалъ, что онъ долженъ отречься отъ всѣхъ притязаній на личное счастье ради сохраненія своего человѣческаго достоинства и своей умственной и нравственной самостоятельности. Въ немъ сначала разгоралось восторженное желаніе развить до безпредѣльности свою способность приносить жертву, — и только тогда онъ шелъ. Кому же могла быть принесена эта безпредѣль-

ная жертва? — Народу, разумѣется, одному только народу, — и онъ стремился слиться съ этимъ народомъ всею своею душою. — Лишь только онъ вступалъ въ комуну, онъ попадалъ въ среду людей, которые уже пережили всѣ его страданія, всю его тяжкую борьбу, всѣ тѣ пламенныя чувства, которыми онъ горѣлъ, — они пережили и они окрѣпли въ нихъ; ему страстно хотѣлось окрѣпнуть такъ же.

Глава десятая.

Пропаганда въ народѣ. Идея новой религіи.

1.

Комуны исходили изъ той точки зрѣнія, что самыми лучшими пропагандистами въ народѣ будутъ лица изъ среды этого народа. Они старались обучать молодыхъ людей изъ народа и развивать ихъ на столько, чтобы они могли сообщать ему тѣ политическія и соціальныя знанія, въ которыхъ онъ такъ крайне нуждался. Они имѣли спеціальныя квартиры, въ которыхъ никто не жилъ и гдѣ читались рабочимъ рефераты. Обо всемъ этомъ полиція знала очень мало, и всетаки молодежь комунъ преслѣдовалась съ большимъ ожесточеніемъ; аресты и обыски не прекращались и доходило до ссылки въ каторжныя работы. Эта жизнь

среди тяжкой нужды и непрерывной опасности, вполнѣ равнявшаяся жизни какихъ нибудь жестоко преслѣдуемыхъ вѣроотступниковъ, выработывала въ нихъ тѣ черты характера и то умѣнье скрываться, какое необходимо въ подобныхъ обстоятельствахъ. Между всѣми выдавалась Перовская; ея смѣлость, ея изобрѣтательность и хитрость поражали и удивляли. Ей удалась вещь до того безпримѣрная — свиданіе съ преступникомъ, осуждавшимся на каторжныя работы, въ камерѣ одиночнаго заключенія третьяго отдѣленія. Тюрьма эта устроена была слѣдующимъ образомъ. На внутреннемъ дворѣ, гдѣ помѣщался архивъ съ государственными тайнами, было зданіе въ четыре этажа, съ трехъ сторонъ обнесенное глухими стѣнами; съ четвертой были окна съ матовыми стеклами и желѣзными рѣшетками; въ камерахъ царилъ вѣчный полумракъ. На дворѣ бдительный карауль охранялъ и тюрьму и архивъ и день и ночь. Въ нижнемъ этажѣ находилась кордегардія, тутъ сидѣла цѣлая толпа жандармовъ. Всегда запертая желѣзная дверь вела наверхъ; въ каждомъ этажѣ стоялъ жандармъ на карауле, и чтобы пройти въ верхній этажъ, нужно было пройти мимо трехъ караульныхъ жандармовъ. Вы думаете, можетъ быть, что свиданіе устроено было черезъ крышу и потолокъ, — нисколько! Лицо, которое нужно было видѣть

будущему каторжнику, было введено открыто жандармомъ въ кордегардію; ему любезно отперли дверь въ арестантскія помѣщенія, провели въ верхній этажъ; столь же обязательно отперли камеру каторжника и скромно удалились, чтобы дать имъ на свободѣ бесѣдовать между собою. По распоряженію Перовской заключенные въ третьемъ отдѣленіи надѣвали платье жандармовъ и свободно разгуливали по Петербургу, а жандармы переодѣвались въ гражданское платье. Ей приносили изъ третьяго отдѣленія всякое дѣло, какое ей было нужно, и относили къ тому изъ заключенныхъ, котораго она указывала. То, что составляло секретъ для жандармовъ, не составляло секрета для нея. Она могла указать камеру, въ которую долженъ былъ быть посаженъ заключенный; она пожелала сидѣть рядомъ со мною и ее посадили. Три дѣвушки, изъ которыхъ я зналъ только одну, пожелали проводить меня въ Москву. Жандармскій офицеръ ввелъ меня въ вагонъ и посадилъ у окна, предупредивъ о появленіи посѣтительницъ, и дѣйствительно посѣтительницы явились. Самыя отчаянныя вещи продѣлывались именно тѣми жандармами, которые были на лучшемъ счету; они мнѣ разсказывали, какъ они вкрадывались въ довѣріе начальства; нужно было показывать большое усердіе и доносить о всякихъ пустякахъ. Самое главное

достоинство Перовской заключалось въ томъ, что любимцы начальства могли вполнѣ на нее положиться; тамъ, гдѣ она распоряжалась, никогда никакихъ исторій не выходило. Первые шаги на этомъ поприщѣ требовали большихъ усилій и стоили очень дорого. Для жандармовъ это было новостью, они не рѣшались дѣйствовать и сильно боялись наказанія. Свиданіе, о которомъ я говорилъ, стоило нѣсколько десятковъ фунтовъ. Однакоже скоро дѣло пошло очень успѣшно; въ Москвѣ я низвелъ плату за передаваемое письмо до двухъ съ половиною пенсовъ, англійскій почтовый тарифъ. Между политическими заключенными въ разныхъ тюрьмахъ этого города пошла такая переписка, что я заваленъ былъ письмами отъ совершенно незнакомыхъ мнѣ людей. Въ мою камеру вводили заключенныхъ, желавшихъ меня видѣть; мнѣ это ничего не стоило, не знаю стоило ли это имъ. Такое развитіе дѣла вытекало изъ того, что жандармы, по мѣрѣ того, какъ они знакомились съ политическими, начинали сочувствовать имъ и увлекаться ими. Они мнѣ не разъ повторяли: если бы графу Шувалову назначить такое же жалованье, какъ простому жандарму — было бы справедливо. Мнѣ случалось встрѣчать горячее сочувствіе между полицейскими чиновниками. Мы говорили именно противъ тѣхъ несправедливостей, ко-

торыя они больно ощущали на собственной кожѣ. Впослѣдствіи они увлекались до того, что многіе изъ нихъ подвергнуты были тяжкимъ наказаніемъ и притомъ иные дѣйствовали совершенно безкорыстно и даже не принимали вознагражденія. Когда кто нибудь изъ заключенныхъ дѣлалъ вещь, вредную для политическихъ, они приходили ко мнѣ и сообщали мнѣ объ этомъ. Во время польскаго возстанія полякамъ такъ же случалось успѣшно подкупать стражу; русскіе солдаты дрались въ рядахъ польскихъ; но того душевнаго сочувствія, какое я теперь описываю, къ полякамъ никогда не бывало. По идеямъ и чувствамъ полякъ былъ чуждъ не только русскому солдату, но и русскому офицеру. Русскіе могли прекрасно уживаться съ поляками, но увлекаться ими они не могли. Полякъ былъ окончательно неспособенъ къ тому страстному желанію слиться съ народомъ, раздѣлять всѣ его интересы, какимъ горѣли политическіе того времени; образованный полякъ даже съ полякомъ никогда не забывалъ, что онъ стоитъ выше его и значитъ больше его. Русскіе умоляли народъ не отвергать ихъ и принять въ свое братство; поляки высокомѣрно приглашали его слѣдовать за собою. Поэтому русскіе взяточолюбцы позволяли себѣ подкупать поляковъ изъ одного корыстолюбія. Конечно увлеченіе поли-

тическими встрѣчалось только въ извѣстные періоды при постоянномъ ихъ воздѣйствіи на стражу; въ другихъ случаяхъ отношенія были совсѣмъ иныя. Пріобрѣтая такимъ образомъ не мало опытныхъ совѣтниковъ, дѣятели могли упражняться въ искусствѣ препровождать за границу тѣхъ людей, которымъ угрожала опасность, съ помощью фальшивыхъ видовъ или и безъ нихъ. Скоро спасаться при первомъ появленіи опасности за границу стало уже считаться малодушіемъ. Говорили, что за границей и безъ того слишкомъ много писателей, которые не имѣютъ читателей; что настоящая дѣятельность политическаго въ Россіи. Жить въ Россіи, не смотря на политическія преслѣдованія, съ фальшивымъ видомъ или безъ него, — вотъ къ чему стремились. Выѣзжать изъ Россіи для поддержанія связи съ заграничной дѣятельностью и за тѣмъ возвращаться въ Россію, было достойнымъ дѣломъ для смѣлаго человѣка. Одно время казалось, что революціонная пропаганда опять приметъ тотъ характеръ, какой она имѣла при Герценѣ; это движеніе вызвано было ожиданіемъ конституціи. Но ожиданіе такъ быстро оказалось безплодной мечтой, шансы принудить императора къ конституціи были такъ ничтожны, что прежнее не могло возродиться. Изданіе „Впередъ“ играло видную роль; приписываемая Лаврову статья о самар-

скомъ голодѣ читалась всѣми; распространялись остроумныя брошюры, читавшіяся съ большимъ удовольствіемъ; но разница была та, что „Колоколъ“ и „Полярная Звѣзда“ — составляли самое движеніе, а эта пресса поддерживала другое, истинное движеніе, которое должно разыграться не среди интеллигеціи, а въ народѣ. Въ это время я переѣхалъ изъ Любани въ Финляндію и сталъ изучать тамъ мелкое землевладѣніе. У меня постоянно было въ умѣ сравненіе между готовившейся къ дѣйствію молодежью и первыми христіанами. Они еще не выступили въ дѣло, они только готовились и, одушевленные своимъ беззавѣтнымъ энтузіазмомъ, были вполнѣ увѣрены въ успѣхѣ. Я былъ также убѣжденъ, что съ ними сладить будетъ не легко; но когда я обозрѣвалъ безпредѣльное поле дѣйствія среди непочатаго русскаго народа, тогда я убѣждался, что успѣха можно ожидать только тогда, когда охватившій молодежь взрывъ энтузіазма будетъ превращенъ въ постоянное и неискоренимое чувство. Непрерывно думая объ этомъ, я пришелъ къ убѣжденію, что успѣхъ можно будетъ обезпечить только однимъ путемъ — созданіемъ новой религіи. До сихъ поръ всѣ религіи преклонялись передъ вымышленнымъ божествомъ; для него и ради него люди должны были жертвовать всѣмъ. Посвящать свою жизнь

вымышленному существу, ради него переносить и невольныя и добровольныя страданія, истязать себя самого и позволять себя истязать другимъ — какая нелѣпость! Она должна была порождать только ложь и лицемѣріе, — и дѣйствительно всѣ религіи въ окончательномъ результатѣ приводили къ лицемѣрію. По сравненію съ великимъ и свѣтлымъ божествомъ всѣ люди казались ничтожными. Это божество научало обожанію силы, обожанію величія. Народъ презиралъ самъ себя, обожалъ тѣхъ, кто стоялъ выше его, и это дѣлалось источникомъ всѣхъ его несчастій. Надо научить народъ посвящать всѣ свои силы самому себѣ, сдѣлать его способнымъ жить и переносить все на свѣтѣ ради своихъ братьевъ; они и они одни должны быть предметомъ его любви и его горячихъ пожеланій; къ нимъ однимъ должны быть обращены его горячія чувства; они одни должны стоять въ его глазахъ выше всего и составлять всю цѣль его жизни, они должны составлять его религію. Я стремился создать религію равенства. Если бы можно было эту самую молодежь превратить въ апостоловъ какой религіи! Если бы убывающіе ихъ ряды пополнялись все новыми вѣрующими, которые, подобно первымъ христіанамъ, горѣли бы возрастающимъ энтузіазмомъ, тогда успѣхъ дѣла былъ бы обезпеченъ. Въ это время много

лицъ изъ разныхъ комунъ и кружковъ обращалось ко мнѣ и пріѣзжало для этой цѣли въ Финляндію, поселялись около меня съ цѣлью учиться писать прошенія для крестьянъ. Тутъ же поселялись и шпіоны; я ихъ впрочемъ всѣхъ зналъ. Графъ Шуваловъ унизился до того, что старался поселить у меня шпіонку, пользуясь моимъ расположеніемъ помогать несчастнымъ. Благородный поступокъ милаго графа сдѣлался извѣстенъ всему Петербургу, и имя шпіонки было вывѣшено публично въ нѣкоторыхъ учебныхъ заведеніяхъ. Потомъ писали въ газетахъ, что она сдѣлала попытку отравить себя. Я полагаю, что самъ графъ не отравился бы отъ поступка, который заставилъ несчастную покуситься на свою жизнь. Однажды ко мнѣ пріѣхалъ человѣкъ, который впослѣдствіи сдѣлалъ очень громкій поступокъ. Онъ привезъ мнѣ для просмотра разныя вещи, которыя они читаютъ рабочимъ. По большей части то были переводы. Я нашелъ ихъ не совсѣмъ подходящими для русскихъ рабочихъ. По моему мнѣнію нужно было распространять въ народѣ брошюры того же самаго размѣра, какого они привыкли читать. Такія брошюры, содержащія въ себѣ сказки и тому подобную дребедень, разносились коробейниками по всей Россіи.

2.

Была написана брошюра, проповѣдывавшая религію равенства. Она читалась въ рукописи народу, и когда оказалось, что она ему нравится, рѣшено было отпечатать. Въ печати она появилась въ двухъ изданіяхъ: одно отпечатано было за границею, а другое внутри Россіи во вновь устроенной тайной типографіи. Вмѣстѣ съ тѣмъ отпечатана была другая брошюра подъ заглавіемъ „Къ русскому народу“. Великое открытіе было сдѣлано, путь былъ найденъ; одновремено во всѣхъ головахъ загорѣлась одна и таже мысль: въ народъ! Нечего тутъ сидѣть — въ народъ! Аскетическія привычки были сдѣланы, энтузіазмъ горѣлъ, умѣнье скрываться, изготовлять фальшивые паспорты и жить подъ чужими именами доведено до значительнаго совершенства — чего же болѣе, — въ народъ! Стали носить лапти и воронье гнѣздо, одѣваться въ костюмы крестьянъ и фабричныхъ рабочихъ. Искусство носить эти костюмы такъ же доведено было до виртуозности. Однажды ко мнѣ пріѣхала въ гости Перовская; одѣта она была, какъ одѣвались всѣ барышни. Случайно я вхожу въ одну изъ комнатъ и замѣчаю, что изъ окна глядитъ фабричная дѣвушка — откуда взялась? Подхожу, — подымается Перовская, что то

накинула на себя и превратилась въ барышню — точно на сценѣ. „Какъ путешествовали?“ спросилъ я одного молодаго человѣка, унесшаго съ собою въ мѣшкѣ болѣе пуда брошюръ. „Прекрасно“, отвѣтилъ онъ, „пѣлъ съ отдержкой.“ — Оказалось, что онъ и говору и всѣмъ манерамъ мѣстныхъ жителей умѣлъ подражать до такихъ подробностей, что ни одному изъ его спутниковъ и въ голову не могло придти, что онъ не принадлежитъ къ мѣстному рабочему населенію. Условія тогдашней жизни требовали самыхъ рѣзкихъ переходовъ; человѣкъ, который сегодня являлся въ видѣ рабочаго, завтра долженъ былъ играть роль человѣка, принадлежавшаго къ высшему обществу — генерала или тому подобное. Одинъ бѣжавшій изъ ссылки началъ съ того, что въ качествѣ самоѣда гребъ нѣсколько сотъ верстъ на лодкѣ, при этомъ онъ до такой степени былъ похожъ на самоѣда, что его невозможно было отличить отъ другихъ самоѣдовъ, бывшихъ на пристани. Перемѣнивъ нѣсколько видовъ, онъ, одѣтый джентельменомъ и въ золотыхъ очкахъ, сѣлъ на пароходъ въ качествѣ доктора, гдѣ къ нему обращались за медицинскими совѣтами. Въ усадьбу, гдѣ я жилъ, онъ пришелъ пѣшкомъ, въ дырявыхъ сапогахъ и оборванной одеждѣ подъ видомъ бѣднаго семинариста. На столько же важно,

какъ умѣнье скрываться и придавать себѣ видъ рабочаго человѣка, было умѣнье работать и пріобрѣтеніе той ловкости рукъ, какою отличается всякій крестьянинъ и работникъ. Въ этомъ отношеніи также многіе являлись большими искусниками. Они не только знали прекрасно нѣсколько ремеслъ, были хорошими плотниками, кузнецами, слесарями, красильщиками, но и умѣли обращаться съ машинами и управлять ими; они могли поступать на фабрики и желѣзныя дороги съ полнымъ знаніемъ дѣла. Съ страдными крестьянскими работами также были знакомы. Въ самомъ скоромъ времени къ книжкамъ такъ привыкли, что и не думали объ опасности, имѣя ихъ въ рукахъ. Не рѣдко вручался пакетъ случайно ѣдущему въ данную мѣстность порядочному человѣку, и при этомъ выходило множество анекдотовъ. Однажды студентъ входитъ съ чемоданомъ, наполненнымъ книжками, къ отъѣзжающему изъ города зажиточному молодому человѣку. Оказывается, что у отъѣзжающаго сидитъ полицеймейстеръ того города, куда посылаются книжки. Хозяинъ протянулъ: „аа“ и провелъ студента въ дальнюю комнату. „Что значитъ здѣсь полицеймейстеръ,“ спросилъ студентъ въ смущеніи. — „И полноте,“ отвѣтилъ хозяинъ, „онъ самъ на волоскѣ виситъ, сей часъ разсказывалъ мнѣ свои горести, —

онъ ровно ничего не значитъ, — пойдемте съ нимъ чай пить.“ — Со мной лично случился анекдотъ. Я ѣхалъ въ городъ П., мнѣ дали штукъ двѣсти книжекъ, предназначенныхъ для этого города. На станціи желѣзной дороги, гдѣ я долженъ былъ пересѣсть на другой путь, мнѣ пришлось ждать нѣсколько часовъ въ маленькомъ пустомъ вокзалѣ. Со скуки я взялъ одну изъ книжекъ и сталъ читать. Неожиданно входитъ губернаторъ съ цѣлымъ штабомъ, въ томъ числѣ исправникъ и становой. Становой немедленно скрылся; онъ обращался ко мнѣ, когда попадалъ въ бѣду, и теперь очутился въ ложномъ положеніи. Мнѣ оставалось одно—продолжать читать, не обращая на нихъ вниманіе. Одинъ изъ свиты губернатора остановился передъ мною и спросилъ: „не узнаете?“ — Я въ то время видалъ такое множество людей, что мнѣ трудно было узнать человѣка, съ которымъ я могъ встрѣчаться только случайно. Наудачу я назвалъ фамилью; оказалось не угадалъ; передъ мною стоялъ акцизный ревизоръ — прекрасный человѣкъ. Я сложилъ книжку, спряталъ ее подъ шубу, сталъ съ нимъ разговаривать; — тѣмъ и кончилось.

3.

Въ октябрѣ 1873го года я былъ арестованъ въ Нижнемъ и посаженъ въ третье отдѣленіе. Я очутился въ очень странномъ положеніи. Въ сущности арестъ мой мало меня безпокоилъ. Тутъ я скорѣе торжествовалъ, чѣмъ погибалъ; графъ Шуваловъ не имѣлъ противъ меня и тѣни какого нибудь доказательства; я обличалъ его пріемы шпіонства и производилъ этимъ ему скандалъ, а онъ ровно ни въ чемъ не могъ меня уличить. Министерство юстиціи отказывалось отъ всякаго дѣйствія противъ меня. Безсиліе третьяго отдѣленія по отношенію ко мнѣ производило восторгъ среди молодежи — даже государственные люди забавлялись тѣмъ, что дразнили Шувалова мною. Заботы мои были совсѣмъ иного рода. Книжка, которая проповѣдывала народу религію равенства, была написана тѣмъ языкомъ, какимъ писали пророки, проповѣдывавшіе расколъ; она приглашала вѣрующихъ проливать свою кровь, переносить всѣ мученія и страдать за своихъ братьевъ до конца. Вѣра пусть соединяетъ ихъ въ борьбѣ со всѣмъ, что старается унизить ихъ братьевъ, въ борьбѣ за мирскую землю, за всѣ учрежденія, которыя должны установить между ними равенство. Нѣтъ добродѣтели внѣ братства, нѣтъ справедливости,

внѣ равенства. Не о томъ долженъ человѣкъ думать, чтобы блаженствовать на землѣ, а о томъ, чтобы приносить себя въ жертву своимъ братьямъ всецѣло и не страшась ничего; и если онъ ослабнетъ и отступитъ отъ страха передъ долгомъ своимъ, тогда передъ нимъ станетъ совѣсть и будетъ ужаснѣе всего того, чего онъ страшился. Въ книжкѣ не было ни одного евангельскаго текста, ни разу не было упомянуто имя Бога или Христа, не говорилось ни объ раѣ, ни объ адѣ, ни о чемъ вымышленномъ; отъ перваго слова до послѣдняго это была строгая проповѣдь долга и безпредѣльнаго самоотверженія, за выполненіе котораго не обѣщалось никакой награды. И все-таки книга производила на рабочаго и крестьянина потрясающее, воспламеняющее и притомъ чисто религіозное впечатлѣніе. Вотъ она настоящая то вѣра! восклицалъ крестьянинъ, прочитавши книгу, — вотъ какъ нужно жить по правдѣ! И онъ клалъ книгу къ образамъ, гдѣ у него помѣщалось все священное.

Въ Финляндіи былъ со мной престранный случай. Я имѣлъ обыкновеніе гулять по окрестностямъ, доходить до какого нибудь прелестнаго вида и, отдохнувъ, возвращаться домой. Эти прелестные виды находились отъ меня иногда въ разстояніи двухъ часовъ ходьбы и тому подобное, а потому, чтобы не терять

времени, я шелъ и читалъ. Финляндскіе крестьяне очень уважаютъ ученыхъ; тамъ никто не читалъ на ходу, и имъ это казалось удивительнымъ искусствомъ; поэтому я во всемъ округѣ былъ извѣстенъ, какъ ученый, читающій на ходу. Однажды я иду глухимъ лѣсомъ, вдругъ крестьянинъ, обжигавшій угли, бѣжитъ ко мнѣ и ломанымъ русскимъ языкомъ кричитъ мнѣ: „Ты правду говоришь, и я вѣрю въ твою вѣру; всѣ люди равны — мы за это должны страдать, идемъ вмѣстѣ молиться.“ — Я не говорю по-фински, финляндцы не говорятъ по-русски, — какимъ образомъ я въ этомъ краѣ могъ сдѣлать прозелитовъ, я не въ состояніи былъ понять. Въ Россіи въ это время новая религія носилася въ воздухѣ; ждали появленія новой вѣры, ждали именно великой, революціонной вѣры соціальнаго равенства, которая возникнетъ въ Россіи и разольется по всему цивилизованному міру. Самый извѣстный изъ радикальныхъ тогда журналовъ — „Отечественныя Записки“ — допустилъ намекъ на это состояніе общества, конечно, съ оговоркой. Извѣстный писатель Достоевскій, осужденный при Николаѣ къ смерти и сосланный въ каторжныя работы, въ одномъ изъ своихъ романовъ изобразилъ сцену, гдѣ дѣйствуютъ лица, рѣшившіяся жить „по закону природы и правды“, т. е. по началамъ, изложеннымъ въ книжкѣ

о религіи равенства. Новыя религіи стали возникать въ разныхъ мѣстахъ, пока наконецъ это религіозное стремленіе не пострадало реакціи, получившей громкую извѣстность черезъ проповѣдь графа Толстаго. Религія Толстаго филантропическая и консервативная: не боритесь противъ зла, не сопротивляйтесь злу — говоритъ она. Не бороться, не побѣждать и царить во имя равенства — учила она, а отдаваться во власть безъ сопротивленія и принимать благодѣянія. Въ ней было фатальное противурѣчіе, которымъ она облегчала переходъ отъ энтузіазма борьбы къ энтузіазму покорности, порожденному утомленіемъ. Она отрицала законность власти — не судите, да не судимы будете, — и вмѣстѣ съ тѣмъ отрицала сопротивленіе ея беззаконію — и тѣмъ удовлетворила всѣхъ. Не подлежитъ сомнѣнію: дѣятельная, борющаяся религія равенства великая сила. Если бы се привить народу, она сдѣлала бы чудеса. Если бы она могла создать равенство, она была бы великимъ благодѣяніемъ для человѣчества; но при томъ состояніи, въ которомъ находился народъ, трудно было предсказать будущее. Народъ былъ способенъ возстать единодушно во имя равенства; но съ той точки зрѣнія, съ которой онъ исходилъ, когда клалъ книжку о равенствѣ къ образамъ, онъ дошелъ бы не до равенства, а до дикта-

туры. Всего вѣроятнѣе было, что въ немъ загорится не тотъ энтузіазмъ, который создалъ федеративную демократію соединенныхъ штатовъ, а тотъ фанатическій энтузіазмъ, который подвинулъ христіанъ на разрушеніе греко-римской науки и цивилизаціи, сдѣлалъ изъ магометанъ великихъ завоевателей, уничтожившихъ знаменитую александрійскую библіотеку. Во имя религіи будетъ уничтожена поземельная собственность и водворено господство мірскаго землевладѣнія; во имя религіи уничтоженъ будетъ капиталъ и замѣненъ другой организаціей труда. Религія все это могла сдѣлать; изъ всѣхъ восточныхъ государствъ Россія была единственная, которая во имя великаго соціальнаго принципа могла стать грозою надъ Европой. У ней хватило бы на это интеллигентности, если бы оказалось достаточно энтузіазма. Жажда соціальнаго переворота создала бы для нея милліоны помощниковъ на западѣ; соціальный переворотъ могъ пойти тамъ совсѣмъ другимъ аллюромъ, чѣмъ онъ шелъ теперь. Но развѣ разрушеніе античной цивилизаціи слѣпымъ религіознымъ фанатизмомъ христіанъ и магометанъ принесло благо для человѣчества? Развѣ довершеніе этого дѣла разрушеніемъ арабской цивилизаціи фанатизмомъ турокъ и испанцевъ было благодѣяніемъ, а не великимъ зломъ?! — Пришлось

возвратиться къ Аристотелю, чтобы начать дѣло снова. Съ самаго же перваго практическаго шага оказалось, что на почвѣ религіи аскетическій раціонализмъ восторженной молодежи и склонный къ боготворенію и богообоженію народъ не могли спѣться. Я видѣлъ слишкомъ ясно безплодность такого усилія. Народъ былъ неспособенъ питать религіозное чувство къ своимъ братьямъ, онъ его могъ питать только къ божеству, и этимъ все разрушалось; соціально-революціонная пропаганда составляла единственный практическій путь для возбужденія въ народѣ энергіи въ борьбѣ. Во всемъ этомъ я долженъ былъ сознаться и себѣ и другимъ, но безнадежно горькое чувство овладѣвало мною, когда я объ этомъ думалъ. Энтузіазмъ былъ силенъ, но если бы онъ былъ даже во много разъ сильнѣе, то онъ не могъ бы сдѣлать своего дѣла. Они не погибнутъ безплодно — о, ни въ какомъ случаѣ, но они не достигнутъ своей цѣли! Я слишкомъ долго велъ пропаганду среди русскаго народа, я слишкомъ хорошо зналъ, какъ онъ воспламеняется и какъ онъ остываетъ, чтобы не предвидѣть исхода. Мнѣ непремѣнно хотѣлось создать что нибудь прочное, что нибудь непрерывно дѣйствующее, что бы устояло среди всевозможныхъ гоненій; только такое идейное зерно могло вызвать наконецъ побѣдоносное дѣйствіе со стороны

этого народа, глохнущаго въ безчисленныхъ своихъ деревняхъ, какъ негры во внутренностяхъ Африки. Капля въ морѣ! восклицалъ я про возникающую пропаганду, и останется каплей въ морѣ. У меня не было ни книгъ, ни бумаги, ни пера, ни чернилъ, я былъ вполнѣ предоставленъ своимъ мыслямъ, но мысли эти до такой степени овладѣли всѣмъ моимъ существомъ, что я не имѣлъ ни минуты времени даже для отдохновенія. Рядомъ со мною сидѣла Перовская, но я отказался переговариваться съ нею, мнѣ было не до того. Отъ волнующихъ меня чувствъ и мыслей я дошелъ до такого состоянія, что не могъ ни ѣсть, ни пить; въ теченіе нѣсколькихъ дней я не ѣлъ ничего и не проглотилъ даже капли воды. Жандармы пришли въ смущеніе .... Я всетаки выработалъ и изложилъ свою раціональную религію, и это изложеніе было напечатано въ Женевѣ подъ заглавіемъ „На жизнь и смерть“. —

Глава одиннадцатая.

Пропаганда поглощаетъ все вниманіе общества. Александръ II-ой и его стремленія.

1.

Всѣ усилія графа Шувалова не привели ни къ чему. Не подлежало никакому сомнѣнію, что, если я буду преданъ суду, я буду оправданъ. Подъ конецъ графъ добивался только того, чтобы я былъ преданъ суду, но и это ему не удалось; и тутъ министерство юстиціи и сенатъ отказали ему. Сами жандармы должны были убѣдиться, что это дѣло, вмѣсто того, чтобы уничтожить мою популярность, значительно увеличило ее. Оставалось одно: опять сознаться, что законность насъ губитъ, и, отпихнувъ ногой законъ, прибѣгнуть къ излюбленному средству административной ссылки.

Я очутился въ шенкурскомъ уѣздѣ. архангельской губерніи. Тутъ я воспользовался тѣмъ самымъ пріемомъ, который употреблялъ въ Любани, и съ тѣмъ же самымъ успѣхомъ. Опять ко мнѣ стали пріѣзжать крестьяне изъ-за сотенъ верстъ. Мнѣ усердно и весьма искусно помогалъ нѣкто Суратовъ. Онъ былъ секретаремъ съѣзда петербургскихъ мировыхъ судей, во время энтузіазма вышелъ въ отставку и сдѣлался простымъ рабочимъ; затѣмъ сосланъ былъ въ архангельскую губернію и кончилъ свою жизнь близъ полярнаго круга самоубійствомъ. На огромномъ пространствѣ, наиболѣе сѣверную часть котораго составлялъ шенкурскій уѣздъ, крестьяне, приписанные къ удѣльному вѣдомству, жили среди сплошныхъ лѣсовъ и занимались смолокуреніемъ. Древніе памятники говорятъ, что каждое селеніе владѣло тутъ всею землею, куда его топоръ ходилъ и гдѣ его коса косила, т. е. всѣмъ, что было предметомъ его эксплуатаціи. Одна русская писательница, женщина-юристъ, утверждала, что императоръ Николай не признавалъ въ этихъ предѣлахъ никакой частной собственности и со всѣми подобными притязаніями распоряжался, по ея выраженію, какъ французскій конвентъ. Такъ разсуждало правительство, когда притязанія предъявлялись купцами и имъ подобными лицами; но когда возникъ вопросъ

о правахъ удѣльнаго вѣдомства, тогда Александръ Ной рѣшилъ, что право собственности здѣсь должно быть несомнѣнно допущено, а именно все должно принадлежать удѣлу. Въ видѣ милости крестьяне получатъ надѣлъ. Какъ, завопили крестьяне, все принадлежало намъ съ незапамятныхъ временъ, и мы платили всего 12 шиллинговъ съ человѣка, а теперь земли у насъ отрѣзаютъ, а поборы увеличиваютъ! Чтобы заставить ихъ замолчать, существовали войско и розги — они замолчали! Имъ назначили надѣлъ по 21 акру на мужскую душу, приблизительно по 50 акровъ на семейство. Въ Англіи это былъ бы достаточный надѣлъ, но для русскаго сѣвера онъ составлялъ ничтожество; въ Финляндіи на той же самой широтѣ среднее крестьянское землевладѣніе составляло 1200 акровъ на семейство, почти въ двадцать пять разъ болѣе. Когда чиновники начали приводить въ исполненіе законъ, тогда они нашли, что крестьяне не умрутъ съ голоду и тогда, когда имъ дадутъ половину или двѣ трети назначеннаго имъ по закону, а между тѣмъ доходы удѣла отъ этого значительно увеличатся. Совѣтъ былъ принятъ, крестьяне надѣлялись половиною и двумя третями того, что было имъ назначено по закону, и притомъ у нихъ отрѣзались всѣ смолокуренные кварталы и лѣсные надѣлы,

что давало удѣлу возможность выжимать у нихъ все, что у нихъ оставалось послѣ уплаты сборовъ. Бѣдность и разореніе превзошли всѣ размѣры возможнаго и вѣроятнаго. Каждый русскій крестьянинъ, появляясь не только въ западной Европѣ, но даже въ Финляндіи, казался нищимъ, а сѣверный удѣльный крестьянинъ былъ нищимъ между нищими, пауперомъ среди пауперовъ. Принципъ: „законность насъ губитъ“ достигъ вершины своего осуществленія, и право и законъ утонули въ грязи; царилъ одинъ императорскій произволъ. Пріемы высасыванія крестьянъ дошли до чудовищной безцеремонности. Ни одинъ крестьянинъ не смѣлъ курить смолу прежде, чѣмъ смотритель не осмотритъ дрова, приготовленныя для смолокуренія, и дастъ свое разрѣшеніе. Выполненіе этого предписанія было практически безусловно невозможно; если бы смотритель проводилъ въ разъѣздахъ всѣ дни свои и ночи, то и тогда онъ не могъ бы осмотрѣть и десятой доли дровъ. Стоило смотрителю обвинить крестьянина въ судѣ, чтобы онъ былъ вполнѣ разоренъ даже и въ томъ случаѣ, когда бы онъ оказался правымъ. На путешествіе въ судъ и обратно иногда приходилось употребить цѣлый мѣсяцъ; если судъ его вызоветъ въ страдное время, то урожай цѣлаго года у него погибалъ. Поэтому чиновники, распоряжавшіеся

смолокуреніемъ и лѣсами, никогда никуда не ѣздили и ничего не осматривали, а брали взятки и только. Не трудно себѣ представить, какая масса притѣсненій и злоупотребленій вытекала изъ этихъ турецкихъ порядковъ. У меня были полны руки дѣла; если бы существовалъ хотя малѣйшій шансъ на успѣхъ, то весь этотъ край запылалъ бы возстаніемъ.

2.

Хожденіе въ народъ было въ полномъ разгарѣ, когда я прочелъ законъ о заговорщикахъ, скрывающихъ своего предводителя. Я могъ только захохотать. Развѣ подобное движеніе можетъ имѣть предводителя, развѣ революціи вытекаютъ изъ заговора. Это — непосредственныя, никѣмъ не задуманныя, никѣмъ неуправляемыя движенія. Они возникаютъ такъ же, какъ загораются хвойные лѣса въ странѣ сплошныхъ лѣсовъ сѣвера; случайно, путемъ самовозгоранія начинается пожаръ и охватываетъ огромное пространство. Незадолго до появленія этого закона я получилъ письмо отъ одного богатаго человѣка; онъ писалъ мнѣ, что издержалъ уже 800 фунтовъ, и ровно ничего изъ этого не вышло; что онъ обращался

къ одному весьма выдающемуся дѣятелю и просилъ его устроить организацію, но онъ отъ этого отказался. Я нашелъ, что лицо, къ которому онъ обращался, поступило съ нимъ весьма добросовѣстно. Въ такія минуты никто не составляетъ организаціи; охваченные неудержимой страстью люди начинаютъ дѣйствовать, а организація вытекаетъ сама собою изъ потребностей, вызываемыхъ этой дѣятельностью. Заговора нѣтъ, люди не уговариваются, а дѣйствуютъ. Все общество будто ожило, столько лѣтъ говорили о томъ, что пора перейти отъ словъ къ дѣлу, и дѣла не являлось. Ждали людей дѣла и людей такихъ не было, чувство своего безсилія было ужасно, люди презирали самихъ себя. Вдругъ люди дѣла явились, прекрасные, смѣлые, самоотверженные. Все въ нихъ поражало. все было удивительно; полиція за ними гонялась и не могла ихъ словить, они жили, не имѣя легальнаго положенія, никакія строгости не помогали; весь безпредѣльный произволъ администраціи, который не признавалъ ни собственности, ни личныхъ правъ, ничего святого — былъ безсиленъ; грызъ самъ себя отъ бѣшенства и злобы, и всетаки ничего не могъ сдѣлать. Никакія головомойки, практикуемыя начальниками надъ подчиненными, не помогали; у нихъ подъ носомъ дѣлались дѣла, которыя казались имъ

ужасными, а неуловимая и невидимая тѣнь пропагандистовъ продолжала царить тутъ. Нерѣдко два начальника поглядывали другъ на друга и каждый думалъ: „Это ты, подлецъ, все дѣлаешь; знаю я тебя — измѣнникъ, укрыватель.“ — Фабриканты дѣлали отчаянныя усилія, чтобы не допускать пропагандистовъ на фабрики, а они всетаки работали на нихъ. Произволъ, находившійся въ рукахъ правительства, былъ гораздо опаснѣе для имущаго класса, чѣмъ для неимущаго; администрація могла разорить всякаго богатаго человѣка, всякому помѣшать въ достиженіи его честолюбивыхъ цѣлей; поэтому они всѣми своими средствами противудѣйствовали пропагандѣ и всетаки ничего не могли сдѣлать. А между тѣмъ администрація валила на нихъ вину; она бы давно все уничтожила, если бы не богатые люди; имъ хочется конституціи, имъ хочется быть представителями народа, чтобы правительство имъ кланялось и за ними ухаживало. Вотъ почему они укрываютъ ихъ на своихъ фабрикахъ! Откуда у пропагандистовъ берутся деньги? — мы знаемъ, откуда у нихъ берутся деньги! — Чѣмъ смѣшнѣе были богатые и властные среди этого переполоха, тѣмъ болѣе восторга разгоралось въ обществѣ. Люди будто уговорились искусственно раздувать размѣры движенія, и чѣмъ болѣе они его

искусственно раздували, тѣмъ болѣе оно дѣйствительно разросталось. Пора, давно пора, шептали другъ другу серіозные люди, намекая на конституцію, и не прочь были пожертвовать нѣсколько лишнихъ денегъ, чтобы помочь довести дѣло до конца. Когда противъ нихъ возникало подозрѣніе, они съ удовольствіемъ читали, какимъ ловкимъ оборотомъ подозрѣніе устранялось въ подпольной прессѣ. Въ интеллигентныхъ людяхъ, которые склонны были помочь и даже стать въ ряды дѣятелей, никогда не было недостатка. Въ это время именно въ промышленныхъ центрахъ и при устройствѣ путей сообщенія конкурренція вынуждала все въ большихъ размѣрахъ замѣнять прежнихъ рутинеровъ людьми, знакомыми съ новѣйшей наукой. Повсемѣстно загоралась борьба и непримиримая вражда прежнихъ распорядителей на фабрикахъ, заводахъ и прочее съ научно образованными механиками, техниками и химиками. А научно образованные люди всѣ безъ исключенія сочувствовали европейскимъ идеямъ свободы. Хозяева заведеній хотя иногда и побаивались ихъ новаго духа и опасались попасть въ отвѣтъ передъ администраціей, но должны были любезничать съ ними, потому что не могли безъ нихъ обойтись. Мало этого, они собственныхъ своихъ дѣтей должны были воспитывать въ этой средѣ. Капиталисты

стараго воспитанія, купеческіе сынки, прожигатели жизни, которые даже и въ Парижѣ умѣли только спускать свои денежки съ кокотками, банкротились. А дѣти купцовъ съ научной подготовкой, которые выходили серіозными и дѣльными, которые ѣздили за границу, чтобы ознакомиться съ послѣднимъ словомъ науки и промышленности, расширяли заведенія своихъ отцовъ; но за то же они съ первыхъ дней своей юности жили въ обществѣ тѣхъ самыхъ химиковъ и механиковъ, которые были въ такомъ сильномъ подозрѣніи у администраціи. Въ дѣятельности пропагандистовъ обнаруживалось на каждомъ шагу участіе людей, обладающихъ несомнѣнными знаніями въ техникѣ и механикѣ. На судѣ рабочіе произносили грозныя рѣчи, показывавшія у нихъ образованіе; пропагандисты успѣли уже создать изъ среды безграмотныхъ невѣждъ образованныхъ людей. Сдѣланы были опыты, о которыхъ прежде ничего не знали; рабочіе, которыхъ касалась пропаганда, стали дѣлиться на двѣ категоріи; одни стояли, такъ сказать, на уровнѣ сказки, для нихъ и писались сказки, но изъ нихъ выходило мало толку; другіе съ перваго пріема презирали сказки и всякое беллетристическое изложеніе, они прямо требовали серіознаго чтенія, серіозныхъ знаній и идей. Однимъ словомъ, непочатые люди съ

перваго шага стали дѣлиться на посредственныхъ и выдающихся по своимъ способностямъ, и изъ послѣднихъ скоро стали вырабатываться ораторы, люди мысли и дѣла. Они умѣли, не смотря на недостаточность своихъ знаній, очень искусно разбивать аргументы людей съ несомнѣнной ученостью. Значеніе природныхъ дарованій ярко заблистало. Скоро все вниманіе общества сосредоточено было на этой пропагандѣ, объ ней только и говорили. Наконецъ то найденъ истинный путь; носилось въ воздухѣ: на этомъ пути Россія достигнетъ цѣли, мы получимъ все и больше, чѣмъ ожидаемъ, Европа съ удивленіемъ увидитъ такой переворотъ, какого еще не бывало; — теперь мы изъ послѣднихъ сдѣлаемся первыми! Дѣйствительно наступило такое время, когда все крестьянское населеніе заговорило о передѣлѣ земли, о томъ, что землю создалъ Богъ, что она принадлежитъ всѣмъ и не можетъ быть предметомъ частной собственности. Крестьяне, у которыхъ обрѣзаны были земли, надѣялись получить обратно все, что у нихъ было отнято; бывшіе крѣпостные расчитывали получить надѣлы изъ земель, оставшихся во владѣніи помѣщиковъ. Чтобы прекратить всѣ эти тревожные слухи, министръ внутреннихъ дѣлъ долженъ былъ разослать по Россіи циркуляръ о томъ, что крестьяне не должны расчитывать ни на

передѣлъ земли, ни на увеличеніе своихъ надѣловъ. Серіозные люди шептали другъ другу: пусть ихъ! Когда разыграется движеніе, серіозные люди вынудятъ у императора конституцію и будутъ сильнѣе, чѣмъ были. Но восторженная молодежь разсуждала иначе: открытъ истинный путь, готовится праздникъ для народа, и онъ наступитъ! Пропагандисты казались имъ героями, ихъ невѣроятная смѣлость и лихія похожденія были у всѣхъ на устахъ, они казались могучими, свѣтлыми, святыми. Они сдѣлаютъ свое великое дѣло; Европа узнаетъ, что такое русскій народъ. Вотъ для чего стоитъ жить — для этого и только для этого. Они день и ночь думали о томъ, какъ бы сопричислиться къ нимъ, какъ бы помочь имъ совершить ихъ великое дѣло; получившіе въ наслѣдство нѣсколько сотъ фунтовъ отдавали ихъ на дѣло, богатые люди жертвовали всѣмъ своимъ достояніемъ. Тѣ, которые не имѣли случая сблизиться съ дѣятелями, пускались на удалую въ одиночку и часто ближались съ старыми пропагандистами только въ ссылкѣ. Женщины и мужчины искали мѣсто сельскихъ учительницъ и учителей въ деревняхъ, поступали фельдшерицами и акушерками; никто не исполнялъ такъ хорошо своихъ обязанностей, какъ эти проникнутые любовью къ народу и энтузіазмомъ люди. Другіе стремились взяться

за соху и обработывать землю вмѣстѣ съ крестьяниномъ; старались составить сельскія коммуны, жить подъ одной кровлей, работать сообща. Даже знаменитый агрономъ Энгельгардъ давалъ обществу понять, что онъ живетъ, ѣстъ и пьетъ, какъ крестьянинъ, его интересуетъ агрономія, а не желаніе нажиться отъ агрономіи. Къ нему ѣздили учиться съ цѣлью учреждать сельскія коммуны. Открылось еще одно поприще для пламенѣющихъ людей — статистика. Земства занялись статистикой; для молодыхъ людей статистика представляла прекрасный случай сближенія съ народомъ. Имъ приходилось собирать сходы, гдѣ обсуждались самые существенные интересы крестьянъ и рабочихъ людей. Лучшаго случая для пропаганды нельзя было и придумать, они могли ее вести по поводу страстной борьбы рабочихъ изъ за самыхъ существенныхъ своихъ интересовъ и на практическомъ дѣлѣ. Удобство этого случая нельзя было и сравнить съ занятіями сельскаго учителя, фельдшерицы или акушерки, или съ матерьяльнымъ трудомъ въ сельскихъ коммунахъ. И дѣйствительно, за дѣло статистики бралась самая способная и свѣтлая часть молодежи.

3.

Въ то время, когда все общество такимъ образомъ всколыхнулось, спрашивается — что дѣлалъ императоръ? Онъ утроилъ доходы государства — на что онъ ихъ употребитъ? — На что ихъ надобно было употребить, было слишкомъ ясно. Повальное грубѣйшее невѣжество народной массы господствовало на Руси. Насущнѣйшая потребность заключалась въ томъ, чтобы распространить просвѣщеніе въ этой массѣ. Его бюрократія, обладавшая неслыханнымъ и безпримѣрнымъ произволомъ, высасывала изъ народа все, что онъ имѣлъ, и не оставляла ему никакихъ средствъ для образованія своихъ дѣтей. Небольшой доли награбленнаго было бы вполнѣ достаточно, чтобы устроить прекрасныя школы и ввести всеобщее обязательное обученіе. Но императоръ думалъ вовсе не объ этомъ. Волненіе въ государствѣ онъ относилъ вовсе не къ своимъ деспотическимъ поступкамъ, а считалъ плодомъ развивающагося просвѣщенія; поэтому онъ помышлялъ не объ его развитіи, а о томъ, какъ бы накидать ему какъ можно болѣе палокъ въ колеса. У Каткова было два обожаемыхъ имъ героя: Муравьевъ и Толстой. Послѣ смерти Муравьева Толстой остался единственнымъ; — въ средѣ, окружающей

Александра II-го, не было человѣка хуже этого мрачнаго, жестокаго и корыстолюбиваго взяточника. И такому человѣку онъ ввѣрилъ просвѣщеніе. Слуга оказался достойнымъ своего повелителя. Чтобы загасить свѣтильникъ науки въ Россіи, онъ считалъ недостаточными мѣры, принимавшіяся Николаемъ, т. е. сокращеніе числа студентовъ и т. д. Онъ задумалъ поражать высшее образованіе въ самомъ его корнѣ. Онъ сталъ затруднять поступленіе въ среднія учебныя заведенія и еще болѣе затруднялъ окончаніе въ нихъ курса. Въ образованномъ обществѣ потребность была очень велика, и какъ въ среднихъ, такъ и въ высшихъ заведеніяхъ была настоящая давка при поступленіи. Малѣйшее подозрѣніе въ свободомысліи лишало молодаго человѣка или даже ребенка навсегда возможности сдѣлаться образованнымъ человѣкомъ. Другой порокъ составляла бѣдность родителей. Императоръ и его совѣтники находили, что дѣти интеллигентнаго пролетаріята слишкомъ усердно занимаются науками, слишкомъ развиваются, а потому опасны; что дѣти богатыхъ людей, избалованные и лѣнивые, гораздо лучше; а потому окончаніе курса въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ и поступленіе въ высшія должно по возможности дозволять только дѣтямъ богатыхъ людей. Богатые люди поднялп противъ

бѣдныхъ такой же крикъ, какой русскіе чиновники подымали противъ нѣмцевъ, шведовъ и поляковъ. Чиновники жаловались на то, что нѣмцы и поляки отбиваютъ у нихъ самыя доходныя мѣста; богатые люди кричали, что учителя гимназій имѣютъ пристрастіе къ бѣднымъ людямъ и умышленно ставятъ дѣтямъ богатыхъ дурныя отмѣтки. Если дочь или сынъ губернатора получали въ гимназіи плохой балъ, губернаторъ посылалъ къ гимназическому начальству жандармскаго полковника для вразумленія. Учителя среднихъ учебныхъ заведеній вынуждались къ систематическому пристрастію. Духовныя семинаріи наполнялись цѣликомъ бѣдными дѣтьми бѣднаго русскаго духовенства. Между всѣми учениками семинаристы отличались замѣчательной выносливостью и привычкой къ труду. Они составляли почти половину всѣхъ учащихся въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, но бѣдность составляла ихъ порокъ; семинаріи лишены были права выдавать аттестаты, которые давали бы семинаристамъ возможность поступать въ высшія учебныя заведенія. Ко всему этому, разумѣется, присоединились и національныя преслѣдованія; при поступленіи въ высшія учебныя заведенія евреи стѣснены были болѣе всѣхъ. Стѣснивъ со всѣхъ сторонъ высшее и среднее образованіе, Толстой сосредоточилъ свое вниманіе на народ-

ной школѣ. Земскія, городскія и общественныя школы онъ подчинилъ надзору своихъ чиновниковъ, которые прилагали все свое стараніе, чтобы народъ въ нихъ ничему для него полезному не могъ научиться. Географическія, историческія и естественно-научныя свѣдѣнія не только устранялись, но жестоко преслѣдовались; одна мысль, что ученики народной школы могли услыхать о дарвинизмѣ и, что еще ужаснѣе, о томъ, что существуютъ конституціонныя управленія и даже республики, составляла кошмаръ для правительства. А вѣдь за конституціоннымъ — управленіемъ и республикой стоитъ еще соціализмъ и коммунизмъ, за коммунизмомъ — ужасъ изъ ужасовъ — революція! Революція и конституція первое, что они узнаютъ, лишь только допустить географію и исторію. Никакихъ современныхъ знаній нельзя допускать въ народной школѣ — букварь и молитвы, вотъ и все! Кромѣ книгъ, спеціально выбранныхъ министерствомъ, никакихъ въ ней не допускалось. При малѣйшемъ подозрѣніи въ свободомысліи учителя и учительницы изгонялись изъ школы. Но и всего этого казалось мало; никакой надзоръ не въ состояніи помѣшать распространенію свободомыслія въ земскихъ учительскихъ семинаріяхъ. Правительство стало домогаться закрытія земскихъ семинарій. Александръ Ной

возненавидѣлъ народное просвѣщеніе, и награбленныя денежки на этотъ предметъ не пошли. Существовала другая великая общественная потребность. Въ средней Россіи населеніе было крайне скученное, народъ жилъ крайне бѣдно на своихъ ничтожныхъ надѣлахъ, обремененныхъ чрезмѣрно высокими платежами. Образовался ложный кругъ; по бѣдности своей народъ ничего не покупалъ. Такъ какъ онъ ничего не покупалъ, то промышленность не могла развиваться, а такъ какъ промышленность не могла развиваться, то народъ не могъ получать выгодной работы и вынужденъ былъ по прежнему тѣсниться на все уменьшающихся съ увеличеніемъ населенія клочкахъ земли. Между тѣмъ Россія на востокѣ и въ Сибири обладала плодоносными и пустующими землями, которыя во много разъ превышали густо населенные клочки. Нужно было употребить увеличенный доходъ на то, чтобы разселить скученный народъ, и тогда благосостояніе стало бы быстро возростать. Въ этомъ случаѣ и вопросъ о развитіи свободомыслія не могъ служить препятствіемъ. Но Александръ II-ой былъ не таковъ, чтобы пожелать сдѣлать что нибудь для благосостоянія народа. Онъ, по видимому, даже просто ненавидѣлъ это благосостояніе. Разселеніе народа должно было прямо увеличить производительность и платежную силу народа, а

съ тѣмъ вмѣстѣ богатство и доходы государства; однакоже эта перспектива ему не улыбалась. Денежки продолжали чесаться у него въ карманѣ и зудъ найти имъ мѣсто возросталъ. Суть природы всякаго неограниченнаго императора составляетъ переживаніе хищника и разбойника; звѣрь, прикрытый внѣшнимъ обликомъ цивилизаціи, просыпается въ немъ при всякомъ случаѣ. Такъ было и съ Александромъ Iмъ; лишь только у него завелись деньги, онъ прежде всего и больше всего сталъ думать о завоеваніи. Завоевавъ богатую Индію, англичане пустились на сѣверъ въ непроходимыя горы. Это была одна изъ величайшихъ глупостей, сдѣланныхъ англичанами. На свѣтѣ было много пустынныхъ и плодоносныхъ земель, завоеваніе которыхъ ничего не стоило и гдѣ англійскіе пауперы могли найти себѣ обильныя средства для пропитанія, но англичане предпочитали хоронить свои деньги и своихъ людей въ недоступныхъ горахъ. Если англичане дѣлали глупость, то русскому императору, разумѣется, слѣдовало подражать имъ. Средняя Азія была завоевана и не только ухлопаны денежки, но къ Россіи присоединена такая страна, куда можно было упрятать все выжатое изъ народа и чесавшееся въ карманѣ; каждый годъ онъ имѣлъ удовольствіе тратить на нее милліоны. Позавидовавъ англичанамъ, онъ поза-

видовалъ и отцу своему Николаю. Николай усмирилъ для австрійцевъ Венгрію и получилъ въ награду отъ австрійскаго императора нѣсколько оплеухъ; Александръ Ной завоевалъ для Австріи турецкія провинціи и для германскихъ принцевъ, не имѣющихъ земли, Болгарію; вошелъ въ Константинополь и тамъ удостоился чести получить оплеухи уже не отъ одной Австріи, а отъ всей Европы.

Отославъ для напечатанія за границу свою книгу о новой религіи, я разговаривалъ объ ней съ интеллигентными людьми. Мнѣ стали доказывать, что изъ новой религіи въ наше время никакого толку выйти не можетъ, но что моя идея имѣетъ цѣну сама по себѣ, какъ идея философская, естественно-научная и соціальная. Что она требуетъ строго-научнаго, серіознаго изложенія и что религіозный пафосъ ей только мѣшаетъ. Я убѣдился въ этомъ и изложилъ свое ученіе въ формѣ философіи коммунизма. Слухъ о моей идеѣ дошелъ до Петербурга, и одна студентка медицинскихъ курсовъ привезла мнѣ въ Шенкурскъ предложеніе, провести мою книгу черезъ цензуру съ условіемъ, чтобы изложеніе было строго научнымъ и слогъ недоступнымъ для средняго

читателя. Я съ большой торопливостью передѣлалъ всю книгу по этому указанію, такъ какъ студентка должна была вернуться къ началу курсовъ. Извѣстный русскій философъ Кавелинъ достигъ того, что она была напечатана на счетъ литературнаго фонда. Въ теченіе трехъ лѣтъ цензура не рѣшалась выпустить ее и неожиданно выпустила; я до сихъ поръ не знаю, кому я обязанъ этой счастливой случайностью. Неожиданное дѣйствіе производила на меня и на многихъ читавшихъ эту книгу моя идея, что всякая перемѣна въ природѣ есть результатъ мышленія единицъ матеріи. Въ началѣ намъ казалось крайне страннымъ и сомнительнымъ приписывать мышленіе единицамъ матеріи; но по мѣрѣ того, какъ мы примѣняли эту идею къ фактамъ, мы все болѣе убѣждались въ справедливости такого толкованія явленій, и наконецъ убѣжденіе до такой степени вростало въ насъ, что мы иначе и думать не могли.

Глава двѣнадцатая.

Судьба хожденія въ народъ.

1.

И общество, и правительство до такой степени были встревожены пропагандой, что на ней сосредоточено было все вниманіе. Въ глазахъ общества она была вполнѣ торжествующей, и правительство было безсильнымъ ее подавить. Но участникамъ дѣла она представлялась вовсе не въ такомъ розовомъ свѣтѣ. Прежде всего полное разочарованіе постигло статистиковъ. Въ ихъ рукахъ было самое сильное орудіе пропаганды — сельскій сходъ; — и къ чему же она привела? Они самымъ добросовѣстнымъ образомъ разъяснили условія жизни крестьянина и рабочаго. При Николаѣ 20 фунтовъ въ годъ считалось достаточнымъ обезпеченіемъ для чиновника съ семействомъ, а для крестьянина 3 фунта въ годъ. Эти басни были вполнѣ опровергнуты статистиками.

Было доказано, что даже пауперъ и нищій можетъ прожить никакъ не менѣе, какъ на 5 фунтовъ въ годъ: для крестьянина, который долженъ имѣть хозяйственный инвентарь, едва достаточно 30 фунтовъ. Условія жизни крестьянина и рабочаго разъяснялись вполнѣ, а крупные землевладѣльцы упорно скрывали источники своихъ доходовъ. Когда они всетаки приводились въ извѣстность, помѣщики публично на земскомъ собраніи рвали документы, въ которыхъ они были изложены. Крестьяне всѣ поголовно одѣвались и ѣли хуже, чѣмъ нищіе въ Европѣ; нигдѣ въ цивилизованномъ мірѣ не было такой смертности дѣтей, какъ въ Россіи, и всетаки поднялся крикъ, что они гораздо богаче, чѣмъ предполагали, что они могутъ платить по крайней мѣрѣ вдвое больше, чѣмъ платятъ, что ихъ надо усерднѣе сѣчь и тогда они заплатятъ. Въ окончательномъ результатѣ всѣ усилія молодежи на благо народа привели къ обратному результату. Они породили ужасную вещь — обратно прогрессивный налогъ. Люди платили тѣмъ больше податей, чѣмъ меньше они получали дохода. Юнымъ статистикамъ пришлось рвать на себѣ волосы, когда они увидали такой результатъ своихъ усилій. Имъ осталось повторять въ отчаяніи: революція и одна революція можетъ помочь Россіи! Такое же отчаянье

охватило сельскихъ учителей и учительницъ, фельдшерицъ, акушерокъ. Чѣмъ сильнѣе разросталось движеніе, тѣмъ грознѣе надъ ними надвигался правительственный надзоръ; все видящее око шпіона-священника и сельскихъ взяточниковъ, обиравшихъ народъ, слѣдило за ними съ постоянно возрастающимъ усердіемъ. Гоненіе дѣлалось все болѣе интенсивнымъ и наконецъ достигло до того, что женщина-врачъ была рада, если могла заработать 12 шиллинговъ въ недѣлю. — И имъ пришлось восклицать — спасеніе въ одной революціи! Они чувствовали, что никакая умѣренность, никакія уступки не помогали. Въ своей сельской глуши они не только лишены были всякой возможности приносить пользу народу, они сами глохли и опускались умственно и нравственно. Коммуны для общаго сельско-хозяйственнаго труда потерпѣли фіаско уже потому, что цѣны на сельскохозяйственныя произведенія сообразовались съ потребностями безграмотнаго народа, чтобы жить этимъ трудомъ, нужно было отказаться отъ покупки книгъ и отъ своего развитія. Энгельгардтъ, конечно, могъ ѣсть и одѣваться какъ крестьянинъ безъ вреда для своей интеллигентности. Въ доходѣ отъ своей сельскохозяйственной дѣятельности онъ вовсе не нуждался; одинъ изъ самыхъ любимыхъ въ Россіи

писателей, онъ былъ вполнѣ обезпеченъ своимъ литературнымъ трудомъ. Но несчастное юношество, пахавшее землю, утрачивало свое развитіе въ глухихъ деревняхъ, — и только. Остались одни подвижники, ушедшіе въ народъ; но дѣятельность ихъ требовала не только рѣдкихъ качествъ, но большой опытности и навыка. Правительство готово было все въ большихъ размѣрахъ жертвовать деньгами; ему ничего не стоило не только удвоить, удесятерить свои издержки на преслѣдованіе пропагандистовъ. Люди продажны, правительство могло купить себѣ много усердныхъ слугъ на свои деньги. Всѣ фабрики были издавна полны шпіонами и наушниками фабричнаго начальства; это начальство имѣло слишкомъ много разнородныхъ причинъ для развитія шпіонства. Прибавьте сюда полный произволъ правительства, ему не нужно было никакихъ доказательствъ, чтобы арестовать, держать въ тюрьмѣ и сослать человѣка, на котораго падало подозрѣніе. Неопытные очень скоро попадали въ руки администраціи, а черезъ нихъ попадались и опытные. Если бы народъ былъ вполнѣ воспріимчивъ къ распространяемымъ въ его средѣ идеямъ, то и въ такомъ случаѣ это дѣло представляло бы неодолимыя трудности; онъ былъ такъ многочисленъ, былъ разсыпанъ по такимъ глухимъ угламъ, что число пропагандистовъ должно

было бы быть громадно, чтобы на него возможно было воздѣйствовать. Но на дѣлѣ было наоборотъ: онъ былъ такъ невѣжественъ, что ему очень трудно было усвоить себѣ понятіе о возможности другаго болѣе огражденнаго положенія; нужно было долго и упорно работать надъ нимъ, чтобы вызвать въ немъ надежду. Вотъ почему я чувствовалъ потребность создать прочный стимулъ, который постоянно поддерживалъ бы энтузіазмъ, въ родѣ того стимула, который дѣйствовалъ въ первыхъ христіанахъ. Но этотъ наивный энтузіазмъ, учившій обожанію величія и силы, не только не эманципировалъ народъ отъ римскаго гнета, но создалъ варварскій византійскій деспотизмъ и мракъ среднихъ вѣковъ. Въ Россіи, получившей христіанство изъ Византіи, это христіанство сдѣлалось главной поддержкой для императорскихъ безобразій. Нужно было замѣнить обожаніе величія и силы любовью къ своимъ братьямъ, но въ милліонахъ людей, которые привыкли презирать самихъ себя и себѣ подобныхъ, произвести подобный переворотъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ было окончательно невозможно. За отстутствіемъ такого неискоренимаго стимула дѣло не могло быть доведено до конца. Трудности постоянно возрастили и надежда на успѣхъ ослабѣвала. Люди сдѣлали изъ движенія цѣль своей

жизни и цѣль эта изчезала передъ ними. Они напрягали всѣ свои силы, а дѣло не двигалось, имъ казалось, что они со всѣхъ сторонъ были окружены измѣной и предательствомъ. Подозрѣвать повсюду шпіонство сдѣлалось маніей, потому что дѣйствительно шпіонство и притворство было разлито повсюду. Быстрота дѣйствія, необходимая для успѣшной пропаганды, не давала возможности основательно знакомиться съ тѣми людьми, съ которыми имѣешь дѣло; а дѣйствовать приходилось среди народа грубаго и сквозь деморализованнаго деспотическимъ произволомъ. Предшествующая жизнь уничтожила въ немъ окончательно всякую правдивость, всякую устойчивость убѣжденій; его положеніе внушало ему въ одно и то же время и ненависть и раболѣпіе передъ своими господами. Онъ самъ никогда не зналъ, какъ онъ думаетъ и какъ онъ чувствуетъ; сегодня онъ былъ мятежникъ и способенъ къ геройству, а завтра на него внезапно нападалъ страхъ, раболѣпіе овладѣвало имъ, и онъ готовъ былъ сдѣлаться предателемъ за синспенсъ. То политическое движеніе, въ водоворотъ котораго онъ попадалъ, было для него неслыханной новостью, оно вызывало въ немъ чрезвычайное любопытство, а по временамъ и геройское настроеніе; но въ то же время оно наводило на него тотъ суевѣрный страхъ, который на

непочатаго человѣка наводитъ необычайность и таинственная неизвѣстность. Русскіе вообще смѣлый народъ, но въ перипетіяхъ политической пропаганды рабочіе подвергались самымъ страшнымъ припадкамъ страха. Арестованный сектаторъ идетъ въ острогъ и ничего не боится; арестованные во время крестьянскаго бунта или народнаго безпорядка мужчины и женщины переносили съ мужествомъ фаталиста жесточайшее тѣлесное наказаніе, сидѣли въ острогѣ, шли въ Сибирь; но когда они подвергались аресту по политическому дѣлу, съ ними иногда совершались самыя странныя вещи. Они воображали, что за политическое преступленіе кара такая безпримѣрная, что ее и представить себѣ невозможно. Неизвѣстное и ужасное будущее до такой степени пугало арестованнаго, что онъ впадалъ въ нервное оцѣпененіе, чувства отказывались служить ему, на него нападала временная слѣпота, онъ сидѣлъ цѣлые дни и не смѣлъ пошевелиться или произнести слова; иногда съ нимъ дѣлалось нѣчто подобное параличу и онъ сходилъ съ ума. Такой же паническій страхъ нападалъ иногда на нихъ и на свободѣ и даже безъ всякаго особаго внѣшняго повода; не имѣя силы совладать съ собою, они дѣлались предателями. Со всѣмъ этимъ интеллигентные дѣятели были болѣе или менѣе знакомы, они рѣшались дѣйст-

вовать, не смотря на такое условіе, но за то же имъ тѣмъ естественнѣе было чувствовать себя постоянно среди предательства и измѣны. Такія опасенія крайне парализировали ихъ дѣятельность; не разъ случалось, что молодой пропагандистъ губилъ себя на вѣкъ послѣ перваго шага. Первая розданная книжка попадала на предателя и все было кончено. При большой привычкѣ людей къ притворству, при ихъ способности вполнѣ искренно отдаваться сегодня одному чувству, а завтра прямо противуположному, самый опытный человѣкъ могъ быть введенъ ими въ заблужденіе. Послѣ этого представьте себѣ жизнь зауряднаго, еще неопытнаго пропагандиста.

2.

Когда то бунтарка каждый день съ возрастающею силою отдавалась своему увлеченію; жизнь, которую вели всѣ вокругъ нея, казалась ей грязной, мерзкой, возмутительной, отвратительной; для нея эта жизнь была проявленіемъ грубѣйшаго эгоизма, конспираціей противъ счастья и благосостоянія народа. Каждое дѣйствіе, каждое слово тѣхъ, кто ее окружалъ, подтверждали ея взглядъ на нихъ. Она

восторженно протестовала противъ такого гнуснаго настроенія и рѣшалась жить для народа, всецѣло отдать себя ему; она готова была лучше переносить всѣ мученія, чѣмъ жить другою жизнію. Она такъ часто повторяла себѣ это, что для нея стало дѣйствительно невозможностью жить другою жизнію. Но въ тѣхъ условіяхъ, въ которыхъ она живетъ, она ничего не можетъ сдѣлать для народа, ей этого народа даже и видѣть не приходится. Ей сначала нужно выйти изъ этихъ условій и поставить себя въ другія, благопріятныя для сношеній съ народомъ. Она готова отказаться отъ всѣхъ удобствъ, которыми была окружена, ѣсть одинъ черный хлѣбъ и терпѣть во всемъ нужду, лишь бы имѣть то, чего проситъ ея сердце. Молодая дѣвушка оставляетъ своихъ родителей и все, что она любила, и поступаетъ въ деревню сельской учительницей. Но съ перваго же дня священникъ постигъ, въ чемъ дѣло, и начинаетъ на нее доносить; пьяный старшина входитъ къ ней безъ церемоніи въ комнату, перерываетъ ея книги, читаетъ ея письма, позволяетъ себѣ циническія шутки. Она плачетъ навзрыдъ. Энтузіазмъ удесятеряетъ ея силы, она переноситъ все и исполняетъ свои обязанности образцово. Является инспекторъ, онъ очень доволенъ ея преподаваніемъ, но съ ловкостью, о которой она не

имѣла и понятія, выспрашиваетъ у дѣтей все, что они отъ ней слышали. Сообразно съ этимъ, онъ дѣлаетъ ей наставленіе съ угрозою, немедленно ее уволить въ случаѣ отступленія. Черезъ нѣкоторое время является исправникъ: оказывается, что и онъ имѣетъ право экзаменовать дѣтей. Ея мечты создать изъ своихъ учениковъ гражданъ, развитыхъ въ политическомъ и соціальномъ отношеніи, разбились въ дребезги очень скоро и помимо инспектора и исправника, а теперь она видитъ, что она не имѣетъ никакой возможности выйти изъ тѣхъ рамокъ, которыя для нея поставлены; если бы ей случилось сказать своимъ ученикамъ, что существуетъ на свѣтѣ республиканское управленіе, она немедленно была бы уволена. Послѣ дѣтей она стремилась эманципировать женщинъ, но ей еще скорѣе пришлось махнуть на нихъ рукою; то, что въ ней горѣло огнемъ, не возбуждало въ нихъ и малѣйшей тѣни интереса. Другое дѣло взрослые мужчины, съ ними можно разговаривать, но здѣсь она натыкается на затрудненіе, о которомъ никогда и не слыхивала. Крестьянинъ былъ крайне невѣжественъ, никто въ его присутствіи не произносилъ даже имени Америки, Англіи или Европы, онъ ничего не зналъ о конституціонномъ или республиканскомъ управленіи; но въ тѣ времена древняя русская община съ ея обы-

чаемъ не была еще забита окончательно въ грязь; онъ имѣлъ въ своихъ рукахъ политическое и соціальное самоуправленіе общины и обладалъ такой опытностью, о которой барышня-энтузіастъ и -теоретикъ ничего не подозрѣвала. Онъ зналъ, что имъ стоитъ собраться на сходъ и постановить приговоръ о томъ, чтобы жить въ общемъ домѣ, сообща обработывать поля и т. д., и коммунизмъ будетъ устроенъ, а барышня и не подозрѣвала, что крестьяне имѣютъ такое право. Крестьянинъ зналъ, почему они этого не дѣлаютъ, а барышня и не подозрѣвала въ немъ подобнаго знанія. При первой попыткѣ пропагандировать она спасовала передъ крестьянской опытностью. Разумѣется, она не была приведена этимъ къ ничтожеству, она знала очень многое, чѣмъ могла бы удивить крестьянина. Если бы она была въ состояніи отнестись къ дѣлу хладнокровно и трезво, ей не трудно было бы понять свою силу, но ея настроеніе было прямо противуположное; изъ своей неудачи дѣвушка дѣлаетъ заключеніе, что она къ пропагандѣ окончательно неспособна. Ей приходятъ на умъ всѣ ея страданія и изъ всѣхъ самое ужасное то, что она испытываетъ теперь; послѣ всѣхъ принесенныхъ жертвъ она оказывается неспособной дѣлать то дѣло, для котораго стоитъ жить. Она слишкомъ глупа для него,

мужики умнѣе ея; мы презираемъ мужиковъ, а они умнѣе насъ. Въ школу является предводитель дворянства, онъ относится къ ней мягко, ласково, почти нѣжно. Учительница провожаетъ его къ выходу, на минуту они остаются одни; онъ даетъ ей руку на прощанье, говоритъ ей прочувствованнымъ шопотомъ: „я понимаю васъ“. — Она чувствовала, какъ вспыхнула и лишилась всякаго самообладанія. Она подбѣгаетъ къ зеркалу, чтобы взглянуть на себя; инстинктивно на нѣсколько секундъ ея глаза прикованы къ ея отраженію; она никогда не могла представить себѣ, что можетъ быть такъ хороша собою. Прошло два дня; оказывается, что предводитель знаетъ объ ней все, ей угрожаетъ погибель, но онъ ее спасетъ; можетъ быть онъ и самъ погибнетъ при этомъ, но онъ всетаки ее спасетъ. По этому поводу между ними начинаются интимности, онъ изливаетъ передъ нею свое сердце; оказывается, что онъ очень несчастный человѣкъ, жена его не любитъ, измѣняетъ ему, вся жизнь его разбита. Наконецъ онъ сознается ей въ любви, онъ готовъ бросить все и бѣжать съ нею. Предводитель былъ очень опытный соблазнитель женщинъ, а она олицетвореніе неопытности; однакоже она скоро довела его до того, что онъ отъ медовыхъ рѣчей перешелъ къ угрозамъ. Ей пришлось бѣжать.

Послѣ этого предводитель такъ ее оклеветалъ, что она нигдѣ мѣста народной учительницы получить не можетъ. Она поступаетъ фельдшерицей. Теперь она живетъ въ городѣ и ея положеніе существенно улучшается. Книгъ для своего развитія она имѣетъ достаточно, доктора ея очень цѣнятъ, потому что она образцовая фельдшерица и отъ всей души ухаживаетъ за больными. Сношеній съ народомъ у ней сколько угодно; кромѣ больныхъ въ больницѣ, она ежедневно принимаетъ въ амбулаторіи десятки и даже сотни больныхъ рабочихъ. Мало этого, у ней есть друзья по душѣ. Въ свободное время она къ нимъ ходитъ и проводитъ у нихъ вечера. Тутъ находится политическій, бывшій въ каторжныхъ работахъ, старый, опытный боецъ, краснорѣчивый и увлекательный, нѣсколько интеллигентныхъ молодыхъ людей; ихъ посѣщаютъ рабочіе. Нѣкоторое время все идетъ прекрасно, затѣмъ ей начинаютъ надоѣдать свистки полицейскихъ; ей стоитъ появиться въ улицѣ, чтобы начались свистки; идетъ ли она къ нимъ, идетъ ли отъ нихъ, все время свистки преслѣдуютъ ее. Ей начинаетъ казаться, что за ней идутъ шпіоны, что они становятся противъ оконъ и смотрятъ въ окна, что они подслушиваютъ. Тѣнь шпіонства начинаетъ ее преслѣдовать и не даетъ ей покоя. У ней

является убѣжденіе, что она здѣсь еще въ большихъ размѣрахъ окружена предательствомъ, чѣмъ въ деревнѣ; даже между своими больными она подозрѣваетъ предателей. Ея знакомые дѣлаютъ ей разные условные знаки, по которымъ она должна узнавать, когда она можетъ войти и когда ей не слѣдуетъ этого дѣлать. Наконецъ придумали для нея такой мудреный путь ходить къ своимъ друзьямъ, который скроетъ ее отъ всякихъ соглядатаевъ. Она приходитъ этимъ путемъ и очень весело провела свое время до поздней ночи. Возвращаясь домой, она неожиданно замѣчаетъ, что за ней идетъ жандармъ; чтобы онъ не могъ узнать, кто она такая, и чтобы скрыть свою квартиру, она поворачиваетъ на лѣво, потомъ на право; жандармъ все идетъ за нею. Она колеситъ по городу до того, что окончательно выбивается изъ силъ; ноги ей отказываются служить, и она падаетъ на землю. Тогда жандармъ не стѣсняясь подходитъ къ ней и говоритъ: „Напрасно барышня вы такъ утруждаете себя, вѣдь я васъ знаю и квартиру вашу знаю.“ Онъ называетъ ея фамилью и ея квартиру. — „Пойдемте лучше вмѣстѣ, я васъ провожу.“ — Она отказывается идти съ нимъ, но онъ всетаки идетъ нѣкоторое время рядомъ съ нею; за тѣмъ говоритъ: „Богъ съ вами“, и поворачиваетъ въ сторону.

Не смотря на все это, она продолжаетъ ходить къ своимъ друзьямъ. Однажды она идетъ по улицѣ, на крыльцѣ сидятъ двое рабочихъ. Одинъ говоритъ другому: „а вѣдь книжки то прилетятъ къ намъ, непремѣнно прилетятъ.“ — Она взглянула на нихъ, ихъ физіономіи показались ей очень симпатичными. Другой разъ она идетъ по тому же мѣсту и встрѣчаетъ ихъ опять. „Барышня, когда же вы принесете намъ книжечку“, говоритъ одинъ изъ нихъ. Не можетъ быть, чтобы это были шпіоны, у нихъ слишкомъ хорошія лица. Въ третій разъ она соглашается войти къ нимъ и читаетъ имъ, ея слушаетъ шесть человѣкъ съ искреннимъ восторгомъ. Они указываютъ ей путь, какъ ходить къ нимъ, чтобы хозяинъ не могъ ее увидать. Она ходитъ и начинаетъ чувствовать себя въ ихъ средѣ настоящимъ бунтаремъ, изъ этихъ людей ей несомнѣнно удастся выработать энергическихъ дѣятелей въ народѣ. Время, которое она у нихъ проводитъ, кажется ей счастливѣйшими часами ея жизни; за своихъ новыхъ учениковъ она готова отдать свою жизнь. Она такъ счастлива, что даже расцвѣла и пополнѣла. Однажды она возвращается домой и встрѣчается съ бабой, которая ее прямо третируетъ, какъ публичную женщину. Сначала она ошеломлена, но затѣмъ понимаетъ въ чемъ дѣло: этимъ путемъ,

должно быть, ходятъ къ рабочимъ ихъ любовницы. Пусть ее принимаютъ за ихъ любовницу, ея посѣщенія будутъ объяснены такимъ образомъ и не возбудятъ никакихъ политическихъ подозрѣній; она получитъ время и свободу выработать изъ нихъ дѣятелей. Всетаки слезы ручьемъ катились у ней по щекамъ. Эти сеансы сильно волновали ее, она приходила и уходила въ большомъ возбужденіи. Однажды она вошла въ тотъ темный корридорчикъ, черезъ который попадала въ мастерскую, и по какимъ то очень хитрымъ соображеніямъ оставила шубу въ корридорѣ и вошла въ одномъ платьѣ. При выходѣ шубы не оказалось, рабочіе первые догадались, что здѣсь былъ шпіонъ и укралъ ея шубу; они пришли въ большое волненіе. Нѣсколько дней спустя, во время чтенія, отворилась дверь изъ темнаго корридора и вошелъ полицейскій. Онъ велѣлъ сказать хозяину, чтобы на другой день были непремѣнно вывѣшены флаги по случаю царскаго праздника, а затѣмъ обратился къ нашей фельдшерицѣ и сказалъ: „А вамъ, барышня, здѣсь совсѣмъ не мѣсто, они народъ необразованный, какая они для васъ компанія.“ — Послѣ его выхода смущеніе было такъ велико, что ей осталось уйти. На дорогѣ ее догналъ одинъ изъ рабочихъ, и дрожа всѣмъ тѣломъ, просилъ ее прекратить свои

посѣщенія. Много ночей она горько проплакала послѣ этой неудачи и отъ всей души проклинала полицейскаго, хотя онъ былъ добрѣйшій человѣкъ и выдумалъ свою выходку, чтобы спасти ее отъ когтей своего начальства. Ей въ голову не приходило, что давно вся улица знала ее, и когда она шла, тогда кумушки говорили другъ другу: „вонъ хорошенькая барышня идетъ къ бунтарямъ.“ — Однажды ночью къ ней постучались, сдѣлали у ней обыскъ и арестовали ее. Въ одиночномъ своемъ заключеніи она много пролила горючихъ слезъ надъ судьбою тѣхъ несчастныхъ рабочихъ, которыхъ ввела въ бѣду. Неожиданно оказалось, что рабочіе тутъ не причемъ, что ея арестъ не имѣетъ ничего общаго съ ея пропагандой. Еще тогда, когда она жила въ домѣ своихъ родителей, она знала гимназиста, который никакъ не могъ перешагнуть изъ третьяго класса въ четвертый. Тогда она старалась воспламенить его тѣмъ энтузіазмомъ, которымъ сама горѣла. Съ того времени она объ немъ ничего не слыхала и даже имя его позабыла. Между тѣмъ, не будучи въ состояніи окончить курсъ, онъ поступилъ въ военную службу. Здѣсь онъ распространялъ книжки среди солдатъ; когда ему объявили, что онъ приговоренъ за это къ смертной казни, ему неожиданно предста-

вился прекрасный случай выразить свои горячія чувства той дѣвушкѣ, которая поселила въ немъ политическія идеи. Онъ написалъ ей пламенное письмо, называлъ ее своей учительницей и благодарилъ ее за прекрасную смерть, которою ей обязанъ. Случайно это письмо было взято при арестѣ того самаго лица, которое должно было ей его доставить. За это письмо она должна была отправиться въ ссылку. Ее привезли на мѣсто полуживою; послѣ покражи шубы, у ней не было теплаго платья и она сильно стала простужаться; сидѣнье въ тюрьмѣ и путешествіе на крайній сѣверъ довершили то, что начала украденная шуба. Она попала въ ничтожный городишко, куда ссылались вліятельные политическіе преступники, а потому тамъ жилъ жандармскій офицеръ и шесть жандармскихъ унтеръ-офицеровъ. На этотъ разъ она была тамъ единственнымъ политическихъ преступникомъ, и весь этотъ сложный аппаратъ надзора сосредоточился на ней. Жандармы проходили мимо ея оконъ не менѣе двѣнадцати разъ въ день; каждый день она должна была являться въ полицію и росписываться въ доказательство того, что она еще не бѣжала. Полицейскіе солдаты, которые соперничали съ жандармами въ усердіи, входили въ квартиру, распрашивали хозяевъ о ея поведеніи, входили даже къ ней

въ комнату и задавали ей разные вопросы. Кошмаръ шпіонства и предательства не давалъ ей покоя; чтобы по возможности не видѣть всего этого, она спала днемъ и сидѣла ночи. Когда черезъ нѣсколько мѣсяцевъ городишко наполнился политическими преступниками, они не могли принести ей утѣшенія; она умирала въ больницѣ; присутствіе постороняяго человѣка такъ раздражало ее, что докторъ запретилъ пускать къ ней людей, и она умерла мрачная и одинокая.

3.

Смерть въ ссылкѣ собирала обильную жатву; не менѣе обильна была смерть отъ тоски помимо ссылки. Для человѣка хладнокровнаго совершенно непонятно, какимъ образомъ можно умереть отъ жажды извѣстной дѣятельности; факты доказали, что отъ такой тоски можно вполнѣ такъ же умереть, какъ люди умираютъ отъ любви. Въ особенности женщины чахли въ этомъ случаѣ, какъ онѣ чахнутъ отъ любви. Рядомъ съ случаями смерти шли случаи умопомѣшательства. Но больше всего обращаютъ на себя вниманіе самоубійства. Борьба была какъ невыносима,

тяжела, что большинство дѣятелей думало о самоубійствѣ; значительная часть дѣлала покушенія на свою жизнь, и многіе доходили до конца. Такъ же часто люди побуждались къ этому тоскою отъ невозможности что нибудь сдѣлать. Въ газетахъ постоянно печатались извѣстія а людяхъ, которые лишали себя жизни и оставляли записку, гдѣ просили никого не обвинять въ этомъ, они умираютъ потому, что жизнь для нихъ не имѣетъ цѣли. Пресса того времени много разсуждала о средствахъ къ прекращенію маніи самоубійства. Напрасно она хлопотала — эти самоубійства были выраженіемъ умирающей надежды на спасеніе Россіи; когда они прекратились, умерли съ ними вмѣстѣ и всѣ лучезарныя упованія на воскресеніе русскаго народа изъ мертвыхъ, осталось одно грубое одичаніе. Человѣкъ, который не имѣлъ случая прочувствовать то, что чувствовали тогда энтузіасты, не могъ составить себѣ никакого понятія объ этомъ страстномъ настроеніи. Описать его невозможно, изобразить его могъ бы только великій художникъ. Къ несчастью ни одинъ изъ нашихъ великихъ художниковъ не былъ въ состояніи этого сдѣлать. Мнѣ извѣстны только два изображенія, которыя появились въ самый разгаръ движенія въ лучшихъ тогдашнихъ журналахъ. Одно отпечатано въ „Дѣлѣ“ и изображаетъ смерть

бунтаря отъ чахотки; другое въ „Отечественныхъ Запискахъ“ и изображаетъ самоубійство. Оба принадлежатъ лицамъ, которыя потомъ ничего выдающагося не написали. Они не выразили мощь того чувства, которое тогда владѣло людьми; они не показали, почему оно могло такъ сильно взволновать общество, но они подмѣтили нѣкоторыя особенныя черты настроенія. Я прочелъ ихъ съ волненіемъ, они напомнили мнѣ умирающихъ энтузіастовъ. Да, энтузіасты умирали, безнадежное отчаянье плодилось въ ихъ душахъ; но энтузіазмъ выработалъ слишкомъ опытныхъ бойцовъ; какъ прежде, такъ и теперь они были недосягаемы для власти. Они видѣли слышкомъ ясно, что движеніе погибаетъ и должно погибнуть не достигнувъ цѣли. Тогда они пришли къ рѣшенію, которое можно было концинпировать только въ томъ настроеніи, которое ими владѣло. Они рѣшились оставить пропаганду въ сторонѣ и вынудить конституцію терроризмомъ. Такое рѣшеніе пришло къ нимъ не вдругъ; первые наиболѣе блестящіе акты терроризма были уже совершены, когда планъ созрѣлъ; онъ былъ слѣдствіемъ, а не причиной этихъ проявленій. Въ Петербургѣ, на площади казанскаго собора, произошла народная манифестація. Чтобы придать дѣлу видъ, что народъ изъ ненависти къ движенію разогналъ манифестиру-

ющихъ, полиція выслала на площадь разную сволочь изъ поддонковъ общества и велѣла имъ напасть на манифестировавшихъ рабочихъ. Одинъ студентъ, очень сильный человѣкъ, увидавъ, какъ явившіеся по приказанію полиціи воры и мазурики забивали на смерть рабочихъ, сталъ спасать ихъ, конечно не безъ помощи затрещинъ. За это онъ приговоренъ былъ къ каторжнымъ работамъ. Такой приговоръ былъ по лицу и право и законъ. Кабацкая сволочь, напавшая на людей, мирно собравшихся, чтобы выразить свое мнѣніе, была признана правой: начальники полиціи, вступившіе въ братскій союзъ съ отъявленными негодяями, не были наказаны за такой позорный для правительства образъ дѣйствія; а человѣкъ, вступившійся за людей, избиваемыхъ на смерть публично, на площади, среди бѣлаго дня и въ присутствіи полиціи, былъ приговоренъ за это къ каторжнымъ работамъ! Судъ въ это время былъ уже деморализованъ до послѣднихъ степеней возможнаго, однакоже у него всетаки осталось еще столько стыда, что онъ не рѣшался дозволить приговору войти въ законную силу. Не смотря на это, съ студентомъ обращались въ тюрьмѣ, какъ съ каторжнымъ. Петербургскій градоначальникъ Треповъ является въ тюрьму, проходитъ мимо студента и замѣчаетъ, что онъ ему не поклонился. Такъ какъ при-

говоръ не вошелъ еще въ законную силу и студентъ не былъ каторжнымъ, то онъ не обязанъ былъ ему кланяться, однакоже, не думая долго, Треповъ велѣлъ его высѣчь. Къ стыду и позору своему Александръ II прикрылъ Трепова своимъ одобреніемъ. Несчастный въ своемъ заключеніи не могъ отомстить за оскорбленіе, нанесенное не только ему, но, въ его лицѣ, всему образованному классу. Александръ II имѣлъ безстыдство сказать всему образованному классу, что онъ не огражденъ отъ розогъ со стороны негодяевъ, произведенныхъ имъ въ генералы. Нашелся мститель за всѣхъ, и Треповъ былъ смертельно раненъ.

Глава тринадцатая.

Терроризмъ и Александръ II-ой.

1.

Трудно было найти дѣвушку болѣе простодушную, мягкосердечную и добрую, чѣмъ Засуличь. Если бы кто нибудь мнѣ сказалъ, что она проглотила живую устрицу, я бы весьма усомнился въ возможности такого факта; а если бы кто нибудь сталъ утверждать, что она съѣла цыпленка, котораго вскормила, то я безъ малѣйшаго колебанія отвергъ бы справедливость такаго показанія. У ней на душѣ всегда было такое множество страдальцевъ, что у ней никогда въ жизни кромѣ долговъ и плохаго платья ничего не бывало; только ей въ руки попадали деньги, она немедленно все раздавала и жила всегда въ долгъ. Горячность ея къ людямъ, которыхъ она уважала за ихъ образъ мыслей, была почти безпримѣрная.

Мы видѣлись съ ней только нѣсколько разъ въ жизни, однакоже, когда она услыхала, что я нахожусь въ опасности, она прискакала въ шенкурскій уѣздъ и привезла фальшивые виды для моего спасенія; въ такомъ героическомъ средствѣ я даже и не нуждался. Всѣмъ была извѣстна энергія и пылъ, съ которыми она защищала людей противъ эксплуатаціи или обмана. „Надо напустить на него Засуличь“, говорили про человѣка, который поступалъ эгоистично и черство. Засуличь вцѣплялась въ такого человѣка и не выпускала его изъ своихъ когтей до тѣхъ поръ, пока онъ не исправлялъ своихъ дурныхъ поступковъ. Въ жизни своей она была очень несчастна, всѣ люди, милые ея сердцу, подвергались каторжнымъ работамъ, тюремному заключенію, ссылкамъ; мужъ ея сестры измученъ былъ такими истязаніями, что лишилъ себя жизни въ каторжныхъ работахъ. Когда стало выясняться, что политическое движеніе не приведетъ къ цѣли, ею овладѣла безъисходная тоска, она была безутѣшна, и подобно многимъ и очень многимъ не видѣла цѣли въ своей жизни. Опасались, чтобы она не причислилась къ тѣмъ, которые наложили на себя руки. Она узнала о варварскомъ поступкѣ Трепова, о томъ возмутительномъ цинизмѣ, съ которымъ его приказаніе было исполнено, о тѣхъ издѣва-

тельствахъ, которыя позволяла себѣ стража по этому поводу въ отношеніи ко всѣмъ содержавшимся въ тюрьмѣ, о грубыхъ шуткахъ и намекахъ прислужниковъ, которыя доводили женщинъ и дѣвушекъ до истерики и обморка. Всѣхъ пересѣкутъ! кричали сторожа, когда заключенные громко выражали свое отчаянье. Засуличъ почти обезумѣла отъ этихъ разсказовъ. И никакой защиты, никакого спасенія! твердила она. Императоръ и его генералы всегда такъ будутъ поступать, пока на нихъ не будетъ острастки, а какая можетъ быть на нихъ острастка? — одна и только одна! И вотъ, Засуличъ, неспособная видѣть кровь зарѣзаннаго цыпленка, которая рыдала на взрыдъ при видѣ страданій животнаго, рѣшается убить человѣка. Она не рѣшается, она просто дѣйствуетъ подъ вліяніемъ неодолимаго импульса. Ей даже некогда подумать о томъ, что для Трепова отсюда могутъ произойти страданія, еще менѣе для нея возможно остановиться на тѣхъ истязаніяхъ, которыя ожидаютъ ее за ея поступокъ. Отъ находившихся у ней въ перспективѣ пытокъ даже у смѣлаго человѣка волосы стали бы дыбомъ, но она объ нихъ ни разу и не подумала. Отчаянье политическихъ, сидѣвшихъ въ тюрьмахъ, безвыходное ихъ положеніе, беззащитность отъ гнуснаго глумленія и отъ жестокостей до такой степени

заполнили все ея существо, что она ни о чемъ другомъ не могла думать; она сама не замѣтила, какъ выстрѣлила въ Трепова, не замѣтила наглаго обращенія съ нею, которое за этимъ послѣдовало, и опомнилась только тогда, когда все было кончено. Взрывъ всеобщаго восторга послѣдовалъ въ Россіи, когда разнеслась вѣсть о поступкѣ Засулича. Всѣ образованные люди, начиная отъ министровъ, отъ первыхъ и до послѣднихъ, должны были отдавать справедливость героизму и душевному величію Засулича. Своимъ поступкомъ она спасала весь образованный классъ. Правительство обладало произволомъ, какого администрація не имѣла ни въ одной цивилизованной странѣ. По самому ничтожному поводу и даже безъ всякаго повода, она могла арестовать всякаго, кого ему вздумается, держать въ тюрьмѣ, сколько ему желательно, ссылать въ такія мѣста, которыя ужаснѣе внутренностей Африки. По одному своему капризу оно могло разрушить желѣзное здоровье и довести до медленной и мучительной смерти кого ему угодно; оно могло доводить людей до самоубійства. И всего этого ему было мало, ему нужно было еще деморализовать солдатъ и низшій классъ, привыкшій смотрѣть на образованнаго человѣка съ уваженіемъ, какъ на существо естественно стоящее выше его,

слушать его и повиноваться ему; ему нужно было внушать этимъ грубымъ людямъ мысль, что они могутъ глумиться, потѣшаться, сѣчь образованныхъ людей; ему нужно было разнуздывать чернь. Слава Засуличъ за то, что она показала ему, что такія гнусности не могутъ сходить безнаказанно съ рукъ, была у всѣхъ на устахъ. Александръ Пой былъ пристыженъ ею, какъ мальчишка, который стянулъ у торговки пряникъ и былъ пойманъ на мѣстѣ преступленія. Онъ вынужденъ былъ загладить свою вину уступками общественному мнѣнію. Послѣ долгаго времени въ первый разъ производился правый, самостоятельный и публичный судъ безъ подтасовокъ надъ политической преступницей. Засуличъ была оправдана, ни одному артисту, ни одному писателю не было сдѣлано такихъ овацій, какими встрѣчена была эта героиня послѣ ея оправданія. Пресса ликовала, администрація пыталась было тайно захватить ее и удалить въ ссылку, но это ей не удалось, — Засуличъ спасена была за границу. Послѣ этого императору преподнесена была картинка жизни одного изъ любимыхъ имъ генераловъ, ему было показано, что̀ выходитъ изъ его манеры ограждать своихъ любимцевъ отъ обличенія. Онъ считалъ Трепова честнѣйшимъ и преданнѣйшимъ изъ своихъ слугъ, неусыпнымъ окомъ, охраняющимъ

его безопасность. Оказалось, что онъ бездѣятельный пьяница и шарлатанъ, дѣйствительно очень ловко умѣющій пускать пыль въ глаза, но за то тѣмъ болѣе зловредный. Корыстолюбіе его не имѣло предѣловъ, онъ все время былъ занятъ изобрѣтеніемъ разныхъ хитросплетеній для добыванія себѣ незаконной наживы. Одну изъ самыхъ ловкихъ его выдумокъ составляла стачка съ петербургскими торговцами. У нихъ въ рукахъ скоплялись негодные остатки гнилыхъ дровъ, затхлаго хлѣба и другихъ испорченныхъ припасовъ, которые занимали у нихъ мѣсто и требовали новыхъ издержекъ на удаленіе и уничтоженіе. Треповъ покупалъ всю эту дрянь для снабженія бѣдныхъ дешевымъ топливомъ и прочее. Такимъ образомъ онъ у несчастныхъ голодающихъ и холодающихъ выманивалъ послѣднія деньги, чтобы снабжать и отравлять ихъ товаромъ, который онъ по своей обязанности градоначальника долженъ былъ бы подвергать уничтоженію. Подобными путями онъ въ Варшавѣ и Петербургѣ нажилъ себѣ громадное состояніе, да еще сверхъ того заставлялъ кричать въ газетахъ о своей благодѣтельной дѣятельности. Никто изъ знавшихъ Трепова не сомнѣвался, что онъ одинъ изъ первостепенныхъ взяточниковъ и плутовъ въ Россіи, но когда всплыло наружу все, что онъ дѣлалъ,

даже и его друзьямъ пришлось пожимать плечами отъ удивленія. Императоръ былъ пораженъ; та смертельная рана, которую нанесла ему Засуличь своимъ выстрѣломъ, была ничто по сравненію съ раной, нанесенной его чести. Прости служебная карьера, прощайте честолюбивые виды! — будущее для него погибло навсегда: кромѣ презрѣнія и отвращенія онъ теперь никому ничего не внушалъ.

2.

За первымъ ударомъ послѣдовалъ второй; среди бѣлаго дня публично на улицѣ былъ убитъ Мезенцевъ холоднымъ оружіемъ. Совершившій это дѣло вскочилъ на заранѣе приготовленную пролетку и уѣхалъ не торопясь на виду у всѣхъ. Никакіе полицейскіе розыски не помогли, имя его до сихъ поръ не извѣстно публикѣ. Мезенцевъ былъ шефомъ жандармовъ. Должность шефа жандармовъ была щекотливая, люди съ возвышенными чувствами устраняли ее отъ себя. Императоры всячески ухитрялись, чтобы позолотить пилюлю. Николай старался придать этой должности видъ утѣшителя скорбящихъ: назначая шефа жандармовъ, онъ передалъ ему платокъ, которымъ

онъ долженъ былъ утирать слезы вдовъ и сиротъ; той же политики держался вначалѣ и Александръ Ной. Пытались и другимъ способомъ облагородить эту дѣятельность. Дѣлалось раздѣленіе между жандармами и третьимъ отдѣленіемъ. Жандармы обыкновенная конная полиція, которая преслѣдуетъ всякія преступленія: корчемство, контрабанду и пр. Они, подобно полицеймейстерамъ и исправникамъ, имѣютъ сыщиковъ и т. д. Третье же отдѣленіе — это такое учрежденіе, которое требуетъ отъ служащихъ въ немъ высшихъ государственныхъ способностей. Начальникъ третьяго отдѣленія долженъ приводить въ извѣстность настроеніе общественнаго мнѣнія въ странѣ, онъ долженъ былъ быть ближайшимъ совѣтникомъ императора въ дѣлахъ внутренней политики; поэтому онъ и поставленъ былъ выше министровъ. Всѣ эти хитросплетенія ни къ чему не привели; шефъ жандармовъ, какъ былъ, такъ и остался начальникомъ шпіоновъ и ничѣмъ болѣе. Потаповъ думалъ было облагородить это вѣдомство, но ожесточилъ этимъ противъ себя жандармовъ и только; жандармскіе полковники и генералы были слишкомъ неразвиты и бездарны, чтобы разъяснять правительству настроеніе общественнаго мнѣнія. Должность шефа жандармовъ брали на себя и лица, принадлежавшія къ государственнымъ

людямъ, но всегда самые безцеремонные между ними, въ родѣ князя Орлова. Князь живо напоминалъ собою знаменитое въ русской исторіи семейство Орловыхъ, къ которому принадлежалъ убійца императора Петра III-го и претендовавшей на русскій престолъ княжны Таракановой, сначала имъ соблазненной, а потомъ предательски привезенной въ Петербургъ. Даже знаменитый Муравьевъ до такой степени презиралъ жандармовъ, что когда къ нему посылали съ рекомендательнымъ письмомъ лицо, которое онъ считалъ негодяемъ, онъ писалъ на боку резолюцію: „можетъ быть принятъ, но только по жандармскому вѣдомству.“ — Въ то время, когда хожденіе въ народъ было въ полномъ своемъ развитіи, отъ шефа жандармовъ требовались такія дѣйствія, на которыя никто не соглашался, и пришлось обратиться къ такому человѣку, какъ Мезенцевъ. Мезенцевъ съумѣлъ деморализовать даже жандармское вѣдомство. Существовало скандалезное дѣло Мясниковыхъ, гдѣ изъ корыстныхъ видовъ совершались убійства, подлоги и другія преступленія, — это дѣло въ обществѣ называлось дѣломъ Мезенцева. Когда послѣ его смерти стали выгонять лицъ, которымъ онъ покровительствовалъ, то обнаружились чудеса. Одного изъ этихъ бывшихъ жандармовъ я зналъ въ костромскомъ земствѣ. Онъ увѣрялъ

меня, что онъ былъ другомъ Мезенцева и даже когда то жилъ съ нимъ въ одной комнатѣ. Этого человѣка при мнѣ въ Костромѣ обличали въ томъ, что онъ въ одномъ случаѣ взыскалъ деньги по подложному документу, а въ другомъ присвоилъ себѣ деньги, ввѣренныя ему на храненіе. Муравьевъ своей жестокостью набросилъ мрачную тѣнь на царствованіе Александра IIго, а Мезенцевъ загрязнилъ его. Государственные люди находили, что убійство Мезенцева будетъ имѣть, по крайней мѣрѣ, то несомнѣнное достоинство, что императоръ будетъ впредь осторожнѣе въ выборѣ своихъ сановниковъ и не будетъ имъ давать въ товарищи людей, которыхъ жизнь заклеймена преступленіями. Послѣ того, какъ онъ назначенъ былъ шефомъ для того, чтобы совершать тѣ жестокости, на которыя никто другой не рѣшался, мнѣ нѣтъ надобности распространяться о причинахъ, которыя побудили къ такому рѣзкому съ нимъ поступку. Нужно было много ужасныхъ смертей, чтобы вызвать эту одну смерть. Съ русскими, уходившими для пропаганды въ народъ, расправлялись очень жестоко, но всетаки не доходили до тѣхъ геркулесовыхъ столбовъ безчеловѣчія, которому подвергались поляки во время ихъ вооруженныхъ возстаній. Послѣ покушенія на Трепова и убійства Мезенцева

немедленно дошли до такой же расправы, но за то же и ревелюціонеры стали защищаться оружіемъ. Оказался результатъ совершенно неожиданный. Революціонеры не только не испугались всей надвинувшейся на нихъ силы, но до такой степени напугали правительство, что оно малодушно затрепетало. Тогда родилась мысль о возможности исторгнуть такимъ образомъ дѣйствія у правительства конституцію. Когда революціонеры проявили всю свою силу и неодолимость, волненіе въ обществѣ во много разъ увеличилось сравнительно съ тѣмъ, какое произведено было хожденіемъ въ народъ. Ихъ средства считали громадными, не сомнѣвались, что подъ вліяніемъ всеобщаго возбужденія въ скоромъ времени разразится революція. Конечно революція встрѣчена была бы дѣятелями борьбы съ большимъ восторгомъ; революція произвела бы давно и страстно желанный соціальный переворотъ въ Россіи. Къ соціальному перевороту стремились не только тѣ люди, которыхъ теперь стали называть террористами, потому что они напугали и терроризировали правительство; желаніе вызвать соціальный переворотъ было главнымъ источникомъ того энтузіазма, который побудилъ такое большое число лицъ идти въ народъ; но эти двѣ группы составляли ничтожное меньшинство желавшихъ переворота. Я уже выше

говорилъ, что соціальный переворотъ въ Россіи вовсе не представлялъ изъ себя того страшилища, какимъ онъ казался на западѣ; никому онъ не грозилъ лишеніемъ имущества, онъ могъ привести только къ установленію новыхъ юридическихъ принциповъ, къ возвращенію народу того, что у него было отнято Александромъ IIмъ, и болѣе ни къ чему. Разумѣется, при насильственномъ переворотѣ многіе бы раззорились, но во всякомъ случаѣ размѣры раззоренія и число раззоренныхъ были бы значительно меньше, чѣмъ при освобожденіи крестьянъ. Конечно въ Польшѣ и въ остзейскомъ краѣ соціальная революція вызывала всѣ тѣ опасенія, какія существовали на западѣ, но въ Россіи это было не такъ. Поэтому соціальной революціи желало множество самыхъ умѣренныхъ людей; можно сказать, что до извѣстной степени она была всеобщимъ желаніемъ громаднаго большинства либеральнаго общества. Всѣ либеральные русскіе журналы неустанно пѣли на всѣ лады объ уравненіи крестьянскихъ надѣловъ и платежей, о власти земли и т. д. Даже либерально чопорный „Вѣстникъ Европы“ помѣстилъ на своихъ страницахъ пѣсню о Стенькѣ Разинѣ — этомъ праотцѣ соціальной русской революціи. Но революція не то, что междоусобная война; такія движенія, какъ революціи 1793 г., 1830 г. и 1848 г., составляютъ вне-

запный и единодушный взрывъ народа, ихъ никто не можетъ предвидѣть иногда даже за нѣсколько дней до ихъ наступленія; о томъ, чтобы кто нибудь ихъ могъ устроить, и говорить нечего. Было ясно также, что соціальнаго переворота помимо революціи не будетъ и быть не можетъ; если бы императоръ даже захотѣлъ его сдѣлать, то онъ не могъ бы его произвести; онъ встрѣтилъ бы неодолимое препятствіе въ тѣхъ, кто его окружали. Другое дѣло конституція. Конечно не бывало примѣра, чтобы конституція вынуждалась террором, наведеннымъ на государя и на государственныхъ людей, но съ другой стороны не бывало также примѣра, чтобы на высшіа сферы былъ наведенъ терроромъ такой страхъ, какой былъ наведенъ теперь. Отъ чего же не попытаться, можетъ быть удастся! Неограниченные государи нигдѣ не уступали требованію конституціи добровольно, всюду такое усовершенствованіе въ управленіи сопровождалось кровопролитіями и большими страданіями народныхъ массъ. Если бы нѣсколько смѣлыхъ людей могли сдѣлать это дѣло, рискуя только собою, чего же лучше; если бы дѣло было сдѣлано, а народъ избавленъ отъ всѣхъ страданій, сопряженныхъ съ возстаніемъ, ихъ бы стали превозносить, какъ благодѣтелей своего отечества. Мысль эта созрѣвала въ головахъ дѣятелей и

наконецъ превратилась въ рѣшимость. Изумленнымъ глазамъ исторіи представилось зрѣлище едва ли не безпримѣрное. Какихъ нибудь двѣсти человѣкъ схватились въ кровавый бой съ императоромъ могущественной имперіи, въ рукахъ котораго сосредоточивалось столько власти, сколько еще ни у одного государя не бывало. О западно-европейскихъ неограниченныхъ государяхъ и говорить нечего, ни у одного власть не доходила до такой безпредѣльности. Онъ былъ въ полномъ смыслѣ слова восточнымъ деспотомъ, и въ дѣйствительности былъ вомного разъ сильнѣе всякаго восточнаго властелина. Онъ имѣлъ въ своемъ распоряженіи милліонъ европейски вооруженнаго войска, бюджетъ, которымъ не обладалъ ни Тамерланъ, ни Чингисханъ, ни Ауренщебъ, о китайскихъ императорахъ и говорить нечего; онъ имѣлъ сильную и дисциплинированную бюрократію, полицію, организованную по новѣйшимъ образцамъ. Казалось, что ему достаточно будетъ сказать одно слово, и двѣсти мятежниковъ перестанутъ существовать. И вдругъ, о чудо! эта ничтожная горсть людей наводила на него страхъ. Когда происходило польское вооруженное возстаніе, онъ преспокойно жилъ въ своемъ дворцѣ и ждалъ, когда кончится дѣло, а когда оно кончилось, онъ столь-же спокойно раздавилъ мятежниковъ безжалостной рукой и

только. Мятежъ этотъ не потревожилъ его сна; кровь убитыхъ, крики измученныхъ, стоны умиравшихъ отъ страданій не потревожили его совѣсти. И вдругъ кучка людей, неуловимая, какъ тѣнь, страшная, какъ привидѣніе, мучительная, какъ кошмаръ, не давала ему покоя; она преслѣдовала его, какъ та совѣсть, которая должна была бы его преслѣдовать за польскія страданія и позабыла это сдѣлать. Его пугали все новые, неожиданные удары, и не было имъ конца. Ни днемъ, ни ночью онъ не могъ быть спокоенъ; противъ нихъ всѣ силы его правительства были безсильны. Какъ дамокловъ мечъ они постоянно висѣли у него надъ головою, онъ постоянно трепеталъ того мгновенія, когда этотъ мечъ сорвется и нанесетъ ему роковой ударъ; онъ жилъ и чувствовалъ, что вся сила его могущества не была въ состояніи отстранить этотъ мечъ отъ его головы. Не будучи въ состояніи поразить своихъ враговъ и деспотъ въ душѣ, онъ кинулся изливать свою злобу на невинныхъ. Безчисленное множество людей, которые не имѣли и тѣни возможности измѣнить что нибудь въ положеніи вещей, сдѣлались его жертвами.

3.

Преслѣдовались всѣ съ необузданной яростью. Пресса стонала; учебныя заведенія стали подвергаться гнету, который не имѣлъ еще для себя примѣра въ прошедшемъ; преподаватели превращены были въ настоящихъ шпіоновъ, они должны были развѣдывать о поведеніи учениковъ, наблюдать за тѣмъ, чтобы они не посѣщали публичныхъ библіотекъ, дѣлать у нихъ внезапные обыски, читать ихъ письма, появляться внезапно у нихъ на ихъ частныхъ квартирахъ и осматривать все, что у нихъ было подъ замкомъ; если у нихъ оказывались книги либеральнаго содержанія, то безъ церемоніи отбирать ихъ. Имѣть публичныя библіотеки могли только консерваторы; публиковались длинные списки дозволенныхъ цензурою и въ теченіе многихъ лѣтъ свободно обращавшихся книгъ, которыя нельзя было имѣть въ публичныхъ библіотекахъ. Народное просвѣщеніе бичевалось поминутно новыми стѣснительными законами. Земство сжато было въ такихъ тискахъ, что оно даже ничтожнаго писца не могло назначить безъ согласія мѣстной администраціи и всякаго должно было удалять по первому ея слову. Жандармы стали проповѣдывать вновь изобрѣтенную ими теорію. Они увѣряли, что граждане не должны смотрѣть

на обыскъ, какъ на нѣчто для себя непріятное; обыскъ можетъ быть у всякаго, даже у жандармскаго полковника; онъ дѣлается вовсе не для того, чтобы уличить человѣка въ преступленіи, а просто для того, чтобы опредѣлить степень благонамѣренности человѣка и его преданности престолу. Преданный престолу и благонамѣренный человѣкъ долженъ быть радъ обыску, прочтеніе тайныхъ его бумагъ обнаружитъ его добродѣтель и возвыситъ его въ глазахъ всѣхъ. Съ тѣми, кого оно подозрѣвало въ радикализмѣ, правительство поступало такъ, будто оно лишилось разсудка и бѣсновалось. Въ тѣ грубыя времена, когда постоянно совершались государственные перевороты, Меньшиковъ, подозрѣваемый въ покушеніи на императорскій престолъ, былъ сосланъ въ Березовъ, а правительница Анна Леопольдовна, свергнутая съ престола Елизаветой, была сослана въ Холмогоры. Березовъ и Холмогоры считались тогда самыми ужасными мѣстами ссылки. Говорили, что въ Березовѣ, въ теченіе третьей части года, нельзя употреблять ртутнаго термометра, такъ какъ температура ниже точки замерзанія ртути; морозы тамъ такъ сильны, что человѣку, не привыкшему къ сибирскому климату, невозможно тамъ дышать. Николай для скопцовъ нашелъ мѣсто еще болѣе ужасное: Туруханскъ на нижнемъ теченіи Енисея.

Говорили, что скопцовъ ссылаютъ туда на смерть. Александръ Ной сдѣлалъ въ этомъ смыслѣ много географическихъ открытій. Онъ сталъ ссылать въ Мезень на полярномъ кругѣ, гдѣ зимою ночь продолжается отъ 22хъ до 24хъ часовъ; когда ему показалось этого мало, онъ сталъ ссылать въ Нарымъ и въ Сургутъ на Оби, гдѣ жители, отъ невозможности подвезти своевременно хлѣбъ, попадаютъ въ такое же отчаянное положеніе, какъ жители крѣпостей, которыхъ голодомъ принуждаютъ сдаться. Теперь въ разгаръ терроризма всѣ подобныя пытки, отъ которыхъ люди умирали, какъ мухи, казались ничтожными и совершенно недостаточными. Придумали ссылать въ сказочный Обдорскъ, который лежалъ близко устья Оби, значительно сѣвернѣе Березова. Обдорскъ, пугающій даже сибиряковъ, рисуется въ ихъ воображеніи, какъ замораживающій человѣка адъ. Сибиряку нужно большое мужество, чтобы рѣшиться туда ѣхать. Тамъ могутъ жить только кочующіе Остяки, которые питаются сырой рыбой, люди нашего племени умираютъ тамъ отъ цынги или задыхаются отъ холоду. Даже Остяковъ, питающихся сырой рыбой, тамъ всего нѣсколько десятковъ. Несчастные люди тамъ вымираютъ и вновь набираются, загнанные отчаяньемъ, чтобы эксплуатировать мерзлую пустыню. Правительство

не остановилось и на этомъ, оно выдумало такой способъ мучить людей, до котораго даже испанская инквизиція не доходила. Людей стали ссылать къ сѣвернымъ дикарямъ, въ такія мѣста, гдѣ о жилomъ домѣ не имѣли и понятія. При страшныхъ сибирскихъ морозахъ, отъ которыхъ птицы замерзали массами на лету, политическіе должны были жить въ юртахъ якутскихъ дикарей; эти жилища дикихъ людей, самаго низкаго уровня цивилизаціи, не имѣли оконъ а только отверстія, въ которыхъ вставлены были льдины; согрѣться можно было только у пылающаго очага, во время бури и мятели снѣгъ попадалъ въ юрту и тушилъ огонь; если они погибали отъ неудовлетворенной потребности, о которой дикарь не имѣлъ и понятія, они не могли найти себѣ помощи, такъ какъ ближайшіе ихъ сосѣди изъ политическихъ были отдѣлены отъ нихъ не десятками, а сотнями верстъ. Послѣ этого правительство могло сдѣлать только одинъ шагъ далѣе, поселять политическихъ вмѣстѣ съ медвѣдями и разсамахами; удивительно, какъ оно его не сдѣлало: стоило приказать вывозить политическаго въ безлюдную пустыню, привязывать тамъ къ дереву и оставлять одного. И кто же подвергался такому обращенію? Когда правительство лишилось разсудка отъ страха и злобы, тогда чиновники

состязались въ изобрѣтеніи новыхъ категорій лицъ, которыхъ можно было отдать подъ надзоръ полиціи. Когда отданы были подъ надзоръ полиціи всѣ, на кого хотя какая нибудь тѣнь подозрѣнія могла падать, тогда стали отдавать и такихъ, на которыхъ не только никакого подозрѣнія не падало, но о которыхъ было хорошо извѣстно, что они ни въ какія политическія дѣла не мѣшаются и образа мыслей не только самаго умѣреннаго, но даже консервативнаго; такимъ образомъ попадали подъ надзоръ родственники, жившіе подъ одной крышей съ подозрѣваемымъ. Всякій изъ этихъ лицъ могъ быть отправленъ въ ссылку, не смотря на все усердіе, съ какимъ онъ желалъ избавить себя отъ подозрѣній; матерей изгоняли изъ дому и оставляли безъ пріюта на улицѣ своихъ дѣтей и малолѣтнихъ внуковъ и все-таки не отстраняли отъ своей головы подозрѣній. При такомъ условіи попадали въ ссылку лица, у которыхъ въ квартирѣ ночевалъ нелегальный, хотя они объ этомъ ничего не знали и т. д. Если подобное лицо не могло вынести своего положенія и рѣшалось бѣжать, тогда оно прямо отсылалось въ тѣ тундры, о которыхъ я только что говорилъ. По вновь сочиненному закону, всякій бѣжавшій изъ ссылки отправлялся послѣ поимки въ якутскую область. Всѣ эти законы и распоряженія ни

на одинъ волосъ не улучшали положенія императора и окружавшихъ его. Конечно, онъ могъ утѣшать себя сознаніемъ, что онъ имѣлъ возможность заставить трепетать всю Россію въ то время, когда онъ самъ трепеталъ. Несчастныя жертвы, которыхъ терзали и мучили на всѣ лады, не имѣли и тѣни вліянія на тѣхъ, которые дѣйствовали. Онѣ должны были изнывать и погибать отъ неслыханныхъ дотолѣ мученій, оставляя за собою только слезы тѣхъ, которые ихъ любили и которые сиротѣли послѣ ихъ гибели. Всѣ эти мѣры увеличивали число самоубійствъ, и только Россія волновалась и шумѣла, и бурная волна хлестала императору въ лицо, пока онъ не скрылся въ трюмъ. Съ виду весь этотъ шумъ направленъ былъ противъ террористовъ, всѣ громко и единодушно высказывали свое негодованіе и свое отвращеніе къ нимъ, всѣ восторженно восхваляли императора и воскуривали ему фиміамъ своей преданности. Но за этими неприступными и благоухающими стѣнами трюма и его каюты свисталъ совсѣмъ иной вѣтеръ, въ непроглядномъ мракѣ ночи яростно кидалась на стѣны морская волна и съ ревомъ перекатывалась надъ головой императора и потолкомъ его помѣщенія. Въ минуты его тревожнаго сна она громко била въ окно, онъ съ бьющимся сердцемъ ждалъ того мгновенія, когда

окна разлетятся въ дребезги, разъяренный океанъ ворвется въ его каюту, подхватитъ его и увлечетъ въ свою пучину на вѣки. Еще недавно Толстой, Катковъ и окружавшая государя клика отъявленныхъ реакціонеровъ увѣряла его, что онъ подъ ихъ охраною можетъ спать самымъ безмятежнымъ сномъ. Убѣжденная въ необходимости своего существованія для императора, она жадно расхватывала и раздѣляла между собою казенное добро и земли, покинутыя бѣжавшими отъ ея преслѣдованій людьми. Иногда она нѣжно и преданно упрекала своего властелина за то, что онъ по мягкости своего сердца позволилъ себя убѣдить въ чрезмѣрной жестокости Муравьева и убилъ его тѣмъ, что отвернулся отъ него. Теперь они чувствовали, что довѣріе къ нимъ поколебалось, они съ бездонной изобрѣтательностью придумывали все новыя истязанія для несчастныхъ русскихъ людей, но каждое новое проявленіе звѣрства приносило за собою только новое пораженіе — милый имъ Мезенцевъ, восхищавшій ихъ Треповъ не могли охранить даже самихъ себя! Каждый день государь встрѣчалъ ихъ съ лицомъ все болѣе омраченнымъ; „Московскія Вѣдомости“, которыя онъ читалъ съ такимъ вниманіемъ и съ такой жадностью, стали внушать ему недовѣріе и наконецъ отвращеніе.

Глава четырнадцатая.

Смерть царя. Оцѣнка положенія.

1.

Существовало одно учрежденіе, на которое императоры могли полагаться вполнѣ, — то было придворное вѣдомство. Оно составляло наслѣдственную касту съ глубоко укоренившимися традиціями. Какъ настоящая каста, люди этого вѣдомства отъ рожденія воспитывались въ особыхъ, ими одними усвоенныхъ идеяхъ. Императоры любили встрѣчать кругомъ себя все тѣ же знакомыя лица. „Терпѣть не могу новыхъ рожъ,“ говорилъ императоръ, когда онъ встрѣчалъ незнакомое ему лицо въ придворной формѣ. По традиціи они обкрадывали своего государя немилосердно, а государь смотрѣлъ на это сквозь пальцы. Когда съ императора Николая взяли два съ половиною фунта за горшокъ каши, который стоитъ три

пенса, онъ хохоталъ надъ дороговизной императорской каши. Они осмѣливались даже наказывать государя, когда онъ хотѣлъ вольнодумствовать; Александра IIго накормили гнилымъ яблокомъ, когда онъ вздумалъ выбрать для себя поставщика фруктовъ. Онъ смѣясь перенесъ наказаніе и еще крѣпче увѣровалъ въ преданность своихъ придворныхъ слугъ. Вдругъ и этотъ послѣдній оплотъ палъ. Террористъ успѣлъ зачислиться въ его придворный штатъ и произвести взрывъ въ зимнемъ дворцѣ въ ту самую минуту, когда государь въ немъ находился. Спасеніемъ своей жизни онъ обязанъ былъ только случайности. Тотлебенъ, опытнѣйшій изъ русскихъ минеровъ, утверждалъ, что сдѣлавшій это дѣло имѣлъ возможность взорвать весь дворецъ, и что если онъ этого не произвелъ, то или по незнанію дѣла или потому, что онъ не хотѣлъ погубить такое большое количество людей. Императоръ утратилъ послѣднюю вѣру въ тѣхъ реакціонеровъ, которые его увѣряли, что онъ живетъ за ними, какъ за каменными стѣнами, и которые такъ усердно его обирали на этомъ основаніи. Отъ самаго своего рожденія онъ раздѣлялъ съ ними непоколебимую вѣру въ жестокость, какъ въ орудіе, которое неизбѣжно приводитъ къ цѣли. И, о Боже, эта вѣра въ немъ поколебалась; жестокость доведена была до крайнихъ пре-

дѣловъ звѣрства, а панацея всетаки не дѣйствовала. Туча надвигалась систематически и грозно, и единственное средство отвратить грозу, въ которое онъ вѣрилъ, измѣнило ему безвозвратно. Онъ искалъ другого исхода и не находилъ его, отчаянье готово было охватить его. Неожиданно и крайне удачно Лорисъ-Меликовъ взялъ либеральную ноту. Почему эта либеральная нота произвела такое потрясающее дѣйствіе на императора, очень трудно сказать. Чѣмъ былъ Лорисъ-Меликовъ для русскаго общества вообще! — Какимъ то неизвѣстнымъ генераломъ и больше ничѣмъ. Чѣмъ онъ былъ для либеральнаго общества? Онъ былъ окончательно и вполнѣ чуждъ ему и по духу своему и по своимъ идеямъ; корней въ этомъ обществѣ онъ не имѣлъ ровно никакихъ. Зналъ онъ, по крайней мѣрѣ, это общество, могъ онъ воздѣйствовать на него своимъ знаніемъ его стремленій? — Объ этомъ обществѣ онъ имѣлъ одно туманное представленіе, онъ былъ вполнѣ неспособенъ проводить политику, которая могла бы воодушевить его и привлечь къ нему. Кромѣ того всякому было извѣстно, что все общество, какъ либеральное, такъ и консервативное, во всемъ этомъ движеніи никакой существенной роли не играло. Оно было просто зрителемъ о двухъ лицахъ; одно лицо, негодующее противъ злоумышлен-

никовъ, обращено было къ императору, императоръ смотрѣлъ на него и не вѣрилъ ему; другое, удивленное и ошеломленное, жадно смотрѣло въ туманную даль и ждало происшествій, чтобы съ ними сообразовать свою дѣятельность. Зналъ онъ ту среду, откуда все это волненіе исходило; зналъ онъ, какъ на нее воздѣйствовать, чтобы достигнуть своей цѣли? Ничего онъ объ этой средѣ не зналъ, даже и тѣни отдаленнаго понятія не имѣлъ. На какомъ же основаніи взялся онъ управлять государствомъ? — А на томъ основаніи, на какомъ всякій русскій генералъ берется за всякое дѣло: „авось кривая вывезетъ“. — Прекрасно, но теперь спрашивается: на какомъ основаніи ему дали управлять государствомъ? — Та сфера, которая окружала императора, жила, конечно, въ Россіи, но о русскихъ ровно ничего не знала и не чувствовала потребности знать. Она управляла страною при Александрѣ Имъ такъ же, какъ управляла при Николаѣ. Она знала, что для нея очень важно умѣть интриговать при дворѣ; что же касается до страны и ея желаній, то объ этомъ нечего заботиться, развѣ для виду; страна покорится всякой политикѣ. Неожиданно оказалось, что въ странѣ явились люди, которые съумѣли сдѣлаться страшными — сфера растерялась. Она долго вѣрила въ непреложную мудрость Тол-

стого и даже Трепова, но Треповъ споткнулся такъ, что не могъ болѣе встать, а Толстой съ своей проницательностью сталъ возбуждать одинъ смѣхъ. Въ виду новыхъ фактовъ ничего не стоило обличить его невѣжество, онъ долженъ былъ выйти въ отставку, и невѣжество это обрисовалось самыми яркими красками. По выходѣ въ отставку онъ сталъ балотироваться въ земствѣ и, увы, — былъ забалотированъ. Представьте себѣ, что въ Англіи министръ, который долго былъ душою министерства и управлялъ страною, по причинамъ ни въ чемъ и нисколько не марающимъ его чести, устранился отъ политики и пожелалъ занять ничтожную должность по выборамъ общины напр. члена воспитательнаго совѣта въ городкѣ или въ деревнѣ, которую онъ долго и славно представлялъ во главѣ управленія могущественной Великобританіи — возможно ли, чтобы этотъ городокъ или эта деревня отказали ему принять его въ составъ своего школьнаго совѣта? — Конечно, невозможно! Чтобы въ Англіи многіе годы пробыть душою министерства, надо обладать рѣдкимъ знаніемъ населенія, его чувствъ и стремленій, и лучше всѣхъ конечно такой государственный человѣкъ знаетъ своихъ избирателей. Они долго имъ гордились, и теперь сочтутъ для себя за величайшую честь, если онъ пожелаетъ посвятить себя ихъ

маленькимъ мѣстнымъ дѣламъ. Въ Англіи не тотъ управляетъ, кому случайно сочувствуетъ императоръ, а тотъ, кому сочувствуетъ общественное мнѣніе. Вотъ почему въ Англіи ненавистный обществу министръ не можетъ считать себя популярнымъ, а въ Россіи это вполнѣ возможно. Толстой могъ вполнѣ обмануться тѣми восторженными пріемами, которые ему дѣлались, когда онъ былъ во власти, и считать себя популярнымъ тамъ, гдѣ онъ былъ ненавистенъ. Онъ былъ министромъ потому, что нравился императору, хотя императоръ поступалъ очень легкомысленно, ввѣряя ему министерство. Если Толстой нравился Александру III-му, то Лорисъ-Меликовъ до такой степени восхитилъ его, что онъ задумалъ создать для него должность великаго визиря и въ этомъ случаѣ показалъ такое же легкомысленное и ни на чемъ не основанное увлеченіе. Лорисъ-Меликовъ сдѣлался великимъ визиремъ и съ первыхъ же шаговъ показалъ, что онъ окончательно не знаетъ, какъ взяться за дѣло. Онъ никого не удовлетворилъ и не способенъ былъ удовлетворить; все осталось по прежнему и терроризмъ продолжался. Ужасная катастрофа, передъ которой такъ трепеталъ Александръ II-ой, наступила, Россію облетѣла телеграмма о смерти государя. Германскій императоръ могъ только сказать: „и конвой не помогъ“!

2.

Между убійствомъ Линкольна и убійствомъ Александра IIго такая же противуположность, какъ между убійствомъ Гракха и Цезаря. Первое произошло изъ мести за освобожденіе рабовъ и за стремленіе къ эманципаціи народа, а послѣднее было ударомъ, нанесеннымъ самовластію, оно порождено было надеждой достичь конституціи. Но они имѣютъ общее въ томъ отношеніи, что и въ первомъ и во второмъ случаѣ дѣйствовали на-вѣрняка — и тотъ и другой были такъ обставлены, что они никакимъ образомъ не могли избѣжать удара. Александръ IIой долго и систематически преслѣдовался, одна неудачная попытка слѣдовала за другою; нужно было продолжительное и упорное упражненіе, для того чтобы довести все до такого совершенства, что выполненіе плана сдѣлалось неизбѣжнымъ. Но не это главное; главное заключалось въ томъ, что слѣдствіемъ было вполнѣ выяснено, что дѣло это именно потому дало такой результатъ, что въ немъ участвовали люди выдающагося развитія и выдающейся интеллигентности. Люди выдающейся интеллигентности нерѣдко брались изъ личныхъ выгодъ и интересовъ за очень мерзкія и грязныя дѣла; участіе подобныхъ людей въ такомъ случаѣ

ничего, кромѣ низости ихъ характера не доказываетъ. Но если люди съ свѣтлымъ умомъ и современнымъ взглядомъ на вещи самоотверженно рискуютъ своей жизнію въ отчаянной борьбѣ съ кѣмъ нибудь, то это несомнѣнно доказываетъ, что этотъ кто нибудь дѣлаетъ тяжкое зло тому, кому приносится жертва. Что думала Россія послѣ той минуты, когда во всѣ ея концы разнесена была знаменательная телеграмма? — Я не спрашиваю о томъ, что она писала и что говорила; — это вовсе не интересно знать; — извѣстно, что въ подобныя минуты она пишетъ и говоритъ совсѣмъ не то, что она думаетъ. — Нѣтъ, что она думала? Что нашептывали другъ другу люди, вполнѣ вѣрящіе одинъ другому въ то время, когда никто ихъ не могъ слышать? Я могу вамъ разсказать объ этомъ со словъ одного консерватора, остроумца и любителя русской исторіи. Онъ говорилъ всегда загадками, его слова можно было всегда истолковать во всѣ стороны; однимъ словомъ, онъ говорилъ такъ, какъ обыкновенно говорятъ русскіе бюрократы. Когда во время франко-русскаго союза, полякъ генералъ, возвратившійся изъ дворца, воскликнулъ: „прекрасная пѣсня марсельеза“; — онъ отвѣтилъ: „я знаю, генералъ, другую, то же прекрасную пѣсню: ‚Боже цось польске.“ — „Мы не турки,“ сказалъ онъ мнѣ однажды, „мы

стремимся къ прогрессу; мы способны къ прогрессу, — о, я въ этомъ не сомнѣваюсь. Турки убиваютъ своихъ султановъ, еще недавно одного убили, но у нихъ изъ этого ровно никакого прогресса не выходитъ. И мы убиваемъ нашихъ государей, свергаемъ ихъ съ престола такъ же, какъ турки; но у насъ другое дѣло, у насъ выходитъ изъ этого прогрессъ. Мы давно такъ прогрессируемъ, отъ самой смерти Федора Алексѣевича. Въ теченіе послѣдняго столѣтія мы такъ же успѣшно подвизаемся на этомъ поприщѣ, какъ и прежде. Царедворцы убили Павла, вступилъ Александръ; по смерти Александра они сдѣлали государственный переворотъ, свергли съ престола Константина и посадили Николая, а Константинъ что-то скоро послѣ этого умеръ. Когда умеръ Николай, народъ сбѣжался на дворцовую площадь, по Петербургу разнесся слухъ, что царедворцы Николая отравили — мы такъ привыкли, что намъ не вѣрилось, что государь можетъ умереть безъ помощи царедворцевъ. И чтоже? — изъ этого [illegible] царедворцевъ произошелъ прогрессъ. Въ [illegible]жнія времена, когда императрица была недовольна придворной дамой, она била ее публично по щекамъ, рвала за волосы, приказывала выдрать или отодрать кнутомъ; государственныхъ людей, когда были ими недовольны, безъ церемоній ссылали въ

Сибирь. Теперь, если государь недоволенъ своимъ министромъ, онъ даетъ ему чинъ, орденъ, пишетъ ему рескриптъ, назначаетъ ему пенсію и выпускаетъ его въ отставку. Царедворцы превратили для себя деспотическую имперію въ цивилизованную монархію. Теперь съ интеллигенціей поступаютъ такъ же, какъ поступали съ царедворцами, ну, и интеллигенція убила царя. Что же? это тоже прогрессъ! Можетъ быть и съ вами государи станутъ поступать такъ же, какъ поступаютъ съ царедворцами. Цареубійство спустилось изъ высокой сферы въ болѣе низкую, точно такъ же, какъ власть на западѣ изъ придворныхъ сферъ спустилась до народа — вѣдь это былъ прогрессъ!“ — Ударъ былъ сильный, весь цивилизованный міръ обратилъ на него напряженное вниманіе; какъ у всякаго громкаго дѣла, явились подражатели. Но вотъ движеніе, вмѣсто того, чтобы разростаться и развиваться, стало утихать. Александръ III приписалъ такой результатъ своему министру Толстому. Это сдѣлала его непоколебимая твердость, какъ онъ выразился въ своемъ рескриптѣ. На чемъ основано было такое высокое мнѣніе о Толстомъ? — Я думаю на томъ же, на чемъ было основано высокое мнѣніе Александра II о Лорисъ-Меликовѣ — на легкомысліи. На счетъ тѣхъ, кто не могъ имѣть никакого вліянія на

центръ движенія, Толстой упражнялся въ сугубой жестокости; но мы видѣли уже выше, что такія упражненія не имѣли никакого значенія ни для развитія, ни для упадка движенія. Спрашивается: измѣнилъ Толстой въ чемъ нибудь тѣ условія, въ которыхъ это движеніе производилось прежде? Дѣлались строжайшія распоряженія на счетъ паспортовъ и видовъ. Для путешественниковъ, никогда ни въ какихъ политическихъ движеніяхъ не участвующихъ, приставаніямъ и непріятностямъ не было конца; полицейская переписка сильно раздулась отъ новыхъ правилъ. Если вновь прибывшій предъявлялъ свой видъ или отпускъ, то полиція должна была сдѣлать въ томъ мѣстѣ, откуда видъ или отпускъ былъ выданъ, запросъ, дѣйствительно эти документы были выданы; домохозяинъ, который не предъявилъ полиціи видъ своего жильца, могъ быть подвергнутъ за это штрафу до 50 фунтовъ. Мѣръ было принято такъ много, и они повидимому въ такой степени закрывали всѣ пути для существованія въ Россіи беззаконнаго вида, что естественно было предполагать, что возможность такого существованія прекратилась. Однажды мнѣ пришлось разыскивать черезъ полицію адресъ необходимаго мнѣ лица. Всѣ мои усилія были напрасны, полиція объ этомъ ровно ничего не знала, хотя лицо было однимъ изъ самыхъ

извѣстныхъ въ городѣ. „Нашли черезъ кого узнавать адресы; черезъ полицію?!“ сказалъ мнѣ тотъ, кто сообщилъ адресъ, „развѣ вы вчера родились, что вамъ неизвѣстно, что русская полиція никогда ничего не знаетъ!“ — Меня заинтересовало это: неужели всѣ строжайшія мѣры, принятыя Толстымъ, не измѣнили дѣла?! Оказалось, что въ Россіи теперь, какъ и прежде, въ полиціи прописана и полиціи извѣстна только самая ничтожная часть населенія. Положеніе съ полицейской точки зрѣнія сдѣлалось даже хуже, а не лучше; главное дѣло полиціи, какъ всегда, такъ и теперь, заключалось въ томъ, чтобы шарлатанить передъ начальствомъ, чтобы заставлять его вѣрить, что она работаетъ день и ночь и все знаетъ; чѣмъ строже дѣлается начальство, тѣмъ больше времени требуется на шарлатанство и тѣмъ меньше остается на настоящее дѣло. Такое направленіе дѣятельности тѣмъ болѣе естественно для чиновниковъ, чѣмъ строже преслѣдуется обличеніе злоупотребленій печатью, а при Толстомъ такое преслѣдованіе достигло максимума. Вотъ почему условія для террористической дѣятельности, если не улучшились, то остались такими же при Александрѣ IIIмъ, какими они были при Александрѣ IIмъ. Когда явилась остроумная подпольная брошюра, которая сравнивала Александра IIIго съ Калигулой

и увѣряла, что онъ будетъ убитъ офицерами его гвардіи, всѣ ее читали и повторяли, что это весьма возможно. Когда произошло крушеніе императорскаго поѣзда, при которомъ императоръ со своимъ семействомъ спаслись только случайно, тогда распространился слухъ, что крушеніе произведено было террористомъ, служившимъ на поѣздѣ. Вѣроятность и возможность такого обстоятельства была такъ велика, что правительство не было въ состояніи опровергнуть слухъ, и дѣло такъ и осталось не разъясненнымъ. Если террористическое движеніе отступило на второй планъ, то причины были вовсе не внѣшнія, а внутреннія, онѣ вытекали изъ самой сути и цѣли этого движенія. Причины эти дѣйствовали такъ сильно, что напр. Перовская почти добровольно отдалась въ руки правительства; если бы въ окружающей ее сферѣ былъ прежній духъ и прежняя энергія, то Перовская вѣроятно была бы жива и теперь. Она почти перестала принимать предосторожности, чтобы скрываться. Никакъ нельзя сказать, чтобы надежда террористовъ вынудить у императора конституцію построена была на пескѣ; Александръ II-ой дѣйствительно съ большой готовностью далъ бы конституцію, чтобы избавиться отъ того невыносимаго положенія, въ которомъ онъ находился — и всетаки это обстоя-

тельство не помогало дѣлу. Чтобы уяснить причину, мы сдѣлаемъ сравненіе между прежними цареубійствами и серальными переворотами въ Россіи и убійствомъ Александра IIго. — Умерщвлялись и свергались съ престола государи, которые или по неспособности своей могли попасть въ руки негодяевъ и сдѣлаться бичемъ для всѣхъ, кто ихъ окружалъ, или по характеру своему были настоящими восточными деспотами. Одна правительница Софья могла составлять въ этомъ случаѣ исключеніе, но за то же свергнувшій ее Петръ Великій оказался самымъ талантливымъ изъ всѣхъ русскихъ государей. Послѣдніе государи, сдѣлавшіеся жертвою своихъ царедворцевъ, Павелъ и Константинъ, понесли свою горькую участь вполнѣ заслуженно за свой звѣрскій нравъ. Производя свои убійства и перевороты, царедворцы не только не жертвовали при этомъ собою, но всегда выигрывали и замѣщали безчеловѣчныхъ и негодныхъ слугъ погибшаго государя или собою или другими менѣе звѣроподобными. Вотъ почему изъ этихъ дѣйствій вышелъ для царедворцевъ прогрессъ, да и народъ отъ нихъ выигрывалъ. Террористы были въ томъ отношеніи въ другомъ положеніи; они могли терроризировать правительство, могли заставить его искать спасенія въ конституціи; но они не могли смѣнить это

правительство и замѣнить его другимъ болѣе способнымъ, Если бы Александру IIму удалось напасть на подходящаго человѣка, то Россія получила бы конституцію, терроризмъ бы прекратился, а самъ Александръ IIой остался бы живъ. Чтобы дѣло приняло такой оборотъ, Александръ долженъ былъ бы ввѣрить власть человѣку, способному принять на себя инціативу такой политической реформы, которая произвела бы всеобщій энтузіазмъ въ Россіи въ родѣ энтузіазма, овладѣвшаго французами при учрежденіи современной демократической республики во Франціи. Террористы, достигнувъ своей цѣли, безъ сомнѣнія прекратили бы свою дѣятельность: всякій, кто ихъ зналъ, былъ увѣренъ въ этомъ; а нелѣпыхъ подражателей у нихъ не могло бы явиться, потому что увлекательное вліяніе народнаго энтузіазма помѣшало бы этому. Но та сфера, которою окруженъ былъ императоръ, была до такой степени затхлою и никуда не годною, что въ ней появленіе живаго человѣка оказалось невозможнымъ. Максимумъ совершенства, какое она могла породить, составлялъ Лорисъ-Меликовъ. Не подлежало сомнѣнію, что пока эта сфера господствовала, ничего другаго, кромѣ затѣй Лорисъ-Меликова, и создаться не могло. Онъ безъ всякаго сомнѣнія серіозно желалъ сдѣлаться конституціоннымъ министромъ въ

Россіи; но каковы были его конституціонныя идеи?! Чечеринъ, котораго въ Россіи ненавидѣли, какъ злостнаго реакціонера, котораго ставили на одну доску съ Катковымъ, былъ въ глазахъ Лорисъ-Меликова увлекающимся либеральнымъ мечтателемъ. Однимъ изъ самыхъ дѣльныхъ и самыхъ уважаемыхъ людей въ это время былъ профессоръ петербургскаго университета Грабовскій. Этотъ человѣкъ посвятилъ свою жизнь распространенію конституціонныхъ идей въ Россіи. Отъ студентовъ онъ требовалъ самаго серіознаго и основательнаго знанія европейскаго государственнаго права. Въ теченіе своей славной профессорской карьеры онъ непрерывно обогащалъ Россію изданіемъ книгъ, знакомившихъ ее съ конституціонными учрежденіями. Лорисъ-Меликовъ отнесся къ нему свысока и съ презрѣніемъ. Не думайте, что онъ былъ радикалъ или республиканецъ, въ Европѣ онъ принадлежалъ бы къ самымъ умѣреннымъ изъ либераловъ. При Александрѣ IIмъ онъ умеръ мученическою смертію. Онъ не былъ ни въ тюрьмѣ, ни въ ссылкѣ; онъ былъ человѣкъ до такой степени умѣренный и сдержанный, что даже русское правительство не покусилось на его свободу; онъ умеръ на кафедрѣ профессоромъ государственнаго права подобно многимъ, подобнымъ ему, преждевременно отъ безпрерывныхъ не-

пріятностей, которыя онъ получалъ отъ администраціи. Миръ праху мученика!

—

3.

Задумывалась конституція, а говорить о пользѣ для Россіи конституціоннаго управленія, выражать свои желанія по поводу такого усовершенствованія въ государственной системѣ, строжайше запрещалось; — это считалось покушеніемъ на святость и неприкосновенность власти императора, — государственнымъ преступленіемъ. Я считаю лишнимъ распространяться о той уродливости, которую придумалъ Лорисъ-Меликовъ подъ названіемъ русской конституціи; всякій любопытный можетъ прочесть этотъ куріозъ, она напечатана въ заграничной прессѣ. Въ ней и мысли не было о томъ, чтобы дать полякамъ тѣ права, которыя могли бы ихъ вознаградить за ихъ многолѣтнія и тяжкія страданія; въ ней ничего не дѣлалось для того, чтобы дать остзейскому краю и Финляндіи такое же государственное устройство, какимъ пользовались народы на западѣ, и тѣмъ отплатить имъ за ихъ безпредѣльное терпѣніе подъ царскимъ гнетомъ. Русскій народъ являлся тутъ настолько же обездоленнымъ, какъ

и населеніе западныхъ окраинъ. Это была конституція не для Россіи, а для ихнихъ, для тѣхъ самыхъ царедворцевъ, которые и безъ того добыли себѣ достаточно привиллегій цареубійствами. Полтораста лѣтъ тому назадъ подписана была такая же конституція для ихнихъ Анною Іоанновною, но она такъ мало удовлетворила даже ихнихъ, что эта знаменитая своей глупостью императрица могла разорвать эту конституцію, какъ негодную бумагу. То обстоятельство, что терроризмъ, наказывая и запугивая безцеремонную силу, оставляетъ ее въ тѣхъ же рукахъ, составляетъ въ терроризмѣ такой недостатокъ, который слишкомъ часто дѣлаетъ для него достиженіе цѣли невозможнымъ. Горе обществу, которому для достиженія прогресса остается одно — полагаться на терроризмъ! Мечта избѣжать при достиженіи конституціи народнаго волненія и достигнуть цѣли терроризмомъ изчезла и оставила послѣ себя одну мрачную перспективу будущаго. Всякому изъ насъ было прекрасно извѣстно, что такое русскій императорскій домъ и что такое русская императорская расправа. Передъ мною рисовалась картина тѣхъ минутъ, когда откладывать далѣе конституціонное движеніе сдѣлается уже невозможнымъ, и когда народъ начнетъ собираться, чтобы потребовать себѣ это право. Русскіе импе-

раторы и государственные люди — ихніе, не то, что западно-европейскіе; имъ и въ голову не придетъ задуматься надъ избіеніемъ народа. Я припоминалъ Бонапарте послѣ государственнаго переворота; когда льстецы увѣряли, что онъ стрѣлялъ въ народъ только для виду, онъ отвѣтилъ; „я никогда не стрѣляю для виду“. — Я вспоминалъ Каваньяка, Тьера, — и это дѣлалось во Франціи, гдѣ государственные перевороты совершались съ наибольшею легкостью, гдѣ народъ могъ пріобрѣсти больше правъ, чѣмъ въ другихъ европейскихъ государствахъ, и могъ создать изъ Франціи первостепенную европейскую державу, ставшую демократической республикой. Что будетъ въ Россіи? Всему міру извѣстно, какъ русскіе императоры расправлялись съ поляками. Ихъ дѣйствія имѣютъ для себя одно подобіе — Тита, расправляющагося съ евреями; за тоже имъ курили столько же фиміаму, сколько Титу, когда онъ избилъ милліонъ евреевъ. Такъ они поступали, когда они могли оставаться вполнѣ хладнокровными, когда ничего не грозило имъ лишеніемъ престола. Какъ же они будутъ поступать тогда, когда они будутъ въ опасности? — Передъ мною воскресали турки, ихъ башибузуки, ихъ рѣзня, и эти турки, не глупые турки, а русскіе съ превосходнымъ европейскимъ оружіемъ, которыхъ посылаетъ

безжалостное властолюбіе ихъ царя на избіеніе своихъ братьевъ. Не въ горахъ балканскаго полуострова, не въ узкихъ улицахъ восточнаго города придется народу добиваться своихъ правъ: его будутъ разстрѣливать массами на невскомъ проспектѣ, на обширныхъ площадяхъ и широкихъ улицахъ Петербурга. Отъ одной мысли о томъ, что будетъ въ эти минуты, можно съума сойти. И всетаки здравый разсудокъ продолжаетъ повторять вамъ холодно и безжалостно, что невозможно обойти этой горькой чаши; дѣйствительная конституція можетъ быть добыта только рабочими руками трудящагося народа и на счетъ крови этого народа. Сколько неудачныхъ попытокъ, сколько безжалостныхъ избіеній ожидаетъ его, сколько тысячъ и сотенъ тысячъ невинныхъ жертвъ долженъ онъ будетъ принести на алтарь отечества и молоху императорскаго властолюбія прежде, чѣмъ онъ достигнетъ своей цѣли. Какъ медленъ, какъ тяжекъ будетъ путь развитія безграмотнаго народа среди тѣхъ препятствій, которыя передъ ними созидаютъ на пути къ пріобрѣтенію политическихъ знаній! Какъ легко могущественному правительству дѣлать эти препятствія неодолимыми! Сколько лѣтъ все интеллигентное, все, въ чемъ горитъ искра патріотическаго чувства, будетъ дѣлаться жертвою царской злобы и царской мести прежде,

чѣмъ народное движеніе начнется. А за тѣмъ настанетъ настоящая расправа, міръ увидитъ такія чудеса, какихъ онъ не видалъ со временъ изгнанія мавровъ въ Испаніи, инквизиціи и тридцатилѣтней войны. Греціи пришлось бороться восемь лѣтъ за свою свободу, сколько-то лѣтъ придется бороться Россіи, сколько революцій ей придется сдѣлать прежде, чѣмъ она достигнетъ маломальски сноснаго положенія. Въ XVIII-мъ столѣтіи Пугачевымъ поднято было знамя освобожденія крестьянъ отъ крѣпостнаго права. Сто лѣтъ прошло послѣ его бунта, сто лѣтъ страдали крестьяне подъ игомъ рабства и только тогда они были освобождены. Знамя освобожденія Россіи отъ царскаго рабства, отъ ига неограниченной монархіи еще не поднято, когда то оно еще будетъ поднято?! Сколько же придется страдать подъ игомъ русскимъ, а съ ними вмѣстѣ и тѣмъ, кто связанъ съ ними судьбою — полякамъ, нѣмцамъ, финляндцамъ?! Ужасная, мрачная мысль; да, отказываться помогать народу выйти изъ этого состоянія-ужасное преступленіе.

Глава пятнадцатая.

Педагогическая пропаганда.

1.

И такъ ничего не оставалось болѣе, какъ продолжать пропаганду въ народѣ; его нужно было знакомить съ конституціонными идеями. Положеніе было самое неудобное; правительствомъ приняты были всѣ возможныя мѣры для того, чтобы такое ознакомленіе встрѣчало непреодолимыя препятствія. Въ числѣ этихъ мѣропріятій было одно, игравшее главную, самую радикальную роль — народъ оставлялся вполнѣ безграмотнымъ. Въ Россіи въ теченіе сорока лѣтъ велась пропаганда; Николай такъ же мало могъ помѣшать этому, какъ Александръ; одни дѣятели погибали, другіе заступали ихъ мѣсто, а дѣло все крѣпло и развивалось, пока не дошло до громкой развязки терроризма; только тогда появились первые признаки того утомленія,

которое замѣчалось въ Европѣ послѣ революцій, а въ Польшѣ послѣ ея мятежей. Я вспоминалъ слова Эдгара Кине, сказанныя про Францію: мы учились три года для того, чтобы потомъ въ теченіе двадцати лѣтъ забывать то, чему научились. Мнѣ пришлось убѣдиться, что утомленіе неизбѣжное послѣдствіе политическаго волненія даже и въ томъ случаѣ, когда оно не дастъ результата. Что же изъ этого будетъ, какъ же долго Россіи придется волочиться въ грязи при такомъ условіи? — Обуреваемый такими мыслями, я сталъ искать выхода. Если въ окончательномъ результатѣ оказывается, что наше единственное спасеніе въ пропагандѣ политическихъ идей въ народѣ, такъ какъ безъ этихъ идей онъ не будетъ домогаться нужныхъ ему политическихъ правъ, а пропаганда въ той формѣ, какъ она велась до сихъ поръ, даетъ тѣмъ болѣе утомленія, чѣмъ энергичнѣе она ведется, то ясно, что нужно изобрѣсти такой способъ пропаганды, который бы утомленія не давалъ. Россіи грозила судьба застрянуть въ деспотизмѣ, какъ въ трясинѣ. Пропаганда революцій была крайне необходима для возбужденія энергіи въ народѣ. На столько же необходима была и пропаганда дѣйствіемъ т. е. терроризмъ. Императоры были окончательно неспособны управлять страною такъ, какъ того требовали условія времени и развитіе циви-

лизаціи. Они не только не умѣли, но злоумышленно не хотѣли развивать просвѣщеніе и совершенствовать учрежденія такъ, чтобы идти въ уровень съ цивилизованнымъ міромъ. Стоитъ сравнить наши польскія провинціи съ Галиціей, остзейскій край съ Германіей, Финляндію съ Швеціей, чтобы въ этомъ окончательно убѣдиться. Безъ запугиванія съ ними не справиться. При усовершенствованномъ современномъ оружіи, при ихъ наклонности къ безцеремонной расправѣ съ народомъ, которая вполнѣ засвидѣтельствована исторіей польскихъ мятежей, судьба народа, стремящагося къ достиженію необходимыхъ ему правъ, можетъ сдѣлаться ужасной, если къ нему на помощь не придетъ нѣкоторый терроризмъ. Но для того, чтобы энергическіе и самоотверженные люди не пропадали безплодно, когда они пускаются въ ходъ, требуется неизбѣжное педагогическое къ нимъ дополненіе, которое превратило бы перемежающееся движеніе въ постоянное. Недостатокъ постоянной, педагогической пропаганды былъ существеннымъ препятствіемъ къ прогрессу во всей Европѣ и только теперь устраняется по немногу съ распространеніемъ въ народѣ просвѣщенія и свободы печати. Теперь, когда я съ горечью и грустью припоминалъ всѣ эти многочисленныя и столь близкія моему сердцу благородныя

жертвы пропаганды, погибшія въ теченіе сорока лѣтъ, я съ каждымъ часомъ все болѣе цѣнилъ необходимость пропаганды педагогической. Въ то самое время, когда изчезла послѣдняя надежда добиться конституціи, я жилъ въ Костромѣ. Упадокъ духа и глубокое разочарованіе владѣло всѣми. Земство, городская дума чувствовали себя погибающими; говорили о томъ, что послѣдніе слѣды самоуправленія будутъ уничтожены; консерваторы ожесточенно нападали на общину и составляли проэкты о томъ, какъ бы выборное сельское и волостное начальство замѣнить унтеръ-офицерами. Распускались слухи, что и земство и городская дума будутъ обращены просто въ орудія для обложенія и сбора податей, которыми будутъ распоряжаться чиновники. Салтыковъ въ одной изъ своихъ сатиръ назвалъ земство учрежденіемъ для луженія госпитальной посуды. Утверждали, что и посуду теперь будутъ лудить чиновники, а земство и дума будутъ только имѣть честь представлять имъ для этого деньги въ назначенномъ бюрократами размѣрѣ. Какъ всегда, всѣ безъ исключенія переносили свою судьбу съ робкимъ и деревяннымъ фатализмомъ; не имѣющіе духа ни для того, чтобы защищаться, ни для того, чтобы озлобиться, они и теперь ждали для себя спасенія отъ другихъ, отъ доброй воли правительства или отъ терро-

ристовъ, если бы они оказались способными возродиться. Давало имъ правительство — спасибо, — брало, что дѣлать. Правительство могло сдѣлать несправедливость, нанести какую угодно обиду — оно всегда было право. Когда совершенно невинный человѣкъ подвергался жестокой карѣ, его же обвиняли за это. Получившій отъ правительства ударъ всегда былъ виноватъ; повторялась стереотипная, вѣчно одна и та же фраза: „во всякомъ случаѣ съ его стороны была маленькая неосторожность.“ — Русская пословица а томъ, какъ новгородцы утратили свою свободу: „такали, такали новгородцы, да и протакали“, была совершенно забыта. Всѣ отвѣчали на всѣ дѣйствія правительства: „кланяемся и благодаримъ“! — Это „кланяемся и благодаримъ“ переставало быть человѣческимъ изрѣченіемъ, оно превратилось въ автоматическое дѣйствіе. И рядомъ съ этимъ жалкая, робкая, трепещущая надежда окончательно забитаго человѣка —: авось терроризмъ воскреснетъ и спасетъ насъ! Я бралъ съ собою ботаническій опредѣлитель, книгу и сталъ ходить по окрестностямъ. Если бы я сталъ ходить съ ружьемъ, крестьяне не обратили бы на это вниманія, но я ходилъ съ книгой, читалъ на ходу, потомъ садился на камень и разсматривалъ растенія въ лупу. Кругомъ крестьяне работали на поляхъ, въ

обѣдъ собиралась ко мнѣ толпа любопытныхъ и начинался разговоръ. Я имъ объяснялъ понятнымъ для нихъ языкомъ о существованіи конституціонной монархіи и демократической республики. Объ всемъ этомъ они, разумѣется, въ первый разъ въ своей жизни слышали. Я показывалъ имъ зависимость просвѣщенія и благосостоянія народа отъ политическаго его развитія, я проводилъ параллель между благосостояніемъ американскаго и англійскаго рабочаго и ихъ собственнымъ нищенскимъ положеніемъ. Я показывалъ имъ, какой борьбой доставалась эта свобода англичанамъ и американцамъ и почему нельзя ее взять безъ борьбы. Многолѣтняя привычка къ пропагандѣ давала мнѣ возможность быть для нихъ понятнымъ, и тогда они начинали дѣлать мнѣ вопросы; они прекрасно понимали зависимость между рыночными цѣнами на произведенія и ихъ средствами къ существованію въ качествѣ производителей и работниковъ; я долженъ былъ имъ объяснять, какимъ образомъ при условіи такой зависимости и при условіи возрастанія издержекъ на общественныя нужды благосостояніе рабочихъ въ Америкѣ и въ Англіи могло увеличиться до тѣхъ размѣровъ, о которыхъ я имъ говорилъ. Я жилъ на самомъ выѣздѣ изъ города и почти ежедневно выходилъ въ поле. Тутъ я читалъ свои лекціи соціальной

экономіи подъ перекрестнымъ огнемъ практическихъ возраженій со стороны крестьянъ и опытныхъ фабричныхъ рабочихъ. Я удивился, слушая этихъ людей; — какія они говорятъ глупости, когда они предоставлены своему невѣжеству, и какія они могутъ дѣлать остроумныя и глубокомысленныя возраженія и замѣчанія, когда ихъ поставить въ условія, гдѣ они могутъ разсуждать съ точки зрѣнія личнаго своего опыта и вѣрнаго наблюденія. Послѣ этихъ бесѣдъ я слишкомъ часто возвращался домой съ убѣжденіемъ, что русскіе несомнѣнно умный народъ, и я не могъ безъ жгучаго чувства вспоминать о томъ, что этотъ народъ погибаетъ отъ эгоизма императорскаго властолюбія. Когда я начиналъ свои прогулки въ какомъ нибудь раіонѣ, я не рѣдко наблюдалъ, что за мной слѣдили; они опасались съ моей стороны безцеремонности барчука, они смотрѣли, не мну ли я ихъ хлѣбъ, не ломаю ли изгорода, не сажусь ли я покурить около сѣна или соломы. Но когда они видѣли, какъ тщательно я обхожу ихъ поля, какъ заботливо я запираю каждую околицу, черезъ которую прохожу, никогда не трогаю гороху, жадно расхищаемаго прохожими, они успокаивались и говорили мнѣ любезности; видно, говорили отъ меня, что идетъ человѣкъ, понимающій труды человѣческіе, а не какой ни-

будь мужикъ. Всѣ узнавали меня; люди, въ первый разъ видѣвшіе меня, издали махали мнѣ шляпой, подходя оглядывали меня съ ногъ до головы и говорили: „такъ вотъ ты какой.“ — По немногу я начиналъ видѣть въ нихъ нѣчто родное и чувствовать къ нимъ привязанность; я ходилъ на прогулки, точно иду къ близкому другу излить передъ нимъ то, что у меня накипѣло на сердцѣ. Постепенно я разширялъ раіонъ своей пропаганды; за небольшое вознагражденіе я садился къ крестьянамъ, которые обозомъ возвращались въ отдаленныя деревни, и ѣхалъ съ ними миль за десять или пятнадцать и тамъ гулялъ такъ же по полямъ. Въ Костромѣ я разсказывалъ о своихъ прогулкахъ и старался убѣдить въ пользѣ такого образа дѣйствія. Нелѣпо ожидать, чтобы массы людей, никогда не слыхавшія о конституціи или республикѣ, съ перваго слова одушевились такимъ энтузіазмомъ, что готовы были бы жертвовать и жизнію и имуществомъ для достиженія этихъ неизвѣстныхъ имъ благъ и при томъ съ малой надеждой на успѣхъ. Такое условіе неизбѣжно сильно уменьшаетъ дѣйствительность прямой революціонной пропаганды, и вотъ почему сорокалѣтнее полное энтузіазма и самоотверженія веденіе пропаганды въ Россіи далеко не дало тѣхъ результатовъ, которые

оно должно было бы дать. Если его съ первой минуты не ставить въ опасное положеніе, то всякій крестьянинъ, всякій рабочій съ жадностью будетъ слушать о такихъ пикантныхъ новостяхъ, какъ о существованіи конституціоннаго и республиканскаго управленія; онъ почувствуетъ себя болѣе ученымъ человѣкомъ и будетъ смѣяться надъ невѣжествомъ тѣхъ, кто не обладаетъ его премудростью. Такимъ образомъ основныя свѣдѣнія быстро дѣлаются достояніемъ цѣлыхъ селеній, и одинъ человѣкъ въ теченіе довольно короткаго времени можетъ ознакомить съ ними цѣлый околодокъ. Вскорѣ убѣдились въ справедливости моихъ словъ: на лѣто пріѣхали двѣ студентки и поселились на дачѣ. Однажды онѣ взяли съ собою книгу и вышли въ поле; когда онѣ усѣлись въ тѣни кустовъ, крестьянамъ, работавшимъ вблизи, пришла мысль, что онѣ могутъ принадлежать къ тому же роду людей, къ которымъ принадлежу и я. Они окружили ихъ и старались сначала удостовѣриться въ справедливости своего предположенія, а потомъ вступили въ разговоръ относительно предметовъ, ихъ интересовавшихъ. Студентки убѣдились, что ихъ собесѣдники имѣли болѣе ясное понятіе о конституціи и республикѣ, чѣмъ даже выдающіеся рабочіе, воспитанные революціонерами во время хожденія въ народъ; тогда все вни-

маніе пропагандистовъ было обращено на соціальную сторону, а политическая сильно хромала. Мнѣ пришлось убѣдиться, что крестьяне умѣли сдѣлать даже нѣкоторое практическое примѣненіе изъ своихъ новыхъ знаній. Когда распространился слухъ, что изъ дворянъ будутъ назначаться губернаторами земскіе начальники, я однажды ѣхалъ на большой лодкѣ, на которой цѣлая толпа крестьянъ возвращалась съ базара; зашелъ разговоръ о новомъ слухѣ. Одинъ изъ крестьянъ высказалъ мнѣніе по этому поводу окрестнаго крестьянства; они находили, что дворянинъ, назначенный губернаторомъ, ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть полезенъ крестьянамъ своимъ управленіемъ, и что гораздо разумнѣе было бы предоставить выборъ земскаго начальника самимъ крестьянамъ. Я долженъ былъ вполнѣ одобрить ихъ мысль. Я находилъ, что они уже въ теченіе пятидесяти лѣтъ выбираютъ сельскихъ старостъ и волостныхъ старшинъ, и что давно пора сдѣлать шагъ къ расширенію ихъ самоуправленія и предоставить имъ выборъ земскихъ начальниковъ; при Николаѣ правительство назначало становыхъ, а дворянство выбирало ихъ начальниковъ т. е. исправниковъ; теперь правительство назначаетъ полицейскихъ урядниковъ, которые непремѣнно будутъ притѣснять крестьянъ, если ихъ непосредственный земскій началь-

никъ не будетъ избираться крестьянами. Подобная пропаганда, веденная на одной фабрикѣ не мною, а другими, заслужила себѣ даже честь полицейскаго доноса, изъ котораго однакоже ничего не вышло, такъ какъ никому нельзя воспрещать разговаривать о всѣмъ извѣстныхъ историческихъ фактахъ. Не надо забывать, что въ Европѣ не было времени, когда бы народъ не былъ болѣе или менѣе знакомъ съ конституціонными и даже республиканскими идеями и съ политической борьбой; такая борьба всегда тамъ существовала, и если тамъ бывали безотрадныя времена, то народъ никогда не утрачивалъ способности вновь воодушевляться идеей подобной борьбы, по крайней мѣрѣ, на столько же, на сколько напр. народъ польскій. Въ Россіи же вся масса рабочаго народа никогда и не слыхивала о политической свободѣ и конституціонныхъ или республиканскихъ порядкахъ; народъ и представить себѣ не могъ существованіе какого либо другаго, кромѣ бюрократическаго управленія. Онъ долженъ былъ сначала узнать что нибудь о существованіи другихъ системъ, чтобы въ немъ можно было вызвать революціонной пропагандой одушевленіе къ борьбѣ.

2.

Одновременное существованіе трехъ видовъ пропаганды: террористической, революціонной и педагогической, не только соотвѣтствовало умственному уровню народа, но и психическимъ свойствамъ интеллигенціи, способной пропагандировать идеи. Для террориста нужны были рѣдкое мужество и необычайная практическая ловкость, а кромѣ того еще другія качества, которыя встрѣчаются еще рѣже. Полезныя политическія убійства потому такъ сильно прославляются исторіей, что чрезвычайно трудно совершить террористическій поступокъ, который она могла бы безусловно одобрить. Революціонная пропаганда неизмѣримо болѣе легкое дѣло, и всетаки она требуетъ исключительныхъ качествъ. Въ теченіе сорока лѣтъ, о которыхъ я говорю, всѣ, способные одушевиться энтузіазмомъ, стремились къ революціонной пропагандѣ, и множество людей съ слабымъ характеромъ приносило ей гораздо болѣе вреда, чѣмъ пользы. Не будучи въ состояніи вынести борьбу, они вредили другимъ, позорили себя и часто погибали жалкимъ образомъ отъ нужды, чахотки и самоубійства. Такимъ людямъ не слѣдуетъ пускаться въ революціонную пропаганду и еще того менѣе слѣдуетъ вовлекать ихъ въ нее, между тѣмъ педагогическая про-

паганда никакихъ особыхъ качествъ отъ пропагандиста не требуетъ; ею можетъ заняться всякій, у кого лежитъ на душѣ дѣло свободы, кто чувствуетъ великій позоръ того обстоятельства, что Россія послѣдняя деспотическая монархія цивилизованнаго міра, что она въ этомъ отношеніи пала ниже, чѣмъ Румынія, Сербія, Греція и другія земли, находившіяся подъ турецкимъ владычествомъ, даже Индіи и Японіи. Къ несчастью педагогическая пропаганда была дѣломъ неслыханнымъ на Руси. Для укорененія ея идеи существовало много неблагопріятныхъ условій. Первую роль между ними играло то обстоятельство, что въ теченіе помянутыхъ сорока лѣтъ всѣ надежды возлагались на соціальную пропаганду; люди движенія вовсе не понимали зависимость усовершенствованій въ соціальномъ бытѣ отъ политическихъ учрежденій; по ихъ мнѣнію конституція могла не помочь народу. Даже во время терроризма такое господствующее воззрѣніе далеко не было поколеблено. Когда надежды на конституцію погибли, все либеральное общество впало въ апатію, свойственную людямъ, лишеннымъ инициативы. Настроеніе правительства было таково, что если бы въ обществѣ проявилась тѣнь сознательной энергіи и способности принять грозное положеніе, то напускное мужество Побѣдоносцева и ему

подобныхъ мигомъ превратилось бы въ малодушіе и робость; вѣдь эти господа способны были показывать восхваляемую императоромъ непоколебимую твердость только тогда, когда они не встрѣчали страшнаго имъ сопротивленія. Тянулись нервы, чьи нервы перетянуты, и нервы правительства перетянули; робость и малодушіе выпали на долю либеральнаго общества. Правительство захорохорилось и стало показывать непоколебимую твердость, точно такъ же, какъ бы ее показывали либералы, если бы кто нибудь за нихъ далъ правительству во время хорошую острастку. Послѣ паники, охватившей либеральное общество, не только невозможно было думать о расширеніи пропаганды въ народѣ и о ея превращеніи въ постоянное явленіе, но уже существующая пропаганда съёжилась и скорчилась до того, что, какъ при первоначальномъ ея возникновеніи, интеллигенція пропагандировала сама себѣ. Мало того, даже и эта пропаганда лишилась того смѣлаго, чисто европейскаго характера, какой имѣла прежде. Распространялись литографированныя и печатныя листки Салтыкова и Толстого. Но сказки Салтыкова напоминали, что мы еще не вылезли изъ періода сказки и не могли воскресить упавшаго духа, и этотъ орелъ русской прессы погибалъ отъ злобы и тоски въ виду того, что

совершалось, и наконецъ умеръ злополучной смертью; а Толстой съ его ученіемъ о непротивленіи злу не мало способствовалъ усыпленію общества и поощренію его малодушія; восхищаясь идеей непротивленія злу, оно проглядѣло всѣ мѣры правительства, которымъ уничтожались послѣдніе слѣды свободы въ странѣ и окончательно убивалось умственное движеніе. Насколько было бы лучше, если бы вмѣсто того, чтобы литографировать и печатать подпольныя проповѣди о непротивленіи злу, они печатали бы брошюрки для народа, гдѣ бы понятнымъ для него языкомъ сообщались ему свѣдѣнія о конституціонномъ и республиканскомъ управленіи и о его вліяніи на развитіе народнаго благосостоянія. Съ точки зрѣнія преслѣдованія они имѣли еще то преимущество, что они не были противузаконными по своему содержанію, какъ брошюры Толстого. Но общество окончательно утратило охоту къ пропагандѣ въ народѣ и предпочитало забавляться подпольной литературой Толстого. Въ Англіи Толстой былъ бы немыслимъ; если бы въ Англіи знаменитый писатель и владѣлецъ земли цѣною въ 60 000 фунтовъ сталъ бы проповѣдывать такія ученія, какъ Толстой, то отъ него бы потребовали, чтобы онъ самъ дѣлалъ то, что онъ проповѣдуетъ другимъ, иначе его и читать никто бы не

сталъ: арендаторъ не платитъ ему денегъ — онъ долженъ молчать, книгопродавецъ продалъ его сочиненія и деньги взялъ себѣ — онъ долженъ молчать; изъ письма съ деньгами лакей вынулъ деньги, а письмо разорвалъ и бросилъ; Толстой долженъ сказать ему: „тебѣ нужны деньги, на тебѣ чекъ на 3000 фунтовъ, поди возьми сколько тебѣ надо.“ — При такомъ условіи и среди совѣстливыхъ англичанъ онъ сдѣлался бы наконецъ нищимъ, а въ Россіи все его имущество растащили бы у него въ одинъ годъ; между тѣмъ извѣстно, что его богатства не только не уменьшаются, но онъ ихъ преумножаетъ. Толстой имѣлъ искреннихъ учениковъ, конечно очень не многихъ, въ томъ числѣ былъ одинъ богатый человѣкъ. Когда его арендаторы замѣтили, что онъ не взыскиваетъ съ неплательщиковъ, они всѣ перестали платить. Онъ жилъ на имѣвшіяся у него деньги, наконецъ и денегъ не осталось, а между тѣмъ ему надо было уѣхать изъ своего имѣнья. Онъ просилъ у своихъ арендаторовъ въ видѣ милости, чтобы они собрали ему денегъ на проѣздъ, но они ему отказали въ этомъ. Дѣтей своихъ, къ отчаянью своей жены, ему пришлось оставить безъ всякаго образованія; онъ находилъ, что въ этомъ дурнаго ничего нѣтъ, что по ученію Толстого нужно не образованіе, а вѣра. Во

время энтузіазма встрѣчались богатые люди, которые дарили свои земли своимъ крестьянамъ, другіе продавали ихъ имъ за полцѣны, а деньги употребляли на революціонную пропаганду; но эти исходили не изъ идеи непротивленія злу, а изъ того убѣжденія, что человѣку подобаетъ жить собственнымъ трудомъ, а не на счетъ труда своего ближняго, — убѣжденія вполнѣ практически осуществимаго и прекраснаго въ своей нравственной основѣ. Толстой премилый человѣкъ, добродушный, благотворительный, между богатыми людьми трудно найти равнаго ему по добродѣтелямъ, а все таки ученіе его заключаетъ въ себѣ лицемѣріе, слово съ дѣломъ у него не сходится, да и сходиться не можетъ. Деспотизмъ до того деморализировалъ русскихъ, что лицемѣріе вовсе ихъ не возмущаетъ; почти полстолѣтія я участвую въ партіи движенія и все время былъ свидѣтелемъ ужасныхъ послѣдствій этого гнуснаго порока; мнѣ еще съ горечью придется говорить объ немъ въ дальнѣйшемъ изложеніи. Всегда на два лица говорили одно, а дѣлали совсѣмъ другое, ставили задачи невозможныя и дѣлали отъ юношества требованія самыя несправедливыя, а когда юноша или дѣвушка погибали, гоняясь самоотверженно за выполненіемъ поставленной передъ ними задачи, погибали и кончали само-

убійствомъ, тогда виновники ихъ смерти хладнокровно или даже съ порицаніемъ проходили мимо ихъ трупа. Они поступали вполнѣ такъ, какъ русское правительство, которое въ турецкихъ областяхъ вызывало бунтъ, а потомъ оставляло взбунтовавшихся на произволъ турецкой рѣзнѣ, если это имъ было выгодно. Я понимаю, что зло лицемѣрія до такой степени проникло все общество отъ вершины до подошвы, что истребить его очень трудно, но поощрять его ужасно.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

АЛЕКСАНДРЪ III[ій].

Глава первая.

Восшествіе на престолъ Александра IIIяго.

Александръ IIIій вступилъ на престолъ. Задача, которую ему слѣдовало разрѣшить въ теченіе своего царствованія, была весьма трудная и требовала тонкаго политическаго такта. Его предшественниками дѣла были испорчены и запущены до такой степени, что исправить ихъ была геркулесова работа. Бывшія польскія провинціи лишены были той свободы, которая доставила имъ славное имя въ исторіи, и вслѣдствіе этого польская партія движенія питала такую безпредѣльную ненависть къ Россіи, что она ни о чемъ другомъ, кромѣ полнаго отдѣленія отъ Россіи, и слышать не хотѣла. Поляки, остзейскіе нѣмцы и финляндцы могли

сдѣлать наше положеніе очень опаснымъ въ случаѣ войны съ Германіей и Австріей, въ особенности, если бы эти державы соединились, какъ соединились французы и англичане, а Франціи пришлось бы молчать. Пока Австрія была слаба, а Германія разъединена, опасность была не велика, а теперь совсѣмъ другое дѣло; надежды на французскій союзъ могутъ оказаться на столько же основательными, какъ оказались надежды Николая на Австрію. Главное, впрочемъ, было не въ этомъ, а въ томъ, что неограниченный императоръ нарушаетъ то неограниченное довѣріе, которое ему оказываетъ народъ, если онъ не даетъ его политической организаціи того совершенства, которое соотвѣтствуетъ требованіямъ времени, не доставляетъ ему того образованія и того развитія, которое необходимо для его благосостоянія. Выполненіе этихъ условій составляетъ единственное основаніе его права на престолъ, пренебреженіе къ этимъ условіямъ такое съ его стороны преступленіе, которое уничтожаетъ это право; послѣ этого онъ не можетъ быть императоромъ во имя справедливости: онъ можетъ быть императоромъ только во имя насилія, и насиліемъ можетъ быть лишенъ престола. Александръ III-ій могъ считаться выполнившимъ свои обязанности только тогда, когда бы онъ далъ остзейскому краю и

Финляндіи такія же свободныя учрежденія и столько же образованія, сколько имѣли Германія и Швеція, потому что если бы они принадлежали Германіи и Швеціи, то они бы все это имѣли. Онъ долженъ былъ бы дать Россіи конституціонныя учрежденія; если Румынія, Болгарія, Сербія, Греція, даже Индія и Японія имѣютъ возможность настаивать на удовлетвореніи своихъ политическихъ потребностей, то какимъ же образомъ несравненно болѣе просвѣщенный русскій народъ можетъ быть неспособенъ къ самодѣятельности?! Онъ долженъ былъ бы дать полякамъ такія же права, какими пользовались венгерцы въ Австріи; чѣмъ же поляки хуже венгерцевъ?! Но Александръ III-ій получилъ то воспитаніе, которое получали всѣ русскіе императоры; онъ не думалъ и не могъ думать о выполненіи своей обязанности; онъ ненавидѣлъ эту обязанность и думалъ только о томъ, какъ бы поработить всѣхъ ему подвластныхъ до крайнихъ предѣловъ возможнаго. Все было въ волненіи кругомъ его, начиная отъ ближайшихъ его царедворцевъ; онъ чувствовалъ себя уединеннымъ и очень немногимъ могъ довѣриться, поэтому онъ не осмѣливался сразу сдѣлать крутой поворотъ. Однакоже онъ сразу пошелъ такъ далеко. что порвалъ связь со всѣми друзьями своего отца, въ которыхъ

была хотя тѣнь любви къ своему отечеству и желанія ему добра. Мы видѣли, чѣмъ былъ Лорисъ-Меликовъ, а Лорисъ-Меликовъ былъ крайнимъ радикаломъ при дворѣ Александра IIго; гораздо ближе къ Александру стояли военный министръ Милютинъ и ему подобные, по духу они были бюрократы чистой крови и конституціонныхъ порывовъ въ нихъ не было никакихъ, они даже сочувствовали ограбленію крестьянъ императоромъ, но они въ извѣстныхъ предѣлахъ были противъ эксплуатаціи народа имущимъ классомъ. Эта черта въ ихъ политическихъ воззрѣніяхъ, раздѣляемая Александромъ IIмъ, побудила Александра IIIго еще въ то время, когда онъ былъ наслѣдникомъ, считать своего отца демократомъ и демагогомъ. Онъ находилъ, что дворяне загнаны и обижены, и намѣревался дать имъ возмездіе на счетъ народа, когда онъ вступитъ на престолъ. Его приближенные распускали слухъ, что по вступленіи на престолъ онъ дастъ конституцію, которая всю власть сосредоточитъ въ рукахъ дворянства. Слухъ о намѣреніи наслѣдника, ограничить императорскую власть, заставлялъ либераловъ возлагать на него надежды. Однакоже, по вступленіи своемъ на престолъ, онъ тотчасъ рядомъ съ [illegible]ечащи своего отца отвергъ и своихъ собственныхъ. Онъ ввѣрилъ власть

людямъ, которые знали истинныя его намѣренія и понимали истинныя его чувства. Между ними скоро выдающуюся роль сталъ играть Игнатьевъ, человѣкъ притворства, про котораго говорили, что въ теченіе своей жизни онъ даже и случайно никогда не сказалъ правды.

Глава вторая.

Александръ III-ій и его правительство.

1.

Пропаганда лишилась своей живой силы, одушевлявшаго ее энтузіазма, но волна народнаго движенія, которая ею была поднята, продолжала расти. Она росла сама собою по инерціи; когда перестали его возбуждать, народъ самъ возбуждалъ себя. Именно тогда стали размножаться тѣ народные безпорядки, которые обыкновенно служатъ предвѣстниками революцій. Очень можетъ быть, что если бы терроризмъ вмѣсто того, чтобы ослабѣть со дня смерти Александра II-го, счелъ бы этотъ моментъ началомъ, первымъ днемъ, съ котораго должна была начинаться серіозная борьба, то Россія въ настоящее время была бы конституціонной державой и проложила бы себѣ путь къ мирному и свободному развитію.

Но не такова была судьба этого несчастнаго государства. Народныя волненія, которыя начались съ борьбы противъ бюрократіи, въ особенности противъ злоупотребленій полиціи, перешли въ борьбу противъ злоупотребленій фабрикантовъ и капиталистовъ и, наконецъ, пріобрѣли громкую извѣстность въ качествѣ буйныхъ антисемитскихъ движеній. Великая и свободная Польша, въ тѣ времена, когда въ ней реформація пускала корни, пріобрѣла не мало искусныхъ рукъ и интеллигентныхъ людей чрезъ переселенія евреевъ; положеніе евреевъ сдѣлалось жалкимъ, когда въ Польшѣ распространился католическій фанатизмъ, а съ водвореніемъ русскаго господства они стали подвергаться жесточайшимъ преслѣдованіямъ. Въ Россіи за предѣлами такъ называемаго забраннаго (у Польши) края имъ вовсе воспрещалось жить. Но одно время при Александрѣ IIмъ имъ дѣлались въ этомъ отношеніи нѣкоторыя послабленія; они стали появляться въ Россіи и въ особенности на югѣ. Тутъ они вносили съ собою несомнѣнно полезный элементъ; искусные спекуляторы, они весьма успѣшно конкуррировали въ неповоротливыми русскими купцами и понижали для покупателей цѣну произведеній въ торговлѣ; кромѣ того они были очень любознательны и всю свою любознательность сосредоточивали на

техническихъ, механическихъ и тому подобныхъ свѣдѣніяхъ; поэтому они не мало способствовали усовершенствованію производства въ Россіи. Купцы, находя въ нихъ для себя опасныхъ конкуррентовъ, преслѣдовали ихъ всѣми мѣрами, въ особенности чрезъ администрацію. Не только евреи, но армяне и сектанты преслѣдовались купцами съ такимъ же усердіемъ, но противъ евреевъ имъ легче было дѣйствовать, чѣмъ противъ другихъ; вездѣ, гдѣ появлялись евреи, они прежде всего забирали въ свои руки торговлю виномъ, такъ какъ въ Россіи это одна изъ самыхъ выгодныхъ отраслей торговли. Кабакъ былъ главнымъ источникомъ раззоренія для народа, тотъ, кто наживался отъ кабака, могъ быть увѣренъ, что народъ будетъ питать къ нему жгучую ненависть. Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ евреевъ не было, русскіе кабатчики дѣйствовали точно такъ же, какъ евреи, и точно такъ же ненавидѣлись народомъ, но къ нимъ народъ привыкъ. Фабрика, фабричный лабазъ, кабакъ, кулакъ и лѣсникъ были старинными врагами народа, противъ нихъ народъ всегда практиковалъ, да и теперь практикуетъ терроризмъ. Народъ всегда бунтовалъ, да и теперь бунтуетъ противъ притѣсненій фабрикантовъ, точно такъ же, какъ онъ при крѣпостномъ правѣ бунтовалъ противъ помѣщиковъ; жестокіе

помѣщики исчезли вмѣстѣ съ рабствомъ, а жестокіе фабриканты существуютъ и теперь; какъ прежде, такъ и теперь изъ мести сжигаютъ ихъ винницы, убиваютъ ненавистныхъ нарядчиковъ и другихъ фабричныхъ начальниковъ; какъ прежде, такъ и теперь мужчинъ, женщинъ и дѣтей бьютъ и хлещутъ плеткой, а потому фабрика, такъ же, какъ при крѣпостномъ правѣ деревня для помѣщика, составляетъ гаремъ для фабриканта и его служащихъ; какъ крѣпостные при крѣпостномъ правѣ, такъ теперь фабричные бунтуютъ, когда гнетъ дѣлается невыносимымъ, и тогда является начальство и начинаетъ сѣчь и мужчинъ и женщинъ безъ разбору такъ же немилосердно, какъ когда то сѣкло крѣпостныхъ. Но въ то время. когда террористы взволновали все общество, дѣло нѣсколько измѣнилось; у фабричныхъ явились защитники, о которыхъ до этого не было и помину; адвокаты, увлеченные волненіемъ или заискивающіе популярности, стали оказывать фабричнымъ юридическую помощь; отъ этого раіонъ волненія нѣсколько расширился, но не на столько, чтобы создать изъ себя выдающееся явленіе. Скоро дѣло пришло въ то положеніе, въ какомъ оно находится и теперь. Въ настоящее время, подражая германскому императору, правительство съ свойственнымъ ему лицемѣріемъ, приняло

на себя личину соціалъ-демократа и увѣряло публику, что въ спорахъ между рабочими и фабрикантами оно является безпристрастнымъ судьею; однакоже, когда губернаторъ отправляется мирить рабочихъ, тогда не только вмѣшательство адвокатовъ, но даже вмѣшательство прокуроровъ не допускается изъ опасенія, чтобы законность насъ не погубила. Нѣкоторыя сдерживающія мѣры, конечно, принимаются противъ жестокихъ фабрикантовъ, точно такъ же, какъ при Николаѣ обуздывались, какъ они, такъ и жестокіе помѣщики; но если бы они не принимались, то Россія наполнилась бы разбойниками, бѣжавшими въ лѣса отъ фабричнаго деспотизма; поджогамъ и убійствамъ не было бы конца. И такъ рабочія волненія, аграрныя преступленія оставались такими же, какими они были и до и послѣ Игнатьева, но антисемитское движеніе получило совсѣмъ иной характеръ. Наплывъ евреевъ былъ въ Россіи постепенный, а потому никакихъ замѣтныхъ перемѣнъ не произвелъ; на югѣ же онъ былъ внезапный, югъ былъ слишкомъ близокъ и слишкомъ заманчивъ для нихъ. Отсюда не замедлила произойти тамъ спекулятивная горячка; въ окончательномъ результатѣ народъ выигралъ бы отъ этого. Конкурренція понизила бы цѣны и улучшила бы орудія труда; но кабакъ, за-

хваченный полуницими евреями труболетами, вырвавшимися на свободу изъ мѣстъ, гдѣ ихъ морили голодомъ, испортилъ все дѣло. Тутъ они дѣйствительно доходили до такихъ крайностей, до которыхъ не додумались даже и русскіе кулачи. Капиталисты, которые чувствовали себя въ опасности съ одной стороны отъ конкурренціи евресвъ, а съ другой отъ волненія въ народѣ, были рады натравить одну силу на другую и такимъ образомъ достигнуть своей цѣли и выйти сухими изъ воды. Про Игнатьева говорили, что онъ искусственно изъ личныхъ цѣлей разжигалъ еврейскіе безпорядки, какъ онъ разжагалъ волненія въ Турціи. Никто не можетъ утверждать этого на основаніи фактовъ, но вотъ что не подлежитъ сомнѣнію: политика религіозныхъ и національныхъ преслѣдованій всегда была дойной коровой для чиновниковъ вообще и для государственныхъ людей въ особенности. Салтыковъ въ одной изъ своихъ сатиръ преподноситъ читателямъ бюджетъ взятокъ, уплаченныхъ однимъ преслѣдуемымъ лицомъ; онъ составляетъ болѣе ста тысячъ фунтовъ. Взятки при этомъ брались всѣми, начиная отъ самого правительства и кончая лицами, въ администраціи вовсе не участвующими. Показано 1300 фунтовъ, уплаченныхъ правительству на пріемъ какого то иностраннаго принца,

1000 фунтовъ дано высокопоставленному лицу, чтобы получить неопредѣленный отвѣтъ „посмотримъ“, — двадцать фунтовъ ямщику за то, что онъ провезъ преслѣдуемаго мимо города, куда онъ не имѣлъ права въѣзжать и гдѣ его караулили чиновники, чтобы его обобрать. Кто кого научилъ, сдѣлать изъ еврейскихъ погромовъ орудіе для антисемитской политики — Игнатьевъ чиновниковъ или чиновники и купцы Игнатьева — я рѣшать не берусь, но антисемитское движеніе произошло этимъ путемъ и процвѣтаетъ до сихъ поръ въ качествѣ жирнаго пирога для преслѣдователей. Всѣ другіе роды народныхъ движеній подавлены были въ зародышѣ съ безпримѣрной жестокостью, а еврейскіе погромы могли развиться достаточно громко, чтобы послужить основаніемъ для антисемитской политики. Тогда движеніе было подавлено, а народъ получилъ утѣшеніе. Игнатьевъ показалъ, что онъ не даромъ былъ въ Турціи и что онъ научился тамъ поступать гораздо искуснѣе, чѣмъ поступали глупые турки.

2.

Правительство стало придавать себѣ такой видъ, будто оно, не обращая никакого вни-

манія на волненія и безпорядки, намѣрено твердо идти по пути благодѣтельнаго прогресса. Литература такъ много говорила о неравенствѣ крестьянскихъ надѣловъ и платежей, что правительство выразило намѣреніе способствовать исправленію зла. Для уравненія платежей сохранившіяся еще обязательныя отношенія между крестьянами и помѣщиками были прекращены и принимались другія мѣры, а для уравненія земли долженъ былъ служить крестьянскій банкъ. Я радостно привѣтствовалъ появленіе крестьянскаго банка и въ первостепенныхъ русскихъ журналахъ отпечаталъ рядъ статей, въ которыхъ старался создать юридическое воззрѣніе на дѣло, которое соотвѣтствовало бы духу современнаго соціализма. Я проводилъ идею раздѣленія вещей на вещи частнаго и публичнаго права. Первыя предназначаются для частнаго пользованія, а вторыя исключительно для общественнаго блага. И въ настоящее время существуетъ много вещей публичнаго права напр. пути сообщенія, крѣпости, гавани, госпитали, школы и т. д. Къ нимъ должны быть отнесены и орудія труда; но чтобы орудія труда могли сдѣлаться вещами публичнаго права необходимо, чтобы существовали учрежденія, которыя могли бы распоряжаться ими въ интересахъ общественнаго блага. Не смотря на существованіе соціаль-

демократіи, въ западной цивилизаціи такого учрежденія еще не существуетъ, даже рабочія ассоссіаціи учрежденія частнаго, а не публичнаго права. Въ Россіи же такое учрежденіе изобрѣтено народомъ, существуетъ въ теченіе столѣтій и дѣйствуетъ превосходно —: то мірскія земли крестьянъ. Оно не признано правительствомъ, надо его признать. Крестьянскій банкъ долженъ покупать земли не въ частную собственность, а обращать ихъ въ земли публичнаго права; онѣ должны служить для уравненія между крестьянами какъ земель, такъ и платежей. Когда эти статьи были отпечатаны, а написалъ брошюру для крестьянъ, гдѣ я излагалъ понятнымъ для нихъ языкомъ идею земель публичнаго права и показывалъ имъ, какимъ образомъ они должны пользоваться крестьянскимъ банкомъ. Когда я отдавалъ въ печать свои статьи для образованной публики, онѣ встрѣчали большія затрудненія, цензурныя препятствія были очень велики; я былъ крайне радъ даже и тому, что онѣ появились въ первостепенныхъ и наиболѣе читавшихся журналахъ. Одинъ изъ нихъ, напечатавъ мою статью, сдѣлалъ примѣчаніе, что онъ находитъ мои идеи слишкомъ радикальными и вслѣдъ за тѣмъ напечаталъ статью другаго писателя, въ которой онъ въ сущности отрекался отъ моихъ идей, такъ же, какъ когда то наиболѣе

извѣстный изъ русскихъ журналовъ „Отечественныя Записки“ открестились отъ идей, изложенныхъ у меня въ „положеніи рабочаго класса“. Когда же я послалъ для напечатанія свою брошюру, тогда оказалось, что правительство строго запретило директорамъ крестьянскихъ банковъ дѣлать публикаціи между крестьянами о существованіи такихъ учрежденій; тѣмъ не менѣе могла быть опубликована и распространяема между ними такая брошюра, какъ моя, которая могла дать имъ мысль, что правительство сдѣлало для нихъ слишкомъ мало. Послѣ этого оставалось одно: напечатать ее путемъ подпольнымъ, но отъ этого пришлось отказаться, потому что это могло повредить крестьянскому банку, вмѣсто того, чтобы принести ему пользу. Дѣло крестьянскаго банка пошло превосходно. По уставу банка онъ имѣлъ право раздавать ссудъ на 500 000 фунтовъ въ годъ, между тѣмъ одинъ полтавскій банкъ купилъ земель на 200 000 фунтовъ. Потребность въ землѣ и возможность ее покупать была такъ велика у крестьянъ, что сумма 500 000 фунтовъ въ годъ оказывалась по сравненію съ нею совершенно ничтожной. Тутъ обличилось съ полной ясностью, какой великій соціальный переворотъ возможно было бы произвести въ Россіи, если бы введенъ былъ институтъ земель публичнаго права

и если бы крестьянскій банкъ былъ въ рукахъ людей, которые дѣйствовали бы съ сознаніемъ величія той задачи, какую они выполняли. Въ то время въ Россіи громадное большинство крестьянъ имѣло еще собственное хозяйство и дѣлало изъ земли гораздо лучшее употребленіе, чѣмъ помѣщики, поступавшіе съ своими землями самымъ безобразнымъ образомъ. По причинѣ запущенности помѣщичьихъ земель, въ особенности внѣ черноземной полосы, земли стоили очень дешево, и ихъ покупкою въ рукахъ крестьянъ могло бы сосредоточиться громадное состояніе. Вблизи большаго города Костромы я осмотрѣлъ одну землю, купленную крестьянами у помѣщика. Земля считалась никуда не годною, крестьяне заплатили за нее по 3 шиллинга и 4 пенса за акръ. Черезъ годъ они ее раздѣлали и имъ предлагали уже 3 ш. 4 п. аренды въ годъ; въ теченіе одного года они могли вернуть своей капиталъ; но они не соглашались отдавать ее въ аренду. Въ то время, когда ихъ сосѣди пахали землю, на половину пересыпанную мелкимъ камнемъ, на этой землѣ камня не оказалось и она могла давать при хорошемъ удобреніи прекрасные урожаи. Полтавская и екатеринославская губерніи были единственными, гдѣ либеральныя земства позаботились о томъ, чтобы существованіе банка сдѣлалось извѣстно крестьянамъ,

и въ полтавской, сколько мнѣ помнится, они купили 60 000 акровъ. Населеніе Англіи въ пятнадцать разъ больше населенія полтавской губерніи: въ какомъ восторгѣ были бы англійскіе сельскіе рабочіе, если бы они могли по соразмѣрности купить въ годъ милліонъ акровъ земли; вотъ что значитъ пріобрѣтать землю тогда, когда она еще дешева! Рядомъ съ крестьянами и фабричнымъ рабочимъ досталась долька — учреждены были фабричные инспекторы, дѣлались распоряженія касательно работы дѣтей и женщинъ, касательно принятія санитарныхъ мѣръ на фабрикахъ. Журналы и газеты имѣли достаточно матерьялу для восхваленія правительства.

3.

Среди шума, произведеннаго этими мѣрами, восторженное русское общество и позабыло о конституціи. Къ чему въ самомъ дѣлѣ конституція, къ чему хожденіе въ народъ, энтузіазмъ, терроризмъ, къ чему все это волненіе и безпокойство, когда заботливое правительство такъ успѣшно практикуетъ соціалдемократію и оказываетъ народу столько благодѣяній?! Между тѣмъ Толстой сдѣлался все-

сильнымъ министромъ и дѣло покатилось по совсѣмъ другой колеѣ. Рядомъ съ крестьянскимъ банкомъ учрежденъ былъ дворянскій. Вѣдь и въ самомъ дѣлѣ несправедливо было давать крестьянамъ кредитъ на покупку земли, а дворянъ лишать этого преимущества. Скоро оказалось, что крестьянскій банкъ сталъ чахнуть, а дворянскій быстро расцвѣлъ, въ то время, когда крестьяне получали жалкіе милліоны, дворяне нахватали сотни милліоновъ. О снабженіи крестьянъ необходимымъ для нихъ орудіемъ труда, объ упроченіи крестьянскаго хозяйства, объ уравненіи земель и платежей не было болѣе и рѣчи. Дошло до того, что крестьянамъ часто невозможно было купить землю черезъ банкъ иначе, какъ по протекціи вліятельнаго помѣщика. Дѣло вышло на оборотъ. Практика показала, что самыми успѣшными производителями въ сельскомъ хозяйствѣ были крестьяне, а крупные землевладѣльцы оказались плохими и часто никуда не годными хозяевами; поэтому пресса настаивала на томъ, чтобы крестьянскому хозяйству даны были способы развиваться, на уравненіи надѣловъ и платежей, на крестьянскомъ банкѣ, на организаціи переселеній. Когда Александръ III-ій вступилъ на престолъ, онъ радъ былъ ухватиться за реформы въ этомъ духѣ, чтобы отстранить отъ себя грозный вопросъ

о конституціи. Его мечтою было, не давая конституціи, открыть себѣ возможность перестать жить въ своемъ дворцѣ, какъ въ тюремномъ заключеніи, не подозрѣвать убійцу въ каждомъ приближающемся къ нему человѣкѣ, ѣздить свободно по улицамъ Петербурга, сначала съ конвоемъ, а потомъ и безъ конвоя. Для этого онъ былъ готовъ сдѣлать всѣ возможныя реформы, какія угодно. Но за тѣмъ Толстой успѣлъ убѣдить его, что конституціонный пылъ въ образованномъ обществѣ быстро остылъ, когда сошли со сцены тѣ двѣсти террористовъ, за которыхъ оно держалось, какъ за свой якорь спасенія. Ловкій придворный, онъ съумѣлъ убѣдить императора, что онъ можетъ осуществить всѣ свои задушевныя мечты. Онъ запѣлъ старую пѣсню, ту самую, которую Лагарпъ пѣлъ Александру Іму, Нессельроде Николаю, Милютинъ Александру IIму; все спасеніе Россіи въ императорской власти, ея расширеніе составляетъ прямую его обязанность, если онъ ее выпуститъ изъ своихъ рукъ, она достанется такимъ рукамъ, которыя сдѣлаются необузданными притѣснителями народа. Будучи наслѣдникомъ, онъ заявилъ себя защитникомъ дворянъ, притѣсняемыхъ его отцомъ; онъ можетъ явиться имъ и теперь, и для этого ему вовсе не нужно давать конституціи: онъ укажетъ ему

путь вполнѣ дѣйствительнаго покровительства и помимо этой анархической затѣи. Паскевичъ, въ одномъ письмѣ, написанномъ Николаю, увѣрялъ его, что если бы онъ, Николай, владѣлъ Европою, то онъ уничтожилъ бы въ ней всѣ конституціонныя идеи, народы поволновались бы немного и успокоились, убѣдившись въ благодѣтельности его деспотизма. Толстой увѣрялъ Александра IIIго, что онъ на дѣлѣ докажетъ благодѣтельность деспотизма, что Россія нѣсколько поволнуется, пойметъ и успокоится. Передъ глазами Александра IIIго онъ поставилъ великій вопросъ: за кѣмъ будущее, за свободными учрежденіями или за деспотизмомъ? — и отвѣтилъ: за деспотизмомъ! „Надо слѣдовать системѣ императора Николая,“ крикнулъ онъ, и крикъ этотъ раздался по всей Россіи. Онъ взялся на практикѣ доказать справедливость своей мысли; онъ все подчинитъ волѣ императора и все подчинится добровольно, охотно и будетъ счастливо; всѣмъ страданіямъ, всѣмъ волненіямъ придетъ конецъ, наступитъ время тишины и безмятежнаго житья подъ сильной рукою правящаго правительства. Всѣ несправедливы, всѣ склонны обижать другъ друга, только одно правительство можетъ быть безпристрастнымъ, оно одно возвышается такъ надъ всѣми, что можетъ творить судъ безстрастный и не лице-

пріятный. Неужели не справедливо, что дворянскій банкъ гораздо заманчивѣе для дворянъ, чѣмъ конституція? Конституціи они скорѣе боятся, чѣмъ желаютъ, а за дворянскій банкъ они ухватились и руками и зубами, лишь только онъ появился. Они раззорятся черезъ него, какъ раззорялись при крѣпостномъ правѣ, но тѣмъ лучше, тѣмъ болѣе они будутъ покорны. А кромѣ того есть еще одно не лишенное интереса соображеніе. Положимъ, будущее за деспотизмомъ, но кромѣ будущаго есть еще настоящее. Теперь всѣ государи заботятся о преумноженіи своего частнаго имущества. Теперь такія времена, что, не смотря на все ихъ могущество, ихъ подданные часто берутъ надъ ними верхъ. Австрійскій императоръ безъ сомнѣнія лично одинъ изъ самыхъ могущественныхъ государей, однако же въ его имперіи есть подданные, которые богаче его. Не мѣшало бы императору позаботиться о своемъ личномъ обогащеніи и объ обогащеніи лицъ царствующаго дома. Обогащая дворянъ, расширяя ихъ землевладѣніе, ему вполнѣ прилично было бы подумать и о себѣ и о царской фамиліи. Увидавъ, что они сходятся въ своемъ стремленіи къ расширенію своихъ земель, дворяне тѣмъ болѣе сознали бы солидарность своихъ интересовъ; они увидали бы въ императорѣ крупнѣйшаго изъ зем-

левладѣльцевъ и естественнаго своего покровителя. Начались заботы о преумноженіи дворянскаго землевладѣнія и чтобы эти земли посредствомъ маіоратовъ и другихъ хитросплетеній сохранялись въ рукахъ дворянства. Сдѣлалось вполнѣ понятнымъ, что и императорскому семейству слѣдовало позаботиться о себѣ; оно такъ размножилось, что пришлось издать законъ о постепенномъ переходѣ лицъ царствующаго дома въ ряды высшей аристократіи. Многочисленные родственники императора могли вполнѣ служить связывающимъ звеномъ между дворянствомъ и его государемъ. Царствующій домъ долженъ былъ сдѣлаться вмѣстѣ съ тѣмъ и высшей аристократіей. Но для этого нужно было позаботиться о его снабженіи достаточнымъ имуществомъ, а то при ихъ плодовитости его члены могли расплодиться, какъ желтопоясники и краснопоясники въ Китаѣ; чего добраго съ ними могло случиться то, что случилось съ князьями Рюрикова дома, которыхъ можно было встрѣтить извощиками на петербургскихъ улицахъ. Биржевая игра, конечно, сдѣлалась привиллегированнымъ занятіемъ царствующаго дома, но извѣстно, что биржевая игра дѣлаетъ людей труболетами; для поддержанія достоинства великихъ и маленькихъ князей царскаго рода нужно было что нибудь болѣе

солидное, — а что можетъ быть солидиѣе землевладѣнія?! Царствующій родъ сталъ хватать землю, пустился въ агрономію и старался отличиться сельско-хозяйственными продуктами своихъ имѣній. Погреба, погребки и даже кабаки въ Петербургѣ, Москвѣ и другихъ городахъ наполнились бутылками съ этикетами имѣній императора и великихъ князей. Такимъ образомъ они подавали дворянству примѣръ не только въ захватѣ земель, но и въ занятіяхъ сельскимъ хозяйствомъ. Стали говорить, что лучшія имѣнія великаго русскаго царства сдѣлались частной собственностью императора. Въ особенности югъ съ его винодѣліемъ и разнообразной производительностью сталъ заманчивой добычей. Приведу одинъ примѣръ, чтобы показать, какъ размножались эти имѣнья. На верхнемъ теченіи Куры, среди горъ, которыя тянутся отъ сурамскаго перевала, существуетъ прелестное мѣстечко Боржомъ, — это одно изъ любимыхъ дачныхъ мѣстъ на Кавказѣ. Судьба его была сдѣлаться добычей дяди императора, Михаила Николаевича. Имъ захвачено было тутъ огромное пространство, на которомъ разбросано было нѣсколько десятковъ деревень. Населеніе этихъ деревень состояло къ русскому правительству въ феодальныхъ отношеніяхъ съ давними и твердо укоренившимися обычными

правами. Сдѣлать изъ этой земли частную собственность правительство не имѣла никакого права; всетаки Михаилъ Николаевичъ съумѣлъ присвоить ее себѣ. Его сдѣлали чѣмъ то въ родѣ индѣйскаго земиндара; на этомъ основаніи онъ сталъ распоряжаться, какъ частный собственникъ, и старался превратить населеніе въ арендаторовъ, которыхъ онъ могъ бы удалять по своему усмотрѣнію. Его примѣру стали слѣдовать другіе, и по иниціативѣ лицъ царствующаго дома многочисленные кавказскіе князья и дворяне начали захватывать земли и превращать феодальныя отношенія въ аренды; они забирали себѣ даже горы съ альпійской растительностью, эти прелестныя вершины, искони ни чьей собственности не знавшіе и гдѣ вольные, какъ птицы, пастухи пасли свои стада. Кавказъ сталъ любимымъ мѣстопребываніемъ лицъ царской крови, а раболѣпное кавказское дворянство такъ быстро вошло во вкусъ узурпаціи, что пришлось противъ него принимать мѣры, чтобы не вызвать опасное возстаніе. Но воронъ ворону глазъ не клюетъ, и великіе и малые князья, не смотря на мѣры, продолжали дѣлать свое дѣло. Такое отбираніе земель у народа очень скоро стало порождать свои результаты; я могъ напечатать въ „Недѣлѣ“ статью, въ которой обращалъ вниманіе на быстрое воз-

растаніе пролетаріата, въ особенности сельскаго, въ Россіи. Я доказывалъ необходимость привести статистическимъ путемъ въ извѣстность количество пролетаріевъ и приводилъ соображенія, по которымъ число ихъ можетъ быть опредѣлено въ тридцать милліоновъ тамъ, гдѣ оно еще недавно считалось совершенно ничтожнымъ. Были и другія попытки указать на возрастаніе пролетаріата, хотя онѣ и не рѣшались доходить до моей грандіозной цифры. Однакоже всѣ эти начинанія, умѣренныя и неумѣренныя, замяты были въ грязь. Пресса старалась парализировать развитіе пролетаріата и обнищаніе народа другимъ путемъ. Предлагали сдѣлать крестьянскій банкъ орудіемъ для облегченія переселенія. Изъ мірскаго владѣнія вытекала существенная необходимость въ такомъ употребленіи банка. Въ Соединенныхъ Штатахъ крестьянинъ продаетъ свою землю и съ этимъ капиталомъ отправляется на западъ, заводитъ хозяйство на болѣе широкую ногу; но и при этомъ условіи онъ не можетъ обходиться безъ кредита; — нерѣдко онъ покупаетъ свою усадьбу съ полной обстановкой въ кредитъ. Русскій же крестьянинъ, сидящій на мірской землѣ, не можетъ продавать своего надѣла, такъ какъ онъ ему не принадлежитъ, а составляетъ въ сущности землю публичнаго права. Конечно онъ на новомъ мѣстѣ точно

такъ не получаетъ свою землю даромъ, но при обзаведеніи онъ не можетъ обойтись безъ кредита. Подобное употребленіе изъ крестьянскаго банка не только увеличило бы благосостояніе крестьянъ, но и доходы правительства, такъ какъ земли, на которыхъ являлись переселенцы, могли выносить значительно большее обложеніе. Но тутъ замѣшалось одно обстоятельство: переселеніе, выгодное для крестьянъ, было невыгодно для крупныхъ землевладѣльцевъ, пользовавшихся нищенскимъ положеніемъ обезземеленнаго пролетаріата. Послѣ всего этого изложенія читателю не трудно понять, на сколько оправдалось увѣреніе Толстого, что неограниченный государь вслѣдствіе высокаго своего положенія дѣлается справедливымъ судьею надъ своими подданными, и что деспотизмъ возьметъ верхъ надъ конституціонными учрежденіями во имя этой справедливости.

Глава третья.

Система Толстого.

1.

Толстой находилъ, что нѣтъ надобности, чтобы благодѣянія императора по отношенію къ дворянству ограничивались мѣрами, о которыхъ мы только-что говорили; можно идти далѣе, можно расширить ихъ власть. Не въ томъ состояла ошибка Александра II-го, что онъ далъ дворянамъ возможность занимать должности по земству съ хорошимъ вознагражденіемъ, а въ томъ, что онъ далъ земству нѣкоторую независимость. Общинныя учрежденія, права по выборамъ нужно преслѣдовать вездѣ и всячески, прежде всего сельскую общину. Клевреты Толстого, разъѣзжаясь на лѣто по своимъ деревнямъ, усердно собирали всевозможные факты, которые могли бы служить доказательствомъ негодности и вреда

сельской общины, и доносили ему объ нихъ. Такимъ образомъ онъ набралъ достаточно матерьялу, чтобы доложить императору о необходимости взять ее въ опеку. Она была отдана на жертву урядникамъ, составившимъ первое великое изобрѣтеніе Толстого. Урядниками назывались конные жандармы, которые помыкали крестьянами, какъ унтеръ-офицеры солдатами. Крестьянство застонало отъ этихъ новыхъ піявокъ, а бюрократы возликовали. Губернаторы на перебой стали домогаться увеличенія штата полиціи и увеличенія ихъ содержанія; города не знали, откуда брать денегъ для насыщенія ихъ ненасытной утробы. И все это подъ предлогомъ революціонной пропаганды, которая уже давно вышла изъ моды и о которой никто не думалъ среди всеобщаго царства малодушія. Что дѣлала эта полиція, трудно было сказать, воровства она не прекращала, революціонной пропаганды не было; все ея занятіе заключалось въ томъ, чтобы преслѣдовать другъ друга. Тайная жандармская полиція со своими шпіонами преслѣдовала явную съ ея сыщиками; обѣ были другъ съ другомъ на ножахъ и только тогда мирились, когда вмѣстѣ пьянствовали въ кабакахъ и трактирахъ, за которыми надзирали на счетъ ихъ хозяевъ. А для того, чтобы этимъ хозяевамъ было чѣмъ ихъ угощать, кабаки

монополизировались: не всякій могъ учредить кабакъ, а только тотъ, кто получалъ на это привилегію; цѣны на вина сильно поднялись. Городъ оплачивалъ полиціи жалованье, а жители города взятки, получаемыя отъ хозяевъ заведеній, съ излишкомъ, разумѣется. Чтобы покорить себѣ земство, его предсѣдателей и руководителей стали подкупать служебной карьерой, чинами и орденами. Губернскихъ предводителей дворянства дѣлали губернаторами, предсѣдателямъ управъ давали высокіе чины и звѣзды. Года въ три они всѣ перемѣнили фронтъ, за немногими исключеніями всѣ изъ либераловъ переименовали себя въ консерваторовъ и щеголяли выставкой своихъ орденовъ. Послѣ этого Толстой счелъ возможнымъ нанести земству первый рѣшительный ударъ; центръ вліянія земства составляли крестьянскія учрежденія и мировой судъ. Непосредственными начальниками надъ выборнымъ сельскимъ и волостнымъ начальствомъ были крестьянскія присутствія, дѣлопроизводство которыхъ было въ рукахъ избираемыхъ отъ земства непремѣнныхъ членовъ. Если кто либо не исполнялъ требованія полиціи, то полиція не могла распорядиться сама, а должна была жаловаться на него въ мировой судъ, судьи котораго избирались земствомъ. Толстой спѣлъ свою лебединую пѣсню, замѣнивъ все

это институтомъ земскихъ начальниковъ. Число членовъ крестьянскихъ присутствій было увеличено, создано было гораздо болѣе мѣстъ мировыхъ судей и земскихъ начальниковъ, чѣмъ было прежде, но всѣ эти мѣста были по назначенію отъ правительства. За то же всѣ они замѣщались исключительно дворянами или чиновниками изъ дворянъ; другіе классы лишились всякаго вліянія. Дворяне съ жадностью кинулись на новыя мѣста и позабыли не только о конституціи, но и о всякомъ самоуправленіи; близорукіе люди, они продавали свое старшинство за блюдо чечевицы. Толстой торжествовалъ, онъ могъ почитать себя карликовымъ Ришелье; какъ на высокихъ горахъ растетъ карликовая береза, такъ въ суровомъ русскомъ климатѣ могъ вырости только карликовый Ришелье. Еще при Александрѣ IIмъ редакторы газетъ и журналовъ превращены были въ правительственныхъ чиновниковъ; отъ усмотрѣнія правительства зависѣло сдѣлать редактора богатымъ или раззорить его долгами. Черезъ этотъ оригинальный родъ чиновниковъ вся русская пресса попала подъ опеку правительства; оно могло приказать прославить писателя и могло осудить его на полную неизвѣстность. Толстой ввелъ въ этой области существенное усовершенствованіе. Прежде всего онъ сократилъ число предметовъ,

которыхъ могла касаться литература, раздѣлилъ и журналы и писателей на привиллегированныхъ и обездоленныхъ; однимъ было дозволено многое, что другимъ было строго запрещено. Онъ дозволилъ напр. Каткову доказывать, что его врагъ министръ Бунге утаилъ четыре милліона. Если Бунге не щадилъ казенный сундукъ, то Толстой былъ хуже его, однакоже, если бы въ отвѣтъ на статьи Каткова кто нибудь вздумалъ доказывать, что Толстой воровалъ больше его, то и газета была бы уничтожена и писатели сосланы въ Сибирь. За тѣмъ Толстой доказывалъ, что публика вовсе не интересуется серіозными статьями, она охотно читаетъ одни романы. Ея серіозность напускная, и отъ этой моды она откажется очень легко. Поэтому онъ направилъ дѣло прямо къ прекращенію серіозной литературы и къ ея замѣнѣ романами и повѣстями; беллетристика должна была преобладать въ особенности въ изданіяхъ, читавшихся людьми радикальнаго направленія или интеллигентнымъ пролетаріатомъ. Изъ романовъ и повѣстей подверглись остракизму переводные романы, въ которыхъ описывалась политическая или классовая борьба и рабочія движенія. Во время энтузіазма публика пристрастилась къ этимъ романамъ. Еще тяжелѣе рука администраціи налегла на повѣсти изъ рабочей и

крестьянской жизни. Въ этой области я съ особымъ интересомъ слѣдилъ за двумя писателями: Златовратскимъ и Успенскимъ. Златовратскій былъ значительно умнѣе и развитѣе Успенскаго, но оба были приблизительно одинаково талантливы. Сначала они писали не ловко; замѣтны были и недостатокъ умѣнья владѣть перомъ, и недостаточное знакомство съ народомъ; въ особенности Успенскій былъ часто крайне скученъ. По немногу они вырабатывали изъ себя художниковъ, они проникали въ образъ мыслей и въ чувства народа, мнѣ интересно было слѣдить, какъ въ ихъ изображеніяхъ теоретически измышленные люди замѣнялись живыми, прямо изъ дѣйствительности взятыми крестьянами и рабочими. Въ особенности Златовратскій обѣщалъ сдѣлаться полезнымъ писателемъ, онъ не былъ инстинктивнымъ художникомъ, онъ не пѣлъ, какъ птица поётъ на вѣтвяхъ, въ изображеніяхъ была идея и цѣль; поэтому въ началѣ люди въ его повѣстяхъ казались сочиненными для цѣлей его теоріи, и это вредило его идеямъ, вмѣсто того, чтобы ихъ подтверждать; но со временемъ онъ научился извлекать свои идеи изъ своихъ наблюденій, его люди стали живыми, а изображеніе художественнымъ. Но именно въ минуту разцвѣта его таланта, политика Толстого достигла полнаго своего торжества и онъ дол-

женъ былъ замолчать рядомъ съ другими писателями, получившими извѣстность и потомъ окончательно подавленными. Успенскій могъ писать въ хорошемъ направленіи, но онъ никогда не былъ человѣкомъ идеи и ясно сознанныхъ убѣжденій; по характеру своему, вообще робкому, онъ окончательно былъ неспособенъ, подобно Салтыкову, крикнуть сильное слово именно въ то время, когда въ немъ всего болѣе нуждались, а потому ему легче было приспособляться къ правительству; выработавшись, онъ могъ иногда писать вещи, производящія вполнѣ художественное впечатлѣніе, но вообще на его произведеніяхъ лежала тяжелая печать угнетенія духа. Страданія, которыя онъ испытывалъ отъ цензурныхъ бичеваній, отражались въ его произведеніяхъ, какъ въ зеркалѣ, и давали имъ иногда колоритъ невыносимо тяжелой мрачности. Слѣдя за развитіемъ этихъ писателей, я убѣждался, какой прекрасный расцвѣтъ могла бы получить русская беллетристическая литература, изображающая простолюдина, его чувства, нужды и страданія. Сколько плодотворнаго сочувствія она могла бы внушить обществу къ его судьбѣ, какъ много она могла бы сдѣлать для соціальной будущности страны. Одушевленная мыслію объ этомъ соціальномъ будущемъ, научная литература принялась за изученіе общины съ

полной научной объективностью, она старалась получить вѣрное и точное понятіе вмѣсто теоретически мечтательнаго; но лишь только дѣло подвинулось достаточно впередъ, оно было убито новой политикой, собранныя данныя послужили орудіемъ для ея угнетателей. Та же участь постигла и беллетристическую литературу, вызывавшую въ обществѣ сочувствіе къ труженику. Зависимость соціальной будущности страны отъ ея политическаго режима обрисовалась съ полной яркостью. Литература безцвѣтная и пустая опошляла все и всѣхъ. Начиная отъ воцаренія Александра II-го, таланты появлялись на нѣкоторое время на горизонтѣ, пріобрѣтали извѣстность и потомъ сходили со сцены часто прежде, чѣмъ талантъ ихъ успѣвалъ окончательно развиться. Нѣкоторые изъ нихъ должны были бѣжать, напр. Зайцевъ, Соколовъ, Ткачевъ, и погибали безплодно за границей; другіе сосланы были въ Сибирь, напр. Щаповъ, Станюковичъ, третьи просто устранялись и умирали отъ горя, напр. Шашковъ, Демертъ; о дальнѣйшей судьбѣ нѣкоторыхъ я ничего не узналъ, напр. Антоновичъ. Даже такой крупный талантъ, какъ Салтыкова, котораго такъ трудно было принудить къ молчанію, подъ конецъ былъ устраненъ и имѣлъ только то утѣшеніе, что могъ изливать горькія жалобы на источникъ своихъ

страданій и своей смерти. Ревнивый и подозрительный деспотизмъ боялся, чтобы группа вполнѣ развившихся талантовъ не подавила его безраздѣльнаго владычества, а потому онъ любилъ занимать публику появленіемъ новаго таланта, а потомъ прихлопывать его какъ муху. Сколько талантовъ должна родить страна, чтобы при такой системѣ могъ осуществиться прогрессъ! Такъ же, какъ съ талантами, поступали и съ редакторами журналовъ. Знаменитый Некрасовъ, по умѣнью вести дѣло геніальнѣйшій изъ русскихъ редакторовъ, долженъ былъ унизительно въ печати просить прощеніе, чтобы остаться редакторомъ, да и то онъ оставленъ былъ только потому, что его смертный приговоръ былъ подписанъ природою, и правительству нечего было объ этомъ заботиться. Салтыковъ былъ устраненъ отъ редакторства и умеръ съ горя. Шелгуновъ былъ однимъ изъ тѣхъ писателей, которые обладали особымъ искусствомъ приспособляться къ требованіямъ правительства, и всетаки онъ могъ пробыть редакторомъ только короткое время и долженъ былъ отказаться. Отъ редакторовъ требовалось такое умѣнье, угождать одновременно и вкусамъ публики и требованіямъ администраціи, которое рѣдко встрѣчалось. Толстой съумѣлъ и тутъ ввести усовершенствованіе, онъ заявилъ, что на вкусъ публики

нечего обращать вниманіе, пусть съ нею не церемонятся; пресса должна выполнять намѣренія правительства, а не причуды публики; если редакторъ умѣетъ угождать администраціи, то онъ можетъ быть увѣренъ, что никому не будетъ дозволено вредить ему своей конкурренціей. Подъ такимъ условіемъ онъ можетъ даже щеголять смѣлой оппозиціей правительству, администрація не сорветъ съ него ореола.

2.

Гоненіе на просвѣщеніе было по крайней мѣрѣ на столько же интенсивно, какъ и гоненіе на прессу; въ петербургскомъ университетѣ дошло до того, что ни одинъ изъ уважаемыхъ профессоровъ не соглашался принимать на себя должность ректора. Пришлось назначить на мѣста ректора и инспектора людей пользовавшихся самой жалкой репутаціей. Даже при императорѣ Николаѣ правительство не доходило до такого униженія; казанскій университетъ, въ которомъ я учился, былъ въ самомъ жалкомъ положеніи, однакоже безсмѣннымъ ректоромъ этого университета былъ извѣстный всему ученому міру творецъ воображаемой геометріи Лобачевскій. Между назначеннымъ

правительствомъ ректоромъ петербургскаго университета Владиславлевымъ и профессорами шла нескончаемая война, возмутившая даже спокойствіе наиболѣе вліятельнаго, умѣренно либеральнаго журнала „Вѣстника Европы“; чтобы охарактеризовать Владиславлева, какъ ученаго, онъ помѣстилъ на своихъ страницахъ выписку изъ его психологіи, которая вызвала гомерическій смѣхъ на всю Россію. Онъ долженъ былъ ввести между студентами военную дисциплину, чтобы они пріучались повиноваться, а не разсуждать. Въ это мрачное время и въ моей судьбѣ произошла перемѣна. Послѣ того, какъ я отправленъ былъ въ ссылку къ полярному кругу и мнѣ отрѣзана была возможность писать книги, я вынужденъ былъ существовать другимъ литературнымъ трудомъ: я дѣлалъ статистическія работы, писалъ статьи, въ которыхъ излагалъ свои экономическія, соціальныя и политическія идеи. При помѣщеніи этихъ статей я встрѣчалъ постоянно такія же затрудненія, какъ при печатаніи моихъ книгъ. Нѣсколько разъ первостепенные журналы пытались сдѣлать изъ меня своего постояннаго сотрудника, но это не удавалось. Я не могъ иначе писать, какъ извѣстнымъ образомъ, а это могло подходить подъ правительственную мѣрку только въ теченіе тѣхъ немногихъ свѣтлыхъ минутъ, когда Россіи

дозволялось слышать болѣе свободное слово. Лишь только вѣтеръ мѣнялся, я оставался за флагомъ и, написавъ статью, я долженъ былъ искать случай ее помѣстить. Тогда мнѣ помогала та самая правительственная политика, которая меня губила. Правительство заставляло молчать одинъ талантъ за другимъ, оно смѣняло редакторовъ и такъ же часто прекращало и запрещало періодическія изданія; когда журналъ запрещался, на его мѣстѣ появлялся другой. Новому органу нужно было заставить о себѣ кричать, чтобы пріобрѣсти подписчиковъ, и тогда онъ охотно принималъ смѣлыя статьи; правительство также мирволило ему въ этихъ случаяхъ, чтобы утѣшить публику въ утратѣ только-что закрытаго органа, а отчасти, чтобы успѣшнѣе проводить свою систему постоянной замѣны любимцевъ публики однихъ другими. Ни писатель, ни журналъ не должны были дѣлаться силой, съ которой приходилось бы считаться. Система эта проводилась такъ удачно, что никто въ прессѣ не могъ назваться самостоятельной силой. Считались силой Катковъ и Стасюлевичъ, но самостоятельной силой ихъ ни въ какомъ случаѣ нельзя назвать, они вовсе и не опирались на общественное мнѣніе, а вдохновлялись идеями государственныхъ людей и членовъ государственнаго совѣта. Они были органами усердныхъ императорскихъ

слугъ, которые поддерживали въ Россіи неограниченную монархію и печальное положеніе Польши, остзейскаго края и Финляндіи. Въ этихъ органахъ они сводили свои внутреннie счеты. Чтобы получить понятіе объ идеяхъ этихъ людей, нужно знать то униженіе, до котораго доведены были государственные люди Александромъ IIIмъ. Въ государственномъ совѣтѣ никто не смѣлъ высказывать свое мнѣніе прямо и открыто, какъ его выражаетъ человѣкъ, сознающій свое достоинство. Прежде всего всякій, не только государственный человѣкъ, но просто выше другихъ поставленный чиновникъ непремѣнно долженъ былъ заявлять и называть себя консерваторомъ; выше извѣстнаго чина никто не смѣлъ быть ничѣмъ инымъ, кромѣ консерватора. Мы видѣли выше, что всѣ предводители дворянства и предсѣдатели управъ стали называть себя консерваторами; слѣдовательно и въ земствѣ и въ дворянствѣ не полагалось существованіе какой бы то ни было другой партіи, кромѣ консервативной. Въ государственномъ совѣтѣ взгляды императора, разумѣется крайне реакціонерные, служили исходной точкой для обсужденія всѣхъ вопросовъ; всякій членъ государственнаго совѣта, доказывая справедливость своихъ мнѣній, долженъ былъ доказывать, что они приведутъ къ осуществленію реакціонерныхъ цѣлей им-

ператора. Только по временамъ бывшій министръ, чтобы хлеснуть счастливаго своего замѣстителя, напоминалъ ему тѣ либеральныя слова, которыя онъ когда-то произносилъ или писалъ. Изъ честолюбія государственные люди покорялись этому режиму и наконецъ въѣдались въ него. Мать Нерона Агриппина невидимо присутствовала въ римскомъ сенатѣ, чтобы ни одинъ сенаторъ не могъ осмѣлиться говорить иначе, чѣмъ такъ, какъ она того желаетъ; но для этого она должна была подслушивать за занавѣской. Александръ III-ій не нуждался въ такомъ униженіи. Римскіе сенаторы были львы по сравненію съ государственными людьми Александра III-го. Этотъ императоръ также невидимо присутствовалъ въ засѣданіяхъ государственнаго совѣта; но ему подслушивать не было надобности, онъ зналъ все, не подслушивая, онъ унижалъ, но не унижался. Великое искусство Стасюлевича заключалось въ томъ, что его органъ „Вѣстникъ Европы“ могъ въ одно и то же время слыть либеральнымъ органомъ и быть зеркаломъ идей тѣхъ государственныхъ людей, о которыхъ мы только что говорили. Послѣ Каткова и Стасюлевича, единственный человѣкъ, который считался силой, былъ Салтыковъ, однакоже когда правительство его прихлопнуло, тогда общество ровно ничего не сдѣлало, чтобы

высказать свое негодованіе, по выраженію самого Салтыкова оно, какъ собаченка, шмыгнуло въ подворотню. Онъ могъ вспомнить въ эти горькія минуты тѣхъ государственныхъ людей, которыхъ онъ когда-то осмѣивалъ: въ благородномъ порывѣ, поднявъ высоко свое знамя, по его выраженію, они принимали позу героевъ, за что въ награду получали отъ восторженныхъ дамъ лишнюю порцію пирожнаго. Но грозныя очи сверкнули, героизмъ немедленно улетучивался и, поджавъ хвостъ, герой, оставленный всѣми, спасался въ подворотню.

3.

Когда появлялся новый журналъ, который имѣлъ шансы стать въ ряды первостепенныхъ органовъ, я посылалъ туда забракованную существующими первостепенными органами статью. Тамъ принимали ее съ радостью, начинали глумиться надъ журналами, которыми она была отвергнута, и хвалиться передъ публикой своей смѣлостью. Иногда журналъ принималъ болѣе радикальную окраску и по другимъ причинамъ; онъ напр. начиналъ замѣчать, что число подписчиковъ у него быстро уменьшается; другой разъ у него являлся

талантливый и убѣжденный редакторъ, который рисковалъ вслѣдствіе своей преданности идеѣ; случалось, что радикальный капиталистъ оказывалъ журналу денежную помощь, но при этомъ настаивалъ на печатаніи энергическихъ статей. Въ этихъ случаяхъ мнѣ удавалось помѣщать лучшія изъ моихъ статей по идейному ихъ содержанію. Но такіе журналы стояли надъ пропастью и были наканунѣ своей гибели. Нерѣдко журналъ закрывался прежде, чѣмъ статья моя была отпечатана, иногда печатаніе начиналось и прерывалось на половинѣ. Я до сихъ поръ не могу забыть прерванную статью подъ заглавіемъ: „Современная Франція и задачи современной цивилизаціи“, въ которой я проводилъ свой взглядъ на образованіе цѣнъ и на соціальныя организаціи. Существовалъ журналъ: „Знаніе“, славившійся своей солидной ученостью; когда правительство дѣлало ему первое предостереженіе, оно нашло необходимымъ для успокоенія общества выставить передъ нимъ на показъ цѣлый списокъ преступленій, будто бы совершенныхъ этимъ журналомъ, и доказать этимъ съ одной стороны свое долгое терпѣніе, а съ другой свое уваженіе къ наукѣ и къ общественному мнѣнію. „Знанію“ всетаки пришлось прекратить свое существованіе. Въ самый разгаръ терроризма, когда правительство оробѣло и распустило

подтянутыя возжи, одинъ изъ издателей „Знанія“, Корабчевскій, сталъ съ большимъ успѣхомъ издавать журналъ „Слово“. — Сколько я могу припомнить, это былъ самый смѣлый изъ русскихъ журналовъ; даже знаменитый „Современникъ“ временъ Чернышевскаго не отличался такой смѣлостью оппозиціи, но за то же онъ былъ закрытъ немедленно по вступленіи на престолъ Александра III-го; тутъ же попалась подъ топоръ и моя статья. Вообще, дѣлая предостереженія разнымъ журналамъ, правительство обыкновенно не забывало упомянать и о моихъ статьяхъ, даже о тѣхъ, которыя напечатаны были мѣсяцъ или два ранѣе и прошли благополучно. Перемѣна псевдонима, которую я иногда употреблялъ, не помогала, онѣ узнавались по тону и по моимъ идеямъ. Редакціямъ прочныхъ журналовъ мой образъ дѣйствія былъ непріятенъ; онѣ любили постоянныхъ сотрудниковъ, которые со временемъ дисциплинировались и пріобрѣтали большое искусство примѣняться къ обстоятельствамъ и удовлетворять требованіямъ правительства. Мое разыскиваніе періодическихъ изданій, которыя шли далѣе другихъ въ радикальномъ направленіи, очень имъ не нравилось. Когда моя жена являлась въ прочную редакцію со статьею, ее встрѣчали съ вопросомъ: „Сколько редакцій эта статья обѣгала?“ — Я этимъ впрочемъ

не обижался, напротивъ, я былъ благодаренъ такимъ журналамъ, какъ „Отечественныя Записки“ и „Дѣло“, за то, что они при первой возможности продолжали печатать мои статьи. Иногда меня и хвалили; я помню двѣ статьи, которыя заслужили отъ редакцій похвалу: одну помѣстили „Отечественныя Записки“, другую „Дѣло“; — обѣ изображали недостатки земства. Правительство никогда ничего не имѣло противъ того, чтобы ругали земство, и я долженъ сказать, что отъ такой политики земство улучшалось, а огражденная отъ критики администрація деморализировалась. По мѣрѣ того, какъ господство Толстого упрочивалось, мое положеніе ухудшалось. Изъ журналовъ, имѣвшихъ большое число подписчиковъ, ни одинъ уже не принималъ живой радикальной окраски: печатать радикальныя статьи и имѣть успѣхъ было вполнѣ невозможно. Всетаки оказывались люди, рѣшавшіеся на періодическія изданія, которыя своимъ появленіемъ совершали, такъ сказать, надъ собою самоубійство. Просуществовавъ нѣсколько мѣсяцевъ, они должны были прекращаться. Я, разумѣется, спѣшилъ помѣщать въ нихъ какую нибудь статью. Такъ я помѣстилъ статью въ почтенномъ и самоотверженномъ журналѣ „Устояхъ“. — До этого времени хотя статьи мои встрѣчали при своемъ помѣщеніи большія

препятствія, но разъ статья появлялась въ печати, я немедленно получалъ слѣдующія мнѣ деньги. Только при первомъ моемъ появленіи на литературномъ поприщѣ, въ 1867-мъ году, первая статья моя была не вполнѣ оплачена; съ того времени я жилъ литературнымъ трудомъ въ теченіе пятнадцати лѣтъ и не зналъ, что такое недоплата. Теперь было уже иначе, я писалъ не для журналовъ, богато снабженныхъ денежными средствами, а для такихъ, которые появлялись, вызванные самоотверженіемъ своихъ издателей, и работали на ихъ раззореніе; они погибали, и я предпочиталъ, погибать съ ними вмѣстѣ, желанію быть вознагражденнымъ и ускорять тѣмъ ихъ гибель. Мнѣ пришлось помогать себѣ работами другого рода; мнѣ присланъ былъ обильный матерьялъ для описанія лѣсного дѣла въ костромской губерніи, и я по заказу исполнилъ эту работу; другую подобную работу составлялъ матерьялъ для оцѣнки земель тверскимъ крестьянскимъ банкомъ и иные заказы въ томъ же родѣ. Въ это время Толстой доискивался источниковъ, откуда партія движенія получаетъ свои деньги, и старался раззорять тѣхъ, кто слишкомъ усердно ей сочувствовалъ. У меня неожиданно сдѣланъ былъ обыскъ; причины для обыска не было ровно никакой, даже и предлога не было. Изъ поведенія товарища прокурора, презрительно по-

жимавшаго плечами, когда глупый жандармскій офицеръ болталъ свою чепуху, я увидалъ только, что министерство юстиціи окончательно лишилось возможности полагать нѣкоторый предѣлъ осуществленію принципа „законность насъ губитъ“. Но жандармъ прямо выдавалъ свою тайну, онъ прежде всего и болѣе всего обращалъ вниманіе на мое хозяйство, на тѣ признаки, по которымъ можно было опредѣлить приблизительно, сколько я проживаю. Они нашли, что деньги у меня были въ разныхъ пакетахъ; причина такого размѣщенія заключалась въ томъ шаткомъ положеніи, въ которомъ я находился. Я не могъ беззаботно издерживать то, что получаю; могло пройти долгое, а при несчастныхъ случайностяхъ и очень долгое время, прежде чѣмъ будетъ какое нибудь поступленіе, а потому я принялъ за правило вскрывать каждый пакетъ только по истеченіи извѣстнаго срока. Но жандармъ истолковалъ дѣло по своему; по его мнѣнію одинъ пакетъ былъ предназначенъ для житья и другіе для противузаконныхъ цѣлей напр. для пропаганды. Товарищъ прокурора отказался помѣстить это въ протоколъ, и жандарму пришлось ограничиться доносомъ. Съ той минуты наступилъ конецъ моей литературной дѣятельности, и я долженъ былъ поступить на службу въ земство. Въ теченіе всѣхъ 16ти

лѣтъ моей литературной дѣятельности я былъ въ самомъ странномъ положеніи, изъ-за каждой своей книги, изъ-за каждой статьи я долженъ былъ биться, какъ начинающій писатель: я началъ и кончилъ начинающимъ. То, что я писалъ, производило нерѣдко большой шумъ, но идея всегда, безъ исключенія, оставалась незамѣченной. Изъ за этого я пилъ горькую чашу, съ отчаяньемъ въ душѣ и безъ всякой надежды я погружался во мракъ забвенія.

Глава четвертая.

Послѣдніе годы. Голодъ. Послѣ голода. Конституція.

1.

Толстой торжествовалъ, но торжество доставалось ему не легко; западни и подвохи окружали его со всѣхъ сторонъ. Всетаки онъ упорно шелъ къ своей цѣли, къ водворенію исключительнаго и безраздѣльнаго господства бюрократій. Императору онъ ее преподносилъ съ такой перифразой: на всемъ протяженіи русскаго царства должна имѣть вліяніе только власть, назначаемая императоромъ, должна господствовать одна администрація и притомъ такая, которая ставила бы себѣ цѣлью, всѣми средствами проводить систему императора, водворять единообразіе въ управленіи, какъ внутри Россіи, такъ и на ея окраинахъ, въ Польшѣ, въ остзейскомъ краѣ,

въ Финляндіи, въ средней Азіи и на Кавказѣ. Однакоже онъ такъ и умеръ, не добившись того, чтобы въ совѣтѣ самого императора, въ средѣ министровъ, не было лицъ, которыя думали бы объ одномъ — какъ его свергнуть. Съ императоромъ они такъ спѣлись, что трудно было сказать, кто проводилъ систему другого: императоръ систему Толстого или Толстой систему императора. Политика для введенія единообразной, чисто бюрократической системы управленія въ Россіи и въ ея окраинахъ составляла дальнѣйшее развитіе политики, создавшей земскихъ начальниковъ. Дворяне, имѣвшіе вліяніе въ земствѣ и на дворянскихъ выборахъ, утрачивали его и ставились отъ правительства въ полную зависимость. То же практиковалось и въ окраинахъ, напр. поляки, служившіе на желѣзныхъ дорогахъ или въ другихъ учрежденіяхъ своей родины, получали повышеніе и переводились внутрь Россіи, на Кавказъ, въ Сибирь, а на ихъ мѣсто назначались русскіе; такимъ образомъ и русскіе и поляки получали улучшеніе своего положенія, но окончательно утрачивали всякое вліяніе на общество. Послѣ смерти Толстого самъ императоръ сталъ распространять эту систему далѣе и даже на остзейскій край, гдѣ явились русскіе чиновники и профессора, замѣнявшіе нѣмцевъ; императоръ перещеголялъ

Толстого. Едва ли не самая трудная часть задачи Толстого заключалась въ замѣнѣ суда администраціей; политическая организація безъ суда казалась вещью до такой степени чудовищной, что даже въ Россіи ее признавали невозможной и немыслимой. Пока нападки касались суда присяжныхъ, новая политика чувствовала себя какъ рыба въ водѣ, но когда возникъ вопросъ о замѣнѣ самого суда администраціей, такая затѣя казалась перешедшей всѣ предѣлы человѣческаго здраваго смысла. Однакоже правительство не оробѣло. Подъ предлогомъ усовершенствованія административной ссылки введена была ссылка срочная. Въ прежнія времена административная ссылка не считалась ссылкой, а временнымъ удаленіемъ лица изъ извѣстной мѣстности, чтобы устранить вредное его вліяніе въ затруднительныхъ обстоятельствахъ; поэтому ссылали безъ срока. Предполагалось, что лицо будетъ возвращено немедленно, лишь только минуетъ опасность. Правительство нашло, что администрація злоупотребляла своимъ правомъ, и безсрочная ссылка была замѣнена срочной, крайній срокъ составлялъ пять лѣтъ. Общество должно было увидать въ этомъ либеральную мѣру; но разъ ссылали на срокъ, ссылка превратилась въ наказаніе, наложенное административнымъ порядкомъ; отсюда прямо перешли къ тюремному

заключенію на разные сроки по распоряженію администраціи. Восточный деспотизмъ вошелъ во всѣ свои права, рухнулъ послѣдній оплотъ — оплотъ суда. При Николаѣ иногда предавали военному суду; это былъ тотъ судъ коммиссіи, противъ котораго въ западной цивилизаціи такъ сильно кричали; онъ былъ хуже знаменитаго англійскаго суда звѣздной палаты, но все-таки это былъ судъ и притомъ онъ назначался только въ чрезвычайныхъ случаяхъ по повелѣнію самого государя. Въ обыкновенныхъ случаяхъ судили въ первыхъ двухъ инстанціяхъ выборные судьи. Теперь весь судъ состоялъ изъ лицъ, которыя назначались правительствомъ и по произволу имъ смѣнялись; но этимъ не устранилось опасеніе, чтобы законность насъ не погубила, и оказалось необходимымъ замѣнять судъ административнымъ распоряженіемъ. Плодъ созрѣлъ, оставалось имъ воспользоваться. Александръ III-й сталъ продолжать то дѣло, которое такъ успѣшно начато было его отцомъ. Государственные доходы и подати росли не по днямъ, а по часамъ. Теперь не было никакихъ препятствій пороть крестьянъ, и вновь испеченные дворяне-чиновники выколачивали изъ нихъ подати и сѣкли ихъ съ усердіемъ прозелитовъ. Стала практиковаться чудовищная система. Писались приговоры о наказаніи розгами такихъ лицъ,

для которыхъ идея перенесенія такого наказанія была ужасна, напр. приговаривались крестьяне, пользовавшіяся всеобщимъ уваженіемъ женщины. Приговоры эти оставлялись безъ исполненія, затѣмъ въ теченіе многихъ лѣтъ служили угрозою противъ приговоренныхъ и принуждали ихъ къ безусловному повиновенію. Человѣкъ, отъ котораго ожидали слово правды, долженъ былъ молчать и смотрѣть, какъ гибнетъ его общество; дѣвушки, женщины имѣли слабость жертвовать своею честью тайно, чтобы спасти ее явно. — Одинъ земскій начальникъ высѣкъ публично восемнадцатилѣтнюю дѣвушку подъ тѣмъ предлогомъ, что семь лѣтъ тому назадъ, когда ей было одиннадцать лѣтъ, она была приговорена къ розгамъ за то, что была поймана на чужомъ горохѣ, а писарь забылъ отмѣтить, что она была наказана ея родителями, во исполненіе приговора. Всего ужаснѣе было примѣненіе этой системы къ политическимъ каторжнымъ. Угроза привести въ исполненіе подобный приговоръ по отношенію къ одному изъ политическихъ заставлялъ цѣлую камеру, сорокъ, восемьдесятъ человѣкъ, объявить, что они уморятъ себя до смерти, если приговоръ будетъ исполненъ надъ ихъ товарищемъ, и приступить къ исполненію угрозы. Начальство, по инструкціямъ изъ Петербурга, поступало въ этомъ случаѣ съ

утонченной жестокостью: оно тайно слѣдило за голодающими черезъ доктора и только тогда отступалось отъ своего намѣренія, когда видѣло, что дальнѣйшее упорство повлечетъ за собою уже неизбѣжную смерть голодавшихъ. Страданія политическихъ такъ увеличились, а запуганное общество до того отупѣло, что его ничто не возмущало; еще недавно покушенія на отдѣльныя самоубійства приводили и прессу и читателей въ волненіе, а теперь покушенія массами оставлялись безъ вниманія; говорили, о ужасъ! что это средство опошлено частыми повтореніями. До такихъ же чудовищныхъ размѣровъ деморализованы были и судъ, и все общество! Оказался возможнымъ слѣдующій случай: Двадцатилѣтняя дѣвушка, мастерица моднаго магазина, пожаловалась въ судъ на то, что она, по приказанію содержательницы магазина, была высѣчена публично въ присутствіи всего личнаго персонала магазина мужчиною съ нарушеніемъ всѣхъ правилъ стыдливости и приличія, какія только можно было нарушить по отношенію къ дѣвушкѣ. Защищаясь, содержательница магазина доказывала, что подъ прикрытіемъ администраціи повсемѣстно работницы замѣняются такъ называемыми ученицами, не получающими жалованья и достигшими зрѣлаго возраста. Но такъ какъ работницы безъ жалованья не будутъ работать съ достаточнымъ

усердіемъ, то съ ними заключается контрактъ, которымъ содержатель заведенія получаетъ право сѣчь ихъ розгами, когда, какъ и сколько ему угодно. Содержательница магазина доказала, что взрослыхъ дѣвушекъ постоянно сѣкутъ съ нарушеніемъ всѣхъ правилъ стыдливости и приличія, потому что это дѣйствуетъ на нихъ сильнѣе. Этотъ случай показалъ, до какой степени бѣдности и нищенства доведенъ былъ рабочій классъ въ Россіи. При Александрѣ IIмъ отмѣнено было крѣпостное право, при Александрѣ IIIмъ возродилась кабала, которая была запрещена при крѣпостномъ правѣ. Крѣпостное право дозволено было только одному дворянству, но и ему не дозволена была кабала т. е. право заключать съ свободнымъ человѣкомъ контрактъ, на основаніи котораго этотъ человѣкъ обязывался къ безвозмездному труду, вынуждаемому тѣлесными наказаніями. Александръ IIIій дозволилъ закабалять людей не только дворянамъ, но всѣмъ, не исключая самыхъ мелкихъ и развращенныхъ ремесленниковъ; онъ воскресилъ въ Россіи самыя мрачныя времена варварства. Приведенный случай съ взрослой дѣвушкой показалъ, что этимъ путемъ рабочее населеніе доводилось не только до крайней бѣдности, но до полной распущенности нравовъ. Что же сдѣлалъ судъ? онъ призналъ кабальные контракты устано-

вившимся обычаемъ и отдалъ пожаловавшуюся дѣвушку содержательницѣ заведенія на истязаніе! Случай этотъ опубликованъ былъ въ газетахъ, а что сдѣлало общество? . . . оно прочло газеты и молчало — вотъ до какого оно доведено было униженія! Однакоже увы, съ такимъ блескомъ начатое дѣло кончилось неблагополучно. Возвратились всѣ тѣ бѣдствія, которыя посѣтили Россію въ 1848 г. въ самыя мрачныя времена царствованія Николая. Началось съ падежа, а потомъ стали свирѣпствовать голодъ, холера и другія повальныя болѣзни. Спрашивается, откуда они явились?

2.

Освобожденіе крестьянъ и устройство сѣти желѣзныхъ дорогъ при Александрѣ IIмъ оживили промышленность, возвысили народное благосостояніе и до нѣкоторой степени излѣчили раны, нанесенныя гнетомъ николаевскаго деспотизма. Но скоро обратно прогрессивные налоги, составлявшіе суть финансовой системы императора и возраставшіе съ неимовѣрной быстротой, повернули дѣло на старую колею. Въ теченіе долгихъ лѣтъ совершалось преступленіе обиранія у народа земли, и система

Александра III-го завершила все дѣло. Деспотизмъ фабрикантовъ присоединился къ обезземеленію крестьянъ, и въ окончательномъ результатѣ получилось слѣдующее положеніе: Заработная плата была понижена до того, что громадное большинство рабочаго класса не могло потреблять мяса; мясо не имѣло сбыта, цѣны на мясо были несоразмѣрно низки сравнительно съ цѣнами на хлѣбъ. Кормить скотъ произведеніями пахатныхъ полей было крайне убыточно. То количество скота, которое имѣлось, воспитывалось такимъ образомъ, что оно давало мало удобренія; оно воспитывалось преимущественно крестьянами. Въ теченіе семи мѣсяцевъ скотъ ходилъ въ лѣсахъ и на выгонахъ, въ это время отъ него вовсе не получалось удобренія. Четыре лѣтнихъ мѣсяца онъ питался сносно, а три остальныхъ очень плохо. Пять зимнихъ мѣсяцевъ онъ питался одной соломой и притомъ до такой степени плохо, что онъ спалъ зимнюю спячку, какъ медвѣди или змѣи. Сколько мнѣ извѣстно, въ Англіи о зимней спячкѣ скота и понятія не имѣютъ. Къ веснѣ онъ дѣлался такъ слабъ, что не былъ въ состояніи стать на ноги; приведеніе скота весною въ такое состояніе, при которомъ способность ходить у него возобновлялась, составляло особое искусство. При такомъ режимѣ отъ скота получался минимумъ удобренія.

Съ возрастаніемъ населенія количество воздѣланныхъ земель увеличивалось, а удобреніе сравнительно уменьшалось; поэтому неблагопріятная погода давала все болѣе тяжкіе и наконецъ ужасные результаты. Въ прежнія времена существовали общественные магазины, въ которыхъ крестьяне съ осени складывали хлѣбъ, а весною разбирали его для обсѣмененія полей. Эти учрежденія, сдѣлавшіяся патріархальными въ рукахъ схода, были изъяты изъ рукъ общины и переданы съ распоряженіе высшихъ классовъ. Распорядители собирали съ крестьянъ деньги и покупали на него для нихъ хлѣбъ. Еще въ то время, когда я писалъ по всѣмъ современнымъ вопросамъ, я доказывалъ, что этотъ образъ дѣйствій потому такъ сильно отстаивается, что онъ даетъ распорядителямъ возможность утаивать деньги; образецъ пріемовъ, при этомъ употребляемыхъ, приведенъ былъ мною выше, когда я говорилъ о своей пропагандѣ. На востокѣ Россіи, гдѣ голодъ былъ всего сильнѣе и гдѣ его центромъ служила самарская губернія, обстановка была слѣдующая: Тамъ встрѣчается прекрасная земная почва, но рядомъ съ нею значительныя пространства занимаются вывѣтрившимися каменными породами; тутъ почва состоитъ на половину изъ мелкаго камня и на половину изъ земли. Плоскогорья состоятъ преимущест-

венно изъ вывѣтрившагося камня, на которомъ даже лѣсъ остается низкорослымъ; эти почвы были причиною, что восточная, заволжская Россія всегда страдала отъ сильныхъ неурожаевъ. При освобожденіи крестьянъ помѣщики старались всучить крестьянамъ въ видѣ надѣла именно эти плоскогорья, что имъ удавалось въ значительныхъ размѣрахъ. За тѣмъ началась гонка вліятельнаго и имущаго класса за прекрасными землями съ черноземной почвой, пресса много шумѣла по поводу скандалезнаго расхищенія въ особенности башкирскихъ земель. Это расхищеніе производилось крупными чиновниками съ помощью всевозможныхъ насилій и злоупотребленій. Изъ захваченныхъ земель воздѣлывалась только небольшая часть, крупные чиновники были по большей части абсантеисты, а такъ какъ пріобрѣтеніе земель стоило имъ слишкомъ дешево, то они относились къ своему хозяйству съ большимъ легкомысліемъ и пренебреженіемъ. Отсюда составилась картина происхожденія голода, которая была вѣрна и для прочихъ частей Россіи. Крупные землевладѣльцы производили хлѣбъ преимущественно для вывоза за границу, хлѣбъ сбывался туда, а скотъ не имѣлъ сбыта, воспитывался сравнительно въ ничтожномъ числѣ, и поля плохо удобрялись. Крестьяне воспитывали больше скота, но кормили его

только соломой, и та же самая солома шла у нихъ на много другихъ предметовъ, лѣса у нихъ были обобраны, а потому даже въ полосѣ сплошныхъ лѣсовъ солома употреблялась для крышъ и для отопленія домовъ; въ безлѣсныхъ мѣстахъ почти вся солома шла на эти предметы, для корма скота и удобренія оставалась очень мало. Поэтому неурожай могъ достигнуть неслыханныхъ въ Европѣ размѣровъ и тотчасъ же началъ сопровождаться повальными болѣзнями на людяхъ и на скотѣ. Такъ какъ хлѣбныхъ запасовъ, прежде бывшихъ въ распоряженіи общинъ, у нихъ теперь уже не было, то оставалось одно: давать имъ помощь извнѣ. Императоръ, котораго система управленія была причиною всего этого зла, не замедлилъ воспользоваться случаемъ, чтобы провозгласить себя великимъ благодѣтелемъ народа. Это было для него тѣмъ легче, что онъ принесъ съ собою на царство двѣ спеціально ему принадлежавшія идеи: поощреніе дворянъ и помощь народу въ голодные годы. Когда онъ былъ еще наслѣдникомъ, онъ окружалъ себя дворянской партіей и прославился своей благотворительностью во время самарскаго голода при Александрѣ IIм. Свои юношескія идеи онъ осуществлялъ царемъ, но слѣдуя своей основной системѣ; онъ хотѣлъ помогать голоду; готовъ былъ употребить на этотъ пред-

нетъ сравнительно значительныя суммы изъ государственнаго казначейства, но съ тѣмъ, чтобы помощь голодающимъ производилась по возможности исключительно отъ имени императора и чрезъ посредство его чиновниковъ; земство и частныя лица старались устранять и, въ особенности, если они были радикалами или соціалистами. Разумѣется, въ рукахъ радикаловъ и соціалистовъ помощь голодающимъ была бы наиболѣе дѣйствительной, потому что она оказывалась бы отъ всего сердца съ усердіемъ и самоотверженіемъ, но такая помощь была ненавистна императору, она увеличила бы популярность его враговъ. Если подозрительная тиранія старалась устранить земство или, по крайней мѣрѣ, парализовать его самостоятельную дѣятельность, то нечего и говорить о радикалахъ; деньги, собранныя отъ частныхъ лицъ, также должны были раздаваться слугами императора и отъ его имени; дѣлались только немногія исключенія для иностранцевъ и нѣкоторыхъ другихъ лицъ, преимущественно консерваторовъ. Между этими послѣдними самую видную роль игралъ Гр. Толстой. Деньги, поручаемыя Толстому, несомнѣнно достигали своего назначенія, и эта дѣятельность его доставила ему много славы. Однакоже и она носила на себѣ отпечатокъ консервативныхъ идей. Русскій народъ питался такъ худо, что

хуже и питаться невозможно, — онъ питался однимъ чернымъ хлѣбомъ. Однакоже Толстой находилъ, что можно и эту пищу ухудшить; въ его столовыхъ хлѣба не давали, а давали одни сурогаты, такъ называемый приварокъ, напр. картофель, мало питательныя корнеплодныя и прочее. Хлѣбъ крестьяне должны были приносить сами. Въ описаніи столовыхъ говорится, что крестьяне на это сначала сильно роптали, а потомъ замѣтили, что самаго ничтожнаго количества хлѣба достаточно, чтобы насытиться, если набивать свой желудокъ сурогатами. Всякому извѣстно, что это совершенно справедливо, но отъ такого питанія происходятъ именно тѣ заразительныя болѣзни, которыя тогда свирѣпствовали. Во всякомъ случаѣ даже такая дѣятельность частныхъ лицъ, при которой пища худая или хорошая доходила до голодныхъ, составляла только каплю въ морѣ. Вся раздача была принципіально сосредоточена въ рукахъ чиновниковъ, которые дѣйствовали, какъ всегда, по казенному. Они конечно старались, пользуясь настроеніемъ императора и одушевлявшимъ общество крикомъ прессы, сосредоточить въ своемъ распоряженіи какъ можно болѣе денегъ; а затѣмъ эти деньги, какъ всегда, расходились по немногу по карманамъ распорядителей. Для бюрократовъ было совершенно безразлично, дойдутъ ли деньги до

голодныхъ или нѣтъ; каждый изъ нихъ думалъ: „а вѣдь подчиненные мои разворуютъ эти деньги, если крестьянинъ получитъ даромъ гривенникъ (2¼ пенса), то онъ съ удовольствіемъ распишется въ рублѣ (два шиллинга); а если онъ получитъ въ ссуду пятьдесятъ копеекъ (шиллингъ), то онъ съ удовольствіемъ роспишется въ двухъ (4 шиллинга), а затѣмъ еще изъ за нихъ подъ судъ попадешь, — гдѣ мнѣ за ними услѣдить — надо приберечь что нибудь на случай бѣды.“ — Кое что вышло наружу, много похоронено, но дѣло не въ томъ, а вотъ въ чемъ. Въ неурожный годъ было въ Россіи всетаки несомнѣнно достаточно хлѣба для прокормленія населенія, что вполнѣ выяснилось при запрещеніи вывоза за границу; хлѣбъ не имѣлъ сбыта, гнилъ и пропадалъ безъ пользы въ огромныхъ количествахъ. Люди погубали не отъ недостатка хлѣба, а отъ того, что хлѣбъ и люди не могли сойтись между собою, а не могли они сойтись вслѣдствіе той же самой системы управленія, которая произвела голодъ. Эта система была цѣликомъ направлена къ тому, чтобы держать всѣхъ въ невѣжествѣ и бѣдности и оградить этимъ Россію отъ зловредныхъ конституціонныхъ идей. Изъ крестьянъ выколачивали палками все, что они могли дать, рабочій классъ былъ такъ же бѣденъ отъ такихъ же притѣсненій,

масса народа ничего не покупала — и вотъ теперь, когда наступилъ голодъ, у людей не оказалось ни хлѣба, ни денегъ, ни работы; конечно, было гораздо дороже перевозить хлѣбъ въ Англію, чѣмъ изъ мѣстъ, гдѣ онъ имѣлся, въ тѣ, гдѣ его не было; но въ Англіи весь этотъ хлѣбъ получилъ бы сбытъ, а теперь онъ гнилъ и погибалъ, а всетаки не перевозился къ голодающимъ. У голодающихъ не было денегъ, чтобы его покупать, не было работы, чтобы достать эти деньги, и не было механизма, который могъ бы доставить имъ этотъ хлѣбъ. Бюрократическій механизмъ для этого вовсе не годился. Пріемы его дѣятельности давно извѣстны въ Россіи, онъ никогда не удовлетворяетъ потребности въ тѣхъ размѣрахъ, въ которыхъ она существуетъ, а всегда только въ тѣхъ, въ которыхъ этого желаетъ начальство. Чиновники говорили: „нынѣ приказано быть голоду,“ или „что же! нынѣ голодъ разрѣшенъ“. — И тогда писались бумаги и требовалось помощи, но всегда только до тѣхъ поръ, пока начальство не наморщится и не скажетъ — „это слишкомъ“. — А разъ сказано „слишкомъ“, — то будь голодъ разголодъ, все окажется благополучнымъ. Такъ было и теперь; голодъ поставленъ былъ бюрократіею въ желательныя для прославленія императора мѣрки. Мѣрки эти не соотвѣтство-

вали дѣйствительности; народъ къ этому привыкъ и поступалъ въ этомъ случаѣ такъ, какъ поступалъ всегда. Онъ голодалъ не такъ, какъ голодаютъ въ цивилизованномъ мірѣ, тамъ голодаютъ пассивно, а онъ голодалъ активно. Дома нѣтъ хлѣба, мужчины, женщины и дѣти разсыпаются по окрестностямъ, нищенствуя и отыскивая работу. Они шли до тѣхъ поръ, пока или работу находили или сваливались гдѣ нибудь отъ болѣзни и умирали. Въ центрахъ промышленности они являлись массами и производили такую давку и конкурренцію, что вызывали безпорядки и драки между пришлыми и мѣстными рабочими въ грандіозныхъ размѣрахъ. Въ такихъ же размѣрахъ они заболѣвали заразительными болѣзнями, тифомъ и холерой. Тогда и образованное общество приходило въ волненіе, требовало мѣръ, и администрація вынуждена была принимать мѣры; первую мѣру составляло то, что пришлыхъ рабочихъ опять высылали на родину. Такимъ образомъ холера, тифъ, оспа и всѣ заразительныя болѣзни разносились голоднымъ народомъ по всей Россіи. Самую типическую черту этого времени составляло то, что въ мѣстахъ забытыхъ, составлявшихъ большую часть голодавшей Россіи, никакихъ безпорядковъ не было; чиновники тамъ по обыкновенію сѣкли мужчинъ, женщинъ и даже

дѣтей, отдавая ихъ въ крѣпостную работу для уплаты недоимокъ, накопившихся на ихъ мужьяхъ и отцахъ. Безпорядковъ не происходило и тамъ, гдѣ народу помогали и гдѣ его лечили частныя лица, никогда не обращавшіяся за помощью къ чиновникамъ, а всегда къ самимъ крестьянамъ, которые сами выполняли гораздо болѣе дѣйствительнымъ образомъ всѣ санитарныя мѣры. Всѣ безпорядки происходили въ тѣхъ мѣстахъ, на которыя было обращено вниманіе правительства, и въ особенности тамъ, гдѣ чиновники усердствовали по части санитарныхъ мѣръ. Русскіе врачи пріобрѣли даже нѣкоторую извѣстность той энергіей, съ которой они проводили санитарныя мѣры, но при этомъ администрація дѣйствовала съ такой безцеремонностью, что и представить себѣ нельзя такого смирнаго народа, который бы при этомъ не взбунтовался; напр. изъ города высылаютъ пришлыхъ рабочихъ потому, что они занесли холеру, ихъ сажаютъ на пароходъ и перевозятъ въ другой городъ, но туда ихъ не пускаютъ, чтобы они не занесли холеру, и они оставляются безъ крови и пищи на произволъ судьбы. Больные и здоровые хворали и умирали, выброшенные на берегъ, пока жители города не одолѣли своего страха передъ холерою и не стали подходить къ больнымъ съ длинными палками, на которыхъ подавали

хлѣбъ способнымъ еще ходить. Берегъ былъ похожъ на поле сраженія, гдѣ днемъ и ночью раздавались раздирающіе душу вопли страждущихъ. Такими причинами порождены были бунты въ Баку, Астрахани и другихъ мѣстахъ. Противъ жестокаго медицинскаго персонала и административныхъ лицъ крестьяне бунтовали такъ же, какъ они когда-то бунтовали противъ жестокихъ помѣщиковъ, и тогда ихъ сѣкли съ невѣроятной свирѣпостью, женщинъ искалечивали на всю жизнь подъ розгами. Ужасно было видѣть толпы этихъ полуживыхъ людей, когда ихъ послѣ экзекуціи отправляли въ острогъ.

3.

Существуетъ одно несомнѣнное, священное, неотчуждаемое право у всякаго народа избирать себѣ тотъ образъ правленія, который онъ находитъ для себя наиболѣе удобнымъ. Но для того, чтобы народъ могъ сознательно сдѣлать наилучшій выборъ, онъ долженъ имѣть понятіе о томъ, какія существуютъ политическія системы и какъ онѣ дѣйствуютъ; мало этого, онъ долженъ быть въ состояніи зрѣло обсудить, какая изъ этихъ системъ наиболѣе

подходитъ къ его настоящему положенію. Вотъ почему всякое правительство обязано дозволять безпрепятственно обсуждать въ прессѣ вопросъ о наиболѣе подходящемъ для народа образѣ правленія. Правительство только тогда можно считать законнымъ и обязательнымъ для всякаго гражданина, когда оно существуетъ при условіи свободнаго обсужденія въ прессѣ вопроса о наиболѣе пригодномъ для страны образѣ правленія, потому что только при этомъ условіи для народа возможно будетъ достигать той степени цивилизаціи и благосостоянія, при которой онъ можетъ жить общею жизнію съ цивилизованнымъ міромъ и не быть для самого себя источникомъ бѣдствія, а для цивилизаціи источникомъ опасности. Законъ, на основаніи котораго неограниченная монархія признаетъ преступленіемъ обсужденіе въ печати вопроса о наиболѣе пригодномъ для страны образѣ правленія, есть самъ по себѣ великое преступленіе — такое преступленіе, которое лишаетъ власть законности и превращаетъ ее въ царство, основанное не на правѣ, а на насиліи. Когда я послѣ всего мною разсказаннаго припоминаю то, чему я былъ личнымъ свидѣтелемъ въ теченіе трехъ царствованій, я убѣждаюсь въ великомъ значеніи и въ святости упомянутаго принципа; всякій народъ, который не съумѣетъ сдѣлать изъ него основное

правило своей конституціи, готовитъ себѣ неизбѣжную гибель. Пусть всѣ народы внимательно перечитываютъ исторію тѣхъ трехъ царствованій, о которыхъ я говорю, чтобы въ этомъ вполнѣ убѣдиться. Если бы въ Россіи было дозволено свободное обсужденіе образа правленія, наиболѣе пригоднаго для народа, то ни одинъ изъ помянутыхъ трехъ императоровъ не могъ бы процарствовать года такъ, какъ онъ царствовалъ; подобный образъ дѣйствія ему бы и въ голову не могъ прійти, до такой степени онъ былъ злостно-преступнымъ. Ни одинъ государь, ни одно правительство не имѣетъ права задерживать народъ на пути его развитія; если они это дѣлаютъ, то они этимъ доказываютъ, что по ихъ понятію не они существуютъ для народа, а народъ для нихъ; они этимъ въ концѣ уничтожаютъ легальность своего царствованія. Между тѣмъ стоитъ сравнить Польшу съ Венгріей, Остзейскій край съ Германіей, Финляндію съ Швеціей, чтобы убѣдиться до полной очевидности, что всѣ дѣйствія трехъ императоровъ были сначала до конца насильственнымъ втискиваніемъ нашихъ западныхъ окраинъ въ прокрустово ложе ихъ варварскаго самодурства. Стоитъ ознакомиться съ русской литературой, чтобы убѣдиться, что, не смотря на безпощадное гоненіе, которому интеллигенція и просвѣщеніе под-

вергались въ теченіе всѣхъ трехъ царствованій, русскіе писатели успѣли проявить на столько знаній и таланта, что не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что конституціонное управленіе могло практиковаться въ Россіи съ полнымъ успѣхомъ. Сравните интеллигенцію турецкихъ провинцій, получившихъ самостоятельность, Сербіи, Румыніи, Болгаріи, Греціи, съ русскою; сравните съ нею же интеллигенцію южной Америки, Мехики и вы вполнѣ убѣдитесь, что Россія способна жить конституціонною жизнію, что императоры все время были единственнымъ препятствіемъ къ введенію усовершенствованнаго политическаго порядка. Они были имъ именно потому, что никогда не дозволяли русскому народу свободно обсуждать вопросъ о лучшемъ для него образѣ правленія государствомъ. Они ставили дѣло такъ, что народу оставался одинъ путь къ введенію усовершенствованнаго конституціоннаго порядко — : повѣсить императора и изгнать изъ страны царствующій домъ. Ставить народъ въ такое положеніе можетъ только правительство насилія, а такое царствованіе оправдываетъ насиліе надъ самимъ собою; императоръ не можетъ жаловаться, если онъ отъ насилія погибнетъ, даже и тогда, когда не будетъ единодушнаго взрыва, потому что онъ народъ устрашаетъ и не даетъ ему свободно и спокойно проявиться.

Поведеніе этихъ трехъ государей не можетъ найти себѣ оправданіе въ томъ, что внезапно дозволенное свободное обсужденіе лучшаго образа правленія можетъ сдѣлать неопытный народъ игрушкою шарлатановъ и проходимцевъ. Ихъ совокупное царствованіе продолжалось въ теченіе семидесяти лѣтъ, они имѣли вполнѣ достаточно времени, чтобы создать самыя благопріятныя условія для серіознаго и спокойнаго обсужденія вопроса о наилучшемъ образѣ правленія; вся западная Европа успѣла перейти въ это время отъ деспотизма къ усовершенствованнымъ политическимъ учрежденіямъ. Они управляли такъ дурно, что если бы даже свободное обсужденіе вопроса о лучшемъ образѣ правленія привело къ большимъ неурядицамъ, то въ окончательномъ результатѣ Россія всетаки много отъ этого выиграла бы. Внимательное разсмотрѣніе исторіи Франціи, гдѣ безпорядки всетаки родили существенныя улучшенія, способно вполнѣ въ этомъ убѣдить. Я съ грустью вникаю въ результаты правительственной политики, проявившіеся послѣ голода; я вижу все тоже, что уже такъ давно возмущаетъ мое сердце: — правительство идетъ неустанно къ достиженію стародавней своей цѣли, къ безпримѣрно полному сосредоточенію въ рукахъ императора всей власти, всего политическаго и даже религіознаго вліі-

нія въ странѣ; а такъ какъ это можетъ быть сдѣлано только путемъ развитія бюрократіи и духовной іерархіи, которыя ставятся по отношенію къ народу въ безконтрольное положеніе, то и бюрократія и духовенство чрезъ это деморализуются, а управленіе постоянно ухудшается. Подвиги Побѣдоносцева вполнѣ стоятъ подвиговъ Толстого, и если про Толстого можно сказать, что мертвый управляетъ живыми и что духъ мертвеца правитъ теперь такъ-же, какъ правилъ живой человѣкъ, то про Побѣдоносцева можно сказать, что живой управляетъ нравственно и религіозно убитыми, онъ правитъ тамъ, гдѣ уже нѣтъ жизни, онъ правитъ мертвыми. Достигая своей цѣли и благодаря безусловной зависимости отъ него прессы и редакторовъ періодическихъ изданій, правительству удается занимать либеральное общество все прежними побрякушками и бирюльками; все болѣе выдыхающееся либеральное общество, занимаясь этими бирюльками, продолжаетъ радоваться тому, что оно прогрессируетъ, дѣлаетъ скромные, маленькіе, но вѣрные шаги на пути прогресса. Въ самое послѣднее время такую радость вызвало водвореніе въ Россіи соціалдемократіи. Въ Россіи не существуетъ ни одной рабочей организаціи, достойной этого названія; если въ бывшей Польшѣ правительство не было въ состояніи достигнуть

такихъ же блестящихъ результатовъ, то это происходитъ исключительно отъ вліянія на поляковъ изъ Галиціи и Познани; всетаки движеніе въ польскихъ провинціяхъ самое слабое во всей западной Европѣ. О существованіи въ Россіи соціалдемократической газеты, которая могла бы имѣть вліяніе на рабочихъ, не можетъ быть и рѣчи; на нихъ имѣютъ вліяніе одни тѣ розги, которыми ихъ награждаетъ администрація, когда они начинаютъ буянить по поводу бесчестнаго съ ними поступка фабриканта. На послѣднемъ международномъ соціальномъ конгрессѣ въ Цюрихѣ не было и не могло быть представителя отъ русскихъ рабочихъ, потому что съ рабочими, которые послали бы такого представителя, администрація распорядилась бы по своему обыкновенію; русскіе, которые были на этомъ конгрессѣ, являлись представителями отъ заграничныхъ евреевъ и т. п. Это не помѣшало либеральнымъ русскимъ журналамъ заявить публикѣ, что соціалдемократія жива въ Россіи, и принимать при этомъ оппозиціонную и смѣлую позу. Правительство при этомъ только кивало головою и думало: пишите господа, а мы будемъ сѣчь это дѣйствительнѣе, подъ шумокъ вашего писанья мы и общину и мірскія земли уничтожимъ, а ваши читатели будутъ восхищаться вашей

смѣлостью. Императоръ раздобрился до того, что далъ даже конституцію; онъ объявилъ указомъ, что впредь будетъ назначать членами государственнаго совѣта кого ему угодно изъ русскихъ подданныхъ; биржевые тузы были въ восторгѣ отъ этой истинно русской конституціи!

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

Глава первая.

Мое міровоззрѣніе.

1.

Въ теченіе всей своей жизни я постепенно выработывалъ себѣ міровоззрѣніе. По частямъ я мои идеи излагалъ въ моихъ книгахъ и статьяхъ, разумѣется, постоянно примѣняясь къ условіямъ цензуры и къ требованіямъ минуты. Теперь я задумалъ изложить все въ формѣ связнаго цѣлаго. Уже давно меня просили о томъ, чтобы я закончилъ свою „Азбуку соціальныхъ наукъ“ и къ анализу прежнихъ состояній общества присовокупилъ анализъ современной намъ западной цивилизаціи. О томъ, чтобы такая книга могла быть напечатана при нашихъ цензурныхъ условіяхъ, не могло быть и рѣчи; но это казалось мнѣ скорѣе преимуществомъ, чѣмъ неудобствомъ. Когда я былъ ребенкомъ, я съ пламеннымъ

увлеченіемъ читалъ евангеліе, это ученіе любви, братства и равенства людей; страданіе Христа за эту идею имѣло для меня неотразимую прелесть. Умъ мой твердилъ мнѣ о непрактичности и неосуществимости, а чувство заставляло меня находить беззавѣтную любовь Христа безпредѣльно обоятельной. Всѣ ужасы христіанскаго фанатизма, всѣ злодѣянія христіанскаго духовенства не въ состояніи были омрачить въ моихъ глазахъ чистаго блеска личности Христа съ его любовью, отдающей все и себя цѣликомъ своимъ братьямъ. Тѣ же восторженно плѣнительныя чувства вызывалъ во мнѣ крикъ великой французской революціи: „свобода, равенство и братство“ — и послѣ знакомства со всѣми ужасами этого времени, этотъ крикъ горѣлъ въ моей душѣ тѣмъ же чистымъ и яркимъ пламенемъ, какъ и до этого. Слабыя стороны ученій Сенсимоня, Фурье, Кабе и другихъ были для меня слишкомъ ясны, и всетаки я вполнѣ чувствовалъ увлекательность идеи равенства, къ осуществленію которой они стремились. Исторія показывала вѣчное господство неравенства, отъ котораго цивилизація отнюдь не спасала, и всетаки стремленіе къ равенству горѣло въ душахъ людей; начиная отъ первобытныхъ коммунистическихъ родовыхъ общинъ, оно жило и пламенной проповѣдью разлилось по

лицу земли чрезъ ученія Будды и Христа. Оно стремилось, овладѣть греко-римскимъ міромъ и путемъ свободы и путемъ деспотизма; уже Сократъ старался основать равенство на безпредѣльной любви, побуждать людей любить своихъ враговъ и платить добромъ за зло. Когда античный міръ вмѣсто равенства пришелъ къ крайнему неравенству, тогда онъ кинулся въ объятія проповѣдника равенства Христа. Стоитъ вникнуть въ смыслъ борьбы въ современной цивилизаціи, чтобы убѣдиться, что нервомъ всей этой борьбы было стремленіе къ равенству; никакія указанія на исторію, никакая проповѣдь благоразумія не была въ состояніи уничтожить въ душахъ человѣческихъ этого вожделѣнія вѣчно возрождающагося въ нихъ съ новой свѣжестью силъ, какъ фениксъ изъ пепелища. Очевидно тутъ дѣйствовалъ глубокій инстинктъ, и смыслъ этого инстинкта я хотѣлъ разгадать; я хотѣлъ понять, почему онъ неизмѣнно терпѣлъ неудачу и неизмѣнно продолжалъ существовать и дѣйствовать, почему человѣчество все вновь возвращалось къ этому идеалу, и притомъ возвращалось въ самыя свѣтлыя минуты своей жизни, когда въ немъ возникали такія ученія, какъ ученія Христа или Будды, или въ такія времена сильнаго умственнаго возбужденія, какъ время нашей цивилизаціи. Животныя

служатъ человѣку и не возмущаются неравенствомъ съ людьми: почему же люди возмущаются и стремятся къ равенству между собою? вѣдь въ ихъ сознаніи должно же быть что нибудь такое, что вызываетъ это стремленіе! Я наблюдалъ самоѣда и убѣждался, что надо было выработать изъ себя самоѣда или остяка, чтобы жить въ сѣверныхъ тундрахъ; я наблюдалъ калмыка и приходилъ къ убѣжденію, что никто, кромѣ такого же номада, какъ калмыкъ, не могъ населять пески и пустыни. Ихъ совершенства были недосягаемы для тѣхъ, которые пользовались славою величайшихъ изъ людей. Они имѣютъ большіе недостатки, но вѣдь всѣ люди ихъ имѣютъ. Въ XIX^мъ вѣкѣ никто не пользовался такой громкой славой, какъ Наполеонъ I^й, но сравните его съ самоѣдомъ и калмыкомъ: по отношенію къ его совершенствамъ недостатки Наполеона такъ велики, что исторія никогда не будетъ въ состояніи рѣшить, былъ ли онъ полезный или вредный человѣкъ; Магомета обожаютъ, онъ имѣлъ и имѣетъ сотни милліоновъ поклонниковъ, и всетаки исторія никогда не будетъ въ состояніи рѣшить, былъ ли онъ полезный или вредный человѣкъ, до такой степени въ магометанской религіи недостатки и совершенства уравновѣшиваются; въ то же время не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію,

что и самоѣдъ и калмыкъ полезные люди; ихъ совершенства стоятъ окончательно выше ихъ недостатковъ; не будь такихъ людей, какъ самоѣды и калмыки, сѣверныя тундры и азіятскія пустыни не могли бы увидать лица человѣческаго. Стоитъ съ открытою душою приступить къ дѣлу, и жестоко порицаемая, съ презрѣніемъ осмѣиваемая идея равенства начнетъ раскрывать передъ нами все новыя стороны этого великаго предчувствія души человѣческой; она начнетъ служить въ насъ ключёмъ правильнаго мышленія. Преисполненные чувствамъ своего превосходства ученые смотрятъ съ высоты своего величія на такъ называемыя низшія расы, на невѣжественный народъ и пишутъ ту неодолимую массу книгъ, которая служитъ къ искаженію истины, а добрая женщина подходитъ къ ребенку, къ дикарю, къ невѣжественному человѣку съ любовью и симпатіей, вникаетъ въ его нужды, страданія и чувства, и начинаетъ понимать его, оцѣнивать трудность его положенія, поддерживать его въ его хорошихъ стремленіяхъ. Она начинаетъ понимать то, что было недоступно великому философу; по сравненію съ нимъ она дѣлается великимъ философомъ, а гордый своей славой великій ученый опускается ниже самой обыкновенной доброй женщины и ниже презираемаго имъ дикаря. Наши

ученые гордятся великими открытіями нашего времени, созданными наукою, и на этомъ основаніи величаются совершенствомъ своего мышленія; но сравните эти открытія съ тѣми, которыя были сдѣланы безграмотными людьми и дикарями, и они покажутся вамъ ничтожными. Безграмотные люди приручили животныхъ, научили насъ воздѣлывать растенія, строить жилища, они научили насъ удовлетворять всѣмъ существеннымъ нашимъ потребностамъ, а ученые прибавили къ этому только нѣкоторыя удобства. Почему это? Анализируя этотъ вопросъ, я пришелъ къ убѣжденію, что презрѣнный дикарь и безграмотный человѣкъ способенъ такъ же глубоко и вѣрно разсуждать, какъ величайшій философъ и государственный человѣкъ; у нихъ у всѣхъ одинаково уравновѣшиваются и достоинства и недостатки. Чтобы жить, нужно гораздо болѣе ума, чѣмъ для того, чтобы говорить; мысли, созданныя для жизни, должны быть гораздо вѣрнѣе, чѣмъ мысли, созданныя для рѣчи. Великій ученый говоритъ, ошибается и его ошибки переходятъ вмѣстѣ съ его идеями отъ одного поколѣнія ученыхъ къ другому — и только; но если самоѣдъ ошибется въ той мысли, которая ему нужна для жизни, онъ погибнетъ; онъ не найдетъ себѣ пищи и умретъ съ голоду вмѣстѣ съ своимъ семействомъ, онъ будетъ засыпанъ

снѣгомъ и заснетъ подъ нимъ вѣчнымъ сномъ, онъ затеряется въ снѣжной пустынѣ и не возвратится никогда. Жизнь самый суровый и самый непреклонный учитель логики, за ошибки въ мысляхъ она наказываетъ съ безпощадной неумолимостью; чѣмъ труднѣе жизнь человѣка, тѣмъ вѣрнѣе онъ научается мыслить. Ученые считаютъ себя великими мыслителями по сравненію съ дикаремъ и, философствуя въ своихъ уютныхъ кабинетахъ, накопляютъ столько же истины, сколько лжи; а дикарь въ своей пустынѣ съ ужасомъ думаетъ о завтрашнемъ днѣ: онъ грозитъ ему смертью, если онъ ошибется. Мудрено ли послѣ этого, что самыя великія открытія, которыми мы и теперь живемъ, сдѣланы невѣжественными людьми, надъ которыми смерть стояла угрожающимъ призракомъ, а не учеными; что они умѣли вѣрнѣе ученаго отличать существенное отъ второстепеннаго. Я сталъ изучать тайну этой логики нужды, тайну равенства, которая ставитъ на одну доску послѣдняго изъ людей и величайшаго и славнѣйшаго между ними. Разгадывая эту тайну, я сталъ понимать, какъ человѣкъ подъ гнетомъ жизни создаетъ тѣ мысли, которыя отличаются поразительной и безупречной вѣрностью. Я сдѣлалъ первый шагъ и убѣдился, что человѣкъ не можетъ быть справедливымъ, не можетъ вѣрно судить о людяхъ, пока онъ не пости-

гнетъ тайну человѣческаго равенства; я сдѣлалъ еще одинъ шагъ и понялъ всю силу этой идеи; она дала мнѣ возможность пойти по совершенно новому пути и раскрыть источникъ прогресса въ природѣ. Передъ мной раскрылось то, чего я не могъ прочитать ни въ какихъ книгахъ; я понялъ; что идея равенства потому такая великая идея, что она вытекаетъ изъ самой сути прогресса въ природѣ. Ничто не давалось людямъ труднѣе вѣрныхъ мыслей, и ничто не дается имъ труднѣе и теперь; тѣ мысли, которыми невѣжественный человѣкъ сталъ выше современнаго ученаго и которыми онъ научилъ насъ обезпечивать наше существованіе, достались ему съ неимовѣрными усиліями только послѣ безчисленнаго повторенія одного и того же и самого внимательнаго разсмотрѣнія каждаго шага подъ угрозою погибели. Дикарь повторялъ мысль единообразно до безконечности, старался вникнуть во всѣ ея мелчайшія подробности, чтобы она вполнѣ совпадала съ дѣйствительностью въ природѣ и чтобы дѣйствіе было безошибочнымъ, а ученый смѣялся надъ этими его усиліями и называлъ его косымъ рутинеромъ. Однакоже оказалось, увы, что даже въ основахъ міровоззрѣнія ученый сталъ скорѣе ниже, чѣмъ выше невѣжественнаго человѣка; желая его невѣжественную мысль замѣнить глубокомысленно

ученою, онъ показалъ болѣе высокомѣрія, чѣмъ логической силы. Дикарь, невѣжественный человѣкъ, разсматривая окружающую его природу съ привычнымъ ему напряженнымъ вниманіемъ, понялъ, что все въ этой природѣ есть произведеніе мысли, и былъ правъ; ученый съ высокомѣріемъ отвергъ его вѣрную мысль и замѣнилъ ее понятіями, которыя носили въ себѣ источникъ ничѣмъ не искоренимаго противурѣчія. Онъ смѣялся надъ идеей невѣжественнаго человѣка, приписывать мысли творенія несуществующимъ дѣятелямъ, надъ фетишизмомъ, религіознымъ зооморфизмомъ, многобожіемъ, а самъ придумалъ механическую силу, которая у него повиновалась законамъ, приспособлялась, развивалась, и не замѣчалъ слабости и противурѣчія въ этихъ измышленіяхъ. Для дикаря и невѣжественнаго человѣка его боги были нѣчто, надъ чѣмъ ему некогда было разсуждать, всѣ силы его мышленія были сосредоточены на болѣе существенномъ, на трудѣ, которымъ онъ обезпечивалъ свое существованіе; свои мысли о твореніи онъ повторялъ за другими, не думая долго; а для ученаго его научныя идеи составляли цѣль, для которой онъ жилъ, и всетаки онъ придумалъ не лучше дикаря и придумалъ такъ плохо потому, что легче говорить, чѣмъ жить. Ему стоило бы проникнуть въ сущность

мышленія дикаря, чтобы все разгадать; но то высокомѣріе, которое помѣшало ему понять источникъ совершенства дикаря, помѣшало ему разгадать природу. Все мышленіе дикаря направлено на то, чтобы создать соотвѣтствіе между его дѣйствіями и проявленіями силъ окружающей его природы, и этого онъ достигаетъ единообразнымъ и внимательнымъ повтореніемъ дѣйствія до тѣхъ поръ, пока приспособленіе и соотвѣтствіе будетъ полное. Такъ же мыслитъ и животное; его дѣйствія еще однообразнѣе, но ихъ создаетъ такое же соотвѣтствіе мысли между ними и природою. Нѣтъ грани между животнымъ и растеніемъ, нѣтъ грани между животнымъ и клѣткой, все болѣе возрастаетъ единообразіе дѣйствія и точность его соотвѣтствія и окружающей средою. Въ неорганической природѣ еще большее единообразіе дѣйствія, еще большая точность исполненія и такое полное соотвѣтствіе между дѣйствіемъ одной единицы матеріи и отвѣтомъ другой, что оно подало поводъ говорить о вѣчно неизмѣнныхъ законахъ природы. И трудно ли было догадаться, что все тутъ есть порожденіе мысли; вѣдь человѣкъ имѣетъ только одинъ путь, чтобы предвидѣть — это правильное умозаключеніе; но правильнымъ умозаключеніемъ онъ можетъ предсказать только то, что порождено такимъ же правильнымъ

умозаключеніемъ. Онъ можетъ угадать неизвѣстное еще дѣйствіе человѣка правильно мыслящаго и послѣдовательно поступающаго; но разъ человѣкъ мыслитъ не вѣрно и поступаетъ поэтому непослѣдовательно, у желающаго предусмотрѣть его поступокъ нѣтъ для этого нити. Именно потому ученый можетъ такъ вѣрно предвидѣть дѣйствія единицъ неорганической матеріи, что они результатъ самаго вѣрнаго и точнаго мышленія, порожденнаго безконечнымъ числомъ разъ единообразнаго повторенія. Не будь въ нихъ послѣдовательности, для него угадываніе было бы невозможно. Возрастающая вѣрность единообразно повторенной мысли замѣняла обширность знанія и создала равенство между ученымъ и неученымъ; она же, дойдя до максимума въ неорганической природѣ, создала гармонію въ природѣ. Гармонія и стройность оказались невозможными безъ равенства. Привѣтъ и отвѣтъ въ природѣ всегда уравновѣшивались и создавали равенство силъ единицъ матеріи рядомъ съ ихъ разнообразіемъ. Равенство сдѣлалось источникомъ вѣчной стройности и гармоніи, и разрушить эти два условія перемѣнъ въ природѣ стало невозможно; они вѣчно снова воссоздавались путемъ равенства дѣйствія и равносильнаго отвѣта, созданнаго мыслію съ безупречной точностью измѣряющею дѣйствіе и

создающею равное противудѣйствіе. Въ организмѣ къ этому основному условію существованія въ природѣ присовокупилось другое высшее —: работа одной клѣтки на другую. Въ растеніи листъ работаетъ для корня, а корень для листа; еще нельзя опредѣлить, на сколько у нихъ сохранилось общаго сознанія въ этой работѣ, но она произошла отъ того, что они когда то были однимъ цѣлымъ, одной клѣткой и разростаясь и раздѣляясь сохранили между собою связь именно потому, что помогали другъ другу своей работой; тогда у нихъ несомнѣнно было общее сознаніе. И тутъ они существовали и процвѣтали только путемъ одного равенства; отъ равенства услугъ они росли и множились, и чахли, когда они переставали одинаково удовлетворительно питать другъ друга. Замѣнивъ дѣйствіе и противудѣйствіе неорганической природы взаимностью и равенствомъ услугъ, организмы открыли себѣ путь къ развитію, безпримѣрный въ неорганической природѣ; развитіе и усовершенствованіе въ организмахъ мы можемъ подмѣчать въ теченіе такихъ короткихъ періодовъ, которые кажутся намъ совершенно ничтожными по сравненію съ періодами существованія неорганической природы. А между тѣмъ наука не въ силахъ была указать признаки прогресса въ теченіе

космическихъ періодовъ, подавляющихъ насъ своею громадностью. Въ растеніи клѣтка можетъ дѣйствовать вполнѣ безсознательно по рутинѣ, установившейся сознательно въ тѣ времена, когда первоначальная клѣтка начала дѣлиться и когда первыя двѣ раздѣлившіяся клѣтки не отдѣлились окончательно, потому что стали оказываться другъ другу услуги. Клѣткѣ лучше всего живется при этой рутинѣ: вотъ почему она можетъ сохранять ее, окончательно утративъ лишнее для нея сознаніе и понятіе о цѣломъ организмѣ. Въ животномъ мы видимъ дальнѣйшее усовершенствованіе; къ началу равенства въ дѣйствіи и противудѣйствіи, къ началу равенства услугъ присовокупляется сознаніе своей органической солидарности. Животный организмъ сознаетъ себя единымъ и нераздѣльнымъ, онъ сознательно стремится содержать свои клѣтки въ полномъ здоровіи и благополучіи; страданіе какой нибудь части его клѣтокъ, напр. отмороженный палецъ, можетъ довести его до безумія отъ мученій и побудить его дѣлать всевозможное, чтобы помочь страдающей части. Онъ изобрѣлъ такое совершенное орудіе органическаго коммунизма, передъ которымъ мы останавливаемся съ удивленіемъ. Кровообращеніе разноситъ питательный матерьялъ по всему организму и каждая клѣтка беретъ себѣ

изъ него сколько ей надо, ея питаніе обусловлено ея дѣятельностью; повсемѣстно эксплуатація замѣнена взаимностью. Начало сознательной органической солидарности въ животномъ открыло ему путь къ совершенству, безпримѣрному въ растительномъ мірѣ; могъ явиться такой организмъ, какъ организмъ человѣка, который своимъ совершенствомъ на столько же превосходилъ растеніе, на сколько растеніе превосходило неорганическій міръ. Усовершенствованное начало, которое проявилось въ организмѣ посредствомъ солидарнаго труда клѣтокъ, указало намъ путь, которымъ природа идетъ въ своемъ прогрессѣ, — это путь усовершенствованія равенства. Лишаи, которыя покрывали камни безплодныхъ пустынь, батибій, который покрывалъ дно морей, превращали неорганическія вещества въ органическія; организмы создавали известняки; изъ смѣси перегнившихъ остатковъ умершихъ организмовъ съ вывѣтрившимся камнемъ пустынь создавалась почва, которая давала организмамъ возможность достигать высокой степени своего развитія. Такимъ образомъ исторія земной коры дала намъ нить для пониманія условія развитія во всей природѣ; она развивается тѣмъ путемъ химическаго усовершенствованія, который приводитъ наконецъ къ органическимъ соединеніямъ. Подумайте

о томъ, какъ создались солнце, звѣзды, планеты и земля, и вы поймете, какой необозримый путь развитія должны были пройти неорганическія тѣла прежде, чѣмъ они дошли до органическихъ соединеній и создали изъ себя организмы. Только постепенно великое начало порядка и стройности — равенство переходитъ отъ низшихъ своихъ ступеней къ высшимъ, и еще болѣе постепенно рутинной установляющаяся солидарность замѣняется сознательнымъ равенствомъ. Взаимность въ органическомъ мірѣ вообще несомнѣнно безсознательна. Растеніе, погибая и умирая, создаетъ почву, на которой развивается новое растеніе; тутъ есть связь, но нѣтъ сознательной взаимности. Въ общемъ обмѣнѣ между организмами есть уже взаимность, но она порождается независимо отъ сознанія. Растенія уничтожаютъ углекислоту и употребляютъ ее для своего солидарнаго развитія, а животное питается растеніемъ и возсоздаетъ углекислоту; но это вытекаетъ изъ возможности двухъ путей развитія организмовъ, а не изъ стремленія къ солидарности. Требуется рядъ сепеней умственнаго развитія, чтобы сознательная идея солидарности могла явиться. Въ животномъ мірѣ она получаетъ только зачатки и открываетъ себѣ путь къ развитію только вмѣстѣ съ человѣкомъ. Благодаря превосходству своихъ

умственныхъ силъ, человѣкъ создаетъ идею труда. Онъ воздѣлываетъ растеніе, ухаживаетъ за нимъ, помогаетъ ему развиваться и размножаться. Тутъ и равенство и солидарность несомнѣнныя, но они низкаго разряда потому, что въ нихъ нѣтъ достаточной сознательности. Чувство солидарности въ растеніи окончательно явиться не можетъ, потому что по своей организаціи оно не можетъ имѣть понятія о существованіи человѣка; а со стороны человѣка такое сознаніе не можетъ быть удовлетворительнымъ, потому что онъ не смотритъ на растеніе, какъ на нѣчто понимающее и сочувствующее ему, онъ смотритъ на него высокомѣрно и хочетъ его эксплуатировать, но не можетъ этого достигнуть по самой природѣ растенія, которая его защищаетъ отъ эксплуатаціи. Человѣкъ долженъ за нимъ ухаживать и способствовать его размноженію, а воспользоваться можетъ только тѣмъ, что и безъ того бы погибло, засохло или было бы съѣдено животными; тутъ равенство безсознательное. Между человѣкомъ и животнымъ начинается уже солидарность сознательная, животное знаетъ и о существованіи человѣка и понимаетъ, что онъ для него дѣлаетъ, а поэтому между ними является взаимная привязанность. Но имъ недостаетъ чувства равенства въ сознаніи, а потому между ними

не можетъ выработаться тѣхъ отношеній, которыя породили въ животномъ организмѣ сознаніе органической солидарности; они не могутъ составить организмъ, для этого у нихъ нѣтъ такого органа, какимъ являются нервы, и который заставляетъ чувствомъ боли весь организмъ сочувствовать страданіямъ живыхъ своихъ клѣтокъ. Животное-лошадь не можетъ ни понимать, ни сочувствовать страданіямъ человѣка, а потому и въ отношеніяхъ человѣка къ животному является широкая область цинизма и идея эксплуатаціи. Но рядомъ съ этимъ вырабатывается совсѣмъ другаго рода отношеніе человѣка къ своему семейству. Мы видѣли, что начало организма есть равенство работы клѣтокъ, произведеніями которой онѣ обмѣниваются, а за тѣмъ доходятъ до сознательной идеи органической солидарности. Принципъ семейства созидаетъ солидарность на новомъ великомъ началѣ, на началѣ труда сильныхъ для слабыхъ; труда безвозмезднаго, имѣющаго одну сознательную цѣль — вскормить и воспитывать слабыхъ до тѣхъ поръ, пока они сдѣлаются сильными. Во время этого дѣйствія развивается органъ, способный создавать между людьми такую же связь, какую создаютъ нервы въ организмѣ. Крикъ ребенка вызываетъ въ матери такую же боль, такую же симпатію къ его страданіямъ, какую нервы

въ организмѣ вызываютъ къ страданіямъ его клѣтокъ; изъ этого крика развивается членораздѣльная рѣчь, которая имѣетъ въ будущемъ назначеніе служить такою связью между людьми, какъ нервы въ организмѣ.

2.

Принципъ человѣческаго общества, который проявился въ семействѣ и выразился въ формѣ труда сильныхъ на слабыхъ, вмѣстѣ съ его прямымъ дополненіемъ, съ рѣчью, способной выражать цѣлому обществу во всѣхъ подробностяхъ нужду человѣка и вызывать къ ней сочувствіе, заключалъ въ себѣ начало равенства и солидарности неизмѣримо болѣе высокаго характера; онъ носилъ въ себѣ идею равенства и солидарности человѣческихъ поколѣній. Онъ заключалъ въ себѣ тотъ инстинктъ, который выразился въ проповѣди и въ дѣятельности Христа — то была идея самоотверженія каждаго для обезпеченія благополучія всѣмъ. Родители трудятся для благополучія своихъ дѣтей съ нѣжностью и любовью, не желая и не нуждаясь за это ни въ какомъ вознагражденіи; любовь дѣтей къ нимъ, такая же нѣжная, какую они сами чувствовали, вотъ

ихъ награда. Идеалъ высшаго равенства, порождаемаго полной, нѣжной, самоотверженной любовью человѣка къ человѣку, общество, основанное на этомъ восхитительномъ началѣ, — вотъ что должно родиться и вытекать изъ самой организаціи человѣка, изъ природы его способностей. Человѣкъ рожденъ жить не для себя, а для общества, благополучіе общества должно быть главнымъ источникомъ его счастья; если люди будутъ сознательно понимать эту идею, вытекающую изъ ихъ организаціи, и ихъ личныя потребности будутъ удовлетворены наилучшимъ образомъ. Принципъ работы сильныхъ на слабыхъ и семейной солидарности развивался путемъ переживанія людей наиболѣе склонныхъ слѣдовать ему; тѣ семейства, въ которыхъ къ дѣтямъ и женщинамъ относились съ нѣжной любовью, выживали; къ нѣжной любви способенъ не только дикарь, но даже животное. Тамъ же, гдѣ къ дѣтямъ и женщинамъ относились бездушно, дѣти погибали и семейства вымирали. Во всей той сферѣ, гдѣ человѣкъ жилъ трудомъ, трудолюбивые и мягко сердечные множились, человѣкъ изъ любви къ семьѣ дѣлался все болѣе изобрѣтательнымъ въ трудѣ и наконецъ такъ совершенствовался въ немъ, что между все еще невѣжественными людьми могло появляться населеніе, густотою въ десятки тысячъ человѣкъ

на квадратной мили. Но въ человѣкѣ рядомъ съ человѣческой была и животная природа. Животное было такъ неразвито, что по большей части ему оставалось одно, обезпечивать свое существованіе тѣмъ, что помимо его труда росло и множилось въ природѣ; равновѣсіе въ органической природѣ установлялось помимо его узкаго пониманія; человѣкъ на первыхъ ступеняхъ своего развитія былъ такъ же слабъ; безпрерывно онъ долженъ былъ предпочитать себя своему семейству. Мысль схватить все, что можетъ для своего спасенія и обезпеченія, была для него естественна и породила мысль эксплуатаціи. Мысль эксплуатаціи породила разбойника. Когда трудъ достаточно развился, тогда было гораздо легче существовать, захватывая запасы чужаго труда, чѣмъ трудиться самому; образовались разбойничьи братства. Трудящіеся трудились и жили въ бѣдности, а разбойничьи братства грабили и жили въ довольствѣ. Явилось прославленіе героя-хищника и презрѣніе къ трудящемуся, родился тотъ подтачивающій червь, который грозилъ уничтожить нормальное условіе и великую идею прогресса въ человѣчествѣ. Для спасенія отъ хищническихъ чувствъ разбойника стала развиваться въ человѣкѣ идея повиновенія. Среди разбойниковъ явился такой же естественный подборъ,

какой среди трудящихся размножалъ мирныхъ и любящихъ труженниковъ. Онъ среди разбойниковъ давалъ перевѣсъ умнымъ и энергическимъ людямъ, которые создали идею приученія. Непокорныхъ они истребляли на ряду съ хищными животными, а животныхъ и людей, способныхъ къ приученію, пріучали повиноваться; человѣка они приравнивали къ животному и уничтожали идею высшаго равенства, основаннаго на самоотверженіи. Эта идея казалась имъ смѣшной и глупой, — мудрость была въ приученіи. Но, увы, оказалось, что, величаясь превосходствомъ своихъ способностей, они не поняли существа природы человѣческой. Приученіе животнаго было нормально; животное, растеніе ничего не давало человѣку безъ труда; онъ долженъ былъ ростить и кормить, чтобы пользоваться, и отсюда явился человѣкъ, трудящійся по семейному принципу самоотверженнаго равенства. Но приученный человѣкъ давалъ своему приучителю все безъ всякаго труда, кромѣ труда брать: — прелестная идея эксплуатаціи человѣка человѣкомъ росла и укоренялась. Человѣчество раздѣлилось на два слоя, на презрѣнныхъ труженниковъ и гордыхъ своимъ величіемъ и богатствомъ хищниковъ, завоевателей и правителей; на людей, подавленныхъ бѣдностью и трудомъ, и людей, утопающихъ

въ праздности и роскоши. И тутъ ученые такъ же вѣрно поняли суть исторіи человѣчества, какъ вѣрно они поняли суть прогресса въ природѣ, назвавъ ее механической силой. Они нашли, что рабство трудящихся дало господствующимъ свободное время, а свободное время породило науку и прогрессъ въ человѣчествѣ. — Нѣтъ, господа ученые, наука порождена не лѣнью и алчностью. Наука и прогрессъ плодъ труда и самоотверженнаго исканія истины. Ихъ создали босоногій Христосъ, который за свою идею пошелъ на позорную казнь распятія, Сократъ, который принялъ чашу яда отъ своихъ судей за то, что смѣло говорилъ истину, Бруно, который за науку и прогрессъ сгорѣлъ на кострѣ, Галилей, который за истину изнывалъ въ тюрьмѣ, въ то время, когда перепуганный его судьбою Декартъ жегъ ее въ своемъ кабинетѣ. Самоотверженіе и трудъ размножило въ Индіи и Китаѣ людей, какъ песокъ морской, оно же создало лучшее, что есть въ наукѣ.

Глава вторая.

Мое міровоззрѣніе (конецъ). Прибытіе въ Англію.

1.

Въ исторіи прогресса вселенной равенство, основанное на самоотверженномъ трудѣ, стало высшей ступенью развитія, а человѣкъ, какъ высшій продуктъ эволюціи міра, олицетвореннымъ его представителемъ. Въ фактической же исторіи человѣчества объ немъ нѣтъ и помину; оно на столько же изчезло изъ сознанія людей, какъ изчезло изъ сознанія клѣтокъ растенія понятіе о томъ, что они составляютъ организмъ; какъ въ органическомъ мірѣ вообще не только изчезло, но даже никогда не зарождалось убѣжденія, что они живы обмѣномъ вещества, которое взаимно одними потребляется, а другими воспроизводится. И всетаки люди жили равенствомъ, возникавшимъ изъ самоотверженнаго труда; растенія жили ра-

веществомъ работы клѣтокъ, весь органическій міръ жилъ взаимностью обмѣна вещества. Хищники сосредоточили на себя все вниманіе людей, всѣ ихъ восторги и похвалы, они составили исторію. Въ теченіе многихъ вѣковъ существованія баснословной и правдоподобной исторіи человѣчества, разсказывалась исторія хищниковъ, завоевателей, приручителей и правителей, повѣствовалось, какъ они непрерывно слагали и разлагали государства, — о человѣчествѣ окончательно позабыли. О томъ, какое мѣсто занимаетъ человѣкъ въ исторіи всемірнаго развитія, никто и не думалъ; идея высшаго равенства, достигаемаго путемъ самоотверженнаго труда, сдѣлалась идеей вполнѣ недоступной для пониманія людей — они понимали только деспотизмъ и повиновеніе и болѣе ничего. И всетаки истинная исторія человѣчества была исторія самоотверженнаго труда чреватаго высшимъ равенствомъ. Самоотверженный трудъ для семьи, для будущаго поколѣнія поддерживалъ и плодилъ людей. Истинная исторія человѣчества была исторія развитія трудолюбія и тѣхъ самоотверженныхъ чувствъ равенства, которыя побуждали труженика любить жену, дѣтей и заботиться объ нихъ. Чѣмъ болѣе рѣчь въ этой средѣ вызывала взаимности и сочувствія между людьми, тѣмъ болѣе плодились люди и тѣмъ болѣе увеличи-

валось между ними благосостояніе; но весь этотъ процессъ развитія человѣчества остался внѣ исторіи. Тѣ, кто въ нее попалъ, хищники, завоеватели, приручители и правители только деморализовали тружениковъ и вредили развитію, вредили болѣе или менѣе, но всегда вредили и болѣе ничего не дѣлали. Читайте исторію, читайте внимательно достовѣрную исторію Индіи и Китая, и вы въ этомъ вполнѣ убѣдитесь. Какъ, когда и почему развилось въ этихъ странахъ то трудолюбіе, то сочувствіе тружениковъ къ своей семьѣ, которое породило тамъ самое густое населеніе въ мірѣ, объ этомъ мы ничего не знаемъ такого, что заслуживало бы имени знанія. Но мы знаемъ прекрасно, что чѣмъ больше труженики дѣлали усилій, чтобы сдѣлать трудъ свой плодоносным, тѣмъ болѣе алчными взорами смотрѣли на нихъ со всѣхъ сторонъ хищники, завоеватели, приручители и правители. Изъ горъ и пустынь средней Азіи разбойники безконечное число разъ кидались на Индію и Китай, и вся исторія Индіи и Китая состоитъ изъ разсказовъ о томъ, какъ разбойники тамъ слагали и разлагали царства, и какъ духовенство различныхъ религій овладѣвало государями и преслѣдовало своихъ враговъ безпримѣрными жестокостями. Густота населенія поддерживалась только тѣмъ, что труженики переносили

всѣ пытки и истязанія и всетаки отказывались отдавать то, что нужно было для содержанія ихъ семействъ. Тамъ, гдѣ у нихъ не доставало для этого твердости, имъ скоро оставалось одно — дѣлаться разбойниками; царство приученія превращалось въ царство анархіи и кончалось безлюдьемъ и пустыней. Въ теченіе тысячелѣтій существованія человѣчества хищники и деспоты дѣлали все, что только можно было сдѣлать для уничтоженія идеи равенства, основаннаго на самоотверженномъ трудѣ, и все таки не могли ее уничтожить; она родилась вмѣстѣ съ человѣкомъ, и только вмѣстѣ съ человѣкомъ умретъ — человѣкъ пережить ее не можетъ, она суть его природы. Люди множились только тамъ, гдѣ трудящійся человѣкъ заботился о нуждахъ жены и дѣтей съ такимъ же усердіемъ, какъ о своихъ собственныхъ, и въ семьѣ царствовало равенство любви. Вмѣсто этого равенства любви деспоты создали идеи многоженства и тиранін. Проницательные ученые доказываютъ намъ, что равенства самоотверженной любви не существовало въ доисторическомъ человѣчествѣ, и указываютъ на дикарей. Они упустили изъ виду, что дикари потому только и остались дикарями въ теченіе столькихъ тысячелѣтій, что у нихъ чувства этого не было; ихъ населеніе потому и не увеличивалось, что отсутствіе

этого чувства мѣшало ему увеличиться. Хищники, правители и духовенство искажали и чувства семейной любви и самоотверженіе, ни гаремъ, ни монастырь не могли быть разсадниками семейной любви, а самоотверженіе должно было приносить свои жертвы высшимъ; войны требовали его въ пользу своихъ военачальниковъ, духовенство въ пользу боговъ и государей. Невѣжественному народу не у кого было научиться истиннымъ чувствамъ, они жили въ нихъ искони и создавали густое населеніе и цивилизаціи, тамъ гдѣ эти чувства жили, и дѣлали возникновеніе цивилизацій невозможными тамъ, гдѣ они отсутствовали. Этими чувствами люди жили, но проходили тысячелѣтія и они ихъ не понимали; религіи даже Будда и Христосъ не научили ихъ понимать; отъ ядовитаго дуновенія деспотизма ученіе самоотверженія одинаково исказилось и извратилось во всѣхъ вѣроученіяхъ. Подъ вліяніемъ хищниковъ и приручителей умственная жизнь высшихъ классовъ стала безплодной для развитія — жизнь плодилась только чуткими къ истинно человѣческому трудящимися массами. Но даже и тамъ, гдѣ эти трудящіеся создавали самыя благопріятныя условія для развитія высшихъ классовъ, въ Индіи, Китаѣ и т. п., интеллигенція порождала только знаменитую своей безплодностью педантскую ученость го-

сударствъ застоя. Живая интеллигенція могла явиться только въ ничтожныхъ общинахъ іоническихъ грековъ, которые превратили самоотверженныя чувства человѣка, служившія царямъ и богамъ, въ гражданскую доблесть, въ самоотверженную солидарность равныхъ гражданъ; солидарное гражданское общество становилось центромъ умственнаго развитія, вырвавшаго весь міръ изъ его оцѣпенѣнія. Ничтожная горсть людей съ ея смѣлыми, самоотверженными искателями истины освѣтила міръ своимъ сіяніемъ. Но клочекъ плодоносной земли не могъ устоять противъ запустѣнія цѣлаго міра; онъ создалъ великую идею свободы, но изумившая міръ сила энтузіазма этой идеи была подавлена и заглушена плевелами рабства и завоеванія. Впервые великій принципъ семейства и его высшаго равенства покусился разлить это чувство на цѣлыя, хотя маленькія государства, положить чувства гражданскаго равенства, солидарности и самоотверженія въ основаніе общественной жизни — создать демократію. Попытка неудалась, античная цивилизація и античная свобода погибли, не достигнувъ своей цѣли; и всетаки умственное движеніе, которое было ими вызвано, привело къ первому великому подвигу въ области сознанія равенства человѣческаго, — къ институту единоженства. Единоженство

въ томъ смыслѣ, который ему придали гуманные взгляды нашей цивилизаціи, вполнѣ воплотило собою идею равенства на основаніи взаимной любви и самоотверженнаго труда для семейства. То, что высшіе классы обществъ застоя помѣшали людямъ понять, было наконецъ понято. Наступилъ XVIII^{й} вѣкъ и началось то, что до того времени еще никогда не бывало: люди задумали сбросить съ себя тьму безсознательной жизни и начать сознательную; они поняли все зло инстинктивнаго, тупаго повиновенія и захотѣли сознательно понять призваніе человѣка среди всемірнаго прогресса. Идеѣ этого повиновенія они противупоставили идею солидарной, сознательной жизни общества — идею свободы. — Чѣмъ дальше они шли по этому пути, тѣмъ шире развивалась передъ ними идея солидарности человѣческой и тѣмъ болѣе сливалась съ идеей равенства. Идея труда получила новое и великое значеніе. Человѣкъ зналъ до сихъ поръ трудъ, который создавалъ безсознательную солидарность между нимъ и растеніями, которыя онъ воздѣлывалъ, и животными, которыхъ онъ кормилъ; онъ зналъ трудъ, который создавалъ сознательную солидарность между нимъ и его семействомъ; теперь онъ долженъ былъ узнать совсѣмъ новый для него трудъ: трудъ, который долженъ былъ создать сознательную об-

щественную солидарность. Убѣдившись въ несогласимости инстинктивной организаціи, основанной на тупомъ, скотскомъ повиновеніи, съ природой развивающагося человѣка онъ создалъ конституціонное государство, чтобы вызвать сознательную дѣятельность общества во имя общественнаго блага. Ему нужны были тысячелѣтія, терявшіяся за туманомъ доисторической жизни, чтобы дойти до этой идеи; но за тѣмъ ему сравнительно весьма немногихъ лѣтъ было достаточно, чтобы постигнуть невозможность истинной солидарности безъ равенства политическихъ правъ; онъ очень быстро создалъ и сталъ осуществлять идею всеобщей подачи голосовъ.

2.

Кричали, что послѣ этого все дѣло кончено, что народъ получилъ все и что ему больше ничего не оставалось желать; а оказалось, что оно только начато, что теперь только народу открылась возможность работать для равенства. Передъ нимъ лежалъ путь труда, о которомъ онъ до сихъ поръ не имѣлъ и тѣни понятія. Сравнительно съ новой, созданной для него задачей, прежняя его работа,

работа, изнурявшая всѣ его силы, была трудомъ легчайшимъ; въ новомъ своемъ положеніи онъ сдѣлался игрушкой интригантовъ и обманщиковъ на столько тонкихъ, на столько превосходящихъ его умственными силами, знаніемъ и образованіемъ, что они могли его свести съ ума и довести до отчаянья своими ходами и выходами. Ему пришлось убѣдиться, что не достигнуть ему ни равенства, ни благополучія безъ образованія, что равенство политическихъ правъ не дастъ и не можетъ ему дать то, что ему неизбѣжно необходимо, пока онъ не будетъ обладать равенствомъ образованія. Въ теченіе многихъ тысячъ лѣтъ онъ только работалъ, теперь ему пришлось и работать и учиться въ одно и тоже время, много учиться; до сихъ поръ онъ зналъ только, какъ трудно работать, теперь ему пришлось узнать, какъ трудно учиться. Заботились не о томъ, чтобы онъ узналъ все, что ему нужно, а о томъ, чтобы онъ этого не узналъ; до всего ему пришлось доходить собственнымъ умомъ. Онъ думалъ, что теперь ему останется только наслаждаться и господствовать, а оказалось, что онъ открылъ себѣ путь не къ наслажденію, а къ новому труду, къ труду, который требуетъ отъ него новой, неизвѣстной дотолѣ силы — силы развитаго ума. Онъ еще ни въ чемъ и нисколько не приспосо-

бился на новомъ для него политическомъ поприщѣ; поминутно ему приходилось разыгрывать изъ себя дурака, которымъ вертятъ и котораго водятъ за носъ; а передъ нимъ открылось новое поприще, еще болѣе трудное — поприще соціальныхъ организацій. На политическомъ поприщѣ онъ призывался къ распоряженію старыми уже установившимися организаціями, на соціальномъ ему пришлось изобрѣтать новыя, не бывалыя. До сихъ поръ онъ голодалъ, когда его раззоряли, теперь ему пришлось въ стачкахъ морить съ голоду и себя и свою семью для того, чтобы его не раззорили. И всетаки было слишкомъ ясно, что онъ не достигнетъ своей цѣли ни политической организаціей, ни той, которая заставляетъ его голодать для своего спасенія. Соціальныя организаціи цѣликомъ остаются въ распоряженіи его повелителей, они цѣликомъ основаны на повиновеніи и произвольномъ распоряженіи. Распорядители заставляютъ работать, какъ имъ нужно, и назначаютъ на произведенія цѣны, какія для нихъ удобны; они берутъ себѣ богатство, наслажденіе и праздность, а другимъ оставляютъ трудъ и лишенія. Богатство передаетъ въ ихъ руки политическую власть, власть науки, власть идей, и помѣшать этому труженикъ не въ состояніи. Ему остается одинъ путь про-

гресса, первый, великій шагъ къ равенству — замѣнить ихъ собою, превратить инстинктивныя организаціи въ сознательныя. Но это такой великій трудъ, онъ требуетъ столько работы, умѣнья и знанія, что труженикъ за него и приниматься еще не осмѣливался; у него даже и идеи и плана для совершенія этого подвига не рождалось; онъ и представить себѣ не можетъ, что между людьми можетъ быть такой же обмѣнъ труда, такое же свободное обращеніе его произведеній, какъ внутри организма. Въ этой сферѣ у него вмѣсто идей рождались одни волшебные сны безоблачнаго счастья. Послѣ всего этого всетаки еще останется разрѣшеніе величайшей изъ задачъ: задачи замѣны чувствъ животно-хищническихъ чувствами человѣчески самоотверженными. Вопросъ объ организаціи труда, вопросъ о тѣхъ, кто можетъ трудиться и защищаться, кому не достаетъ только умѣнья и знанія, чтобы замѣнить повиновеніе самодѣятельностью, однимъ словомъ тотъ вопросъ, который теперь разрѣшается, и легкій и второстепенный сравнительно съ вопросомъ будущаго, съ вопросомъ о тѣхъ, которые не могутъ ни защищаться, ни питаться самостоятельно, ни давать себѣ воспитанія; а между тѣмъ это капитальнѣйшій изъ вопросовъ, это вопросъ о нормальномъ развитіи будущихъ

поколѣній. Малосемейные и многосемейные могутъ производить столько же для удовлетворенія человѣческихъ потребностей, а между тѣмъ на счетъ цѣны этихъ произведеній многосемейный долженъ кормить, содержать и воспитать въ шесть, восемь, десять разъ болѣе людей, чѣмъ безсемейный. Статистика показываетъ, что многосемейные составляютъ меньшинство людей, а кормятъ и воспитываютъ значительное большинство дѣтей; мало этого, если мать большаго семейства работаетъ для промышленности, то ея дѣти должны погибать. Вопросъ о будущемъ поколѣніи находится въ самыхъ ненормальныхъ условіяхъ, въ которыхъ онъ только можетъ находиться. Онъ не подвинулся и на воробьиный шагъ, не вышелъ изъ того зачаточнаго состоянія, въ которомъ онъ находился еще въ тѣ времена, когда не было помину объ исторіи. А между тѣмъ человѣкъ до тѣхъ поръ не будетъ достоинъ имени человѣка, пока онъ его не разрѣшитъ, пока дѣти не будутъ получать равнаго питанія, содержанія и воспитанія, такъ, чтобы каждый ребенокъ могъ развить и свои силы и свои способности на столько, на сколько онѣ могутъ быть развиты. Общество человѣческое не отвѣтственно за взрослаго мужчину, каждый мужъ отвѣчаетъ самъ за себя; этого требуетъ его человѣческое достоинство; желаніе

сложить съ себя эту отвѣтственность малодушіе и преступленіе; но за наростающее поколѣніе отвѣтственно общество; бездушно и гнусно съ его стороны слагать съ себя эту отвѣтственность. Стоитъ вникнуть въ существо природы человѣческой, чтобы убѣдиться, что и человѣкъ, и общество съумѣютъ выполнить эту лежащую на нихъ обязанность; имъ стоитъ только сознать и прочувствовать ее какъ слѣдуетъ, и они дѣло это сдѣлаютъ.

3.

Годы разработывалъ я это міровоззрѣніе; прежде, чѣмъ оно сложилось въ моей головѣ въ окончательной своей формѣ, прошло болѣе пятнадцати лѣтъ. Когда я наконецъ рѣшился изложить его на бумагѣ, мнѣ пришлось убѣдиться, что я не имѣю выбора; — я долженъ изложить его окончательно, отказавшись отъ всякой надежды отпечатать его въ Россіи; иначе искаженія будутъ такъ велики, что и приниматься за дѣло не стоитъ. Я работалъ самымъ усердымъ образомъ нѣсколько лѣтъ и я годъ тому назадъ выѣхалъ изъ Россіи, чтобы отпечатать его за границей, что испол-

шилъ въ формѣ книги подъ заглавіемъ: „Азбука соціальныхъ наукъ.“ — До сего времени я не бывалъ за границей, положеніе мое было таково, что мнѣ не оставалось другаго выбора; я долженъ былъ или оставаться в Россіи, или эмигрировать; но я не хотѣлъ покидать мое отечество навсегда, а потом оставался. Теперь я въ Англіи, и вотъ я снова начинающій писатель, какъ былъ всю жизнь. Съ сѣдой бородой и съ посѣдѣвшими волосами я начинающій писатель, я снова должень пробивать себѣ дорогу и притомъ въ такихъ условіяхъ, которыя представляютъ болѣе затрудненій, чѣмъ тѣ, которыя мнѣ въ сихъ поръ приходилось испытывать. Я въ странѣ, гдѣ меня никто не знаетъ, гдѣ я не имѣю ни связей, ни корней, гдѣ не говорятъ на моемъ родномъ языкѣ, а говорятъ на такомъ, на которомъ я въ жизни своей не говорилъ. Что то будетъ? — Новое положеніе принесло съ собою новую скорбь. Теперь я только оцѣнилъ во всемъ его объемѣ то зло, которое причинялъ деспотизмъ моей родинѣ, и научился его ненавидѣть такъ, какъ онъ этого заслуживаетъ. Я усердно изучалъ западную цивилизацію, но мнѣ не доставало непосредственнаго ощущенія отъ ея соприкосновенія. Первое ощущеніе, которое я получилъ, когда я вышелъ на землю, въ странѣ цивилизо-

ваннаго народа въ Марселѣ, было сознаніе свободы и безопасности, и съ того времени это сознаніе не оставляетъ меня. Живя въ Швейцаріи, въ Англіи, я каждую минуту чувствую, что я могу здѣсь думать, какъ я хочу, говорить, что я хочу, и дѣлать, что мнѣ вздумается; — мнѣ кажется, что я вырвался изъ разбойничьей ямы и попалъ въ среду честныхъ людей, гдѣ я могу спать въ полной безопасности. Мало этого, я убѣдился, что, если здѣсь большинство всей массы народа цивилизованнѣе большинства тѣхъ, которые называютъ себя у насъ образованными людьми, — если ихъ потребности, и матеріальныя и духовныя, лучше удовлетворены, то это происходитъ отъ того, что каждый здѣсь чувствуетъ себя именно такъ, какъ я себя почувствовалъ, когда сталъ жить въ Женевѣ и Лондонѣ. Я читалъ не мало и о митингахъ и о газетахъ, зналъ число экземпляровъ, въ которыхъ онѣ расходятся, но мнѣ нужно было увидѣть, чтобы понять всю силу умственнаго развитія, которое они порождаютъ. Въ политическомъ отношеніи рабочій народъ здѣсь менѣе грубъ, чѣмъ нашъ императоръ, наши государственные люди, а за ними и вся масса образованнаго общества. Наши дипломаты прекрасно усвоили себѣ внѣшность цивилизаціи, они ведутъ себя въ европейскихъ салонахъ хоть куда, а ихъ

политическія чувства и взгляды вполнѣ грубо азіятскія, и они тутъ стоятъ несомнѣнно ниже лондонскаго простолюдина. На западѣ всегда шла и теперь идетъ жестокая борьба, самые рѣзкіе борцы ненавидятся и преслѣдуются, кричатъ, что они погубятъ общество; преслѣдовались религіозные вольнодумцы, потомъ революціонеры, за ними соціалисты, теперь анархисты. Стоитъ вникнуть въ дѣло, чтобы понять, что всѣ эти явленія были неизбѣжнымъ послѣдствіемъ свободы умственнаго движенія и развитія народнаго образованія. И вотъ оказалось, что они не только не погубили общества, но что, благодаря умственному движенію массы, изъ грубыхъ сдѣлались цивилизованными и дали и высшимъ классамъ образъ человѣческій. Вездѣ цивилизація народныхъ массъ началась съ уничтоженіемъ неограниченныхъ монархій, благосостояніе массъ пропорціонально древности ихъ свободы, англичане первые, за ними французы, нѣмцы недавно присоединились, австрійцы, итальянцы ковыляютъ сзади. Русскіе и турки до сихъ поръ остаются дикарями, ихъ правителей нельзя и людьми назвать, — это звѣри, въ душѣ у которыхъ нѣтъ и слѣда цивилизованныхъ чувствъ; ихъ образованное общество знаетъ и пишетъ о цивилизованномъ обществѣ, но въ немъ нѣтъ и слѣда той энергіи, пониманія и

чувства, которыя создаютъ цивилизацiи. Бѣдная, злополучная моя родина, злосчастный народъ, надъ которымъ императорскiй домъ виситъ какъ вѣчная грозовая туча, избивающая всѣ начинанiя честныхъ помысловъ и честнаго труда! Самое воспитанiе императоровъ не дозволяетъ имъ быть ничѣмъ другимъ, кромѣ тирановъ. Если императоры всю свою жизнь заботятся объ одномъ, какъ бы помѣшать народу сдѣлаться образованнымъ, и воздвигаютъ гоненiе на образованiе по всякому случаю и по всякому поводу, то съ другой стороны государственные люди прежде всего и болѣе всего заботятся о томъ, чтобы на престолъ не могъ взойти императоръ, получившiй современное образованiе и понимающiй современныя идеи; онъ долженъ быть невѣжда, котораго легко держать въ рукахъ и которымъ легко управлять. Когда старшiй братъ Александра IIIго былъ наслѣдникомъ престола и пожелалъ познакомиться съ англiйской конституцiей, тогда Строгановъ далъ инструкцiю его учителю, нынѣ редактору „Вѣстника Европы“ Стасюлевичу, знакомить его съ этой конституцiей по Деметру. Побѣдоносцевъ, учитель Александра IIIго, былъ образованный и либеральный человѣкъ, но изъ честолюбiя и желая угодить государственнымъ людямъ, онъ

изуродовалъ и своего ученика и самого себя. Цѣли своей онъ достигъ; теперь онъ министръ, но изъ Александра IIIго онъ сдѣлалъ бичъ просвѣщенія и своей родины. Что можетъ ждать мое отечество при такомъ условіи его жизни?!

Послѣднее Слово.

Смерть Александра IIIго.

Александръ IIIій умеръ, и его смерть едва ли не интереснѣе и не типичнѣе всего его царствованія. Изъ описанныхъ трехъ императоровъ два, Николай и Александръ IIIій, представляютъ изъ себя самые чистые типы человѣческихъ характеровъ, вырабатываемыхъ самовластіемъ. Они не были похожи на деспотовъ, богато одаренныхъ способностями и энергіей въ родѣ Чингисхана, Тамерлана, Ассоки или Ауренгцеба — эти принадлежатъ къ разряду Наполеоновъ или Александровъ македонскихъ, увлеченныхъ своей славой; ихъ нельзя также сравнивать съ окончательными выродками деспотизма, въ родѣ Нерона, Камбиза, Людовика XVго, въ которыхъ ничего не осталось, кромѣ животной жестокости, кровожадности или низости характера — эти уже

субъекты психіатріи. Николай и Александръ IIIій принадлежатъ къ тому разряду, къ которому относятся Тиверій и Филиппъ IIой испанскій; это деспоты, которые видятъ въ деспотизмѣ спасеніе человѣчества отъ всѣхъ бѣдствій, а въ себѣ людей, призванныхъ довести этотъ деспотизмъ до идеала т. е. превратить все государство въ машину, которая дѣйствовала бы по импульсу одного человѣка т. е. своего государя точно такъ же, какъ міръ дѣйствуетъ по импульсу единаго бога. Замѣчательно, что и у того и у другаго самымъ поразительнымъ моментомъ ихъ царствованія была минута развязки т. е. моментъ ихъ смерти. Въ Николаѣ увѣренность въ значеніи роли деспотизма и въ своемъ призваніи была гораздо интенсивнѣе, чѣмъ въ Александрѣ IIмъ. На мелкихъ деспотовъ Европы, которыхъ было тогда такъ много, онъ смотрѣлъ покровительственно, приблизительно какъ отецъ на своихъ дѣтей. Наполеонъ IIIій въ его глазахъ былъ блудный сынъ, который стремится исправиться, онъ относился къ нему высокомѣрно покровительственно, считалъ себя въ правѣ читать ему наставленія — порицалъ его напр. за конфискацію имуществъ Людовика Филиппа. Изъ министровъ своихъ онъ однихъ, напр. Гр. Блудова, Графа Киселева, считалъ не твердыми въ своихъ убѣжденіяхъ и нуждаю-

щимися въ наблюденіи за ними и въ направленіи съ его стороны, другихъ, Кн. Чернышева, Вронченко, Буткова, постигшими суть дѣла и понимающими, что вся ихъ задача заключается въ безпредѣльной преданности и умѣломъ повиновеніи. Такимъ образомъ онъ въ воображеніи своемъ царилъ не только надъ Россіей, но и надъ всей Европой. Когда наступила севастопольская война, съ его глазъ стала спадать завѣса. Еще тогда, когда ни одного, ни французскаго, ни англійскаго солдата не было на русской землѣ, когда русскія войска вступили въ турецкіе предѣлы и осадили Силистрію, онъ вдругъ почувствовалъ, что совладать съ этимъ дѣломъ ему одному было не подъ силу. Въ былыя времена онъ иногда писалъ Метерниху такія письма, что могло показаться, что онъ относится къ нему, какъ равный къ равному, но это была хитрость дипломата, которая отнюдь не побуждала его отступаться отъ своего высокомѣрнаго самомнѣнія. Когда онъ писалъ эти строки, онъ былъ по прежнему убѣжденъ, что въ Европѣ нѣтъ государя, который бы обладалъ такой безпредѣльностью власти и который стоялъ бы такъ высоко надъ своими подданными, какъ онъ. Всѣ до одного должны ему завидовать и до извѣстной степени преклоняться передъ его величіемъ. Теперь онъ

вдругъ почувствовалъ, что онъ опускается съ своей недоступной высоты; къ военнымъ проэктамъ Гр. Панина онъ, конечно, могъ относиться съ прежнимъ высокомѣріемъ, но съ Гр. Паскевичемъ напр. онъ чувствовалъ, что онъ невольно принимаетъ товарищескій тонъ и разговариваетъ съ нимъ, какъ равный съ равнымъ, когда онъ писалъ ему о „нашихъ затрудненіяхъ“. Онъ, Николай, который считалъ величайшей честью для своего министра, когда онъ ему говорилъ высокомѣрное „ты“, — а тотъ отвѣчалъ ему униженнымъ „ваше величество“, — этотъ Николай палъ такъ низко, что долженъ былъ относиться къ своимъ совѣтникамъ, какъ къ товарищамъ. Онъ то бѣсился и негодовалъ, то снова смирялся. Вдругъ сцена стала раскрываться шире и передъ нимъ развернулась такая картина, которая его окончательно ошеломила. Въ то время, когда онъ виталъ въ заоблачныхъ сферахъ своего воображаемаго величія и безжалостно подавлялъ въ своей странѣ умственное движеніе, какъ вещь вредную, Европа общими усиліями всѣхъ умовъ развивала свою цивилизацію и ея ресурсы и теперь внезапно явилась передъ нимъ во всеоружіи своей интеллигенціи. Онъ былъ жалокъ и ничтоженъ сравнительно съ этимъ грандіознымъ образомъ. Куда укроется онъ отъ этого ужаснаго сознанія

постигшаго его разочарованія, зачѣмъ онъ похищалъ этотъ престолъ, который доставилъ ему минуту такого безпредѣльнаго страданія?! У него осталось одно желаніе — смерть, и загорѣвшаяся въ его груди пытка, которая была сильнѣе его, сильнѣе всего, что онъ могъ себѣ представить, неумолимо влекла его къ этому исходу. Онъ съ докторомъ своимъ разыгралъ сцену, которая такъ живо напоминала сцену между Макбетомъ и его докторомъ въ минуту его паденія, что если бы не было извѣстно, что Шекспиръ жилъ три столѣтія тому назадъ, то можно было бы подумать, что онъ списалъ ее съ Николая. Онъ разыгралъ эту сцену и умеръ желтый и зеленый отъ разлившейся у него желчи. Никто не хотѣлъ вѣрить, что онъ умеръ естественной смертью, слухъ объ отравѣ охватилъ всѣ умы, народъ толпою собрался передъ зимнимъ дворцомъ и шумно требовалъ отвѣта.

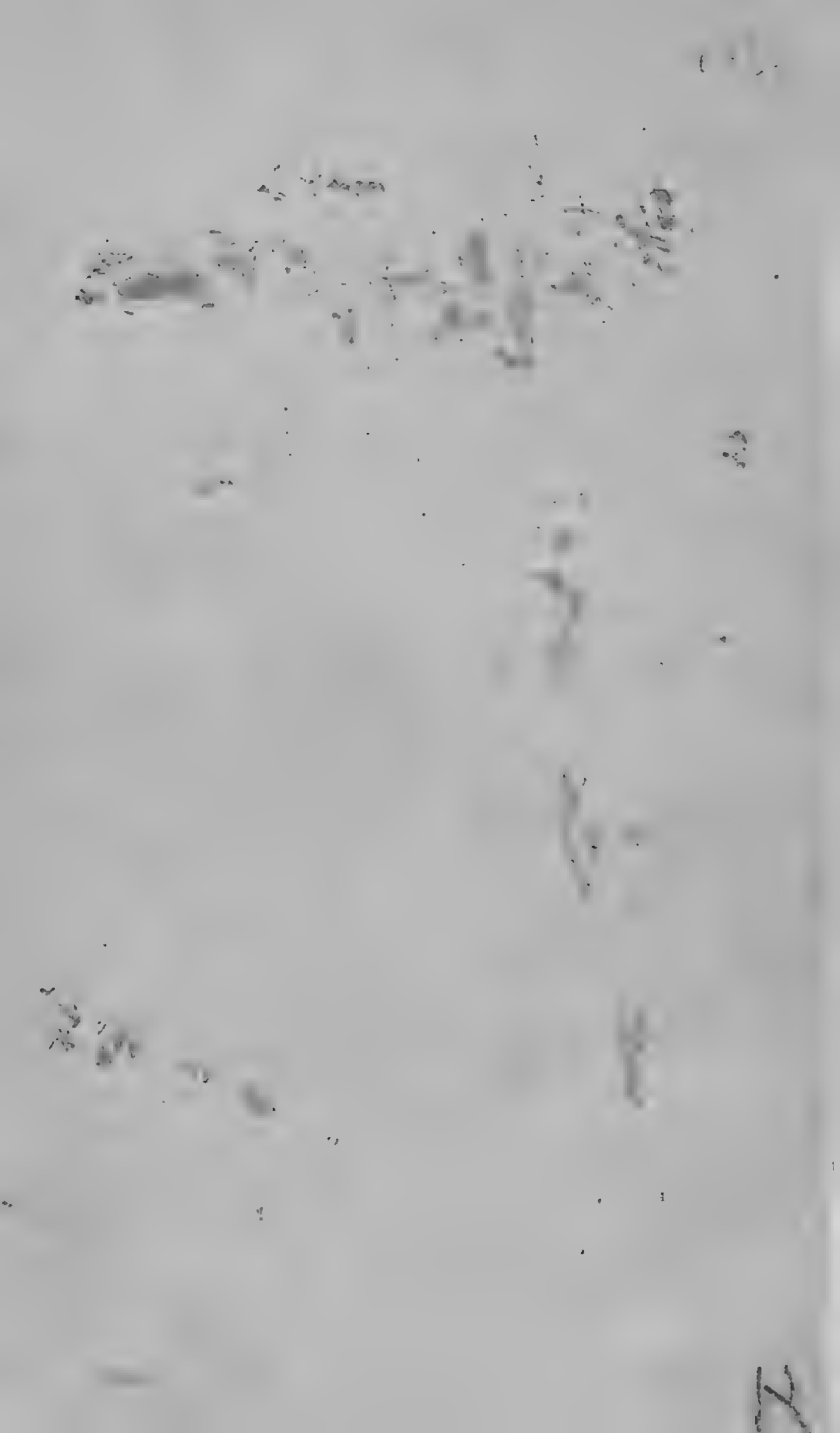
У Александра III-го при вступленіи на престолъ не было никакого убѣжденія въ своемъ призваніи осуществить идею деспотизма. Имъ владѣлъ одинъ страхъ за свою жизнь и несносное сознаніе опасности своего положенія; въ своихъ дворцахъ онъ жилъ какъ преступникъ въ тюрьмѣ, которому грозитъ тайная отрава. Онъ ухватился за деспотизмъ, какъ за якорь спасенія, но ежеминутно боялся, что

почва можетъ провалиться подъ его ногами. Только постепенно и мало по малу онъ дѣлался убѣжденнымъ деспотомъ, такимъ деспотомъ, какимъ былъ Тиверій; одинаковость положенія создала въ нихъ схожее душевное настроеніе. Онъ боялся людей, которые могли бы разрушить его вѣру въ деспотизмъ, которые могли бы поколебать растущее въ немъ убѣжденіе, что въ деспотизмѣ спасеніе не только для него, но и для всей Россіи; такіе люди отымали у него душевный покой, ихъ видъ мучилъ его. Онъ чувствовалъ, что онъ только тогда будетъ спокоенъ, когда онъ будетъ окруженъ безпредѣльно преданными людьми, которые будутъ вѣрить въ него, какъ вѣрятъ въ Бога; только тогда мрачная сфера подпольной опасности окончательно исчезнетъ у него изъ виду. Онъ жестоко завидовалъ дѣду своему, всю жизнь имѣвшему ту обстановку изъ преданныхъ слугъ, о которой онъ мечталъ съ такимъ вожделѣніемъ. Онъ съ возрастающей жадностью стремился все покорить себѣ, царить надъ всѣмъ не только по праву, но духовно; въ этомъ страстномъ стремленіи онъ далеко превзошелъ Николая. Но за то же онъ никогда не могъ достигнуть самоувѣренности своего дѣда. Передъ нимъ лежалъ прецедентъ жалкаго конца, полнаго фіаско, которое сдѣлало изъ Николая близорукую посредственность,

всю жизнь губившую своихъ подданныхъ вмѣсто того, чтобы сдѣлать изъ него героя. Этотъ ужасный прецедентъ онъ никакимъ образомъ не могъ вытравить изъ себя — онъ отравлялъ ему жизнь. Вмѣсто николаевскихъ невѣждъ онъ старался выбирать себѣ интеллигентныхъ министровъ, но всегда чувствовалъ, что этого недостаточно; — опасеніе, что и его постигнетъ такое же фіаско, никогда не оставляло его. Иностранной политики онъ инстинктивно боялся, ему и въ мысль не могла прійти николаевская идея показать Европѣ, что она должна преклониться передъ его величіемъ; онъ былъ радъ, если можно было уклониться отъ международнаго дѣйствія безъ ущерба и униженія. Не смотря на его робкую иностранную политику, деспотическій духъ укоренялся въ немъ. Лишь только попытка настаивать на своей деспотической власти удалась ему, онъ съ увлеченіемъ пошелъ по этому пути, путь этотъ слишкомъ соблазнителенъ для всякаго неограниченнаго монарха. Все шло своимъ порядкомъ, какъ у всякаго деспота, который дѣлается тѣмъ болѣе самовластнымъ и упрямымъ, чѣмъ больше онъ живетъ, такъ сказать, деревенѣетъ въ своемъ деспотизмѣ. Но вотъ случился инцидентъ: крушеніе царскаго поѣзда. Причина этого крушенія такъ-таки и осталась неизвѣстной.

Оно, впрочемъ, могло объясняться только двумя способами. Одно изъ двухъ: крушеніе могло быть актомъ такого же подпольнаго терроризма, отъ какого погибъ Александръ II. Фактъ не былъ доказанъ, но подозрѣнія существовали. Но разъ это была бы правда, то вся его самоувѣренность должна бы исчезнуть вмѣстѣ съ этимъ; его система слѣдовательно не дала успокоенія Россіи, спокойствіе было только кажущееся — внутри вулканъ. — Другимъ объясненіемъ была его глупость, развившаяся въ немъ вмѣстѣ съ самовластнымъ упрямствомъ. Согласиться, что онъ по глупости и капризу безъ всякой нужды произвелъ такое несчастіе, искалѣчилъ столько народу и свое семейство, значило дать себѣ, своему деспотизму, своей системѣ такую полновѣсную оплеуху, которая покрывала ихъ безвозвратнымъ позоромъ. Можетъ ли человѣкъ настолько недальновидный и нелѣпый, одинъ возвышаясь надъ всѣми, управлять государствомъ не только по праву, но и духовно и всѣмъ указывать истинный путь? Онъ сдѣлался уже на столько гордымъ, что долженъ былъ склоняться къ первому объясненію; оно одно могло послужить ему оправданіемъ. Но это дѣлало его тѣмъ болѣе мрачнымъ и подозрительнымъ деспотомъ, чѣмъ искусственнѣе онъ долженъ былъ послѣ этого

аргументировать, чтобы поддерживать свою идею благодѣтельнаго деспотизма. Онъ поддерживалъ ее во что бы то ни стало, наперекоръ всему и всѣмъ, и съ каждымъ днемъ все болѣе походилъ на Тиверія съ его подозрительностью и душевными муками. Мысль найти человѣка, который бы обезпечилъ ему личную безопасность, превратилась у него въ манію. Онъ сталъ страдать тѣмъ самымъ болѣзненнымъ напряженіемъ нервовъ, которыми страдали и Муравьевъ и Гр. Толстой. Такіе люди сами пожираютъ себя, свое здоровіе и свою жизнь. Какъ Муравьевъ и Толстой, онъ съ каждымъ днемъ дѣлался все болѣе невыносимымъ для преданныхъ своихъ слугъ. Онъ давилъ всѣхъ, какъ кошмаръ, порождалъ во всѣхъ страстное желаніе избавиться отъ него и чувствовалъ это. Наконецъ наступила всѣми желанная минута, тяжкое, придавливающее къ землѣ иго можно было сбросить подъ предлогомъ его болѣзни, требующей удаленія его отъ дѣлъ. Предлогъ былъ восхитительный, можно было умолять его со всѣмъ пыломъ безпредѣльной преданности и любви, сохранить свое безцѣнное здоровіе для блага облагодѣтельствованнаго имъ отечества. Онъ, разумѣется, не вѣрилъ всѣмъ этимъ баснямъ, и менѣе всего онъ вѣрилъ въ необходимость отказаться отъ власти. Но дѣло дѣлалось какъ то помимо его и онъ

очутился среди лѣсовъ и болотъ, гдѣ когда то полудикій Ягайло охотился за дичью. Теперь передъ нимъ раскрылась перспектива, грозящая всякому деспоту: онъ волочилъ не сносное существованіе всякаго деспота между серальнымъ переворотомъ и убійствомъ людьми изъ народа. Сюда забросила его, какъ въ ссылку, та невидимая сила, которая уже давно привыкла свергать императоровъ и предавать ихъ смерти. Онъ долго и много страдалъ отъ страха убійцы изъ народа, еще недавно основательность страха получила поразительное подтвержденіе, но теперь передъ нимъ былъ другой страхъ, несравненно болѣе неотвратимый. Изъ кого состояла эта кучка людей, которая столько разъ безнаказанно низвергала и умерщвляла государей? Что это была кучка людей и не больше, ничтожное число, сравнительно съ много, милліоннымъ русскимъ населеніемъ, не подлежало ни какому сомнѣнію, но изъ кого же она состояла? — отъ чего она была такъ неотразима? — Безплодные вопросы — эта ужасная тѣнь, которая теперь стояла надъ нимъ, была прямымъ послѣдствіемъ той самой системы безпредѣльнаго деспотизма, которую онъ такъ усердно водворялъ. Онъ самъ поставилъ себя лицомъ къ лицу съ нею. Онъ припоминалъ рядъ своихъ позорно погибшихъ предшественниковъ, онъ припоминалъ

дѣла своего Константина, и убѣждался, что бороться съ этой тѣнью безплодно — ей надо только покоряться. Какъ утопающій за соломенку, онъ хватался за послѣдніе остатки власти, которые сохранились въ его рукахъ, а за тѣмъ покорялся, какъ покорялся Константинъ. Если бы у него въ это время было желѣзное здоровіе, то и то бы разрушилось такъ же быстро, какъ разрушилось здоровіе Николая и Константина, когда надъ ними поднялась гроза. Всѣ эти планы перемѣщенія изъ мѣста въ мѣсто и наконецъ за границу Россіи могли только ускорить смертельный исходъ вмѣсто того, чтобы задержать его. Онъ погибалъ, но погибая онъ продолжалъ волноваться съ тѣмъ неискоренимымъ упрямствомъ, которое взростило въ немъ самовластіе; онъ дѣлалъ отчаянныя усилія, чтобы сохранить свою систему и влить деспотическій ядъ въ душу своего наслѣдника. Онъ умеръ съ проклятіемъ въ сердцѣ и съ бѣшенствомъ безсилія въ груди.